

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
СТО путей
СТО дорог

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

О памятных местах России, связанных с жизнью и творчеством великого русского поэта, рассказывает эта книга.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

СТО путей
СТО дорог

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Путеводитель

МОСКВА · ПРОФИЗДАТ · 1984

Путеводитель подготовлен авторским коллективом. В его составе: заместитель директора Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Михайловском *В. С. Бозырев* (глава «Псковский край»); старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина *Н. М. Волович* (глава «Москва и Подмосковье»); научный сотрудник Музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Большое Болдино *Т. Н. Кезина* (глава «Болдинская земля»); литературовед *Л. Ф. Керцелли* (глава «Верхневолжье»); заведующая мемориальным Музеем-квартирой А. С. Пушкина *Н. И. Попова* (глава «Ленинград и его пригороды»); заведующая сектором Государственного музея А. С. Пушкина *Н. А. Тархова* (глава «По пугачевским местам Поволжья и Урала»); главный инспектор управления Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС *Л. П. Филиппова* (глава «К сведению туристов»).

Предисловие академика *Д. С. Лихачева*.

Рецензенты: заместитель директора Всесоюзного музея А. С. Пушкина *А. И. Минина*; заведующая отделом Государственного музея А. С. Пушкина *С. Т. Овчинникова*; искусствовед *В. С. Попов*; кандидат филологических наук старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР *С. А. Фомичев*.

СОДЕРЖАНИЕ

- МУЗЫ НЕ УМИРАЮТ ... 6
МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
Пушкин-москвич 12
Экскурсия по пушкинским местам
столицы 30
    От Бауманской улицы до улицы
    Кирова 31
    В центре города 41
    От Пушкинской площади до про-
    спекта Маркса 46
    В районе Бульварного кольца 53
    Кропоткинская улица и старый
    Арбат 65
Пушкинские места Подмосковья 74
    Захарово и Большие Вязёмы 74
    Остафьево 76
    Архангельское 77
    Ярополец 78
    Черная Грязь 79
ЛЕНИНГРАД И ЕГО ПРИГОРОДЫ
Пушкин в Петербурге 82
Маршруты пушкинского
Петербурга 127
    Вдоль Фонтанки 127
    Невский проспект 129
    Набережные Невы 135
    Вдоль Мойки 138
Пушкинские места пригородов
Ленинграда 146
    Город Пушкин (Царское
    Село) 147
    Приютино 153
    Выра 153
ПСКОВСКИЙ КРАЙ
Из истории пушкинских мест 156
Пушкин в Михайловском 161
Михайловское 171
    Михайловские роши 171
    Усадьба 173
    Дом-музей А. С. Пушкина 178
    Домик няни 186
    Михайловский парк 189
Савкино 192
Тригорское 193
Воронич 201
Петровское 203
Святогорский монастырь-музей 205
Всесоюзный пушкинский праздник
поэзии 212
ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ
Пушкинские места Тверского
края 216
    Тверь 220
    Торжок 224
    Митино, Прутня 231
    Грузины 235
    Берново, Малинники,
    Павловское 238
    Старица 248
БОЛДИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Нижегородское имение
Пушкиных 254
Пушкин в Болдине 256
Музей-заповедник А. С. Пушкина
в Болдине 265
Дом-музей А. С. Пушкина 266
Вотчинная контора 269
Усадебный парк 271
Роща «Лучинник» 272
Львовка 276
Малое Болдино 276
Кистенево 277
Апраксино 278
Черновское 278
ПО ПУГАЧЕВСКИМ МЕСТАМ
ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
Нижний Новгород 284
Казань 290
Симбирск 297
Оренбург 301
Уральск 306
К СВЕДЕНИЮ ТУРИСТОВ
Туристские учреждения и
маршруты 312
Музеи А. С. Пушкина 315
Рекомендуемая литература 316
Указатель географических
названий 318

МУЗЫ НЕ УМИРАЮТ...

Память, поэт, муза... Сколько близких понятий и слов связано с этими словами, и в какие знакомые словосочетания они входят.

Память – памятник. Поэт – поэзия. Муза – музей. А далее: памятные музеи, поэтические памятники и просто – поэзия прошлого, поэзия местности.

Поэт населяет мир музами. Не случайно город Пушкин называют городом муз. Это город удивительной поэтической силы, город, рождающий поэтов, притягивающий их к себе.

Прекрасное в мире растет безмерно, когда мы осознаем, какие поэтические произведения связаны с теми или иными местами, домами, садами, свидетелями чего они являлись...

Когда едешь из Пскова в Пушкинские Горы по ровной и унылой местности, никак не ожидаешь, что попадешь в край необычайной красоты. Красота как бы вздымает местность отлогими холмами, разливаются озерами – Маленец, Кучане, течет Соротью, окружает их вековыми рощами – и

не быть здесь Михайловскому, Тригорскому, Петровскому просто невозможно. Поэзия как гигантская подземная сила, сила добрая и человеческая, возвеличивает эти пушкинские места, омывает их и освящает.

И это не субъективное ощущение. Поэзия – реальность, ничуть не меньшая, чем все памятники, которые мы видим в любом из пушкинских мест – Москве, Петербурге–Ленинграде, Болдине или бывшей Тверской губернии.

Поэтические памятники той или иной местности позволяют лучше понять поэзию, а поэзия, в свою очередь, умножает, учетверяет красоту родных нам мест. Именно учетверяет, ибо прошлое, особенно поэтическое прошлое, – это четвертое измерение видимого нами мира.

Минувшее объемлет нас в пушкинских местах, и кажется, что только вчера бродил здесь Пушкин.

И мы откликаемся на призыв поэта:

*... Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он:
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я...*

В самом деле. Города, села, сады и парки, реки и озера, рощи и луга имеют четвертое измерение – измерение во времени, открывающееся

нам памятью культуры, памятью о прошлом, особенно интенсивно – памятью о поэтическом прошлом.

Дом в трех измерениях, воспринятый в его настоящем, может быть красив или некрасив, весел или мрачен, удобен или неудобен. Все это определяется без особых знаний его истории: посмотрели, зашли и определили. Если зашедший к тому же и архитектор, он сделает то же самое, но точнее, обстоятельнее. Однако целый мир предстанет перед нами, когда мы откроем для себя историю дома, историю местности, историю обитателей, историю произведений, здесь написанных. Зная историю всесторонне, мы воспринимаем окружающее не как застывшее, одноmomentно возникшее перед нами, а в его движении к нам. Наша современность предстает перед нами как динамический мир, движущийся к нам из прошлого, обнимающий нас, пробуждающий в нас разнообразные чувства, мысли, умудряющий нас опытом человеческой культуры, возвышающий нас. И чем больше мы будем знать о прошлом, среди которого мы живем (ибо прошлое среди нас), тем значительнее, богаче, многоцветнее предстанет перед нашим мысленным взором окружающее.

Музы не умирают. Они бессмертны.

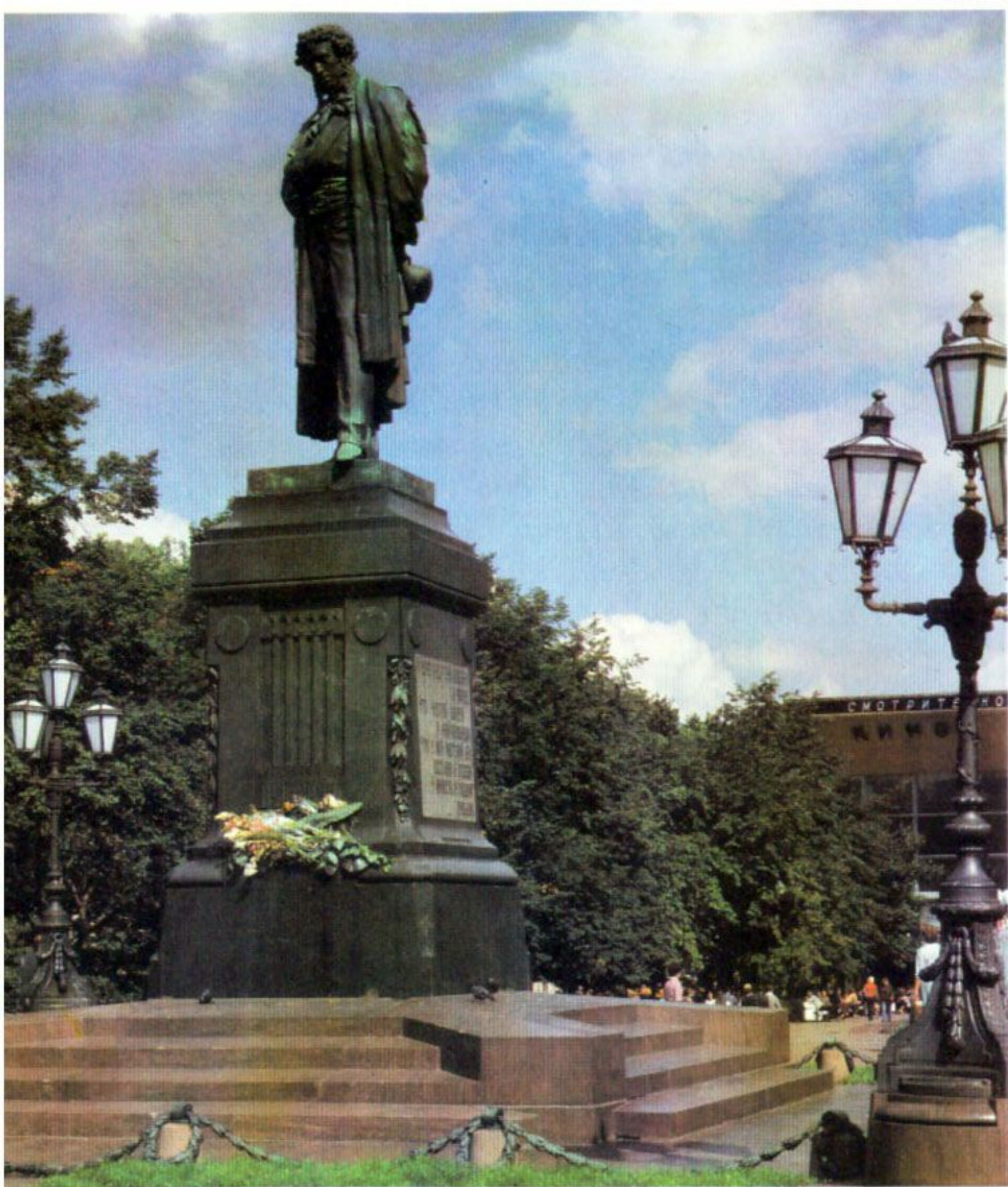
* * *

Вполне закономерно начать новую серию путеводителей для туристов и любителей путешествий с книги «Пушкинские места России». Пушкин удивительно остро чувствовал дух той местности, где он писал, и очень точно передавал его в своих произведениях.

Сохранилось лицейское предание, что лицеисты воздвигли в своем саду дерновый памятник, укрепив на нем мраморную доску с надписью: «Genio loci» – гению этого места. Такие памятники Пушкин создал в своей поэзии Москве и Петербургу, Царскому Селу и Михайловскому, Болдину и Захарову и многим, многим другим местам. И еще через всю поэзию Пушкина проходит одна тема – тема воспоминаний. Она звучит уже в лицейских стихах и продолжается до его смерти. Атмосфера воспоминаний, при этом очень часто предстающая перед нами в окружении тех местных впечатлений, которые он получал повсюду, где жил, как нельзя лучше настраивает и нас, читателей Пушкина, на восприятие пушкинских мест в «четвертом измерении» его поэзии.

Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик

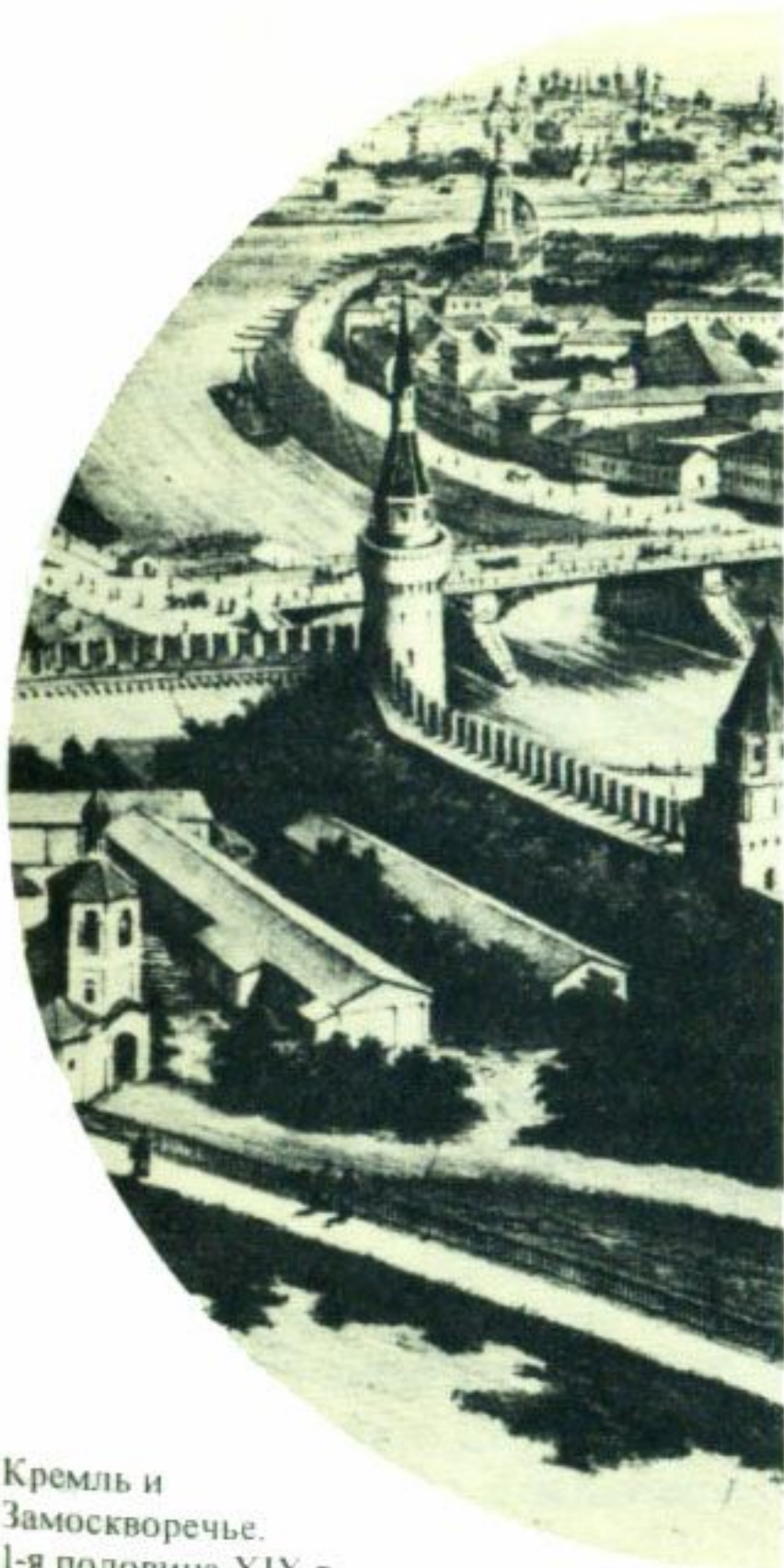

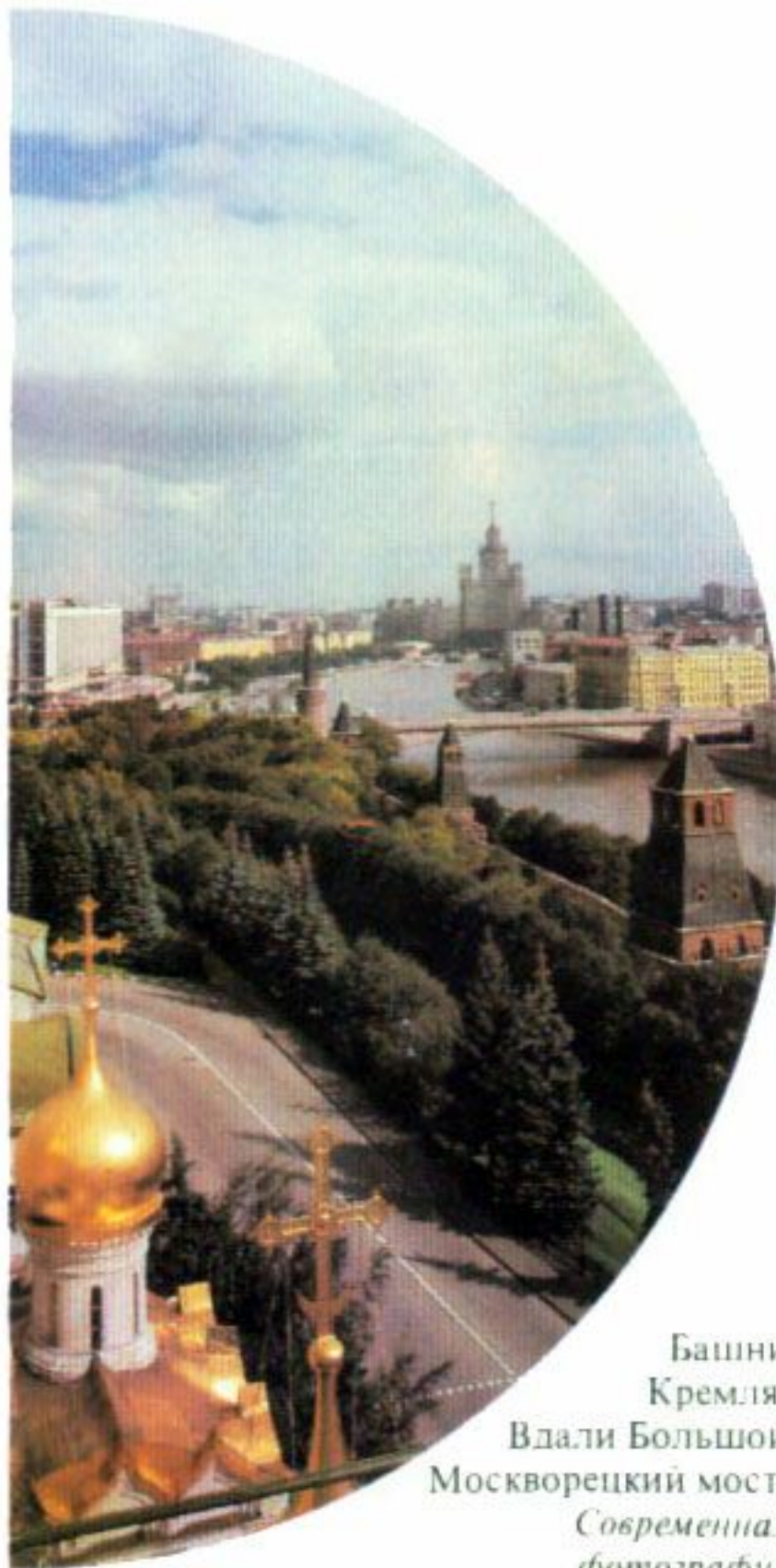
Памятник А. С. Пушкину на Пушкинской площади. Скульптор А. Опекушин

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ

Кремль и
Замоскворечье.
1-я половина XIX в.

Башни
Кремля.
Вдали Большой
Москворецкий мост.
*Современная
фотография*

ПУШКИН – МОСКВИЧ

В одной из черновых рукописей романа «Евгений Онегин» сохранились такие строки:

В изгнанье, в горести, в разлуке –
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

С Москвой были связаны у Пушкина самые первые, самые живые и яркие «впечатленья бытия».

Москва пушкинского детства поражала современников «странным смешением древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства», «резкими противоположностями в строениях и нравах жителей». Рядом с великолепными дворцами ютились жалкие лачуги бедноты; старинные монастыри и «замки древних бояр» соседствовали со зданиями в новом, классическом стиле, регулярные сады и живописные «английские» парки граничили с пустырями, оврагами, огородами...

Поистине Москва была «царством разнообразия», и современники, не устававшие ей удивляться, оставили немало колоритных зарисовок московских пейзажей, обычаев, нравов. Вот небольшой отрывок из книги М. Н. Загоскина «Москва и москвичи»: «Вы все найдете в Москве: и столицу с европейским просвещением, и губернские города с их русской физиономией и французскими замашками, и уездные городишки с их радушным хлебосольством и дедовскими обычаями. Да что я говорю – города! Вы найдете в Москве самые верные образчики нашего простого сельского быта, вы отыщете в ней целые усадьбы деревенских помещиков, с выгонами для скота, фруктовыми садами, огородами и другими принадлежностями сельского хозяйства».

Старший современник Пушкина поэт К. Н. Батюшков, называя Москву «вывеской или живой картиной нашего отечества», поражается ее неизбывным контрастам: «Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия и истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людкости и варварства».

Рядом с грубыми, полудикими простаковыми и скотиниными в Москве жили люди высокообразованные, владельцы первоклассных художественных коллекций, ценнейших библиотек.

Близкий друг Пушкина поэт и критик П. А. Вяземский придавал огромное значение тому, что именно в Москве провел Пушкин годы своего детства: «Пушкин... был родовой москвич. Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью. Отец его Сергей Львович был в приятельских отношениях с Карамзиным и Дмитриевым и сам, по тогдашнему обычаю, получил если не ученое, то, по крайней мере, литературное образование. Дядя Александра, Василий Львович, сам был поэт... Вся обстановка должна была благотворно действовать на отрока».

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков отмечает яркость и силу ранних литературных впечатлений Пушкина: еще ребенком, встречая в родительском доме и у дядюшки-поэта «корифеев нашей словесности» Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, он внимательно прислушивается к их разговорам, знает их «по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо».

Рано пробудившуюся в мальчике страсть к чтению поддерживает отец. Он читает сыну и старшей дочери Ольге французских классиков, чаще всего Мольера – своего любимого писателя.

Вероятно, Пушкину-подростку была доступна и замечательная библиотека графа Д. П. Бутурлина, с семейством которого Пушкины поддерживали дружеские отношения; его богатейшее книжное собрание уже в то время снискало известность далеко за пределами России.

Нет сомнений, что в детстве Пушкин часто бывал в театре. Ведь и отец его, и дядюшка Василий Львович – страстные театралы – неиз-

менно участвовали в любительских спектаклях и, если верить детским впечатлениям сестры поэта О. С. Павлицевой, «оба они играли в совершенстве».

Балы, домашние спектакли, фейерверки устраивались и на подмосковных дачах. «... Гремела роговая музыка, плоски и цветные фонари озаряли английские дорожки, ширмы превращались в кулисы», – писал Пушкин, вспоминая детские впечатления.

Излюбленным развлечением москвичей были гулянья, особенно весенние, когда на окраине, на пустыре близ Новинского монастыря (ныне район улицы Чайковского), сооружался целый город: качели, карусели, цирковые и театральные балаганы, помещения для зверинца, палатки, чайные и даже «ресторации». Здесь, на народных гуляньях, и во время долгих прогулок по московским улицам будущий поэт прислушивался к говору толпы, к яркому народному просторечию. Прогулки по Москве были любимым времяпрепровождением Пушкина в годы детства. Вместе с крепостным дядькой Никитой Козловым заходили в *Кремль*¹, по высокой витой лестнице взбирались к последнему ярусу колокольни Ивана Великого, откуда как на ладони виден был весь город. В Кремле и на Красной площади, в Китай-городе и на дальних московских окраинах, в стенах древних монастырей – «сторóжей» Москвы все напоминало о суровых, драматических событиях истории, каждый камень, по словам К. Н. Батюшкова, «дышал древностию», «каждое место ознаменовано печатью веков протекших».

Интересу мальчика к прошлому, к русской истории во многом способствовали рассказы бабушки Марьи Алексеевны Ганнибал, оказавшей на него, по мнению сестры поэта, «замечательное» влияние. «Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим родством и часто любила вспоминать былые времена». Она рассказывала внукам «о дедушке своем Ржевском, любимце Петра Великого», о царском арапе Ганнибале, о своих мятежных предках Пушкиных, к роду которых принадлежала она по отцовской линии.

В пушкинских произведениях разных лет, и в стихах, и в прозе, находим описания своеобразных традиций «отставной» столицы, па-

---

¹ Здесь и далее по тексту набраны курсивом адреса, названия объектов, обозначенных на схемах.

триархального московского быта. С воспоминаниями детства связаны строки неоконченной Пушкиным статьи 1830-х годов «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству...»

В послании «Всеволожскому» – характерное противопоставление «шумной, праздной, беззаботной» Москвы бездушному и чопорному Петербургу:

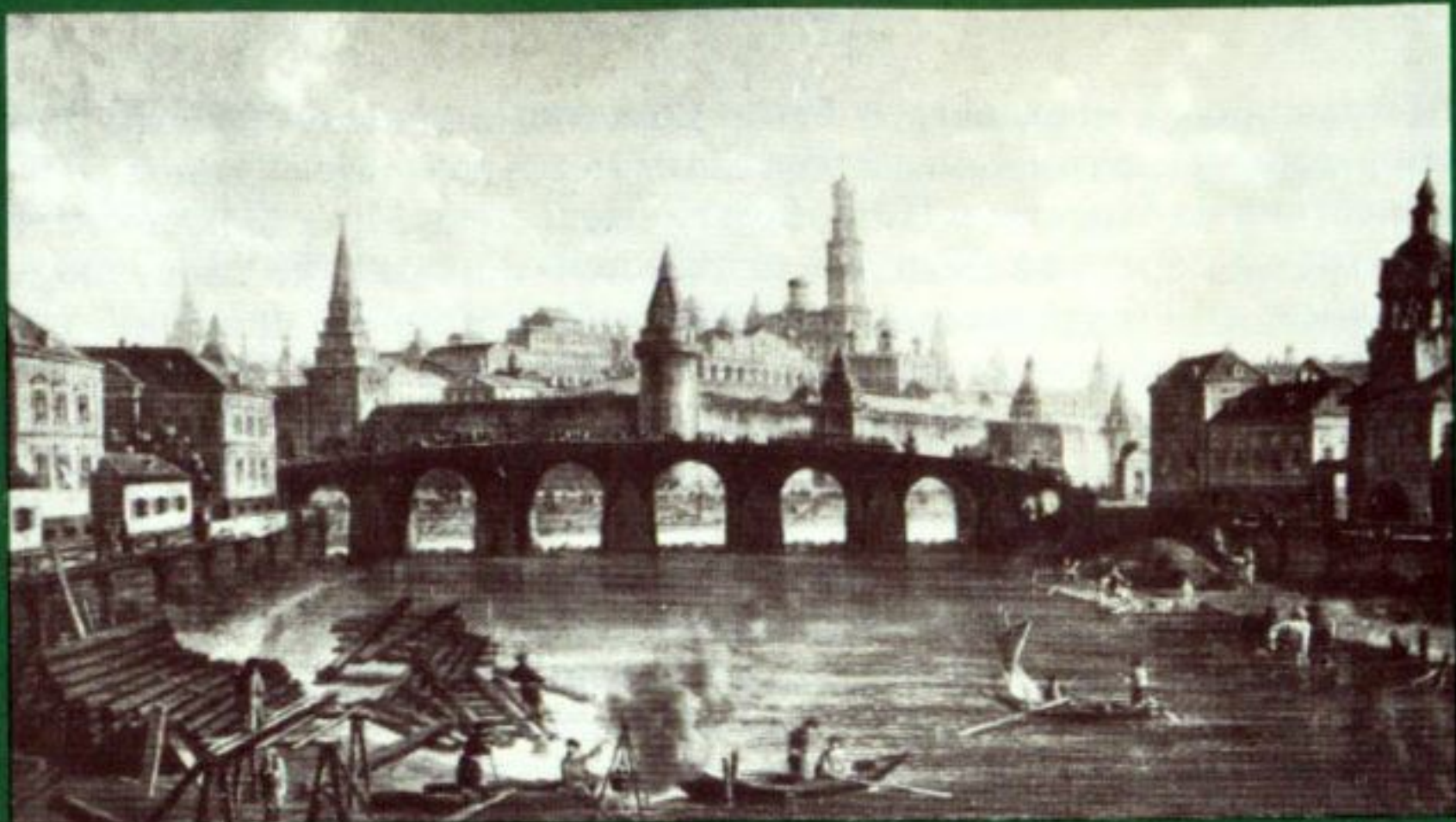
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.

«Быстрый карандаш» двадцатилетнего Пушкина создает столь выразительную зарисовку московских нравов, что строки послания могли бы стать эпиграфом к грибоедовской комедии «Горе от ума»:

В почтенной кичке, в шушуне,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.

Летом 1811 года Пушкина увозят из Москвы, он поступает в Царско-сельский лицей. Лишь через долгих пятнадцать лет удалось ему вернуться в родные места. Однако связи его с Москвой не прерываются и во время учения в лицее, и впоследствии – в годы жизни в Петер-

Вид Московского Кремля и Каменного моста. *Ф. Алексеев. Масло. 1800-е гг.*

Здание почтамта на Мясницкой улице. *Литография Мюллера с ориг. Дитца. 1850-е гг.*

А. С. Пушкин
в детстве.
*Неизвестный
художник.
1801-1802*

С. Л. Пушкин.
Неизвестный художник. 1823

Н. О. Пушкина.
Рис. Ксавье де Местра. 1810-е гг.

бурге, в ссылках на Юг, в Михайловское. Немало пушкинских стихотворений публикуется в московских журналах. В их числе – самое первое его печатное произведение «К другу стихотворцу», появившееся в «Вестнике Европы» в июле 1814 года.

В том же году Пушкин создает свое знаменитое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», прочитанное на лицейском экзамене в присутствии Г. Р. Державина. С какой проникновенной сердечностью пишет пятнадцатилетний поэт о Москве, превращенной пожаром 1812 года в «угли, пепел, прах», но не покорившейся «надменному галлу»:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

8 сентября 1826 года по распоряжению Николая I Пушкин из Михайловской ссылки был доставлен в Москву. В лирических строфах «Евгения Онегина» он выразил то удивительное чувство окрыленности, восторга, какое охватило его при въезде в родной город:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Первая встреча с Москвой после ссылки, радость узнавания памятных с детства улиц, бульваров, зданий... Еще за пределами города, за Тверской заставой, – Петровский подъездной дворец, окруженный массивными стенами, напоминающий древнюю крепость или средневековый замок (ныне *Ленинградский проспект, 40*).

«Свидетель падшей славы», он хранит память о событиях 1812 года: Наполеон укрывался здесь от московского пожара.

Москва, как и в годы пушкинского детства, была шумным, многолюдным, своеобразным и «пестрым» городом. Вместе с тем она заметно изменилась, как будто помолодела. Многие улицы заново отстроены после пожара. Преобразилась Красная площадь. Рядом с Кремлевской стеной разбит Александровский сад и построено красивое здание Манежа. Река Неглинка протекала теперь под землей, и Театральная площадь, прежде заболоченная, овражистая, топкая, выглядела торжественной и нарядной. Здесь было завершено строительство монументального здания Большого театра. Позднее Пушкин заметит полушутя, что «московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц».

Москвичи восприняли приезд Пушкина из ссылки как важнейшее событие в жизни общества.

Первые дни и недели московской жизни поэта до краев были заполнены новыми впечатлениями: после долгих лет изгнания радостно было сознавать себя на свободе, видеть старых друзей, бродить по Москве, такой знакомой и такой непохожей на прежнюю...

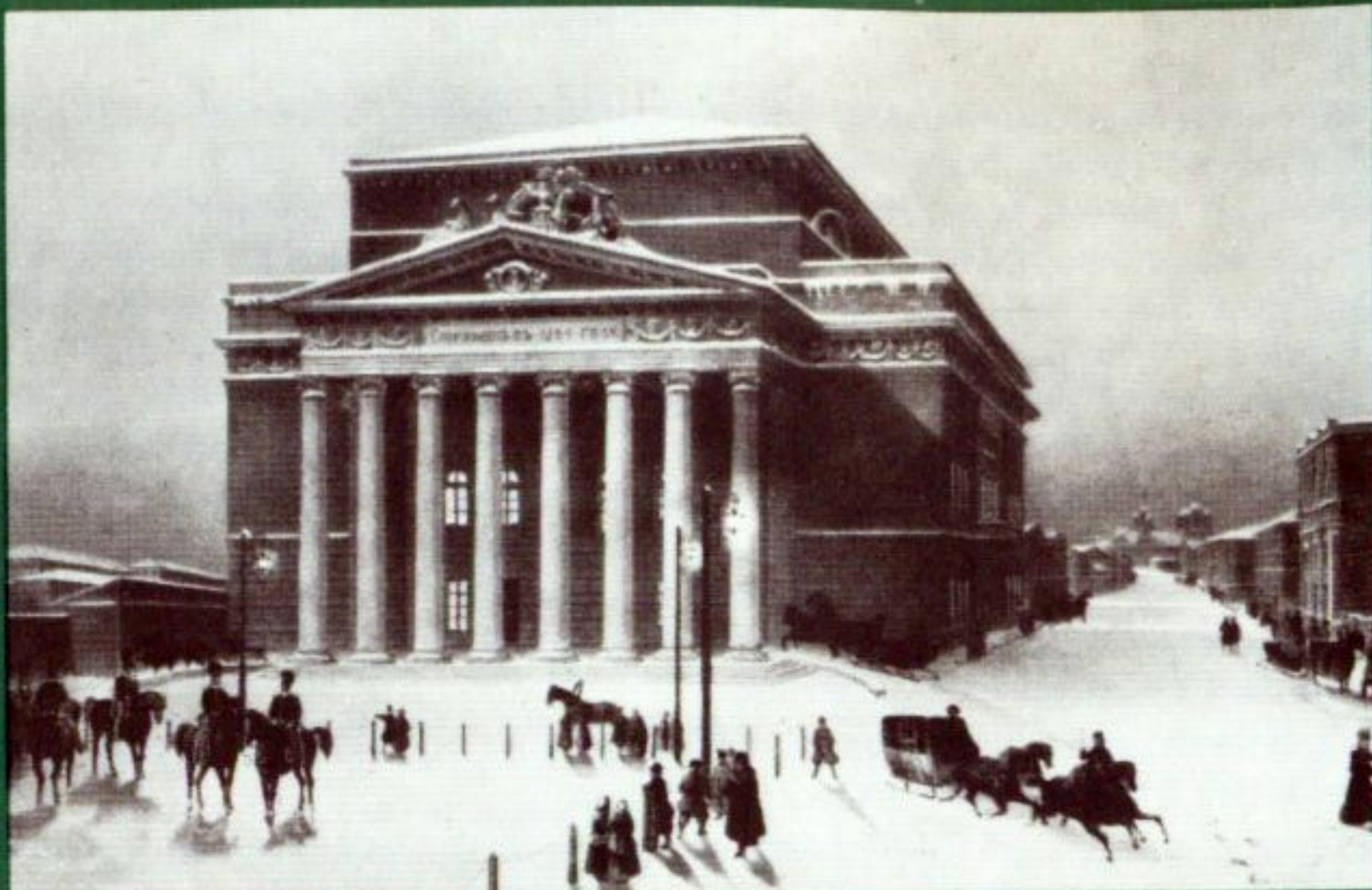
По приезде Пушкин читает друзьям литераторам недавно законченную трагедию «Борис Годунов». Чтения следуют одно за другим: у давнего приятеля С. А. Соболевского, у Е. А. Баратынского, дважды у П. А. Вяземского и Веневитиновых.

Вскоре, однако, поэту пришлось убедиться в том, сколь призрачна была дарованная ему царем «свобода».

... Несколько часов длилась аудиенция у Николая I в Кремле, в Чудовом дворце, в день приезда Пушкина из ссылки. Известно, что на вопрос царя: «Пушкин, принял бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» – поэт ответил откровенно и смело: «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем».

Император надеялся «приручить» Пушкина – первого поэта России, «направить его перо и речи». Ему была оказана «высочайшая милость»: царь не только «простил» Пушкина, но и сам взялся быть цензором его произведений. Пушкин же, поверив в искренность Николая I, поначалу этому обрадовался. «Царь освободил меня от цен-

Большой театр в Москве. Литография 1-й половины XIX в.

Кузнецкий мост. Литография А. Кадоля, 1825

Д. В. Веневитинов. Акв. П. Соколова
с ориг. А. Лагнере. 1828

З. А. Волконская. Гравюра Бейса
с ориг. Мюннере. 1814

М. Н. Волконская с сыном.
Акв. П. Соколова. 1826

А. Г. Муравьева. Литография
с ориг. П. Соколова. 1826

зуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная», – писал он своему другу, поэту Н. М. Языкову.

Но спустя недолгое время Пушкин осознает, каким тяжким бременем становится для него внимание высочайшего цензора. Получив выговор от шефа жандармов Бенкендорфа за чтение друзьям «Бориса Годунова», поэт с горечью убеждается, что отныне он должен, «прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше, хотя бы безделицу», что он лишен «права, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры», что ему запрещено даже читать друзьям свои ненапечатанные произведения и что за каждым его шагом следит полиция.

С течением времени «покровительство и опека» царя и его жандармов становились все более обременительными для поэта. В январе 1827 года Пушкин дважды давал показания по делу о распространении запрещенных стихов. Московский обер-полицмейстер Д. И. Шульгин допрашивал его либо в своей канцелярии (*Столешников переулок, 12*), либо у себя на квартире на Большой Дмитровке (дом не сохранился). Речь шла об отрывке из пушкинской элегии «Андрей Шенье», напечатанной в урезанном цензурой виде в первом собрании стихотворений Пушкина. Не пропущенные цензурой строки распространились в списках. Один из них, ходивший под названием «На 14 декабря», был доставлен Бенкендорфу. Давая письменные показания обер-полицмейстеру, Пушкин утверждал, что стихи его, написанные «гораздо прежде последних мятежей... явно относятся к французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою».

Осенью 1826 года в Москве Пушкин оказался свидетелем коронационных торжеств. Устраивая пышные празднества, царь хотел внести оживление в московскую жизнь, заглушить гнетущие воспоминания о недавней расправе над декабристами, о казнях. Однако, по свидетельству известного мемуариста А. И. Кошелева, никакие увеселения не могли рассеять «ужас и уныние, которые овладели всеми... Коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых московских вельможей, – все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней».

Здесь, в Москве, в дни коронации и после нее Пушкин снова и снова мысленно возвращается к судьбам «друзей, братьев, товарищей»,

казненных и сосланных. На квартире своего нового приятеля В. П. Зубкова в декабре 1826 года, через несколько дней после годовщины восстания декабристов, он создает «Стансы» – программное стихотворение, в котором призывает Николая I следовать примеру Петра Великого – не быть злопамятным, вернуть из ссылки декабристов:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

В то время как любое проявление сочувствия декабристам жестоко преследуется, Пушкин участвует в проводах М. Н. Волконской, уезжающей в Сибирь к сосланному туда мужу. Он разыскивает в Москве А. Г. Муравьеву, которая по пути в Сибирь к мужу, декабристу Н. М. Муравьеву, ненадолго остановилась у родителей в Большом Спасском переулке (*улица Ермоловой, 24*; сохранился флигель дома). Пушкин передает ей послание «И. И. Пущину» и только что написанное стихотворение «Во глубине сибирских руд», обращенное к сосланным декабристам.

Литературная жизнь Москвы заметно оживилась с приездом Пушкина. Он встречает здесь давних своих друзей–литераторов П. А. Вяземского, П. Я. Чаадаева, Е. А. Баратынского, Дениса Давыдова. Быстро завязываются новые знакомства. И прежде всего с теми из москвичей, кто причастен к рождению новых журналов. Этим журналам Пушкин придает серьезное значение, предполагая с их помощью воздействовать на общественное мнение и литературные вкусы широкого круга читателей. Уже в сентябре 1826 года друзья знакомят Пушкина с редактором основанного в 1825 году «Московского телеграфа» Николаем Полевым и его братом Ксенофонтом. В первые месяцы издания «Московского телеграфа» Пушкин считал его «лучшим из всех... журналов».

В числе новых знакомых Пушкина – молодые московские литераторы–«любомудры». Они с горячим энтузиазмом изучают труды немецких философов-идеалистов, ищут пути к пониманию законов искусства, творчества, красоты. Основанный ими журнал «Московский вестник», редактором которого стал М. П. Погодин, привлекает на первых порах пристальное внимание Пушкина.

По письмам и мемуарам москвичей – поэтов, писателей, журналистов – можно судить о том, как ценили они присутствие в Москве Пушкина, как дорожили возможностью общения с ним.

На квартире С. А. Соболевского близ Арбата (дом не сохранился), где Пушкин жил в течение пяти месяцев – с 19 декабря 1826 по 19 мая 1827 года, – постоянно собирались их общие друзья. Побывав в этом доме через сорок лет, Сергей Александрович в письме к Погодину делится с ним дорогими воспоминаниями: «Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич... Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, вы, я и другие знаменитые мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!»

Пребывание Пушкина в Москве в 1826–1827 годах было длительным – около семи месяцев. Приехав сюда вновь в декабре 1828 года, он познакомился с юной Натальей Гончаровой; весной 1830 года она стала его невестой. В 1830 – 1831 годах Пушкин дважды останавливается в Москве на длительный срок – четыре-пять месяцев.

Он пытается уладить денежные дела, чтобы обеспечить материальное положение своей будущей семьи. Заложив в московском Опекунском совете (*улица Солянка, 14*) часть болдинского имения, выделенную ему отцом, Пушкин получает тридцать восемь тысяч рублей. «... Вот им распределение, – сообщает он П. А. Плетневу. – 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым – пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное».

В феврале 1831 года Пушкин женится на Н. Н. Гончаровой, а спустя три месяца молодые уезжают из Москвы и, проведя лето в Царском Селе, поселяются в Петербурге. В 1830-е годы Пушкин несколько раз приезжает в Москву на две-три недели или останавливается здесь проездом на несколько дней.

Пушкин всегда был в курсе последних событий московской литературной жизни, журнальной полемики. Он посещал московские театры, университет, работал над историческими материалами в архиве Коллегии иностранных дел. Бывая на народных гуляньях,

в дворянском Благородном собрании, в Английском клубе, он хорошо знал разные стороны московского быта.

Впечатления московской жизни отразились в седьмой главе «Евгения Онегина», в черновых вариантах «Путешествия Онегина», в статье «Путешествие из Москвы в Петербург».

В этой статье Пушкин пишет, в частности, о том, какие серьезные изменения происходят в 1830-е годы в социальной жизни Москвы, в бытовом укладе горожан. В «присмирившей», по его выражению, Москве все говорило об упадке, запустении, обеднении дворянства: «... Огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым... На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает».

Вместе с тем Пушкин отмечает значительный прогресс в экономическом и культурном развитии города. «... Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою... С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова».

Приехав в Москву 3 мая 1836 года, Пушкин останавливается «... у Нащокина – противу Старого Пимена, дом г-жи Ивановой» (*Воронниковский пер., 12*; дом несколько перестроен). Эта поездка в Москву, ставшая последней в жизни поэта, была вызвана главным образом необходимостью архивных разысканий в ходе работы над «Историей Петра» и делами по изданию журнала «Современник». «Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть», – пишет Пушкин жене 11 мая. Его письма к Наталье Николаевне дают представление о том, с кем успел он повидаться за две с половиной недели.

Здесь, в Москве, Пушкин познакомился с К. П. Брюлловым, недавно возвратившимся из Италии. В те дни Брюллов жил у скульптора И. П. Витали (Кузнецкий мост, 24; дом коренным образом перестроен). «Мне очень хочется привезти Брюллова в Петербург, – пишет Александр Сергеевич. – А он настоящий художник, добрый малый, и готов на все».

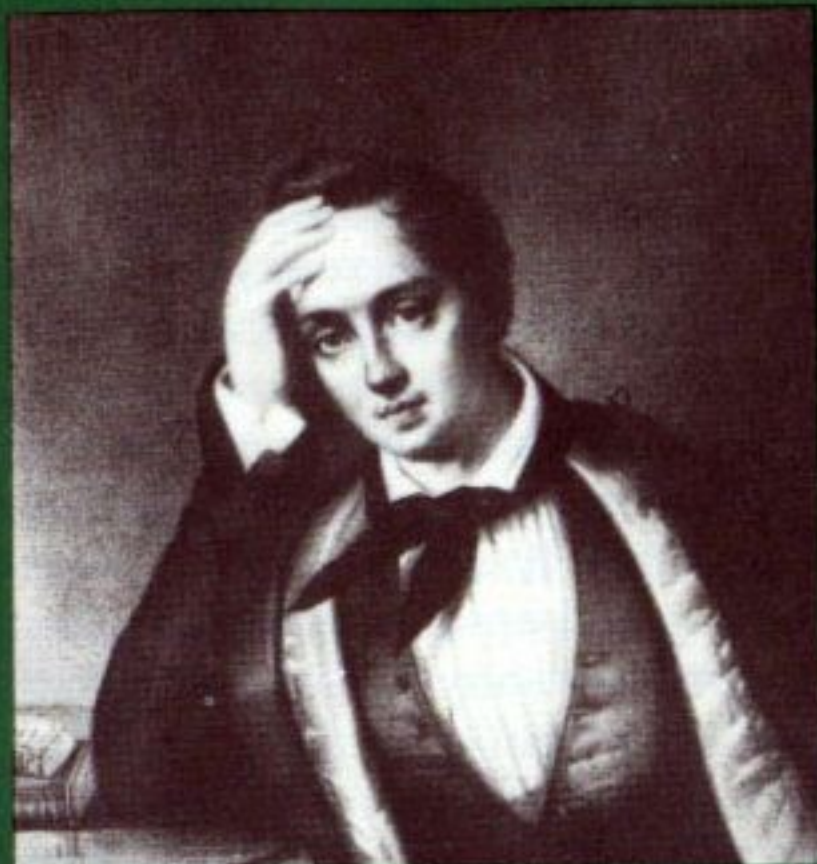

П. В. Нащокин. Копия К. Горбунова с акв. П. Соколова. 1838-1839

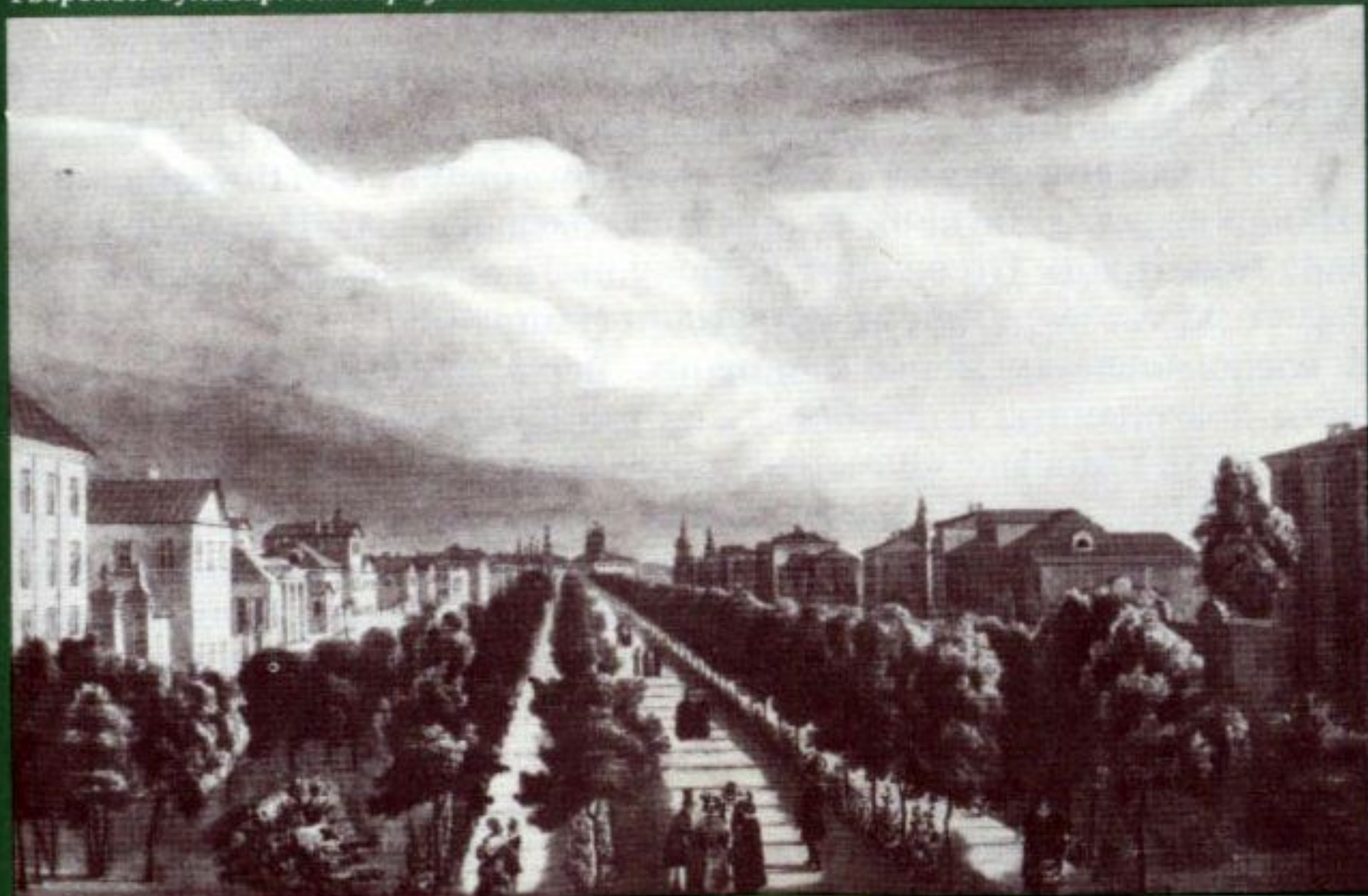

*Д. В. Давыдов. Литография
с ориг. Д. Доу. 1840-е гг.*

*Е. А. Баратынский. Литография
Ф. Шевалье. 1820-е гг.*

Тверской бульвар. Литография А. Кадоля. 1825

Пушкин посещает патриарха московских поэтов И. И. Дмитриева, своих давних приятелей: Ф. И. Толстого – «американца», декабриста М. Ф. Орлова, писателя А. А. Перовского, Ф. Ф. Гагарина – брата жены П. А. Вяземского. Побывал Пушкин и у директора Московского архива А. Ф. Малиновского, у владельца замечательной библиотеки А. Д. Черткова, в салоне Д. Н. Свербеева, где собирались московские литераторы, навестил М. А. Окулова – мужа сестры П. В. Нащокина. В эти дни Пушкин часто видится с актером Малого театра М. С. Щепкиным. «Пушкин, который меня любил, приезжая в Москву, почти всегда останавливался у Нащокина, и я, как человек к Нащокину знакомый, редкий день не бывал у них», – вспоминал Михаил Семенович. Пушкин слушал удивительные щепкинские рассказы о трудной судьбе актера, в прошлом крепостного, долгие годы скитавшегося с труппами провинциальных театров. Может быть, здесь же, у Нащокина, или на квартире Михаила Семеновича (*улица Ермоловой, 16*) Пушкин написал первые строки будущих щепкинских записок:

«17 мая 1836. Москва

Записки актера Щепкина

Я родился в Курской губернии Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке...»

Почти в каждом письме к жене Пушкин говорит о Нащокине: «Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь...»; «Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света»; «Любит меня один Нащокин».

В воспоминаниях жены Нащокина, Веры Александровны, сохранены драгоценные подробности жизни Пушкина в этот последний его приезд в Москву: «В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посередине, по обеим сторонам муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: «Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье».

Уезжая из Москвы 20 мая 1836 года, Пушкин предполагал вновь сюда вернуться: здесь жили его ближайшие друзья, здесь ему легче дышалось, чем в холодной, чиновной северной столице.

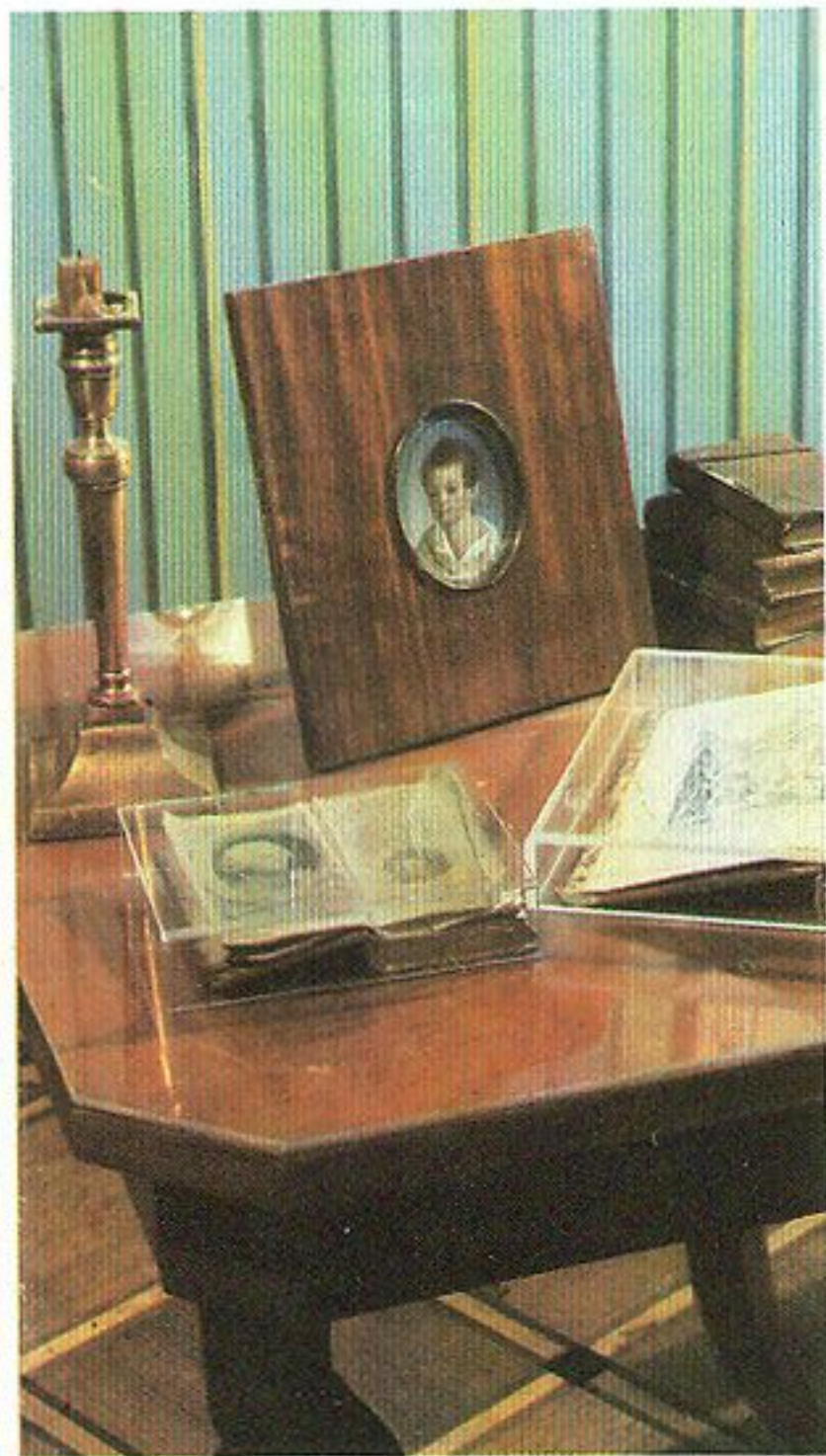

В начале февраля следующего, 1837 года в Москву приходит трагическое известие о гибели Пушкина. Полны скорби письма, воспоминания друзей и знакомых поэта. И хотя «всякое особенное изъявление» сострадания по поводу его смерти было запрещено властями, в московскую печать все же просочились строки, свидетельствующие о том, как глубоко сознавали москвичи невосполнимость утраты: «Пушкина не стало! Мы потеряли с ним часть лучших наслаждений наших, часть нашей народной жизни, нашей души, нашего слова... Его нет, и мы лучше узнали, кого мы лишились, и в сердце русском как-то стало тяжело и пусто, как будто часть его оторвалась с поэтом».

Шли годы, менялась Москва – город, где столь многое напоминает об Александре Сергеевиче Пушкине. Память о нем во все времена оставалась драгоценной для Москвы. В 1880 году здесь на народные средства был сооружен первый памятник поэту и открыта первая Пушкинская выставка. К 100-летию гибели Пушкина, в 1937 году, в Историческом музее была организована Всесоюзная пушкинская выставка, грандиозная по масштабам. В 1961 году в Москве открылся Государственный музей А. С. Пушкина. Именем поэта названы в нашей столице улица, площадь и набережная, Музей изобразительных искусств и Драматический театр, станция метро, школа, библиотека.

ЭКСКУРСИЯ ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ СТОЛИЦЫ

В Государственном музее
А. С. Пушкина

В Москве и Подмосковье известно около ста пятидесяти мест, связанных с пребыванием Пушкина. Одни из них упоминаются в произведениях и письмах великого поэта, другие – в переписке, дневниках и воспоминаниях его современников, документах той эпохи. К числу пушкинских принято относить и те места, где поэт мог бывать в силу семейных, дружеских, деловых или традиционных связей. Ряд адресов определяется предположительно. Вот только один пример. Сохранился экземпляр «Бориса Годунова» с дарственной надписью: «Кн. Е. С. Гагариной от Пушкина, Семеновой от сочинителя». В начале 1831 года, когда книга вышла из печати, Екатерина Семеновна жила с мужем, князем И. А. Гагариным, в особняке на *Зубовском бульваре (ныне дом 27)*. По всей вероятности, Пушкин навестил здесь знаменитую актрису и передал ей томик «Бориса Годунова».

С далеких пушкинских времен многие улицы и площади Москвы неузнаваемо изменились. Тем дороже для нас в современном городе «островки» пушкинской Москвы — дома, старинные усадьбы, бульвары, которые, кажется, еще помнят поэта. С особенным интересом подходим мы к зданиям, сохранившим свой первоначальный архитектурный облик: такими видел их Пушкин. Но, даже если мемориальный дом перестроен, он нам не безразличен, потому что с ним связана память о поэте. Иногда удается мысленно «реконструировать» такие здания, опираясь на их описания, изображения, на ар-

живные документы или исходя из сохранившихся деталей старинного декора.

Ознакомление с мемориальными пушкинскими местами в Москве, в той или иной степени сохранившими свой былой облик, и составляет содержание нашей экскурсии. Большая часть их объединена в маршрут, обозначенный на схеме (см. с.32–33). О памятных местах, находящихся в отдалении от маршрута экскурсии и также обозначенных на карте, говорится во вступительном разделе или при описании домов, вошедших в основной маршрут.

ОТ БАУМАНСКОЙ УЛИЦЫ ДО УЛИЦЫ КИРОВА

Начнем нашу экскурсию с Бауманской улицы. Установившаяся традиция связывает ее с рождением Пушкина.

Поблизости от станции метро Бауманская (*Бауманская улица, 40*) расположена школа № 353, носящая имя Александра Сергеевича Пушкина. В скверике перед ней в 1967 году установлен бюст Пушкина-подростка работы скульптора Е. Ф. Белашовой. На здании школы мемориальная доска: «Здесь был дом, в котором 26 мая (6 июня) 1799 года родился А. С. Пушкин».

В конце XVIII века в этом месте, на бывшей Немецкой улице, располагалось владение И. В. Скворцова — знакомого С. Л. Пушкина. Дом Сквор-

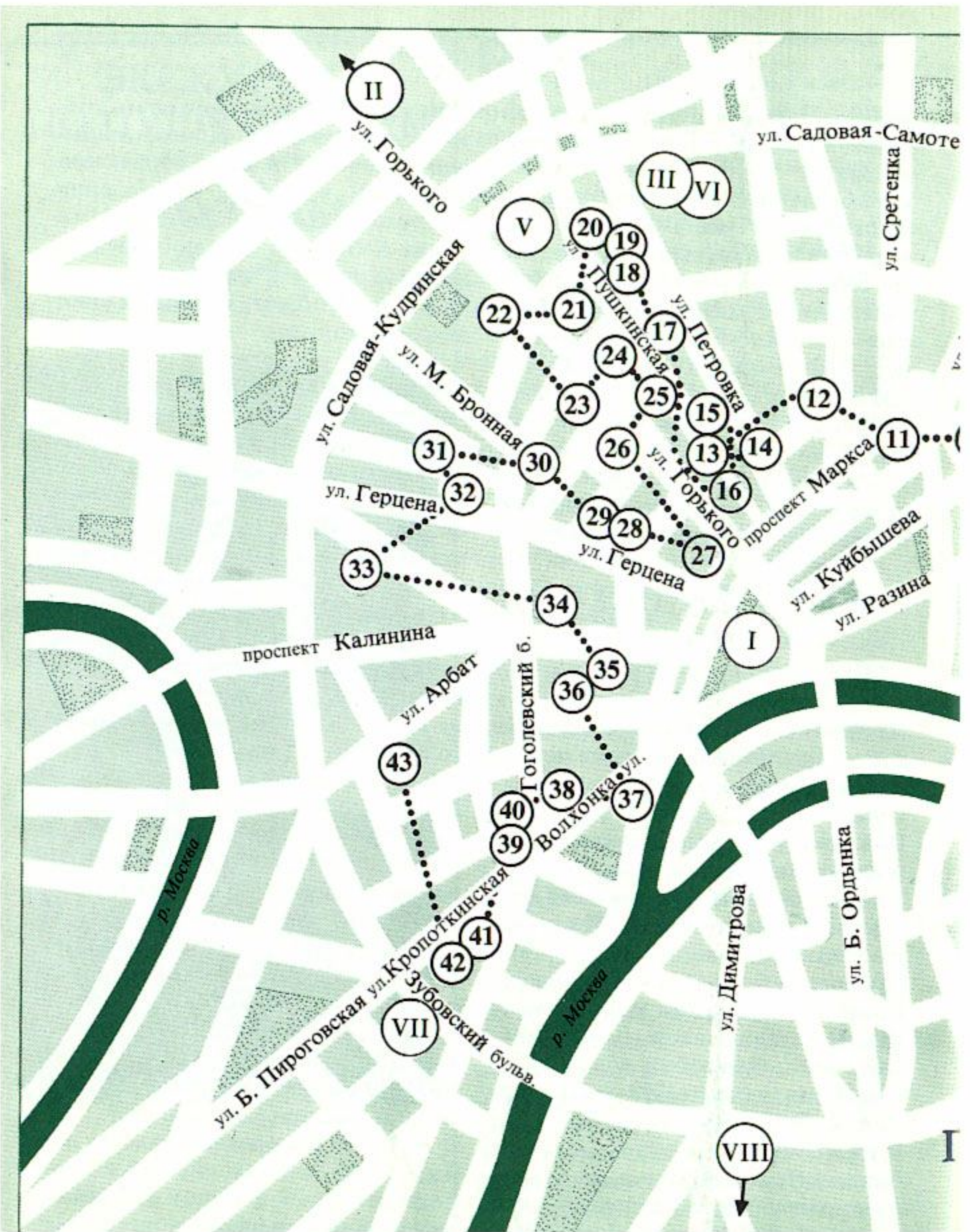
цова как место рождения поэта упомянут в метрической записи, сделанной 8 июня 1799 года, в день его крещения, в церкви Богоявления в Елохове (*площадь Баумана, 15*; с конца XVIII века сохранились трапезная, в одном из приделов которой крестили Пушкина, а также нижний ярус колокольни).

С момента обнаружения метрической записи в 1879 году и по сей день (вот уже более ста лет!) вопрос о том, в каком именно доме родился Пушкин, время от времени вновь привлекает к себе внимание специалистов и общественности. На первый взгляд это кажется странным: ведь из метрической записи непреложно следует, что Александр Пушкин родился в приходе Богоявленской церкви, «во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скворцова». На деле же все оказывается сложнее, поскольку само понятие «двор Скворцова» истолковывалось по-разному.

В 1880 году мемориальная доска была установлена на доме 27 по бывшей Немецкой улице (ныне Бауманская улица, 55). В конце XVIII века он принадлежал графине Е. А. Головкиной, управителем которой был И. В. Скворцов. Мемориальная доска на этом доме была установлена в результате недоразумения, поскольку упомянутый в метрической записи двор Скворцова был отождествлен с двором графини Головкиной.

В 1927 году мемориальную доску перенесли на дом, находившийся в непосредственной близости от бывшего владения Скворцова, а затем — на

II

ул. Горького

ул. Садовая-Самоте

ул. Сретенка

III VI

V

ул. Садовая-Кудринская

ул. М. Бронная

20 19 18

ул. Пушкинская

ул. Петровка

22 21

24 23

17 15 14

12

ул. Герцена

31 32

26 25

13 16

11

ул. Горького

ул. Герцена

проспект Маркса

ул. Куйбышева

ул. Разина

33

29 28

27

I

проспект Калинина

ул. Арбат

Гоголевский б.

34 35

36

ул. Волхонка

43

40 39

38 37

р. Москва

р. Москва

ул. Димитрова

ул. Б. Ордынка

ул. Б. Пироговская

ул. Кропоткинская

42 41

VII

бульв. Зубовский

VIII

I

здание школы № 353, построенной в 1930-х годах. Однако и это не решило вопроса окончательно. Дело в том, что формально (по купчей крепости) Скворцов приобрел дом лишь в июле 1799 года (хотя фактически, по обычаям того времени, мог владеть им и раньше).

В 1980 году московский инженер-физик С. К. Романюк, в течение многих лет занимавшийся архивными разысканиями по топографии Москвы, обнаружил в Центральном государственном историческом архиве Москвы купчую крепость, из которой следует, что более чем за семь месяцев до рождения Пушкина — в октябре 1798 года — И. В. Скворцов приобрел двор с двумя большими деревянными домами в приходе той же Богоявленской церкви, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка (Малая Почтовая улица, 4; угол Госпитального переулка, 1-3; дом не сохранился). Таким образом, спустя более чем столетие после обнаружения метрической записи определено владение И. В. Скворцова, в точности ей соответствующее.

С. К. Романюк обнаружил немало документов, уточняющих топографию пушкинской Москвы, в особенности Москвы «допожарной», времен детства Пушкина. Давно уже было известно, что раннее детство поэта прошло в районе Большого Харитоньевского переулка и Чистых прудов: его родители в 1801-1806 годах сменили здесь пять квартир. Где жили Пушкины в 1807-1811 годах, до

последнего времени оставалось неясным. Судя по недавно обнаруженным архивным данным, и в этот период они по-прежнему часто меняют квартиры, живут в Кривоарбатском переулке, на Поварской (ныне улица Воровского), на Малой Бронной, в Хлебном переулке, на Мясницкой (ныне улица Кирова), в Рыбниковом переулке близ Сретенки, на Большой Молчановке (ни один из домов не сохранился).

Следующие объекты нашего маршрута расположены неподалеку от Бауманской улицы, на улице Карла Маркса. Они связаны с другим периодом жизни Пушкина — временем, когда он возвратился в Москву из ссылки.

Небольшой, в девять окон по фасаду, одноэтажный особняк на *улице Карла Маркса, 36* невольно привлекает внимание: так не похож он на расположенные рядом современные здания. Дом отмечен мемориальной доской: А. С. Пушкин бывал здесь у своего дядюшки, поэта Василия Львовича Пушкина.

Сюда, на Старую Басманную, приезжает Пушкин в день возвращения в Москву из ссылки, после аудиенции у Николая I. Это его первая встреча с дядей после десятилетней разлуки. Их общение было особенно тесным в годы детства поэта.

Александр часто бывал у дядюшки, читал книги из его превосходной библиотеки, собранной во время путешествия по Германии, Франции и Англии, присутствовал на литературных вечерах, где Василий Льво-

вич декламировал монологи из французских трагедий, свои собственные «чувствительные» стихи или куплеты на заданные рифмы. Именно дядюшка отвозит двенадцатилетнего Александра в Петербург для определения в Лицей, а позднее навещает его в Царском Селе. Одним из первых оценил Василий Львович поэтическое дарование племянника. «Мы от тебя многого ожидаем», – пишет он Пушкину в 1816 году, называя его «братом по Аполлону». Юный Пушкин величает дядюшку своим «парнасским отцом» и посвящает ему короткое послание под названием «Дяде, назвавшему сочинителя братом»:

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических – шатаюсь
на Пегасе –
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет – вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

Василий Львович всю жизнь поддерживал дружеские связи со многими литераторами, в том числе с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым. Его поэма «Опасный сосед», написанная в 1811 году и распространившаяся в списках, пользовалась шумным успехом. Героя поэмы Буянова Пушкин упоминает в «Евгении Онегине»:

... Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)...

Пушкин был по-родственному привязан к дядюшке, навещал его всякий раз, бывая в Москве, и Василий

Львович очень этим гордился и дорожил дружбой племянника.

В последний год жизни Василий Львович страдал от жестоких приступов подагры. Умер он 20 августа 1830 года, и Пушкин, находившийся тогда в Москве, взял на себя хлопоты и расходы, связанные с похоронами дяди. Отпевали его в церкви Никиты-Мученика на Старой Басманной (улица Карла Маркса, 16). Построенная в XVIII веке в стиле барокко, она является ныне ценным памятником архитектуры. Похоронили В. Л. Пушкина на кладбище Донского монастыря (Донская площадь, 1). ... По улице Карла Маркса, а затем по улице Чернышевского дойдем (или доедем) до Колпачного переуллка, а по нему – до дома 7 в Хохловском переулке. Здесь во времена Пушкина находился московский архив Коллегии иностранных дел.

В письмах Пушкина жене из Москвы в мае 1836 года речь то и дело заходит о московском архиве. «В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть...» – читаем в письме от 14 мая. Как уже говорилось, архивные разыскания по истории Петровской эпохи были одной из главных целей поездки Пушкина в Москву весной 1836 года.

Директором архива Коллегии иностранных дел был историк и археограф А. Ф. Малиновский – брат первого директора Царскосельского лицея, старинный друг родителей Пушкина. Считая Малиновского «истинным знатоком» русских древностей, Пушкин ценил его исто-

рические труды, его участие в редактировании и издании «Слова о полку Игореве».

В московском архиве хранились древние книги, многочисленные документы, дипломатическая переписка с различными государствами и т. д. Пушкин придавал первостепенное значение изучению архивных источников. Он писал историку М. П. Погодину 5 марта 1833 года о работе в архивах: «Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться!»

Не суждено было осуществиться замыслу Пушкина «зарыться» в архивы в поисках новых документов о Петровской эпохе. По мнению близкого друга поэта П. А. Плетнева, смерть застала Пушкина за грудом, который «был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого. Эта мысль, овладевшая его душою, занимала его преимущественно в последние годы».

... Теперь направимся к Покровским воротам. Рассказ о следующем доме возвратит нас к 1800-м годам.

Дом 22 по улице Чернышевского – памятник архитектуры барокко. Великолепный дом-дворец, построенный в 1766 – 1769 годах для графа М. Ф. Апраксина, поражает богатством, разнообразием и изощренностью декоративных приемов. Коринфские колонны, ниши, фронтоны сложной формы, обилие лепнины, окна, разные по размерам и форме, придают дому праздничный

вид и вместе с тем некоторое сходство с комодом времен Регентства. Москвичи и прозвали дом «комодом», а семью, владевшую им с 1770-х годов, – «Трубецкими-комод». Глава семьи – князь Иван Дмитриевич Трубецкой – приходился троюродным братом С. Л. Пушкину. Такая степень родства в XIX веке считалась достаточно близкой, и, бывая у Трубецких, Пушкин по обыкновению называл своих четверюродных братьев и сестер «кузенами» и «кузинами». Его сестра О. С. Павлицева вспоминала, что в детстве ее вместе с Александром возили на Покровку к Трубецким «на уроки танцевания». Одна из «кузин» Пушкина – Софья Ивановна – позднее рассказывала М. П. Погодину, домашнему учителю младших сыновей Трубецких, что Пушкин, бывало, смешил своими эпиграммами сверстников, «сбирая их около себя в каком-нибудь уголку».

В 1820-х годах Пушкин также бывал в доме-«комоде» Трубецких на Покровке, памятном ему с детских лет. ... По Чистопрудному бульвару дойдем до Большого Харитоньевского переулка. Его название – от находившейся тут прежде церкви Харитония в Огородниках. Здесь, в старинной Огородной слободе, прошли первые годы жизни Пушкина.

Всем нам памятны пушкинские строки о приезде в Москву семейства Лариных. Любимую свою героиню поэт поселил в приходе церкви Харитония – именно там, где сам он жил в годы детства:

Улица Чернышевского, 22. Дом Трубецких

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился...

С ноября 1801 года по май 1803 года Пушкины снимают квартиру в доме князя Н. Б. Юсупова на Хомутовке (*Большой Харитоньевский переулок, 21*), в палатах, построенных в конце XVII века в стиле московского барокко. В контракте о найме дома С. Л. Пушкиным оговорено, что дом был снят «со всеми принадлежностями, то есть: плотнишною, столярною, слесарною и штукатурною работою, полами, панелями, дверми, окошками, миобелью какая есть, также фряжской погреб, кладовую и кухню с приспешною избою, погреб, анбар, хлебной и каретной сарай и конюшню о восьми стойлах».

С. К. Романюк, обнаруживший контракт в архиве, считает, что упомянутый в документе «каменной по улице Хомутовке средний дом» – это левая, если смотреть с переулка, часть сохранившегося дома по Большому Харитоньевскому переулку. Живя в Огородниках, Пушкин-ребенок мог наблюдать «невинные странности» князя Юсупова, знатного екатерининского вельможи. «Юсупов ездил всегда в четырехместном ландо, запряженном четверкой лошадей, цугом, с двумя гайдуками на запятках и любимым калмыком на козлах подле кучера, – писал мемуарист И. А. Арсеньев. – Костюм обычный князя Николая Борисовича был светлый, синий фрак с бархатным воротником; на голове напудренный парик с косичкой, оканчивавшейся черным бантом, в

виде кошелька. Ему сопутствовала постоянно левретка, лежавшая в карете, против него, на подушке, с золотым ошейником на шее». Быть может, рисуя в «Путешествии из Москвы в Петербург» быт московских вельмож, «оставивших двор», Пушкин воссоздавал знакомые с детства картины: «Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудаки выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под зо-

лочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рошу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой».

... По Большому Харитоньевскому переулку вернемся к Чистопрудному бульвару и дойдем по нему до улицы Кирова. По обеим ее сторонам сохранились дома, в которых бывал Пушкин.

Двухэтажный дом 44 по улице Кирова принадлежал в то время сенатору А. А. Арсеньеву, с которым, по свидетельству его сына, Пушкин был

Большой Харитоньевский переулок, 21.
Дом Н. Б. Юсупова

«коротко знаком». В гостях у Арсеньева бывали также отец Пушкина и его дядюшки В. Л. Пушкин и М. М. Сонцов, поэт И. И. Дмитриев, князь Н. Б. Юсупов, П. Я. Чаадаев и другие московские знакомые Пушкина.

Дом 43 по улице Кирова, построенный, возможно, зодчим Ф. Кампорези в 1790-х годах, – один из прекрасных памятников архитектуры. Очень красива центральная часть его фасада: арка, отделанная тонко проработанными лепными розетками, опирается на стройные коринфские колонны. К дому примыкал сад и просторный двор с хозяйственными строениями.

Любопытные сведения о прошлом этой части улицы (бывшей Мясницкой) сообщал в 1878 году читателям «Русского архива» известный в свое время археолог А. А. Мартынов: «Находясь за Белым городом, дома эти были как бы боярскими дачами или загородными дворами. Еще недавно тут было много прудов, и есть предание, что еще при Павле в этой глуши охотились за дикою птицею».

В 1820–1830-х годах дом принадлежал семье упоминавшегося уже А. Ф. Малиновского. Жена его, Анна Петровна (урожденная Исленева), была хорошей знакомой Гончаровых, а единственная дочь Малиновских, Екатерина Алексеевна, – близкой подругой Натальи Николаевны. Когда Пушкин, влюбившись в Гончарову, стал частым гостем в доме ее родителей, «А. П. Малиновская, супруга известного археолога, по его просьбе уговаривала

в его пользу», – вспоминал младший брат Натальи Николаевны, С. Н. Гончаров. Анна Петровна действительно принимала непосредственное участие в сватовстве Пушкина и была посаженной матерью невесты на его свадьбе. В 1830 году Пушкин особенно часто бывает у Малиновских и, по-видимому, не случайно поминует Мясницкую в «Дорожных жалобах» (1829 год):

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

... Дойдем почти до начала улицы Кирова и свернем в тихий переулок с характерным старомосковским названием – Кривоколенный, отражающим его необычную конфигурацию, впрочем, не столь редкую для Москвы. Как раз в том месте, где переулок образует угол, стоит трехэтажный дом, отделанный по фасаду фронтоном и пилястрами (*Кривоколенный переулок, 4*). Построенный в конце XVIII века, дом принадлежал в пушкинское время дальним родственникам Пушкиных – Веневитиновым.

С братьями Веневитиновыми – Дмитрием и Алексеем – Пушкин познакомился по приезде в Москву из Михайловского 10 сентября 1826 года у С. А. Соболевского, где он читал «Бориса Годунова».

Д. В. Веневитинову был в то время 21 год. Уже появились в печати его стихотворения, философские и критические статьи. Прекрасно образованный, одаренный, умный, кра-

сивый, обаятельный, он невольно располагал к себе всякого, кому доводилось с ним встретиться. А. А. Дельви́г писал о нем Пушкину: «Какое соединение прекрасных дарований с прекрасной молодостью». С середины 1825 года Веневитинов был глубоко и безнадежно увлечен княгиней Зинаидой Волконской. О своей «безотрадной», «мучительной» страсти он говорит в нескольких стихотворениях, написанных уже в Петербурге, в разлуке с нею. По свидетельству биографа Веневитинова, Пушкин сам стремился познакомиться с молодым поэтом, статью которого о первой главе «Евгения Онегина» он прочитал «с любовью и вниманием».

Пушкин заезжает к Веневитиновым на следующий же день после встречи у Соболевского, правда, всего на несколько минут. А через две недели, 25 сентября, читает у них «Бориса Годунова» в кругу близких друзей. После этого чтения интерес к пушкинской трагедии в среде московских литераторов растет день ото дня. Наконец, 12 октября Пушкин вновь читает здесь трагедию, но на этот раз в Кривоколенном собираются все, кто давно уже мечтал его послушать, – человек сорок московских писателей, журналистов, любителей литературы.

С первого же момента Пушкин поразил своих слушателей, воспитанных на стихах Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова, привыкших к торжественно-величественной манере чтения – «распеву, завещанному

французской декламацией». «Ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства – это был среднего роста, почти низенький человек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке. Вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и вместе с тем пиитическую, увлекательную речь!» – вспоминал четыре десятилетия спустя М. П. Погодин. Поразительно, как сумел он удержать в памяти все детали, подробности, обстоятельства того знаменательного чтения: «... Когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков «да ниспошлет господь покой его душе страдающей и бурной», мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом».

Пушкин был у Веневитиновых и на следующий день, когда А. С. Хомяков читал свою трагедию «Ермак». Однако все еще находились под сильнейшим впечатлением пушкинской трагедии и после «Бориса Годунова», по словам М. П. Погодина, «Ермак», разумеется, не мог произвести никакого действия.

В конце октября 1826 года Дмитрий Веневитинов переехал в Петербург, где умер скоропостижно 15 марта 1827 года. В своих воспоминаниях

А. П. Керн писала о том, как сожалел Пушкин, «что так рано умер чудный поэт...».

... Наш следующий объект – совсем рядом, в начале улицы Кирова (бывш. Мясницкая), где в собственном доме – старинных каменных палатах, уцелевших при московском пожаре (*улица Кирова, 7*), жил Александр Дмитриевич Чертков, археолог, нумизмат, председатель Московского общества истории и древностей российских.

Жена Черткова, Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, сестра декабриста З. Г. Чернышева и А. Г. Муравьевой, приходилась дальней родственницей Пушкину.

В доме на Мясницкой хранилась богатейшая библиотека Черткова. По его собственному признанию, он стремился «собрать все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке писано о России». Мысль о создании такой библиотеки возникла у Черткова не случайно. В 1812 году он содействовал формированию московского ополчения, участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. «Участие в великих событиях отечества и заграничные походы открывали широкую возможность самовоспитания, – пишет в статье о Черткове историк и археолог П. И. Бартенев. – Любопытно видеть, как в тревогах походной жизни он не покидает занятий умственных. С 1813 года начинается ряд тетрадей его с Записками... Уже тогда в этих тетрадях замечаем пред-

почтение, которое он стал оказывать книгам о русской истории и древностях». Говоря о «многосторонней учености» Александра Дмитриевича, Бартенев подчеркивает, что тот приобрел ее в результате неустанных занятий, разнообразного и углубленного чтения. Сам Чертков отмечал, что его библиотека состояла «не только из собранных, но вместе с этим из прочтенных книг».

Побывав у Черткова в мае 1836 года, Пушкин, без сомнения, осмотрел его уникальное книжное собрание.

Впоследствии Чертковская библиотека была открыта для публики; с 1863 года при ней стал издаваться журнал «Русский архив», а двадцать лет спустя, при открытии Исторического музея, туда были переданы и библиотека, и нумизматическая коллекция А. Д. Черткова. Ныне книжное собрание Черткова составляет основное ядро Государственной публичной исторической библиотеки.

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

По Фуркасовскому переулку дойдем до Кузнецкого моста и далее – до Неглинной улицы. Справа, на перекрестке этих улиц, увидим дом, некогда хорошо знакомый Пушкину. С ним связаны строки стихотворения «Дорожные жалобы»:

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

«Французская ресторация» Яра находилась на одном из самых ожив-

ленных перекрестков города – на углу Самотечного канала (теперь Неглинная улица) и Кузнецкого моста (*Кузнецкий мост, 9*; дом частично перестроен).

В те времена на Кузнецком мосту были сосредоточены французские торговые заведения. Здесь можно было приобрести множество разнообразных вещей:

Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной...

На Кузнецком, у Яра, Пушкин бывал много раз. 27 января 1831 года он вместе с ближайшими друзьями поминал здесь Антона Дельвига, умершего 14 января.

Имя Яра встречается в московских записках и письмах Пушкина. «Заезжай к Яру, я там буду обедать...» – писал он А. А. Муханову в феврале 1827 года. «На днях был я на бале... и уехал ужинать к Яру...» – сообщал Пушкин жене в сентябре 1832 года. В черновиках «Домика в Коломне» Пушкин также упоминает французского ресторатора:

Фригийский раб, на рынке взяв язык,
Сварил его... (У Яра иль у Копа
Коптят его).

Большой и Малый театры... Для москвичей и приезжих они неотъемлемы от столицы, как стены Кремля, как памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Трудно представить себе город без этих зданий.

А ведь еще в середине XVIII века, когда у стены Китай-города протека-

ла река Неглинная, рядом, на больших прудах, стояли мельницы. В конце 1780 года здесь открылся театр Медокса (названный так по фамилии антрепренера), или Петровский театр, на полторы тысячи зрителей. Фасад его был обращен к улице Петровке. В состав труппы театра входили прекрасные актеры, и москвичи охотно его посещали почти четверть века. В 1805 году здание сгорело.

На его месте архитектор О. И. Бове, исходя из проекта А. А. Михайлова, в 1821 – 1824 годах построил Большой театр (*площадь Свердлова, 2*), который частью своей опирался на фундамент старого Петровского театра, но значительно превосходил его по размерам. Бове перепланировал центр города, сделав Театральную площадь одной из главных в Москве.

Пушкин, впервые посетивший Большой театр 12 сентября 1826 года, был восторженно встречен публикой. «Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле, все лица, все бинокли были обращены на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпой», – записал впоследствии Н. С. Киселев со слов своей матери Ел. Н. Ушаковой.

В тот вечер давали комедию А. А. Шаховского «Аристофан, или представление комедии «Всадники». 28 сентября 1826 года Пушкин был в Большом театре на представлении оперы Россини «Итальянка в Алжи-

ре» и балета Дюпора «Зефир, или Ветренник, сделавшийся постоянным» в постановке А. П. Глушковского. «Балет танцевали отлично, ибо он был поставлен лучшими нашими танцовщицами и танцовщиками», – вспоминал С. Т. Аксаков.

Известно и еще одно посещение Пушкиным Большого театра: 22 февраля 1831 года он был здесь вместе с женой на маскараде, устроенном в пользу бедных, пострадавших от холеры.

Малый театр (*площадь Свердлова, 1/6*) открылся в октябре 1824 года в доме, принадлежавшем купцу В. В. Варгину и перестроенном по проекту О. И. Бове. Здесь давались драматические спектакли, и театр получил название Малого в отличие от Большого театра, где должны были ставиться оперы и балеты. Однако в то время еще не существовало деления театральных трупп на драматическую и оперно-балетную, одни и те же актеры часто выступали в спектаклях различных жанров. Наряду с русскими актерами в Малом театре давала спектакли французская труппа.

Спектакль французской труппы в Малом театре видел и Пушкин. В тот вечер, 21 сентября 1832 года, шли три водевиля: «Час тюремного заключения», «Шампанский любовный напиток» и «Вертер». Пушкин был на спектакле вместе с В. Ф. Вяземской. На следующий день он писал жене: «... Княгиня завезла меня во Французский театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости».

По всей вероятности, Пушкин бывал и на других спектаклях в Большом и Малом театрах, где в то время играли первоклассные актеры П. С. Мочалов и М. Д. Львова-Снецкая, М. С. Щепкин и Н. В. Лавров, но, когда и на каких именно спектаклях он присутствовал, к сожалению, неизвестно.

Позади здания Большого театра (*улица Петровка, 3*) можно увидеть часть обширного строения, которое в пушкинское время тянулось до Кузнецкого моста. Позднее оно было искажено перестройками, и ныне трудно узнать в нем создание талантливого зодчего О. И. Бове. Хорошо сохранился лишь фасад дома, что выходит на Большой театр.

Просторная эта усадьба принадлежала в 1810–1820-х годах гвардии поручику С. А. Хомякову – отцу Алексея Степановича Хомякова – известного впоследствии писателя-славянофила.

24 октября 1826 года Пушкин присутствовал у Хомяковых на обеде, устроенном в честь основания журнала «Московский вестник». Учредителями нового журнала были московские «любомудры» – члены философского кружка, организованного в 1823 году. «Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения... Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед», – писал позднее русский общественный деятель, славянофил

А. И. Кошелев. Душой и вдохновителем кружка был Д. В. Веневитинов, приводивший единомышленников в восторг своими речами. Незадолго до декабрьских событий 1825 года московские «любомудры», боясь навлечь на себя подозрения полиции, прекратили свои собрания.

И вот теперь, осенью 1826 года, молодые почитатели немецких философов решили учредить журнал «Московский вестник». Его редактором должен был стать М. П. Погодин, а одним из участников – Пушкин. Он считал в то время, что сможет оказывать решительное влияние на направление нового издания, стать, по сути дела, его «хозяйном». Не разделяя философских и эстетических взглядов «любомудров», Пушкин верил их искренности и энтузиазму. Он писал Дельвигу в марте 1827 года: «Ты пеняешь мне за «Московский вестник» – и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое...»

На обед в доме Хомякова собрались все сотрудники будущего журнала. «Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Киреевские, Шевырев, Титов, Мальцов, Рожалин, Раич, Рихтер, В. Оболенский, Соболевский... Нечего описывать, как весел был этот обед. Сколько тут было шуму, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предположений», – вспоминал М. П. Погодин.

Рядом с Большим театром, на углу

Пушкинской улицы и проспекта Маркса, расположен Дом союзов ВЦСПС (Пушкинская улица, 1) – памятник русского классицизма. Здание было построено М. Ф. Казаковым в 1770-х годах для князя В. М. Долгорукова. В 1784 году московское дворянство приобрело дом и усадьбу для Благородного собрания – дворянского клуба. В 1780–1790-х годах М. Ф. Казаков, приспособив дом к общественным увеселениям, пристроил к нему великолепный двухсветный Колонный зал, украшенный коринфской колоннадой, хрустальными люстрами и высокими настенными зеркалами. С конца XVIII века здесь устраивались балы и праздники, давались первые в Москве публичные концерты.

Дворяне, приезжавшие осенью в Москву со всей России, непременно посещали Благородное собрание. «... Некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму, – писал Пушкин. – Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками».

Можно себе представить, как многолюдно было в Колонном зале, когда здесь собиралось «до пяти тысяч на-

роду»: ведь, по сведениям «Исторического путеводителя», зал был рассчитан на три тысячи человек (в наши дни здесь удобно размещаются всего 1 600 человек).

В зале Дворянского собрания, по воле московских «тетушек», побывала и Татьяна Ларина, здесь она познакомилась со своим будущим мужем:

Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волненье, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Всё чувства поражает вдруг.

Современники не раз встречали Пушкина в Благородном собрании. Зимой 1826–1827 годов Г. П. Пассек и юный А. И. Герцен видели с хоров Колонного зала, как внизу, в толпе, «сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один – высокий блондин, другой – среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко-выразительным лицом. «Смотрите, – сказали нам, – блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин». Они шли рядом, им уступали дорогу».

Приехав в Москву 12 марта 1830 года, Пушкин, как писал он П. А. Вяземскому, попал «прямо из кибитки... в концерт, где находилась вся Москва» – в зал Благородного собрания. В том же году, 3 мая, Пушкин вместе с невестой и ее матерью был в Дворянском собрании на «благородном спектакле в пользу бедных» с участием Е. С. Гагариной-Семеновы.

В 1830-е годы балы и праздники в Благородном собрании не были уже столь роскошными. «Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники – все исчезло: остались одни невесты...» – писал Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург».

...Свернем с Пушкинской улицы направо, в Столешников переулок, чтобы взглянуть на здание, в котором находилась канцелярия московского обер-полицмейстера Д. И. Шульгина (*Столешников переулок, 12*). Как уже говорилось, быть может, именно в этом доме Шульгин дважды допрашивал Пушкина в январе 1827 года по делу о распространении в списках отрывка из элегии «Андрей Шенье».

В самом конце Пушкинской улицы расположено здание строгой архитектуры, отделанное декоративными лепными раковинами и богатым орнаментом фриза. В этом доме (*Пушкинская улица, 34*), построенном в 1822 году архитектором Д. Григорьевым, размещалась Университетская типография. Именно здесь было напечатано первое из опубликованных стихотворений Пушкина – «К другу стихотворцу», появившееся в тринадцатом номере «Вестника Европы» за 1814 год; здесь же печатался ряд московских журналов и альманахов, в которых публиковались произведения Пушкина, – «Московский телеграф», «Денница» и др.

Расположенное рядом здание с колонным портиком, обращенное фасадом к бульвару (*Страстной бульвар, 10*), было построено в 1816–1817

годах Н. Соболевским. В пушкинское время здесь, под сводами первого этажа, помещалась Университетская книжная лавка. Содержал ее Александр Сергеевич Ширяев – комиссионер московских писателей по продаже их сочинений. О лавке Ширяева в «Историческом путеводителе» сказано следующее: «... Из книжных лавок в Москве она есть лучшая и богатейшая... Здесь принимается подписка на все журналы и новые книги; порядок в лавке удивительный. В лавке г. Ширяева можете вы найти все лучшие и даже редкие творения... При сей же лавке находится библиотека...»

Пушкин был знаком с Ширяевым, заходил в его книжную лавку, иногда просил своих корреспондентов писать ему: «К книгопродавцу Ширяеву в Москву».

Во втором этаже дома, в парадных комнатах, помещалась квартира редактора «Московских ведомостей» и издателя «Дамского журнала», поэта и переводчика князя П. И. Шаликова. Пушкин был знаком с ним с сентября 1826 года.

ОТ ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ ДО ПРОСПЕКТА МАРКСА

Пройдем мимо кинотеатра «Россия» и выйдем на улицу Чехова (бывшая Малая Дмитровка). Здесь сохрани-

лось скромное двухэтажное здание с мезонином (*улица Чехова, 12*). Прежде дом выглядел несколько иначе, так как фасад его был украшен шестиколонным портиком.

В 1833–1834 годах в этом доме жил давний знакомец Пушкина декабрист М. Ф. Орлов. Первые их встречи относятся еще к 1817 году, ко времени участия их в «Арзамасе». Позднее они виделись на Юге, а в 1830-х годах встречались в Москве. После восстания декабристов, просидев полгода в крепости, Орлов несколько лет находился в своем имении под надзором полиции. Весной 1831 года он получил разрешение жить в Москве.

По мнению Герцена, Орлов принадлежал к типу людей, испытывающих сильнейшую потребность политической деятельности и «не имеющих возможности найтись в четырех стенах кабинета или в семейной жизни... Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стучался он в решетку, нигде не было ему простора, ни дела, а жажда деятельности его снесла. Лев был осужден празднично бродить между Арбатом и Басманной, не смея даже давать волю своему языку». Не случайно Герцен упоминает Басманную: с конца 1831 года там жил П. Я. Чаадаев (Новая Басманная улица, 20; дом не сохранился) и М. Ф. Орлов часто его посещал.

Пушкин виделся с Орловым у Чаадаева, Вяземского и других общих знакомых, бывал у него в гостях. Свидетельством их московских

встреч является книга Орлова «О государственном кредите» из библиотеки поэта с дарственной надписью автора и рукописными добавлениями всех исключенных цензурой мест (по мнению Герцена, Орлов написал ее «от скуки»: «Не туда рвалось сердце, но другого выхода не было»). В 1833–1834 годах Пушкин внимательно изучал эту книгу.

Памятник А. С. Пушкину на *Пушкинской площади*... В нашем сознании он неотделим от Москвы, стал одним из ее символов.

Знаменательно, что именно на родине Пушкина, в Москве, на средства, собранные по подписке, был сооружен первый памятник великому поэту. Его автор, Александр Михайлович Опекушин, родом из крепостных крестьян Ярославской губернии, сын лепщика, добывавшего хлеб насущный на бронзолитейном заводе в Петербурге, сумел благодаря необыкновенному трудолюбию, упорству, яркому и самобытному таланту достичь высокого совершенства в искусстве скульптуры.

Многие годы посвятил он работе над проектом памятника Пушкину. Изучая рукописи и рисунки поэта, его прижизненные портреты, посмертную маску, Опекушин выполнил в процессе работы сотни рисунков на бумаге и эскизов в глине. «... В течение ряда лет ночи не спались как следует, – вспоминал он позднее. – Были три лихорадочных конкурса. В двух из них участвовали все скульпторы того времени. Ах, какая жара была! Ах, какая суматоха! Сколько

зависти было друг к другу!.. Газеты кричали наперебой». В итоге третьего конкурса в 1875 году модель Опекушина была признана лучшей: она соединила в себе «с простотою, непринужденностью и спокойствием позы—тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта».

Открытие памятника в июне 1880 года было, по словам видного юриста и общественного деятеля А. Ф. Кони, «одним из незабвенных событий русской общественной жизни последней четверти прошлого столетия... В затхлой атмосфере застоя, где все начало покрываться ржавчиной отсталости, вдруг пронеслись свежие струи чистого воздуха – и все постепенно стало оживать. Блестящим проявлением такого оживления был и пушкинский праздник в Москве».

В 1950 году памятник А. С. Пушкину, находившийся прежде на Тверском бульваре, был перенесен в центр Пушкинской площади.

С площади, от памятника поэту, видно старинное здание с выходящими на улицу флигелями-«крыльями». В нем помещается Центральный музей Революции СССР, а в пушкинское время был Английский клуб.

17 июня 1831 года П. Я. Чаадаев писал Пушкину из Москвы в Царское Село: «... Я бываю иногда – угадайте где? В Английском клубе! Вы мне говорили, что Вам пришлось бывать там; а я бы Вас встречал там, в этом прекрасном помещении, среди этих греческих колонн, в тени прекрасных деревьев...»

С апреля 1831 года Английский клуб располагался на Тверской (*улица Горького, 21*), в великолепном дворце Л. К. Разумовского, многие годы развлекавшего москвичей «своими праздниками, спектаклями, концертами и балами».

Дом Разумовского почти не пострадал от пожара 1812 года, так как был окружен обширным парком. В 1814 году архитектор А. А. Менелас перестроил здание, объединив его с флигелями. «Львы на воротах», столь характерные для московских барских усадеб, упоминаются в седьмой главе «Евгения Онегина».

Членами Английского клуба были по большей части московские сановники, «вельможи, оставившие двор», люди богатые и знатные.

В черновых вариантах «Путешествия Онегина» Пушкин высмеивает пустые и вздорные «дебаты» в клубе, изображая их как пародию на заседания английского парламента:

В палате Английского клуба
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он.

Интересно, что вопрос «о кашах» и в самом деле «дебатировался» в марте 1827 года, когда Пушкин, еще не будучи членом клуба, приходил туда с друзьями в качестве гостя. Спор шел о том, можно ли «не платить за целый ужин, а требовать одного только такого-то блюда и платить за одну только порцию».

Вместе с тем, по свидетельству современников, в клубе состояли люди «с примечательным умом», и среди

них — многие друзья и знакомые Пушкина: Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, декабристы С. Г. Волконский и М. С. Лунин, братья Н. И. и А. И. Тургеневы, М. П. Погодин, М. С. Щепкин, С. А. Соболевский, С. Д. Полторацкий и др. Сам же Пушкин был принят в Английский клуб весной 1829 года, когда он помещался еще на Большой Дмитровке (Пушкинская улица, 9–11; дом не сохранился). 29 марта П. А. Плетнев шутливо поздравлял его с «почетным званием»: «Желаю, чтобы и про тебя какой-нибудь новый поэт сказал, что ты все Английского клуба член».

А вот что пишет Пушкин жене по поводу московского Английского клуба в августе 1833 года: «В клубе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Английский клуб готов продать за 200».

... В конце Тверского бульвара, рядом с Пушкинской площадью, находятся дома (*Тверской бульвар, 24–26*), принадлежавшие некогда генерал-адъютанту И. Н. Римскому-Корсакову. Это примечательный уголок пушкинской Москвы, один из немногих, где осталась в неприкосновенности линия застройки улицы, характерная для того времени. Именно такой видел поэт эту часть улицы, гуляя по Тверскому бульвару.

Иван Николаевич Римский-Корсаков — один из последних вельмож века Екатерины II — происходил из старинного дворянского рода. Он начал службу сержантом в лейб-гвардии

Конном полку. Случайное знакомство с Г. А. Потемкиным открыло перед ним путь к блестящей придворной карьере. Назначенный флигель-адъютантом императрицы в июне 1778 года, он затем в течение нескольких месяцев был пожалован в действительные камергеры, генерал-майоры и генерал-адъютанты. По словам современника, Римский-Корсаков, обязанный «одной слепой фортуне, пригожему лицу и юности минутным блеском своим у трона», «любил говорить о прошедшем своем фаворе». Бывал у престарелого вельможи и Пушкин, беседовавший с ним о прошлом, о временах Екатерины II.

...Трехэтажный дом близ Пушкинской площади, в котором размещается один из самых известных в Москве гастрономов (*улица Горького, 14*), почти не сохранил следов своего былого облика. Здание, возведенное в 1790-х годах М. Ф. Казаковым, неоднократно перестраивалось (в последний раз – в конце XIX – начале XX века под магазин Елисеева). От пушкинского времени сохранились лишь стены с разбивкой окон верхних этажей и центральным входом на месте въездных ворот.

В 1824–1829 годах здесь жила княгиня Зинаида Александровна Волконская – хозяйка блестящего литературно-музыкального салона, талантливая певица и поэтесса. Дом ее, по свидетельству П. А. Вяземского, «был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут

соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома». Современники с восторгом вспоминают о музыкальных вечерах в доме Волконской, когда княгиня Зинаида «являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто». Рассказывают о веселых вечерах, маскарадах, замысловатых играх, которыми развлекалась здесь молодежь, причем «игра в карты строго запрещалась хозяйкой».

Пушкин, не раз бывавший в доме княгини Волконской, в знак благодарности за гостеприимство посылает ей томик «Цыган» и посвящает стихотворение:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.

В доме на Тверской Пушкин становится свидетелем вдохновенных импровизаций А. Мицкевича, вызывавших «удивление и восторг слушате-

Улица Немировича-Данченко, 6. Мемориальная доска на здании бывш. гостиницы «Север» («Англия»)

лей». Быть может, эти его впечатления воплотились в образе гениального импровизатора в «Египетских ночах»: «... Уже импровизатор чувствовал приближение бога... Он дал знак музыкантам играть... Лицо его страшно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем; он приподнял рукою черные свои волосы, отер платком высокое чело, покрытое каплями пота... и вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на грудь... музыка умолкла... Импровизация началась».

26 декабря 1826 года Пушкин был приглашен на прощальный вечер в честь княгини М. Н. Волконской, уезжавшей в Сибирь к ссыльному мужу – декабристу С. Г. Волконскому. Пушкин был знаком с Марией

Николаевной с 1820 года, когда вместе с семьей ее отца, генерала Н. Н. Раевского, путешествовал по Кавказу и Крыму. То время называл он «счастливейшими минутами» своей жизни. Отзвук давнего увлечения Марией Раевской угадывается и в пушкинской лирике, и в «Кавказском пленнике», в «Бахчисарайском фонтане», в «Евгении Онегине».

О своей последней встрече с Пушкиным в доме Зинаиды Волконской Мария Николаевна рассказала в «Записках» много лет спустя, уже в старости: «Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» для вручения им, но я уеха-

ла в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой».

... Поблизости от Тверской, в Глинищевском переулке (*улица Немировича-Данченко, 6*), в доме Л. Н. Обера помещались известные в Москве гостиницы – сначала «Север», а с 1829 года – «Англия». Обе они были для Пушкина привычным «местом жительства» в Москве, подобно гостинице Демута в Петербурге. В 1828–1832 годах он дважды останавливался в гостинице «Север» и четыре раза – в «Англии». В путеводителе по Москве пушкинского времени об этой гостинице говорится: «Номера расположены спокойно, вина и стол хороши».

Весной 1829 года к Пушкину, жившему в гостинице «Север», приходил Адам Мицкевич. В память об их встречах на здании в 1956 году был установлен горельеф польского скульптора М. Мильбергера. Под изображением двух великих поэтов – строки пушкинского стихотворения, посвященного Мицкевичу:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Ниже – слова Мицкевича на польском языке: «Знали друг друга недолго, но много. Через несколько дней – они уже друзья».

В середине 1970-х годов здание было реставрировано: чтобы вернуть ему облик 1820-х годов, восстановили несохранившееся левое крыло дома. Здание Моссовета (*улица Горького, 13*), построенное в 1782 году для графа З. Г. Чернышева, было до револю-

ции «казенным домом, занимаемым московским военным генерал-губернатором». Хотя в те времена оно было значительно ниже, чем сейчас (в 1940-х годах надстроено два этажа и дом передвинут в глубь квартала), но и тогда уже это здание считалось «одним из крупнейших по всей Тверской улице».

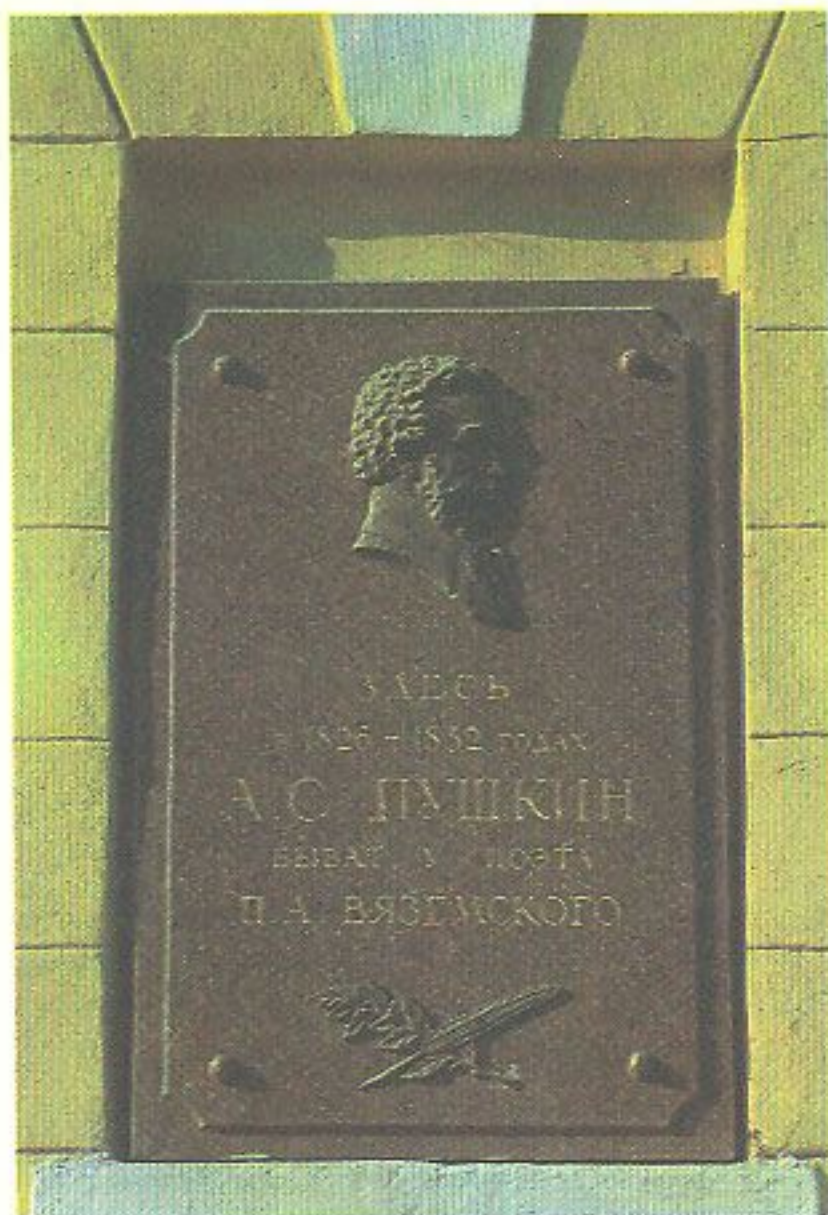
В пушкинское время московским генерал-губернатором был князь Д. В. Голицын. Он устраивал в своем доме балы и маскарады, на которые съезжалась вся Москва. Бывал на них и Пушкин. Сохранилось любопытное свидетельство о посещении им одного из таких балов. Екатерина Николаевна Ушакова, которой Пушкин был увлечен в конце 1820-х годов, переписав посвященное ей пушкинское стихотворение, озаглавила его «Экспромт... сказанный в мазурке на бале у князя Голицына»²:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, –
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

В конце 1829 года на балу в доме генерал-губернатора были поставлены «живые картины», в которых участвовала Н. Н. Гончарова. О них вспоминал Пушкин в письме к невесте 20 июля 1830 года: по дороге из Москвы в Петербург он нагнал их общего знакомого Н. С. Всеволожского, и

² Речь идет о стихотворении «Ек. Н. Ушаковой».

Улица Станкевича, 9. Мемориальная доска на доме П. А. Вяземского

они «закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына».

...Следующий объект экскурсии – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин, характеризуя разные стороны жизни и быта обеих столиц, замечает: «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы». Приоритет Москвы в области просвещения и культуры во многом был обусловлен тем, что, по мысли А. И. Герцена, после 1812 года Московский универ-

ситет «больше и больше становится средоточием русского образования». Писатель И. А. Гончаров, учившийся в университете в 1830-е годы, отмечал, что «образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого».

Двадцатилетним юношей Гончаров становится свидетелем посещения Пушкиным Московского университета (*проспект Маркса, 18*). 27 сентября 1832 года Пушкин, по приглашению президента Академии наук С. С. Уварова, присутствует на лекции профессора И. И. Давыдова, посвященной «Слову о полку Игореве». Поэт издавна интересовался этим уникальным памятником древнерусской литературы, будучи убежден, что подлинность «Слова» «доказывается духом древности, под который невозможно подделаться».

Появление Пушкина в университетской аудитории произвело на студентов огромное впечатление. «Не умею выразить, – пишет И. А. Гончаров, – как велико было наше наслаждение – видеть и слышать нашего кумира». «Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга... И вдруг этот гений, эта слава и гордость России – передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам». После лекции возник спор по поводу «Слова о полку Игореве» между Пушкиным и присутствовавшим тут же профессором М. Т. Каченовским:

«Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож».

Позднее известный славист О. М. Бодянский, вспоминая посещение университета Пушкиным, рассказывал П. И. Бартеневу, что поэт присутствовал на лекции «в доме старого университета» и что «через день Пушкин обходил с Уваровым весь университет». В 1899 году в той самой аудитории, где Пушкин слушал лекцию профессора И. И. Давыдова, Общество любителей Российской словесности организовало юбилейную Пушкинскую выставку, которая привлекла внимание всей Москвы. Облик университетского здания мало изменился с пушкинских времен. Построенное в 1786–1793 годах по проекту М. Ф. Казакова, оно пострадало от пожара в 1812 году и было восстановлено в 1817–1819 годах Д. И. Жилярди. Сохранив основные объемы и планировку здания, архитектор перестроил его фасад, придав ему большую торжественность и монументальность.

В РАЙОНЕ БУЛЬВАРНОГО КОЛЬЦА

От университета поднимаемся по улице Герцена до улицы Станкевича. Неширокая, уютная, она больше похожа на переулок. Впрочем, так она и называлась прежде – Большой Чернышевский переулок. На этой тихой

улочке по-соседски, неподалеку друг от друга жили два замечательных русских поэта – П. А. Вяземский и Е. А. Баратынский.

Петр Андреевич купил здесь дом еще в мае 1821 года (ныне *улица Станкевича, 9*). Позднее он приобрел еще большой участок земли с жилыми и хозяйственными строениями, так что осенью 1826 года, когда Пушкин впервые тут побывал, Вяземскому принадлежало весьма обширное владение.

В одно из первых посещений Пушкин читает Вяземскому «Бориса Годунова», и в письме от 29 сентября 1826 года тот делится мыслями о пушкинской трагедии с А. И. Тургеневым и В. А. Жуковским: «Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надобно вслушаться в нее, вникнуть, чтобы дать удовлетворительное определение; но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красок сохранена в совершенстве, что ум Пушкина развернулся не на шутку, что мысли его созрели, душа прояснилась... Сегодня читает он ее у меня Блудову, Дмитриеву».

Эти строки очень характерны для Вяземского: яркий, талантливый критик, он привык судить о литературных произведениях, глубоко вникая в их сущность. Его стихией была литературная борьба, острая журнальная полемика. «Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюда-

тельного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить», – писал Пушкин в «Литературной газете».

В годы Южной и Михайловской ссылки Пушкин деятельно переписывается с Вяземским, посвящает друга в свои литературные занятия и замыслы, откликается на его поэтическое творчество. Пушкину нравились стихи Вяземского: «... Они пленительны и оживительны – «Первый снег» прелесть; «Уныние» – прелестнее».

«Не написал ли ты чего нового? Пришли, ради бога», – просит он Вяземского в 1823 году, а позднее, в ответ на высказанное им сомнение в своем поэтическом даровании, Пушкин утверждает в письме из Михайловского: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору». В переписке Пушкина и Вяземского неустанно обсуждается одна из насущнейших проблем общественной и литературной жизни тех лет: оба они считают необходимым создать в России журнал нового типа, в котором бы сотрудничали лучшие литераторы, публиковались бы серьезные, принципиальные критические статьи. «То, что ты говоришь насчет журнала, давно уже бродит у меня в голове... – пишет Пушкин Вяземскому в июне 1824 года. – Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться».

Не имея возможности основать собственный журнал, Вяземский

стал сотрудничать в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого. Позднее Петр Андреевич рассказывал о том, что именно здесь, в его доме, родилась идея этого журнала: «... В кабинете дома моего, в Чернышевском переулке, зачато было дитя, которое после наделало много шума на белом свете. Я закабалил себя «Телеграфу». Почти в одно время закабалил себя Пушкин «Московскому вестнику». Но он скоро вышел из кабалы, а я втерся и въелся в свою всеми помышлениями и всем телом. Журнальная деятельность была по мне. Пушкин и Мицкевич уверяли, что я рожден памфлетером, открылось бы только поприще. Иная книжка «Телеграфа» была наполовину наполнена мною или материалами, которые сообщал я в журнал». Вяземский сумел привлечь к новому журналу лучшие литературные силы: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, И. И. Козлов, Н. М. Языков, А. И. Тургенев печатали здесь свои произведения.

Осенью 1826 года Пушкин постоянно посещает Вяземского. Следивший за Пушкиным жандармский полковник Бибииков в донесении Бенкендорфу упоминает дом Вяземского в числе тех, где поэт бывает «наиболее часто» и где «разговоры... вращаются, по большей части, на литературе».

Не только хозяин дома, но и все его семейство встречало Пушкина как

Улица Станкевича, 6. Дом, где жил
Е. А. Баратынский

самого дорогого гостя. По свидетельству сына Вяземского Павла Петровича, стихи Пушкина оказывали «магическое действие» на всех обитателей дома. Он вспоминал: «Каждое появление стихотворений Пушкина было событием в нашем детском мире: каждая глава «Онегина», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», ежегодные альманахи царили в наших детских комнатах и растрепывались пуше любого учебника».

В следующие приезды в Москву, в 1828 и 1829 годах, Пушкин также посещал гостеприимный дом Вяземских. А. Я. Булгаков упоминает в письме к брату в марте 1829 года о своих частых встречах с Пушкиным у Вяземского, «где он как дома».

14 августа 1830 года Пушкин, приехав в Москву из Петербурга вместе с Вяземским, остановился у него на две с половиной недели. «Пушкин в городе живет у меня, и если вы будете ему писать, то вот мой адрес: в доме князя Вяземского, в Чернышевском переулке», – сообщал Петр Андреевич 2 сентября Е. М. Хитрово.

Последние посещения Пушкиным московского дома Вяземских относятся к сентябрю–октябрю 1832 года. «Был вечер у Вяземской», – писал поэт жене 27 сентября. Зимой 1832–1833 годов Вяземский с семьей переехал на постоянное жительство в Петербург.

Евгений Абрамович Баратынский в 1827 году поселился по соседству с Вяземским в Чернышевском переулке (ныне улица Станкевича, 6; здание

перестроено). Старинный, «до-пожарный» каменный дом, некогда принадлежавший семье известного поэта А. П. Сумарокова, перешел в 1810 году во владение генерал-майора Л. Н. Энгельгардта, человека просвещенного, известного в культурных кругах Москвы. В июне 1826 года Баратынский женился на его старшей дочери – Анастасии Львовне. Друзья и знакомые поэта, для которых его женитьба была неожиданностью, с интересом приглядывались к семейному быту Баратынских. Вот что пишет дочери Сергей Львович Пушкин: «Видим Баратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую: встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в девять часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всегда довольными, спокойными, следовательно, счастливыми». Вяземский, считавший этот брак «не блестящим, а благоразумным», беспокоится, как бы женитьба не помешала творчеству поэта. «Боюсь только, чтобы он не обленился на манер московского Гименя и за кулебяками тетушек и дядюшек», – пишет Вяземский А. И. Тургеневу весной 1827 года. И в том же письме: «Я очень полюбил Баратынского: он ума необыкновенного, ясного, тонкого».

Здесь, в доме Энгельгардтов, в гостях у Баратынского не раз бывал Пушкин. Они были знакомы уже

много лет – с 1819 года. Как раз в то время в печати стали появляться элегии Баратынского, и уже в первых его поэтических опытах Пушкин находит «стройность и зрелость необыкновенную». Поэму Баратынского «Эда» Пушкин называет в письме к П. А. Осиповой «образцом грации, изящества и чувства».

В 1827 году выходит первая книга стихотворений Баратынского, восторженно встреченная Пушкиным. «Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое, – писал он. – Спешим воспользоваться случаем высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками». Следующий, 1828 год тоже был памятен для Баратынского: его поэма «Бал» издается в одной книжке с «Графом Нулиным». Позднее, в 1830–1831 годах, Пушкин работает над статьей о творчестве Баратынского, в которой отмечает своеобразие и яркость его таланта.

Пушкин, Баратынский, Вяземский часто сходились у общих знакомых – в салоне Зинаиды Волконской, в доме Киреевских близ Красных ворот, на вечерах у братьев Полевых. В начале апреля 1829 года в Москве появляется изданная в Петербурге пушкинская «Полтава», и автор дарит ее другу с лаконичной надписью:

«Евгению Баратынскому»
От Александра Пуш (кина)
7 апр.
1829»

В конце 1830 года Пушкин читает Евгению Абрамовичу «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», и тот слушает их с восхищением, с восторгом. А месяц спустя друзей сближает горестное событие: в середине января 1831 года в Петербурге умер Дельвиг; Баратынский, по словам Пушкина, «болен с огорчения». 27 января, как уже отмечалось, Пушкин, Баратынский, Вяземский и Языков собираются в ресторане Яра на Кузнецком мосту, чтобы помянуть друга. «... Никто на свете не был мне ближе Дельвига... – пишет Пушкин из Москвы П. А. Плетневу. – Без него мы точно осиротели. Считаю по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё».

Позднее, в 1830-е годы, Пушкин не раз еще посетит дом Энгельгардтов. Осенью 1832 года он пишет жене: «Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся».

Однако, несмотря на то что Баратынский часто встречался с Пушкиным, восторженно отзывался о его произведениях, он понимал, что в их отношениях нет все же той легкости и непринужденности, какая бывает между самыми близкими друзьями. Это настроение отчетливо чувствуется в письме его к Вяземскому, написанном весной 1829 года: «Вы не можете себе представить, как Москва для меня без Вас опустела!.. Пушкин здесь, и я ему отдал Ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижусь, но Вы

нам очень недостаете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходимо третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и Вы были ею».

Литератор С. П. Шевырев, со вниманием и интересом наблюдавший «труды и дни» Пушкина в Москве, рассказывал позднее П. В. Анненкову: «В обращении Пушкин был добродушен, неизменен в своих чувствах к людям... Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своих близких друзей. Про Баратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного».

...По улице Герцена дойдем до *Тверского бульвара*. В наши дни, как и в прежние времена, москвичи любят здесь отдыхать. Старейший московский бульвар, возникший еще в 1796 году, он «первенствовал перед всеми московскими гуляньями» и позднее, когда в Москве появилось немало новых садов и бульваров. «Множество цветов, фонтаны, беседки, лужочки, кустики, разбросанные в самом приятном порядке, дают ему преимущества перед другими бульварами», — отмечал в «Записках москвича» очеркист П. Л. Яковлев.

О встречах с Пушкиным на *Тверском бульваре* упоминают многие его знакомые. Эти места были памятны поэту еще и потому, что зимним вечером 1828 года на балу у знаменитого танцмейстера Иогеля в доме Кологривовых (*Тверской бульвар, 22*; дом не сохранился) Пушкин впервые встречает шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову.

Церковь, где 18 февраля 1831 года венчались А. С. Пушкин и Н. Н. Гончарова, находится тут же, близ начала *Тверского бульвара*, у *Никитских ворот (улица Качалова, 5)*.

...С того памятного бала у Иогеля, когда Пушкин впервые увидел Наталью Николаевну, до дня их свадьбы проходят два года, полные тревог, ожиданий, горестей и надежд. Пораженный ее редкостной, одухотворенной, «романтической» красотой, Пушкин вскоре через друзей знакомится с семейством Гончаровых, часто бывает в их доме на *Большой Никитской (улица Герцена, 50*; дом не сохранился), делает предложение, но получает неопределенный ответ, скорее похожий на отказ. Лишь в апреле 1830 года было, наконец, получено согласие, а в начале мая состоялась помолвка.

«Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя... Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» Так писал Пушкин в незавершенном отрывке, начатом в то смутное и радостное время — весной 1830 года.

Тогда ему казалось, что до начала семейной жизни остается совсем немного времени. Но снова проходят дни, недели, месяцы... Всего за неделю до свадьбы — 10 февраля 1831 года — Пушкин отправляет своему

другу Н. И. Кривцову письмо, полное тревоги и «сердечной тоски»: «... Я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

«... Сегодня свадьба Пушкина, наконец, – сообщал брату А. Я. Булгаков 18 февраля. – С его стороны посажеными Вяземский и гр. Потемкина, а со стороны невесты Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская».

В то время церковь Большого Вознесения не была еще достроена: ее сооружение завершилось лишь в 1840-х годах. Рядом с этой строящейся церковью стояла старинная церковь Вознесения, пятиглавая, с шатровой колокольней. Она была разобрана лишь в конце 1831 года. Венчание могло происходить либо в этой старинной церкви (... «их обвенчали... у Старого Вознесения», – сообщал А. Я. Булгаков), либо в одном из приделов нового, еще не достроенного храма.

... Стоит лишь немного удалиться от Никитских ворот, где всегда многолюдно, шумно, всегда напряженное движение, стоит пройти один-два квартала по улице Качалова, бывшей Малой Никитской, как мы окажемся как будто в другом городе, с иным ритмом жизни, более размеренным и спокойным.

Перед домом 12 по улице Качалова невольно замедляешь шаг: очень красив этот старинный усадебный дом

строгой классической архитектуры, полукруглый парадный двор, украшающие его скульптуры «Парис» и «Елена».

В правом флигеле дома, принадлежавшего в 1820-е годы надворному советнику П. Ф. Соковнину, снимал квартиру В. П. Зубков. Он привлекался к следствию по «Делу 14 декабря», был заключен в Петропавловскую крепость, но, когда выяснилась его непричастность к тайному обществу, его освободили «с аттестатом». Пушкин, живо интересовавшийся всеми обстоятельствами следствия над декабристами, условиями содержания их в крепости, часто приходил к Зубкову на Малую Никитскую. Сближало их и то, что Зубков был коротко знаком с ближайшим другом Пушкина – И. И. Пущиным: до декабрьских событий 1825 года оба они служили при московском генерал-губернаторе Д. В. Голицыне.

Осенью 1826 года Пушкин познакомился со свояченицей Зубкова, своей дальней родственницей Софьей Федоровной Пушкиной, одной из первых московских красавиц. Она была, рассказывает знавшая ее Е. П. Янькова, «стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами, и была очень умная и милая девушка». О том, насколько увлечен был ею Пушкин, можно судить по письму его к Зубкову, посланному из Пскова 1 декабря 1826 года. «Мерзкий этот Панин, – пишет Пушкин о женихе Софьи Федоровны, – два года влюблен, а свататься собирается на Фо-

миной неделе – а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь!» В том же письме Пушкин делится с приятелем самыми сокровенными своими опасениями. «Не личное мое счастье заботит меня, – пишет он, – могу ли я возле нее не быть счастливейшим из людей, – но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает, – содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша!..»

Лирические строки «Зимней дороги», написанной под впечатлением поездки из Пскова в Москву в декабре 1826 года, проникнуты надеждой на скорую встречу с любимой (в стихотворении она названа условно поэтическим именем Нина):

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

19 декабря, когда Пушкин вернулся в Москву, Софья Федоровна была по-

молвлена, а через месяц вышла замуж.

... От улицы Качалова, если пройти переулками, совсем недалеко до улицы Воровского.

Скромный двухэтажный особняк (дом 27 по улице Воровского, бывшей Поварской) типичен для массовой застройки Москвы после 1812 года. Он построен по одному из «образцовых» проектов, созданных в целях планомерного и быстрого восстановления разрушенного пожаром города. Дом неплохо сохранился: уцелел тонко проработанный лепной фриз – главное его украшение; к сожалению, изящные решетки балконов утрачены.

В 1828-м – 1830-х годах здесь снимал квартиру приятель Пушкина С. Д. Киселев. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, он вышел в отставку в 1821 году в чине полковника, жил в Москве почти безвыездно и был знаком со многими выдающимися людьми – литераторами, музыкантами, общественными деятелями.

В конце 1820-х годов Пушкин часто виделся с Киселевым в доме Ушаковых, живших недалеко от Поварской, на Средней Пресне (улица Заморенова, 16; дом не сохранился). Пушкин был влюблен тогда в семнадцатилетнюю Екатерину Ушакову, Киселев – в ее младшую сестру, Елизавету. «Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного», – пишет биограф Пушкина Л. Н. Майков. Бывал Пушкин и у самого Сергея Дмитрие-

вича на Поварской, о чем свидетельствует, в частности, запись, сделанная в 1853 году П. А. Вяземским: «В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» в Москве у Сергея Киселева».

... Тогда, в декабре 1828-го, «Полтава» была, по выражению Д. В. Давыдова, еще «горячей»: Пушкин написал ее за короткое время и переписал набело в первой половине октября того же, 1828 года. В один из первых дней по приезде в Москву в декабре Пушкин и читает новую поэму у Киселева. По свидетельству Вяземского, на чтении присутствовали давний знакомец Пушкина москвич Федор Иванович Толстой и молодой поэт Александр Александрович Башилов, которого Пушкин «поощрял на поприще словесности».

... Если по улице Воровского дойти до Арбатской площади и пересечь ее, то слева увидим Суворовский бульвар и в самом его начале дома 8 и 8а, где бывал Пушкин.

«Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина, – писал знакомый поэта А. И. Кошелев В. Ф. Одоевскому 21 февраля 1831 года. – Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. в прошедшую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша». Принято считать, что в этом письме речь идет об Анастасии Михайловне Щербининой – дочери княгини Екатерины Романовны Дашковой, президента Академии наук и Российской академии, видной деятельницы эпохи Екатерины II. Пушкин, в 1830-е

годы особенно интересовавшийся событиями екатерининского времени, расспрашивал Щербинину о том, что знала она от своей матери, и записал с ее слов несколько фактов, касающихся заговора, возведшего на престол Екатерину II.

С. К. Романюк, занимавшийся уточнением адресов пушкинской Москвы по архивным документам, выяснил, что в 1831 году А. М. Щербинина снимала квартиру в одном из домов графини Н. П. Головкиной у Арбатских ворот (*Суворовский бульвар, 8 и 8а*; часть бывшего владения Головкиной занимает ныне Дом журналиста).

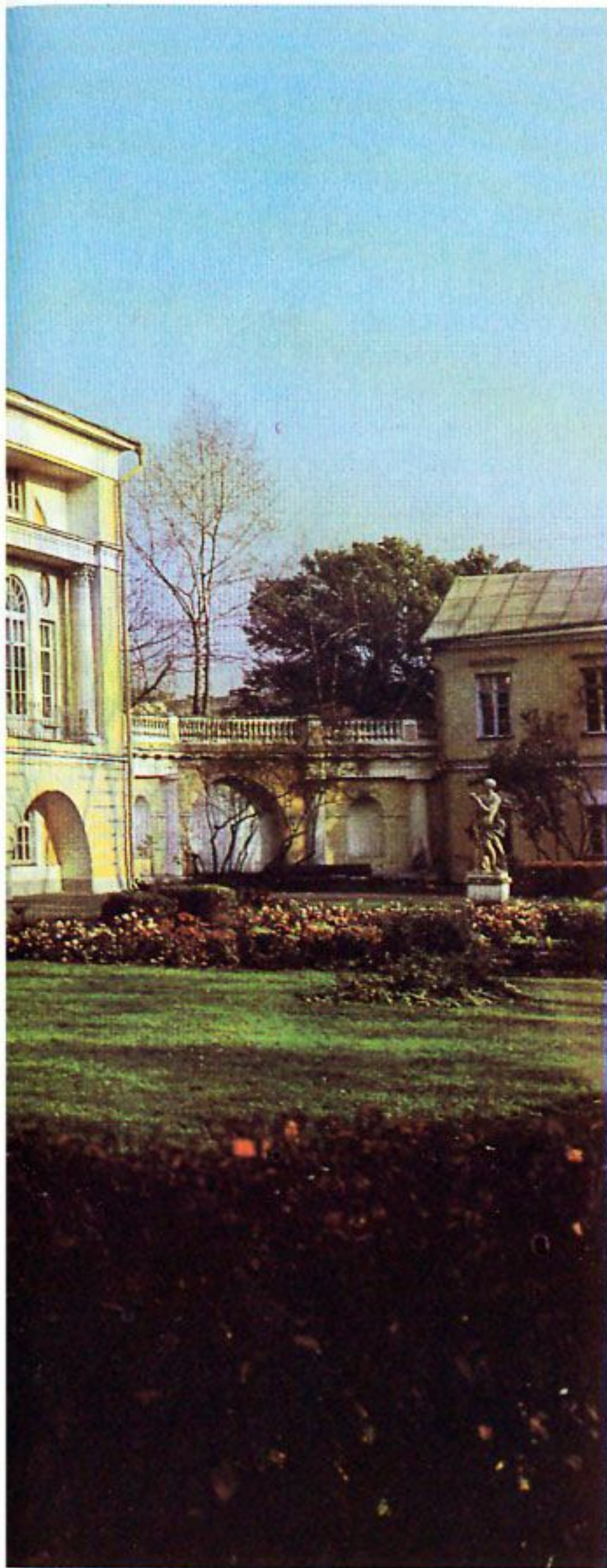
В одном из этих домов в 1836 году жил знакомый Пушкина Д. Н. Свербеев. По пятницам у него собирались общественные деятели, журналисты, писатели; здесь бывали А. И. Тургенев, Н. М. Языков, Н. В. Гоголь, П. Я. Чаадаев. 15 мая 1836 года салон Свербеева посетил А. С. Пушкин. Об этом сообщала в письме к поэту Языкову его сестра Екатерина Михайловна: «Пушкин, которого я видела в пятницу у Свербеевых, очаровал меня решительно». ... Пройдем по Арбатской площади и по улице Фрунзе до улицы Грицевец, бывшего Большого Знаменского переулка.

Двухэтажный особняк (*улица Грицевец, 8*) в пушкинское время занимал князь Н. И. Трубецкой. Облик дома в основном сохранился с тех пор; флигель значительно перестроен; не осталось следов от обширного двора и сада, отделявшего дом от улицы.

В начале XIX века семья Трубецких славилась в Москве своими обедами, балами и праздниками. По всей вероятности, и Пушкины посещали их дом.

Один из трех сыновей Трубецких – Николай Иванович – стал впоследствии известным библиофилом. В 1820–1830-е годы Пушкин встречался с ним в Москве, хорошо знал его богатое книжное собрание. В «Истории Пугачева» упоминается «весьма редкая» французская книга XVII века о Степане Разине, принадлежавшая Трубецкому.

В библиотеке Трубецкого находилась ценнейшая, уникальнейшая книга – единственный экземпляр пушкинской поэмы «Цыганы», напечатанный на пергаменте. Поэт подарил ее в 1827 году С. А. Соболевскому. В начале 1830-х годов, когда Трубецкой приобрел прекрасное собрание редких книг А. С. Норова, Соболевский в ознаменование этого события подарил ему драгоценный экземпляр «Цыган». После смерти Николая Ивановича библиотека перешла к князю Н. А. Орлову, женатому на его дочери. Судьба редчайшей пушкинской реликвии неизвестна.

... Скромный дом в два этажа с мезонином в том же Большом Знаменском переулке (*ул. Грицевец, 17*) в конце 1820-х годов принадлежал Денису Васильевичу Давыдову.

Пушкин и Давыдов были знакомы в течение многих лет: их первые встречи относятся к концу 1818 года. Прославленный герой Отечественной войны 1812 года, зачинатель ар-

Улица Качалова, 12. Дом, где жил
В. П. Зубков

мейского партизанского движения, человек беззаветной отваги, яркий, талантливый поэт, Давыдов всегда привлекал к себе восторженное внимание современников. Пушкин посвятил ему несколько дружеских посланий. Он высоко ценил самобытность «пламенного поэта», его «неподражаемый слог». Как-то Пушкин даже признался, что еще в лицейские годы стихи Давыдова помогли ему понять, что можно избежать подражания блестящим образцам – В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову, помогли почувствовать «возможность быть оригинальным». Пушкин очень любил беседы с «певцом-гусаром». Еще в 1821 году он посвятил ему такие строки:

Я слушаю тебя и сердцем молодею.
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламеню
Воспоминаям прежних дней.

В Москве Пушкин и Давыдов часто встречались. По-видимому, Пушкин навещал приятеля и в его доме в Большом Знаменском переулке. С тех пор дом мало изменился: это один из «островков» старой Москвы в современном городе.

Улица Грицевец приведет нас на улицу Волхонку. Пересечем ее и дойдем до улицы Ленивки.

Рядом с угловым домом, выходящим на Ленивку и Волхонку, расположено трехэтажное здание (*дом 3 по улице Ленивке*) XVIII века, значительно перестроенное в 1870-х годах. В течение многих лет здесь жил замечательный русский художник В. А. Тропинин. В прошлом крепост-

ной графа Моркова, он получил свободу лишь в возрасте 43 лет. «Долгое подневольное пребывание при маленьком дворе графа внушило Тропинину жажду уединения и жизни простой и тихой, совершенно частной и независимой, – пишет искусствовед Н. Коваленская. – Отсюда такая любовь его к Москве, где всегда меньше чувствовался политический и административный гнет, где люди жили по-домашнему, нараспашку». Именно здесь, в тихой маленькой квартире на Ленивке, из окон которой открывался вид на Кремлевские соборы, стены и башни, весной 1827 года позировал Тропинину Пушкин. В июне того же года в «Московском телеграфе» появляется редакционная заметка: «...Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина... Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиономия Пушкина, столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, – вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие».

Портрет Пушкина был написан Тропининым по заказу самого поэта для С. А. Соболевского. Пушкин, живший тогда у Соболевского в доме Ренкевича, в благодарность за гостеприимство тайком заказывает художнику свой портрет и подносит

его приятелю «в пышной великолепной рамке» «в виде сюрприза с разными фарсами».

Дальнейшая судьба портрета складывается драматически. Уезжая за границу, Соболевский оставляет его друзьям, а возвратившись спустя пять лет, узнает, что портрет украден. Найти его удается лишь в 1850-х годах. Когда показали портрет Тропинину, он «чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, валяясь где-нибудь в сыром чулане или сарае». Престарелый художник разволновался, вспоминая часы, которые провел он «глаз на глаз с великим нашим поэтом»; прикоснуться же к портрету кистью, чтобы подновить его, не решился, не смея «трогать черты, наложенные с натуры и притом молодою рукою».

Позднее, уже в 1909 году, портрет был приобретен Третьяковской галереей. Ныне он экспонируется во Все-союзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

Трехэтажное здание в классическом стиле на углу улицы Волхонки и Гоголевского бульвара, в котором помещается Институт русского языка Академии наук СССР (*улица Волхонка, 18/2*), мало изменило свой облик с пушкинского времени.

Пушкин бывал здесь у Матвея Алексеевича Окулова, мужа сестры П. В. Нащокина Анастасии Воиновны. Участник Отечественной войны 1812 года, Окулов в 1829 году вышел в отставку. В 1830-е годы он директор единственной в Москве

мужской классической гимназии, помещавшейся на Волхонке (дом 16). У Окулова часто собирались московские литераторы, артисты, художники. В январе 1836 года москвичи чествовали здесь недавно приехавшего из Италии К. П. Брюллова – прославленного автора «Последнего дня Помпеи». Вот что писал Нащокин Пушкину о Брюллове под впечатлением встречи с ним на обеде у Окулова: «Уже давно, т. е. так давно, что даже не помню, не встречал я такого ловкого, образованного и умного человека; о таланте говорить мне тоже нечего: известен он – всему Миру и Риму. Тебя, т. е. твое творение, он понимает... Очень желает с тобою познакомиться...»

КРОПОТКИНСКАЯ УЛИЦА И СТАРЫЙ АРБАТ

От Волхонки дойдем до Кропоткинской улицы (бывш. Пречистенка).

В старинном особняке, построенном в 1814–1816 годах замечательным русским зодчим А. Г. Григорьевым, учеником знаменитого Д. И. Жилярди (возможно, при участии самого Жилярди), 6 июня 1961 года открылся Государственный музей А. С. Пушкина (*Кропоткинская улица, 12*). В десяти залах музея выставлено свыше четырех тысяч экспонатов: прижизненные портреты Пушкина и его современников, мемориальные вещи, предметы быта и убранства, книги, рукописи, а также работы ма-

стеров советского искусства, связанные с пушкинской темой. В музее проводятся Пушкинские чтения, вечера поэзии, концерты, открытые научные заседания. И в создании, и в работе пушкинского музея значительна роль общественности. Люди разных возрастов и профессий, жители Москвы, Ленинграда, других городов нашей страны, а также зарубежные почитатели Пушкина передали в дар музею ценнейшие материалы, целые коллекции книг, предметов изобразительного и прикладного искусства.

Здание музея – уникальный памятник классической архитектуры начала XIX века. Тщательная реставрация возвратила ему первоначальный облик. Восстановлены скульптурные орнаменты и барельефы, тончайшая роспись плафонов, лепнина прекрасной работы и т.д.

В пушкинское время усадьба на Пречистенке принадлежала участнику Отечественной войны 1812 года гвардии прапорщику А. П. Хрущёву. Бывал ли Пушкин у Хрущёвых, в точности неизвестно. По-видимому, он мог посещать их дом, ведь в гости к ним нередко приходили московские знакомые Пушкина – Нарышкины, Булгаковы, С. П. Жихарев и др.

В скором времени московский «пушкинский центр» расширится: сотрудники музея работают над созданием мемориального отдела «Квартира А. С. Пушкина на Арбате» в доме 53, где Пушкин поселился с женой после свадьбы.

... По Хрущёвскому переулку дойдем до улицы Рылеева, там в одном из домов останавливался во время приезда в Москву в 1831 году Пушкин.

8 декабря 1831 года поэт сообщал жене из Москвы: «Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у *Пречистенских ворот в доме Ильинской...*»

Когда смотришь сегодня на уютный двухэтажный дом простой и строгой архитектуры, отделанный в первом этаже рустом и замками над окнами (*улица Рылеева, 4*), трудно поверить, что несколько лет назад на его месте стояло покосившееся от времени, бесформенное строение, облепленное со стороны двора множеством пристроек, крылечек и клетушек. Бывший дом Ильинской, где с 6 по 24 декабря 1831 года Пушкин жил у ближайшего своего друга П. В. Нащокина, решено было реконструировать, воссоздав его облик 1830-х годов. Ныне здесь помещается Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Дом отмечен мемориальной доской.

Приезжая в Москву, Пушкин нередко останавливался у Нащокина, хотя обстановка в его доме и не располагала к мирному досугу. Вот как писал Пушкин Наталье Николаевне о днях, проведенных им у «Войныча»: «Здесь мне скучно; Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и

В одном из залов Государственного музея
А. С. Пушкина

ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного – что делать?.. Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит».

Пушкин познакомился с Нащокиным, когда сам он еще учился в Царскосельском лицее, а Павел Воинович вместе с Левушкой Пушкиным – в Благородном пансионе при лицее. Позднее они встречались в Петербурге, но по-настоящему сдружились в Москве, после приезда Пушкина из ссылки. Характер Нащокина, открытый, щедрый, искренний, не изменился за все эти годы. И образ жизни его оставался прежним: как и в молодости, он постоянно был окружен людьми, много играл в карты, а когда появлялись у него деньги, Нащокин, по словам близко знавшего его актера Н. И. Куликова, «жил уже именно по широкой русско-барской натуре, и, где только требовалось, – делал добро, помогая бедным, и давал займы просящим – никогда не требуя отдачи и довольствуясь только добровольным возвращением».

«Он все тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах», – сообщает Пушкин Наталье Николаевне из дома Ильинской.

Богатый и разнообразный жизненный опыт Нащокина, любовь к театру и литературе, безупречный художественный вкус привлекали к нему многих замечательных современников. Он дружил с актером М. С. Щепкиным, был хорошо знаком с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, В. Г. Белинским, Н. В. Гоголем. В одном из писем Нащокину Гоголь, вспоминая о годах его молодости, проведенных «безрасчетно и шумно», говорит о его душевной чистоте и цельности: «... вы не потерялись ни разу душою, не изменили ни разу ее благородным движениям, умели приобрести невольное уважение достойных и умных людей и с тем вместе самую искреннюю дружбу Пушкина». Задумав написать роман о молодом аристократе, беспечном «прожигателе» жизни, обладающем вместе с тем высокими душевными качествами, нравственной чистотой и благородством, Пушкин предполагал изобразить в характере героя некоторые черты личности Нащокина.

Приезжая в Москву, Пушкин читал Нащокину еще не напечатанные произведения и внимательно прислушивался к его суждениям; известно, что из рассказов Нащокина родились сюжеты повести «Дубровский» и поэмы «Домик в Коломне». Высоко ценя в друге редкий дар рассказчика, Пушкин настаивает на том, чтобы Нащокин писал свои воспоминания. «Что твои мемуары? – спрашивает он в письме. – Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко

мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче». Несколько страниц нащокинских «меморий» с поправками Пушкина сохранились в бумагах поэта.

Пушкин делился с Нащокиным литературными замыслами и житейскими заботами, часто прибегал к помощи друга в денежных делах и сам нередко выручал его при затруднительных обстоятельствах. Сохранилось несколько замечательных пушкинских реликвий, напоминающих о дружбе его с Павлом Воиновичем. Среди них – заказанные Нащокиным бюст Пушкина работы И. П. Витали и портрет поэта кисти К. Мазера. В мемориальном Музее-квартире А. С. Пушкина в Ленинграде хранится бронзовая чернильница, подаренная Нащокиным Пушкину в память о прадеде его Ганнибале. «Посылаю тебе твоего предка с чернильницей», – писал Нащокин из дома Ильинской накануне нового, 1832 года.

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде экспонируется фрагмент знаменитого кукольного домика, к замыслу которого имела отношение и квартира П. В. Нащокина у Пречистенских ворот. «Предположив себе людей в размере среднего роста детских кукол, – писал Н. И. Куликов, – он, по этому масштабу, заказывал первым мастерам все принадлежности к этому дому: генеральские ботфорты на колодках делал лучший петербургский сапожник Польш; рояль в семь с половиной октав – Вирт; . . . мебель, раздвижной обеденный стол работал Гамбс; ска-

терти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду, все, что потребно на 24 куверта, – все делалось на лучших фабриках». Пушкин был в восторге от «Нащокинского домика». «Дом его (помнишь?) отделяется, – писал он жене, – что за подсвечники, что за сервиз! Он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку. . .»

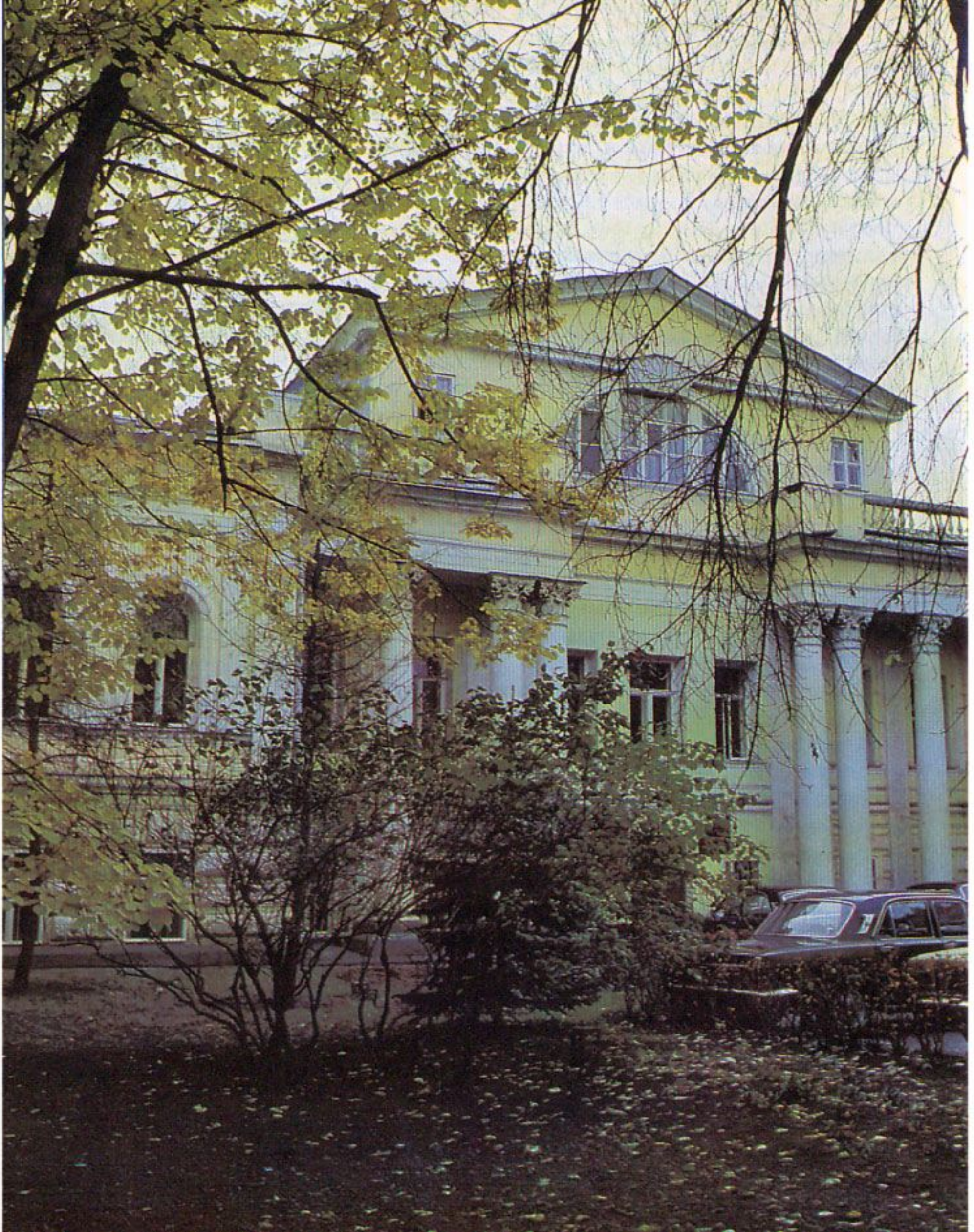
В начале XX века журналист С. Яблоновский очень точно писал о впечатлении, какое производит «Нащокинский домик» на современного человека: «Чем больше вы всматриваетесь в этот домик, в его обстановку, в его обитателей, тем больше начинаете понимать, что это не игрушка, а волшебство, которое в то время, когда не было ни фотографии, ни кинематографа, остановило мгновение и передало нам частицу прошлого в такой полноте и с таким совершенством, что становится жутко».

Для нас «Нащокинский домик» не просто остановленное мгновение давно ушедшей жизни, но мгновение, к которому был причастен Пушкин.

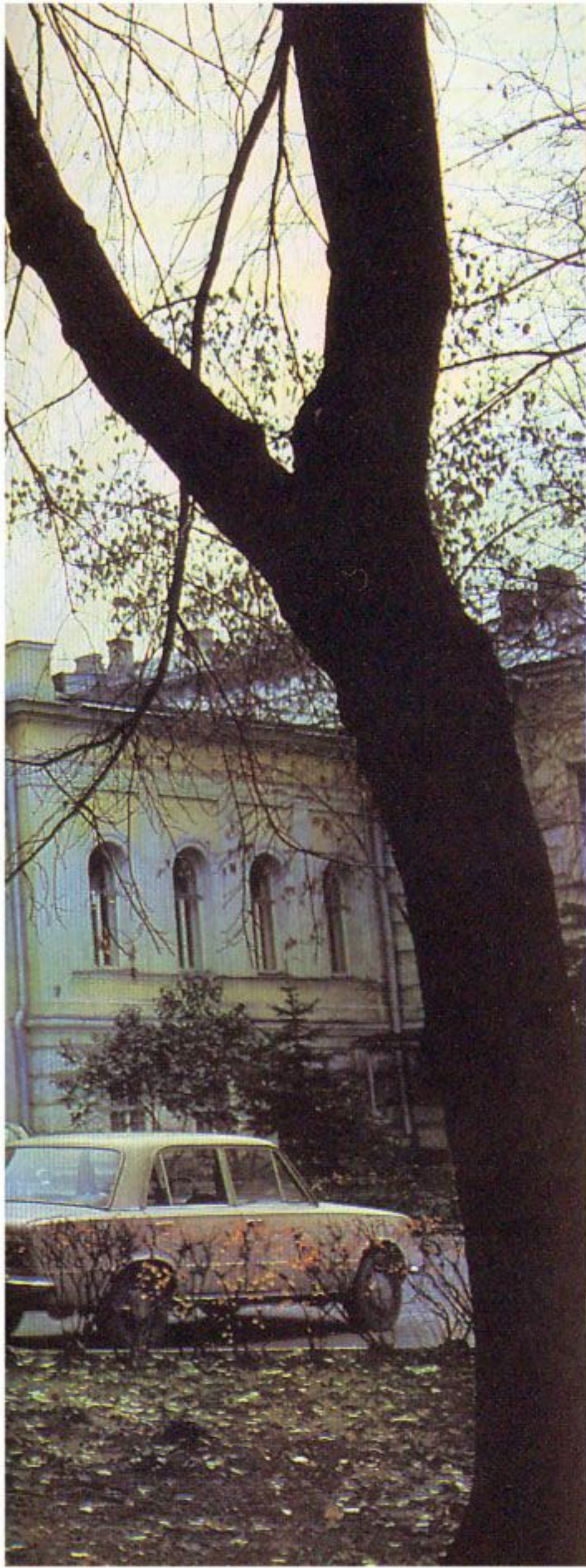
. . . Вернемся теперь на Кропоткинскую улицу и дойдем по левой ее стороне до дома 17 а.

В одном из писем жене из Москвы в декабре 1831 года Пушкин обещает ей описать свою «жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского». Упомянутая здесь «Солдан» – Вера Яковлевна Сольдейн – жена генерал-майора, секретаря голландского посольства при русском дворе

Х. Ф. Сольдейна, была знакома с Н. Н. Гончаровой. Наталья Николаевна посещала ее дом, будучи невестой Пушкина.

По свидетельству воспитателя дочерей Сольдейн А. Д. Галахова, Вера Яковлевна была «очень обходительной и образованной женщиной, интересовавшейся литературой... У нее собирались молодые представители умственной жизни Москвы».

Дом на Пречистенке (*Кропоткинская улица, 17а*), в котором Пушкин побывал на балу у Сольдейн, в 1835 году покупает Д. В. Давыдов. Через некоторое время, убедившись, что он не в состоянии содержать столь обширное владение, Денис Васильевич решает продать его и обращается с шутивными стихами к председателю Строительной комиссии в Москве сенатору А. А. Башилову, прося его ускорить торг:

Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой пречистенский дворец.
Тесен он для партизана:
Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых...

Посылая в июне 1836 года эти стихи Пушкину, Давыдов писал: «У меня есть каменный, огромный дом в Москве, окно в окно с пожарным депо. В Москве давно ищут купить дом для обер-полицмейстера – я предлагаю мой – вот все, о чем идет дело в

Кропоткинская улица, 17а.
Дом Д. В. Давыдова

моей Челобитной. Ты можешь напечатать ее в «Современнике». Только повремени немного, т. е. до 3-го номера. Главное дело в том, чтобы Челобитная достигла своей позитивной, а не поэтической цели; чтобы прежде подействовала на Башилова и понудила бы его купить мой дом за 100 тысяч рублей». Пушкин поместил стихотворение в третьем номере «Современника» за 1836 год.

Дом на Пречистенке, построенный еще в конце XVIII века для генерал-майора Г. И. Бибикова, не претерпел существенных изменений до наших дней. Пострадали от времени лишь флигеля: левый не сохранился, правый значительно перестроен.

Название улицы, столь знакомой Пушкину, – Пречистенки – упоминается в четверостишии начала 1830-х годов:

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

По мнению Б. Л. Модзалевского, это шуточное стихотворение написано «по какому-нибудь случайному поводу, экспромтом и представляется как бы заключительной фразой какого-то спора, заклада, пари, шуточного обязательства, заклятия».

Пушкин посещал дом Потемкиных на Пречистенке (*Кропоткинская улица, 21*) в связи со своей свадьбой: графиня Елизавета Петровна Потемкина (сестра декабриста С. П. Трубецкого) была посаженной матерью Пушкина. Она славилась по Москве красотой, изяществом, редкой скромно-

стью. Еще в 1822 году, будучи очень молодой, она, по свидетельству А. Я. Булгакова, призывала московских дам «не носить ни блонд, ни кружев, ни перьев, ездить на балы в простых креповых платьях без накладок, деньги же, которые останутся дома, отдавать бедным».

О графе Сергее Павловиче Потемкине современники вспоминают как о «предобрейшем и прелюбезнейшем человеке», очень гостеприимном и хлебосольном. «Настоящий Лукулл и достойный однофамилец и родственник Таврического», – пишет о нем С. П. Жихарев.

Дом Потемкиных на Пречистенке был широко известен в Москве. Двухэтажный, каменный, изысканно-скромный по архитектуре, он отличался богатством и художественной роскошью убранства. Впоследствии он был значительно перестроен; все лепные украшения по фасаду относятся к 1870-м годам.

... От Кропоткинской улицы по Чистому переулку, Сивцеву Вражку и Плотникову переулку дойдем до *дома 53 на Арбате*. У него особая судьба. Здесь, на втором этаже, 23 января 1831 года Пушкин снимает квартиру из пяти комнат. Прежде, приезжая в Москву, он останавливался в гостиницах или у друзей, теперь же, ввиду предстоящей женитьбы, выбирает квартиру обстоятельно, предполагая обосноваться в ней по крайней мере на полгода: «... нанял я, Пушкин, собственный г-на Хитрово дом... каменный двухэтажный с антресолями и к оному принадлежащими людски-

ми службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, а также запасный амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи...»

В доме губернского секретаря Н. Н. Хитрово на Арбате началась семейная жизнь Пушкина. 17 февраля, накануне свадьбы, Пушкин приглашает к себе друзей на «мальчишник» – прощание с холостой жизнью. Собираются П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, П. В. Нащокин, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, А. А. Елагин, И. В. Киреевский, брат Пушкина Лев Сергеевич. По словам Киреевского, «Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко. Он читал свои стихи – прощание с молодостью... Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша».

На арбатской квартире молодые Пушкины принимают гостей в день свадьбы. 27 февраля они устраивают у себя «славный бал» и званый ужин. «И он, и она прекрасно угощали гостей своих, – сообщает брату А. Я. Булгаков. – Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось».

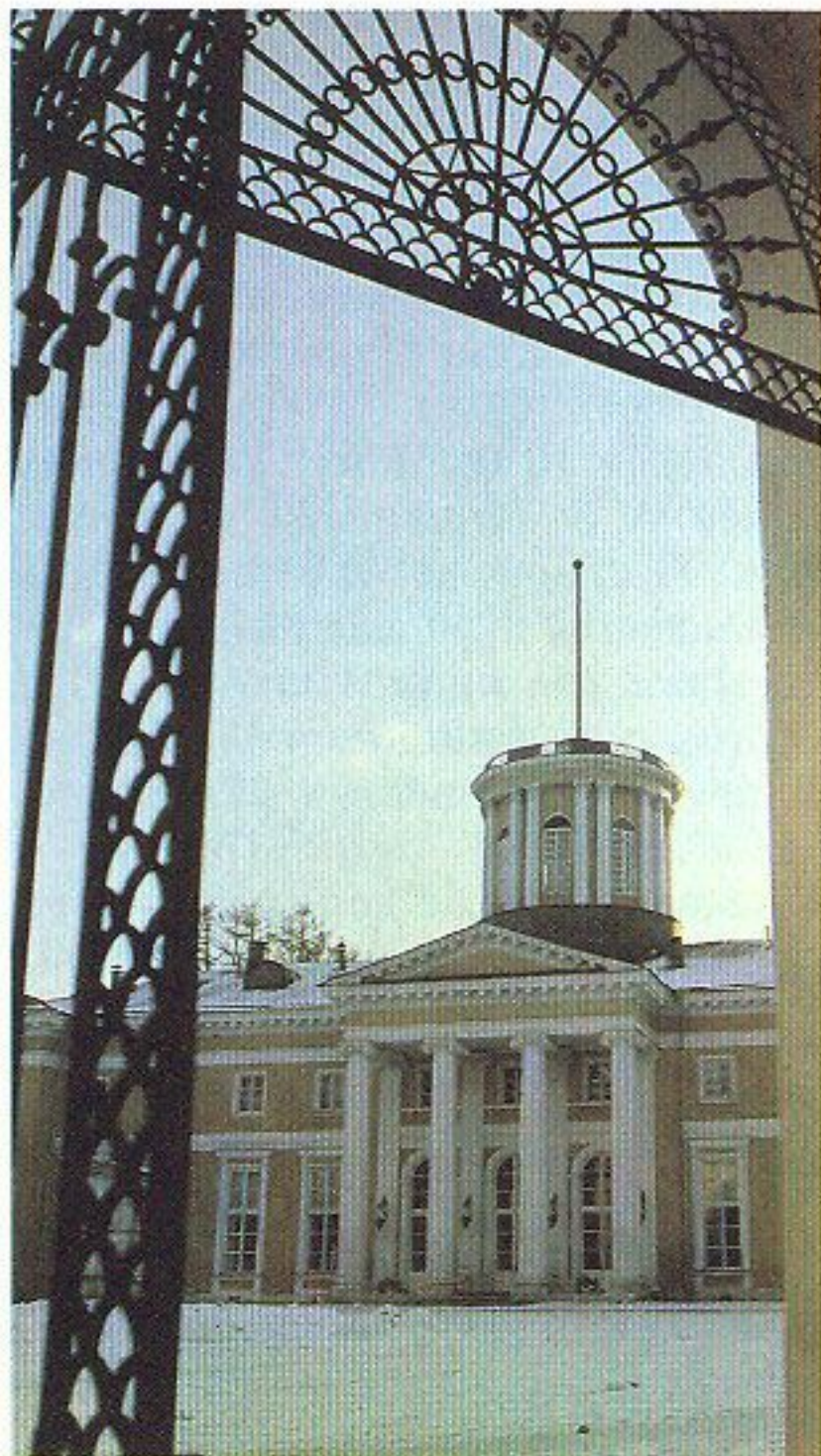
В арбатском доме Пушкин читал друзьям восьмую главу «Евгения Онегина», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Как записал в своем дневнике М. П. Погодин, они с поэтом провели однажды «... четыре битых часа в споре о «Борисе». Пушкины прожили на Арбате всего

три месяца. В середине мая они уезжают из Москвы, как писал позднее Пушкин, «во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя». Неприятности были связаны с тем, что теща Пушкина Н. И. Гончарова, относившаяся к нему с большим предубеждением, не стеснялась распространять о нем прямую клевету. «Я не люблю московской жизни, – писал Пушкин П. А. Плетневу. – Здесь живи не как хочешь – как тетки хотят. Теща моя та же тетка».

В настоящее время дом на Арбате реставрируется. По решению Моссовета здесь будет открыт мемориальный отдел Государственного музея А. С. Пушкина – «Квартира А. С. Пушкина на Арбате». Восстанавливается анфилада комнат второго этажа, где жили Пушкины, – зал, гостиная, кабинет, спальня и будуар. В других помещениях разместятся экспозиция на тему «Пушкин и Москва», а также коллекции, переданные в дар Пушкинскому музею.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА ПОДМОСКОВЬЯ

Архангельское

ЗАХАРОВО И БОЛЬШИЕ ВЯЗЁМЫ

В «Послании к Юдину» шестнадцатилетний Пушкин вспоминает дорогие с детства места – подмосковное *Захарово*, имение бабушки Марьи Алексеевны Ганнибал:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.

Каждое лето начиная с 1805 года Пушкины проводили в Захарове. На холме над прудом располагалась уютная барская усадьба – дом с флигелями, сад, окруженный невысоким забором, березовая роща и в ней стол с деревянными скамьями, за которым в теплые летние дни вся семья собиралась обедать. А вокруг чарующие среднерусские пейзажи. Пушкин очень любил бабушкину подмосковную усадьбу. С какой теплотой вспоминает он в стихах свой «тесный домик, рощи темны, калитку, садик, ближний пруд». Впечатления сельской жизни были разнообразны и ярки, запоминались надолго. Шумные детские игры сменялись долгими часами уединения где-нибудь в роще или на берегу пруда. А по вечерам – нянины сказки «о мертвецах, о подвигах Бовы» или рассказы бабушки Марьи Алексеевны о прошлом, далеком и близком, о предках – Ганнибалах, Пушкиных. Даже семейные обеды, не отличавшиеся ни богатством сервировки, ни особенной торжественностью и «весельем», изображаются

Пушкиным-лицеистом по-державински сочно и празднично:

Но вот уж полдень. — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И шука в скатерти лежит.

В Захарове мальчик мог наблюдать крестьянский быт, народные обычаи, мог слышать старинные предания, сказки, песни.

Поскольку в Захарове не было церкви, Пушкины ездили к обедне в село *Большие Вязёмы*, находившееся поблизости, в двух верстах от усадьбы. Вязёмская церковь очень красива. «Каменная о двух ярусах, довольно великая, строения еще Бориса Годунова» — так записал в дневнике путешественник, видевший ее в начале XIX века. Пятиглавый храм был построен в конце XVI века, когда Вязёмы стали вотчиной Бориса Годунова.

В Смутное время здесь устраивал потешные бои Лжедмитрий I, останавливалась по пути в Москву Марина Мнишек, в 1611 году велись переговоры о мире с Яном Сапегой.

В годы детства Пушкина Вязёмы принадлежали князю Борису Владимировичу Голицыну — сыну Н. П. Голицыной, ставшей прототипом старой графини в пушкинской «Пиковой даме». Поклонник изящных искусств, музыки, любитель театра, он владел большой и ценной библиотекой, которая, по-видимому, была доступна и семейству Пушкиных.

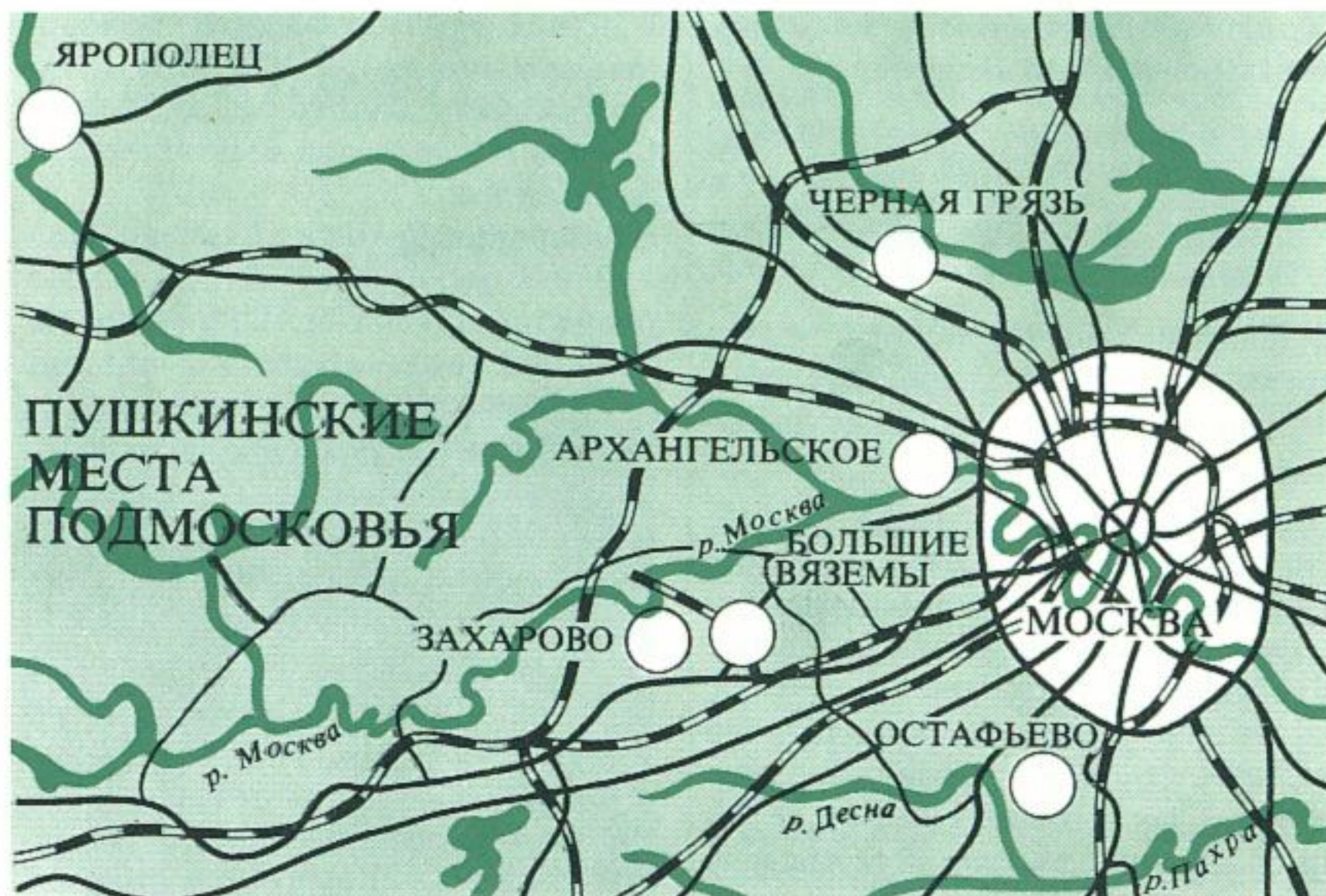
В ограде Вязёмской церкви похоронен умерший летом 1807 года младший брат Пушкина, Николай. Смерть его поразила восьмилетнего Александра.

В Захарове и Больших Вязёмах Пушкин побывал летом 1830 года, вскоре после помолвки с Н. Н. Гончаровой. Н. О. Пушкина назвала эту поездку «сентиментальным путешествием», совершенным «только для того, чтобы увидеть место, где он провел несколько лет своего детства». Жившая тогда в Захарове дочь Арины Родионовны Мария Федоровна рассказывала позднее литератору Н. В. Бергу, что Пушкин приехал «не прямо по большой дороге, а задами», выбрав путь, знакомый ему с детства, что он ходил по саду и возвратился опечаленный: «Все наше решилось, говорит, Марья; все, говорит, поломали, все заросло».

В то время Пушкин, получив от царя разрешение печатать «Бориса Годунова», предполагал приступить к работе над историческими хрониками Смутного времени — «Лжедмитрием», «Василием Шуйским» и другими. Посещение Захарова и Больших Вязём воскрешало воспоминания детства, знакомые с давних лет предания о Борисе Годунове, о суровых временах Смуты, о Лжедмитрии и «гордой полячке» Марине Мнишек.

С пушкинского времени пейзаж Захарова значительно изменился. Нет усадебных строений. На месте березовой рощи — поросли орешника, ольхи и бузины; с холма, где когда-

то был дом Пушкиных, открывается вид на пруд с плотиной.

Старинная церковь Преображения в Больших Вязёмах реставрируется. Восстановлена находящаяся рядом звонница. От голицынской усадьбы остались дом в стиле классицизма, два флигеля, часть старинного липового парка.

ОСТАФЬЕВО

Недалеко от Москвы, близ Подольска, находится бывшее имение П. А. Вяземского *Остафьево*. Сохранились двухэтажный усадебный дом с коринфским портиком, часть старинного парка, пруд. (В наше время здесь разместился дом отдыха.) В конце XVIII - начале XIX века у от-

ца П. А. Вяземского, Андрея Ивановича, одного из просвещеннейших людей своей эпохи, гостили в Остафьеве поэты И. И. Дмитриев и М. М. Херасков, братья В. Л. и С. Л. Пушкины, И. П. Тургенев. Н. М. Карамзин, женившись на дочери А. И. Вяземского, жил в Остафьеве в течение двенадцати лет, работая над главным трудом своей жизни - «Историей государства Российского».

После смерти А. И. Вяземского, когда владельцем усадьбы стал его сын, князь Петр Андреевич, в Остафьево приезжали В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, Е. А. Баратынский, А. Мицкевич, А. С. Пушкин.

О нескольких посещениях Остафьева Пушкиным сохранились докумен-

тальные свидетельства, о других можно говорить предположительно. По всей вероятности, Пушкин гостил в Остафьеве еще в первый период московской жизни (сентябрь 1826 года – май 1827 года). Позднее он не раз здесь бывал: в 1830 году – с 30 мая по 5 июня, в августе и 17 декабря; в 1831 году – 4 января.

О приезде Пушкина в Остафьево Вяземский делает запись в дневнике 19 декабря 1830 года: «Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу «Онегина», ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих – славная хроника; куплеты: «Я мещанин, я мещанин», эпиграмму на Булгарина, ... несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: «Дон-Жуана», «Моцарта и Сальери»; «У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи...»

Много лет спустя, уже в конце жизни, Вяземский с благодарностью вспоминает все о том же драгоценном для него приезде Пушкина в декабре 1830 года. В тот раз Петр Андреевич познакомил друга со своей книгой о Д. И. Фонвизине, и Пушкин судил о ней «с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого...». «День, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным, .. – пишет Вяземский. – Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд».

В начале XX века в остафьевском парке были установлены памятники А. С. Пушкину, Н. М. Карамзину, П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Среди архитектурных памятников Подмосковья, созданных в конце XVIII – начале XIX века, *Архангельское* занимает исключительное место. Великолепный дворцово-парковый ансамбль складывался здесь в течение пятидесяти лет. Начало его строительства относится к 1780-м годам, когда имение принадлежало князю Н. А. Голицыну. При нем по проекту французского архитектора де Герна было начато строительство дворца и флигелей, двойных колоннад, обрамлявших парадный двор, парковых террас.

Позднее, при новом владельце Архангельского князе Н. Б. Юсупове, в строительстве усадьбы принимали участие как известные зодчие, так и крепостные архитекторы, художники, декораторы.

Считая, что Архангельское существует «для веселья, а не для прибыли», Юсупов стремился «то завести, что редко, и чтобы все было лучше, нежели у других». Он сосредоточил здесь большую часть своих бесценных коллекций – «картины, мраморы, бронзы и всякие дорогие и хорошие вещи».

Быть может, Пушкин много раз посещал Архангельское, но известные нам свидетельства современников

рассказывает о Наталье Ивановне, живущей «очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце». Теща встретила Пушкина совсем породственному, «как нельзя лучше», и они долго беседовали. «Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен».

Еще раз Пушкин посетил Ярополец в начале октября 1834 года – заехал на один день по пути из Болдина в Петербург. Вместе с Натальей Ивановной он побывал в соседнем имении – Яропольце Чернышевых.

В 1941 году бывший дом Гончаровых разграбили фашисты. После войны здание восстановлено, в нем помещается теперь дом отдыха. Одна из аллей парка названа Пушкинской. В бывшей усадьбе Чернышевых ведутся реставрационные работы.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Во многих произведениях и письмах Пушкина звучит неизбывная «дорожная» тема – о вечных неурядицах почтовой езды, об ухабах, о бездорожье:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду преysкурant висит
И тщетный дразнит аппетит,

Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

Даже езда по Петербургскому тракту, лучшему из всех российских дорог, таила в себе немало неприятностей: «Путешествие наше было неблагоприятно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый». В поселке *Черная Грязь* близ станции Сходня Октябрьской железной дороги сохранилось здание почтовой станции, первой от Москвы на Петербургском тракте, построенной еще в XVIII веке (теперь в нем больница). В прежние времена за зданием станции располагался просторный двор с конюшнями и каретными сараями. По московскому обычаю именно на этой станции прощались с родными и друзьями, покидавшими город, и встречали приезжающих. Здесь останавливались, отдыхали, меняли лошадей. На этой станции, несомненно, бывал и Пушкин.

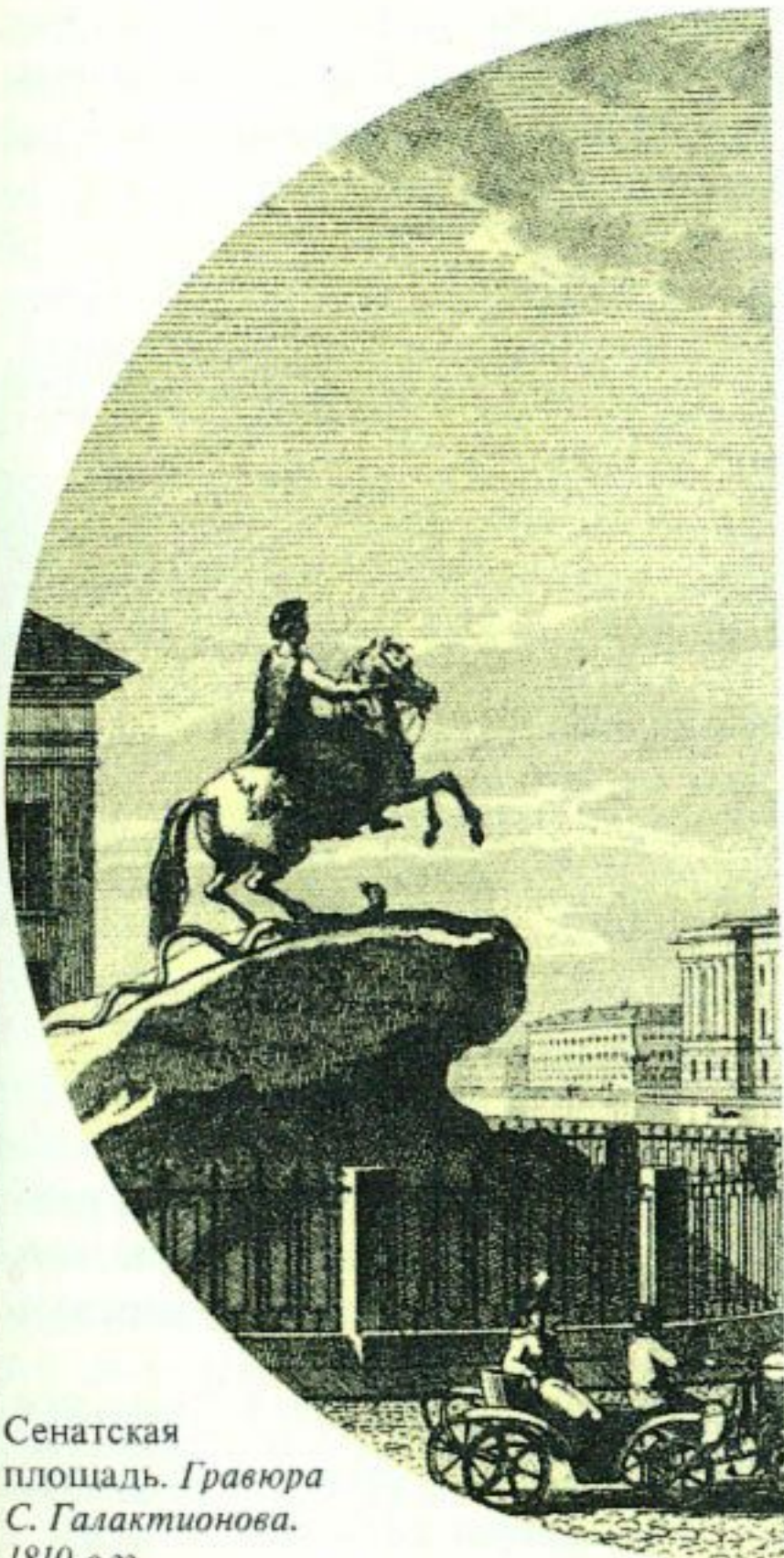

Памятник А. С. Пушкину на площади Искусств. Скульптор М. Аникушин

ЛЕНИНГРАД И ЕГО ПРИГОРОДЫ

Сенатская
площадь. Гравюра
С. Галактионова.
1810-е гг.

Памятник
Петру I
на площади
Декабристов.
Современная
фотография

ПУШКИН В ПЕТЕРБУРГЕ

Контуры пушкинского Петербурга легко различаются на карте современного Ленинграда. Город уместается между Фонтанкой и Невой, да еще занимает острова: Заячий, Петровский и Васильевский. Здесь живут друзья Пушкина и его герои. Здесь находятся и все петербургские квартиры поэта.

Путеводитель по пушкинскому Петербургу – это своего рода путеводитель по петербургскому периоду жизни поэта за два с половиной десятилетия, начиная от его первого приезда в Петербург летом 1811 года до трагической гибели в январе 1837-го.

Пушкинский Петербург включает в себя образ самого города. Его историю, ставшую выражением целого пласта истории России. Его архитектуру, которая формируется именно в эти годы, последние годы жизни великого русского поэта. Петербург Пушкина существует как бы в двух измерениях: как историческая реальность и как поэтический образ, пришедший к нам из его творчества.

Пушкинские строки, обращенные к Петербургу, будут сопутствовать нам на протяжении всего рассказа: мы постараемся представить город, увиденный глазами поэта.

Жизнь Пушкина и его поэзия, история и архитектура Петербурга – все это вместе и составляет понятие «Пушкинский Петербург».

... Верстовые столбы¹ на царскосельском тракте, высеченные из разноцветного мрамора, указывали приближение столицы. Цифры, нанесенные на камень, обозначали оставшиеся до Петербурга версты,

¹ Старинные верстовые столбы, установленные по проекту архитектора А. Ринальди в конце XVIII века, существуют и сейчас. Их можно видеть у Обухова моста и дальше по Московскому проспекту вдоль трассы, ведущей в город Пушкин, и от Старо-Калинкина моста по проспекту Газа вдоль бывшей Петергофской дороги.

солнечные часы – время. Вот только измерять время круглый год по солнцу здесь было, пожалуй, трудновато: не так уж много солнечных дней выпадало на долю северной столицы.

Впрочем, в то лето 1811 года, когда Василий Львович Пушкин вместе с племянником своим Александром въехали в Петербург по царско-сельскому тракту, стояла на редкость жаркая, солнечная погода.

По приезде остановились в одной из лучших петербургских гостиниц, у Демута, что на *набережной реки Мойки (дом 40)*, почти у самого Невского проспекта. Называли ее так по фамилии владельца: Филипп Якоб Демут построил гостиницу еще в 1770 году. Номера здесь были на всякие вкусы и достатки. Те, что окнами во двор, – подешевле. В парадных номерах из нескольких комнат жили постояльцы побогаче.

Здание «Демутова трактира» (так именовали еще эту гостиницу в Петербурге) до наших дней не сохранилось: оно было перестроено в конце XIX века, остался только его старый фундамент. А вот на акварелях и гравюрах пушкинского времени часто встречается не само здание, а вид на город, как бы увиденный из его ворот или окон: набережная Мойки, ее гранитный парапет и чугунный узор решетки; сама река и легкий мост над нею, лодка на реке, чем-то напоминавшая гондолу. Все это придавало петербургскому пейзажу несколько итальянский колорит.

После тихой, домашней, уютной Москвы Петербург вызывал удивление и настораживал. Улицы здесь шли по прямой, словно выверенные по линейке. От Адмиралтейства расходились лучами, как на чертеже. Каждый дом, особенно на Невском проспекте, красив и торжествен. Дом графа Строганова на углу Невского и набережной реки Мойки (*Невский, 17*) – настоящий дворец: он выходил окнами прямо на Невский, а внутри двора-колодца находился сад, и, проходя мимо раскрытых ворот, можно было разглядеть деревья в саду, цветники и статуи.

Жить у Демута пришлось долго: приехали в июле, вступительные же экзамены в Лицей, ради которых Василий Львович привез племянника в Петербург, были назначены на август. А потом еще до осени, до октября пришлось ждать открытия Лицея. Можно было всмотреться в этот город, постепенно привыкнуть к нему.

Шпиль собора *Петропавловской крепости* был виден отовсюду, в любой части Петербурга. Построенная еще в 1703 году для защиты города от нападения врага, крепость была его первоначальной основой. Ровно в полдень пушка на бастионе холостым выстрелом отмечала время. И светлое облачко пушечного дыма поднималось над крепостью, напоминая жителям о том, что Петербург – военная столица и крепость готова их защищать от врага. Только на самом деле крепость почти сразу стала тюрьмой, и ее первым узником был сын царя Петра I – царевич Алексей.

За Невой – Васильевский остров, где Кунсткамера, первый русский музей «для хранения всяких диковинок и разностей». А сам остров, строго размеченный линиями и квадратами, должен был по замыслу Петра I стать центром его новой столицы. Вместо улиц здесь были линии, параллельные и перпендикулярные, и назывались они: 1-я линия, 2-я, 3-я и т. д. – по цифрам, а не по именам. Перед фасадом здания «Двенадцати коллегий», где помещался университет, петровскими планами намечалась главная площадь столицы. Но площадь застроили и загородили парадный фасад.

Ничего не получалось из первоначального замысла: низкий Васильевский остров, затопляемый каждую осень водой, не мог быть центром столицы, и постепенно он переместился на другой берег Невы, к Адмиралтейству, подальше от залива.

... Гуляли по набережным, заходили в *Летний сад* – Василий Львович показывал племяннику город. Четко распланированный, с прямыми аллеями, подстриженными кустами, Летний сад был создан по проекту Петра, желавшего иметь сад «лучше, чем в Версале у французского короля». И мраморные скульптуры – аллегории стали его украшением: Истина, Красота, Благородство, Правосудие ...

По другую сторону сада – *Михайловский замок*. Архитекторы В. И. Баженов и В. Ф. Бренна строили его для Павла I: император торопился переехать сюда, покинуть нелюбимый Зимний дворец – резиденцию Екатерины II. Но прожил здесь только 40 дней и был убит. С той поры замок стоял заброшенный, пустой и казался огромной декорацией театрального спектакля. Фасад его украшали щиты и доспехи, античные эмблемы славы и доблести. И на крыше Зимнего дворца высились античные фигуры богов и героев.

Город словно рядился в античные одежды, что мало соответствовало его климату и географии: зимой, на сыром ветру, засыпанные снегом, эти статуи у фасадов зданий смотрелись странно, сиротливо.

И само название того учебного заведения, куда предстояло держать экзамены, – Лицей – необычно для русского слуха. Оно происходило от греческого и обозначало название места под Афинами в Древней Греции, где греческие философы ввели особую систему образования – не уроки, а беседы с учениками, общение с ними во время прогулок по садам, украшенным колоннадами и портиками.

К этому названию еще предстояло привыкнуть. А пока были назначены вступительные экзамены у министра народного просвещения графа А. К. Разумовского в его доме на Мойке (участок дома на Мойке, 88; дом не сохранился).

В приемной министра, перед началом экзаменов, Александр Пушкин впервые увидел Ивана Пущина, которого вместе с братом Петром привез на экзамены дед, старый адмирал.

Вот как рассказывает об этом И. И. Пущин в своих «Воспоминаниях»: «Мы . . . остались в зале, которая почти вся наполнилась вновь наехавшими нашими будущими однокашниками с их провожатыми.

У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся – глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Ал. Пушкин! – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда. Еще вглядывался в Горчакова, который был тогда необыкновенно миловиден. При этом передвижении мы все несколько приободрились, начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видеться . . .

С той поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии».

Дом Пущиных был совсем рядом с гостиницей Демута, тоже на *набережной реки Мойки* (ныне дом 14). Теперь мальчики вместе ходили

В. Л. Пушкин.
Гравюра С. Галактионова
с ориг. неизвестного художника.
1810-е гг.

Летний сад. Гуашь С. Щедрина. 1800-е гг.

Казанский собор. Гуашь П. Соколова. 1810-е гг.

Царское Село. Лицей. Литография неизвестного художника с ориг. А. Тона. 1820-е гг.

в Летний сад. Иногда Василий Львович возил их кататься на ялике на Крестовский остров. В ту осень они не могли не присутствовать на торжественном открытии возведенного А. Н. Ворониным нового Казанского собора на Невском проспекте, которое состоялось в сентябре 1811 года, — замечательного по красоте и торжественности здания, украшенного колоннадой.

Вскоре после завершения строительства Казанского собора, в 1813 году, в него торжественно перенесли прах М. И. Кутузова, и с этого времени для жителей Петербурга собор связан с памятью о событиях и героях Отечественной войны 1812 года. Двадцать пять лет спустя на фоне боковых пролетов колоннады установят памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли. Но это уже позже, в 1837 году. А тогда, в 1811-м, все только начиналось. И на отрезке времени длиной в двадцать пять лет перед нами пройдет жизнь Пушкина в Петербурге, неразсторжимо связанная с историей города и историей России.

Летом 1817 года, после окончания Лицея, Пушкин открывал для себя Петербург заново, заново узнавал и обживал этот город.

Теперь Петербург начался для поэта с дома в Коломне, где жили его родители. Коломной назывался район между Фонтанкой и Крюковым каналом, тихий, почти провинциальный. С неизбежной пожарной каланчой, церковью и полосатой будкой на площади.

Жить здесь было непрестижно, зато недорого: в этом районе селились чиновники, актеры, мелкопоместные дворяне, приезжавшие в столицу хлопотать по тяжёлым делам. Каменный дом вице-адмирала Клокачева, где жил С. Л. Пушкин с семейством, был самый значительный. Он стоял на *набережной реки Фонтанки* (ныне дом 185), трехэтажный, с небольшим садом в глубине двора. Квартира была из семи комнат, в верхнем этаже. Пушкин в ней занимал только одну.

Жизнь под родительским кровом вскоре стала Пушкину в тягость. И дело было не в безалаберности и беспорядке, царившем здесь, просто родительский дом оказался чужим. После шести лицейских лет, подаривших Пушкину понимание и дружбу, именно этого он не находил в своем доме. А скупость родителей входила в пословицу у его друзей. Антон Дельви́г шутил:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
 Дурного масла, яиц гнилых?
 Так приходи со мной обедать
 Сегодня у своих родных.

«Мы взошли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату, – вспоминал один из современников поэта свой первый приход к Пушкину. – У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкой на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого».

В этом доме была закончена первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила» и написано множество стихотворений. Они расходились в списках, «наскоро на лоскутках бумаги карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть».

Но истинным домом Пушкина в те годы была не столько квартира родителей на Фонтанке, сколько весь Петербург, дружески открывавший поэту свои дома. Слава Пушкина «росла не по дням, а по часам», замечал один из современников. Стихи поэта опережали его появление.

Чтобы очертить круг дружеских Пушкину домов, придется покинуть Коломну и дом Клокачева, как покидал его Пушкин без сожаления каждый день, торопясь на Фонтанку к братьям Тургеневым или на заседания «Зеленой лампы», потом к княгине Голицыной на Миллионную . . . Чтобы под утро, возвращаясь в Коломну, увидеть пустынный Петербург, призрачный город белых ночей, пройти сквозь него и услышать, как мостовые легко отдают звук собственных шагов . . .

Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые;
 Да дрожек отдаленный стук
 С Мильонной раздавался вдруг;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей реке;
 И нас пленяли вдалеке
 Рожок и песня удалая . . .

Пушкин сохранит эти воспоминания, и спустя несколько лет они оживут в первой главе его романа «Евгений Онегин», начатого в Кишиневе майской ночью 1823 года.

Но это еще будет . . .

А пока Пушкин легко вошел в круг новых петербургских друзей: литераторов, актеров, молодых офицеров, недавно вернувшихся из заграничного похода по завершении войны с Наполеоном. Они, двадцатилетние, открыли для себя в опыте этой войны великие возможности русского народа; пройдя пол-Европы, увидев другие формы общественного и государственного устройства, учились размышлять, оценивать, анализировать . . .

«Мы – дети 1812 года . . .» – так объясняли они потом истоки первых тайных обществ в России, сознание необходимости перемен в стране.

И литература, и театр в эти годы живут ощущением желанных общественных перемен.

Однако не все принимали то новое, что несла с собой молодая Россия. В доме старейшего русского поэта Г. Р. Державина на *набережной реки Фонтанки (дом 118)* собиралось литературное общество «Беседа любителей русского слова», или сокращенно просто «Беседа» – литераторы, которые защищали устаревшие правила и нормы языка ушедшего, XVIII века. По словам современника, они в литературе «в распределении мест держались более *табели о рангах*², чем о талантах».

В противовес «Беседе» возник литературный кружок «Арзамасское общество безвестных людей», или «Арзамас». Члены его в пику «беседчикам» утверждали, что ни во что не ставят звания и титулы, а ценят только дарование и талант. Они придумывали себе литературные прозвища по именам героев баллад В. А. Жуковского: В. А. Жуковскому – Светлана, К. Н. Батюшкову – Ахилл, П. А. Вяземскому – Асмодей, А. И. Тургеневу – Эолова арфа. Пушкина приняли в «Арзамас» осенью 1817 года, и он получил прозвище Сверчок, подошедшее ему очень кстати: его поэтический голос словно при-

² Табель о рангах – закон о порядке государственной службы в Российской империи (соотношение членов по старшинству, последовательность чинопроизводства). Утвержден в 1722 году Петром I.

существовал во всех петербургских домах, как и его стихи, в списках расходившиеся по Петербургу.

Когда собирались у братьев Тургеневых на *набережной реки Фонтанки (дом 20)*, споры о литературе, насмешки над «беседчиками» переходили в разговоры политические; говорили об уничтожении рабства в России, о лучшем государственном устройстве, обсуждали уроки европейских революций.

Александр Иванович Тургенев, человек, склонный к занятиям литературой и историей, служил в Министерстве просвещения и жил на Фонтанке вместе с младшим братом своим Николаем, строгим политиком, членом тайного общества. Дом принадлежал князю А. Н. Голицыну, министру просвещения; братья Тургеневы занимали здесь квартиру верхнего этажа. Споры о тирании, о свободе велись постоянно. В один из вечеров на квартире Тургеневых Пушкин начал писать оду «Вольность». Не успев закончить, дописал ее утром и принес Тургеневым все стихотворение, переписанное набело. Профиль Павла I, сделанный рукой Пушкина, так и остался в рукописи возле строк, напоминавших о событиях 11 марта 1801 года.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас огады.

Стихи были вызывающие, опасные, но Пушкин не умел быть осторожным, и через два года, в списках, они все-таки дошли до правительства...

А еще арзамасцы собирались в доме Екатерины Федоровны Муравьевой – тоже на *набережной реки Фонтанки*, только почти у самого Невского (*дом 25*). Вдова Михаила Никитича Муравьева, поэта и го-

сударственного деятеля, человека просвещенного и гуманного, Екатерина Федоровна воспитывала двух сыновей – Никиту и Александра. В 1812 году старший, Никитушка, тайком бежал из дому, чтобы принять участие в битве с Наполеоном. Прошел всю войну. Вступил в тайное общество, более того, стал одним из его руководителей, занимался составлением «Зеленой книги» – будущей русской конституции. Часто бывал в доме его двоюродный брат – Михаил Лунин, один из замечательных людей декабристского поколения, и еще двоюродные братья Муравьевы-Апостолы, Сергей и Матвей.

...Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты...

– писал Пушкин позже в декабристских строфах «Евгения Онегина», имея в виду дружеский, семейный, родственник круг «высокоумных молодых вольнодумцев».

В доме Муравьевых на Фонтанке, славившемся своим гостеприимством (случалось, что за стол во время семейных обедов садилось до семидесяти человек), останавливались поэт К. Н. Батюшков, дальний родственник хозяйки, знаменитый гравер профессор Академии художеств Н. И. Уткин, художник О. А. Кипренский. Здесь же, в верхнем этаже дома, с 1818 года поселился Николай Михайлович Карамзин, когда стали выходить в свет первые тома его «Истории государства Российского».

«Появление сей книги (как и надлежало быть) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3 000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин... светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом», – писал Пушкин позднее.

Арзамасцы, запросто, по-домашнему собиравшиеся у Муравьевых, устроили в честь Карамзина особое заседание, провозгласив его «историографом всея Руси».

В ту пору молодой Пушкин, как и многие вольнодумцы, увидел в «Истории» Карамзина только утверждение монархического принципа,

Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Пройдет немного времени, и Пушкин вернется к труду Карамзина, чтобы обрести в нем единственно верный взгляд на русскую историю – с позиций нравственных . . .

«Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин». Эта надпись откроет титульный лист его трагедии «Борис Годунов».

Ниже по набережной реки Фонтанки, перейдя Невский проспект, можно увидеть дом 97, где жила семья Алексея Николаевича Оленина – директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств, знатока античности, художника, археолога, коллекционера. Дом Олениных привлекал многих петербуржцев.

Литераторы, бывшие здесь в начале 1810-х годов, составили особый «оленинский кружок», но потом их пути разошлись: кто ушел в «Беседу», кто – в «Арзамас». Крылов, Оленин, Гнедич держались особняком. Приверженность античности определила судьбу Николая Ивановича Гнедича. Пятнадцать лет жизни он отдал переводу на русский язык «Илиады» Гомера. После того как «Илиада» вышла в свет, Пушкин писал: «. . . С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посветившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская «Илиада» перед нами . . . »

А тогда, в 1819 году, в доме Олениных Пушкин читал «Руслана и Людмилу». И когда речь зашла об издании поэмы, Алексей Николаевич принял участие в оформлении ее. По его рисунку была сделана виньетка на титульном листе поэмы: летящий Черномор с Русланом, в центре – спящая Людмила, внизу – Руслан перед Головой с копьем наперевес. «Платье, сшитое, по заказу вашему, на «Руслана и Людмилу», прекрасно, – писал Пушкин Гнедичу, – и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня».

Дом Олениных на Фонтанке был еще памятен Пушкину первой встречей с Анной Петровной Керн, племянницей жены Оленина. Потом, шесть лет спустя, он снова увидит ее в Тригорском и посвятит ей стихи:

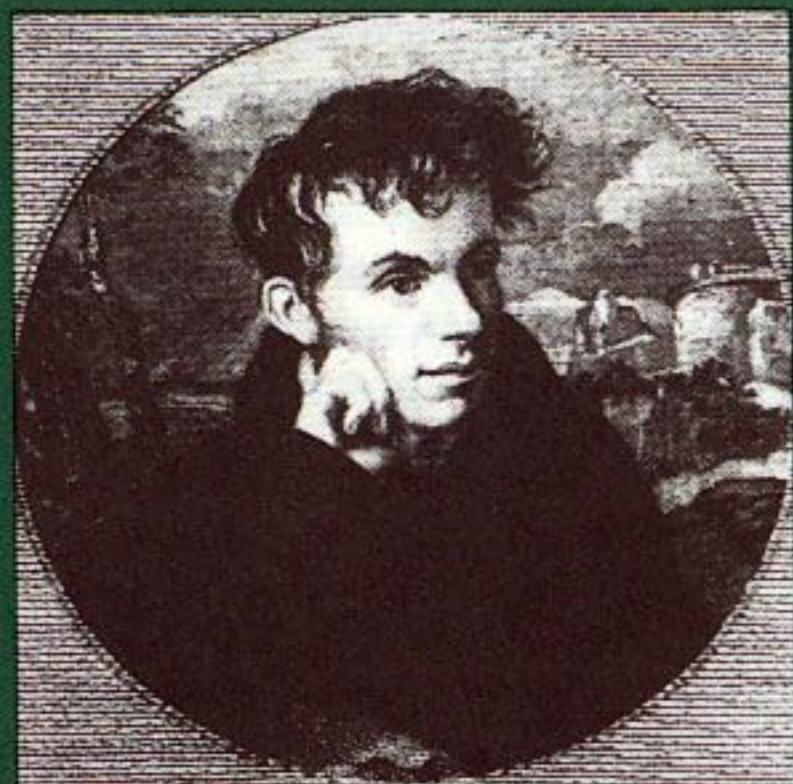
... Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Н. М. Карамзин. *А. Венецианов.*
С ориг. А. Варнека. Масло. 1828

А. Н. Оленин. Рис. А. Варнека.
Итал. карандаш. 1838

В. А. Жуковский. Гравюра Ф. Вендрамини
с ориг. О. Кипренского. 1817

Набережная реки Фонтанки. XIX в.

Каждый вечер в половине седьмого поднимался занавес в Петербургском Большом (Каменном) театре, заново возведенном в 1818 году взамен старого, сгоревшего от пожара. (Он находился на *площади*, которая потом стала называться *Театральной*. В конце XIX века театр был разобран, а на его месте появилась нынешняя Консерватория.) И начинался спектакль, построенный так, что в один вечер высокая драма сменялась водевилем, балетная феерия – комедией нравов. В театральном представлении как бы шла игра разных точек зрения, разных жанров – высокого и низкого, трагического и смешного, – утверждая многообразие жизни.

Кроме того, театр – это еще и политический клуб, где в антрактах во всеуслышание обсуждали последние новости, где собирались «либералисты», занимая левые ряды партера. Здесь Пушкин показывал портрет Лувеля, убийцы наследника французского престола, с надписью: «Урок царям». И, комментируя историю с медвежонком, сорвавшимся с цепи во время прогулки Александра I в царскосельском парке, замечал: «Нашелся один человек, да и тот медведь».

Иногда казалось, что в театральном зале интерес к политике даже сильнее интереса к искусству: молодые горячие головы помышляли о цареубийстве, спорили о конституции, но истинное искусство брало верх. Оно учило пониманию и объяснению человека, давало веру в возможность гармонии – в человеческом сердце и в жизни людей:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый; ...
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

Имя Екатерины Семеновой упоминается в театральных строфах романа «Евгений Онегин» не случайно: оно составило целую главу в истории русской сцены. И судьба ее была необычна: дочь крепост-

ной, она стала замечательной трагической актрисой. Восхищаясь ее талантом, Пушкин посвятил ей стихи и свою первую статью о театре, но все это не имело ничего общего с теми мадригалами, которые обычно поэты подносят красивым актрисам. Екатерина Семенова – «самодержавная царица трагической сцены» – учила искусству постижения и объяснения человеческой души.

Пушкин видел Семенову не только на сцене; он мог ее встречать у Олениных и у Гнедича, который был ее театральным педагогом, в его квартире при Публичной библиотеке. Бывал он и у самой Семеновой на *Миллионной улице (улица Халтурина, 32)* в доме князя Гагарина, женой которого она стала, покинув сцену.

Соседний дом на *Миллионной* (ныне дом 30) принадлежал княгине Евдокии Ивановне Голицыной. Она совсем не была причастна к кругу театральных знакомых Пушкина, но в образе ее жизни была известная доля театральности и экстравагантности. Княгиню Голицыну называли в Петербурге «ночная княгиня»: когда-то ей было предсказано, что она умрет ночью, и, чтобы избежать встречи со смертью, она изменила образ жизни: днем спала, а поздно вечером в ее доме начинался съезд гостей. Она славилась не только своими странностями и красотой. Княгиня всерьез занималась философией и математикой.

Пережив увлечение ею, «смертельно влюбленный» в нее, Пушкин писал княгине Голицыной стихи, посылал ей с посвящением свою оду «Вольность». А через несколько лет, упоминая в романе «Евгений Онегин» об особом типе просвещенных светских женщин, Пушкин писал, имея в виду и княгиню Голицыну:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!

Возвращаясь к петербургскому театру, нужно еще дополнить, что театр был местом новых знакомств и дружеских встреч.

«Знакомство мое с А. С. Пушкиным началось летом 1817 года, – вспоминал Павел Александрович Катенин, гвардейский офицер из круга декабристов, поэт и драматург, переводчик Расина и Корнеля. – Был я в театре. Семенова играла какую-то трагедию; кресла мои были с

правой стороны во втором ряду; в антракте увидел я Гнедича, сидящего в третьем ряду несколько левее середины, и как знакомые люди, мы с ним раскланялись издали. Не дожидаясь маленькой пьесы и проходя мимо меня, остановился он, чтобы познакомить меня с молодым человеком, шедшим с ним вместе.

«Вы его знаете по таланту, – сказал он мне, – это лицейский Пушкин». Вроде бы они принадлежали к разным школам: Катенин придерживался старых литературных традиций и был противником «Арзамаса». Но Пушкину чужда была нетерпимость: он умел уважать чужие мнения, пересматривать свои собственные, считая, что узость и замкнутость противны писательскому делу.

Придя к Катенину после первой встречи в театре – Катенин жил на *Миллионной* (ныне *улица Халтурина, 33*; дом перестроен) в казармах Преображенского полка (в верхнем этаже здесь были квартиры офицеров), – Пушкин, протянув ему трость, сказал: «Я пришел к Вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи . . .» Имена античных философов упомянуты им в свой первый приход к Катенину не случайно: там, в истории античной культуры, он искал этой мудрой способности понимать и уважать чужие мнения.

Пушкин не стал учеником Катенина, но готов был выслушивать его критику, отдавая должное его литературному таланту. Позже, когда они подружились и перешли на «ты», обращаясь к Катенину, поэт писал: «. . . Ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли».

Это Катенин по просьбе Пушкина привез его к князю Александру Александровичу Шаховскому, в прошлом участнику оленинского кружка, перешедшему в «Беседу», драматургу, режиссеру, заядлому театралу и яростному противнику «Арзамаса». Это его имя упоминалось в пушкинской эпиграмме времен бурных распрей «беседчиков» и арзамасцев:

Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Затихали былые споры, уходила непримиримость, все более сложной становилась оценка Пушкиным и людей, и литературных явлений.

На чердаке у Шаховского (он жил на *Средней* – ныне *Малой Подьяческой* в доме 12, занимая верхний этаж: отсюда и название «чердак») Пушкин стал бывать часто. Шаховской не только сочинял для театра, но сам был и актером, и режиссером, и театральным педагогом. В перерывах между репетициями разбирали актерские роли, читали новые пьесы. Пушкин привозил сюда новые главы «Руслана и Людмилы». «... Один из лучших вечеров моей жизни; помнишь? ... — писал он Катенину. — На чердаке князя Шаховского».

Актерский, театральный мир, чуткий, отзывчивый и такой неверный, целиком захватил Пушкина.

И театральная школа на Екатерининском канале (канал Грибоедова, 93), и дом Театральной дирекции (канал Грибоедова, 97), где жили актерские семьи Брянских, Каратыгиных, Колосовых, теперь лежали на пути Пушкина от дома к театру: ведь это все один район – Коломна. А после спектакля его ждали в доме Никиты Всеволожского (*проспект Римского-Корсакова, 35*), куда каждый вечер приходили гвардейские офицеры и литераторы, заядлые театралы, «почетные граждане кулис», составившие общество «Зеленая лампа». Его девиз – «Свет и надежда», а название пошло от лампы под зеленым абажуром, зажигавшейся в гостиной, где они собирались по вечерам. Культ свободы, который провозглашали они, включал и наслаждение земными радостями жизни, и презрение к холопству, поклонение Вакху, Киприде, и уважение личной независимости.

Может быть, рядом со строгими теоретиками типа Николая Тургенева «ламписты» казались не слишком серьезными политиками, но они были молоды, любили жизнь, любили стихи, «писанные в сатирическом или вольном духе». Пушкинские послания подхватывали здесь и выучивали наизусть.

Его стихи по-прежнему знает весь Петербург. «Везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу» (имеется в виду ода «Вольность». – *Авт.*), «Ура! в Россию скачет». Не было живого человека, который не знал бы его стихов», – вспоминал Иван Иванович Пущин.

Хотя официальным местом службы поэта являлась Коллегия иностранных дел, куда он был зачислен переводчиком в чине чиновника десятого класса, Пушкин не часто посещал это здание на *Английской набережной* (*набережная Красного Флота, 32*; построено архитектором Д. Кваренги). Карьера дипломата мало занимала его. «Какое могло быть ему дело до Иностранной коллегии, — замечал потом В. А. Жуковский. — Его служба была его перо . . .» В эти годы круг петербургского общения давал Пушкину необходимый опыт общественной жизни, обретение собственной литературной позиции.

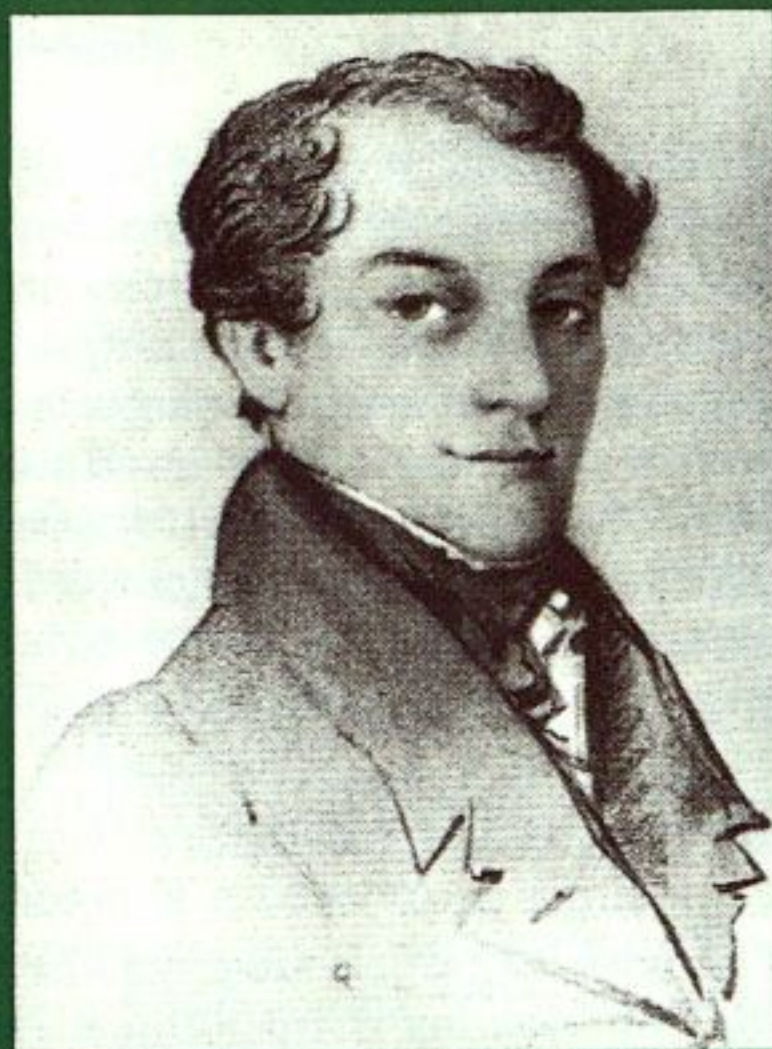
В Коллегии иностранных дел, кроме Пушкина, из лицейских числились еще В. К. Кюхельбекер, А. М. Горчаков и С. Г. Ломоносов. Здесь же произошло знакомство Пушкина с А. С. Грибоедовым, также состоявшим на службе в Коллегии.

Пушкин и Грибоедов служили вместе недолго, около года: в 1818 году Грибоедова отправили в Персию секретарем русской дипломатической миссии. И новая встреча им предстояла уже после возвращения Пушкина из ссылки, в 1828 году.

Новый круг петербургских друзей не вытеснил из жизни поэта прежние лицейские привязанности, хотя в эти годы отношения с лицейскими товарищами складывались не просто. Пожалуй, чаще других Пушкин бывал у домоседа Антона Антоновича Дельвига, который служил в Публичной библиотеке: по-прежнему меж ними сохранились ровные отношения, проникнутые пониманием и дружбой. Сложнее с Пушиным: целиком посвятивший себя делу тайного общества, «Жанно» не одобрял новый круг знакомств поэта. Жадный интерес Пушкина к людям казался Пушину «пылкой подвижностью нрава . . .» Вильгельма Карловича Кюхельбекера задевало литературное несогласие с ним Пушкина, но у него не хватало выдержки принять и парировать пушкинскую насмешку. Всегда доброжелательный Василий Андреевич Жуковский, в доме которого у Кашина моста (*проспект Римского-Корсакова, 43*) бывали Пушкин и Кюхельбекер, старался образумить их, понимая и принимая право каждого идти своим путем в литературе.

По субботам у Жуковского собирались И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, П. А. Плетнев. Здесь Пушкин песнь за песнью читал «Руслана и Людмилу». Появление поэмы выз-

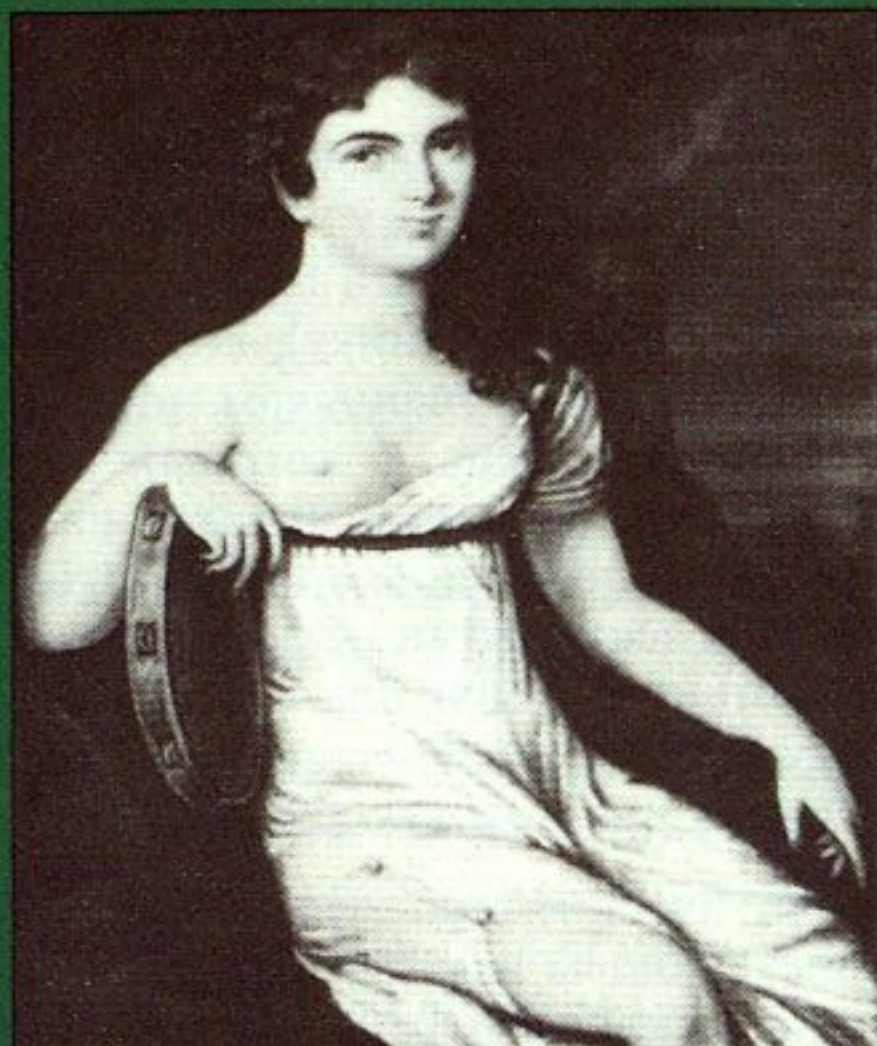

Н. М. Муравьев. Акв. П. Соколова.
1824

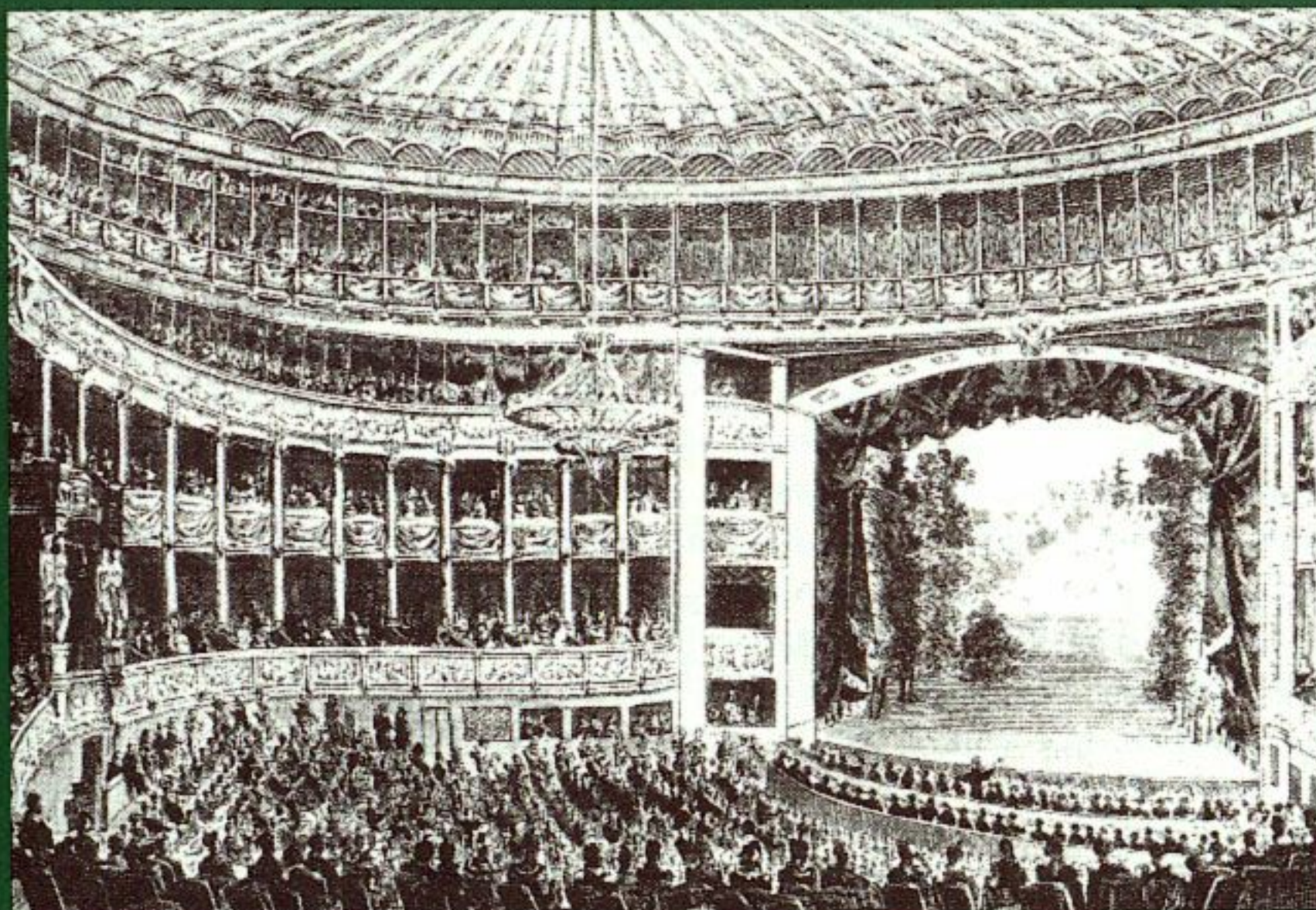
К. Ф. Рылеев. Рис. неизвестного
художника. До 1825

Гостиная в доме Олениных.
Неизвестный художник. Акв. 1810-е гг.

А. И. Истомина.
А.-Ф. Винтергальтер. Миниатюра.
1815-1820-е гг.

Большой (Каменный) театр.
Гравюра С. Галактионова
с рис. П. Свинына. 1818

вало споры и несогласие критиков, литературную брань врагов, как и подобает большому литературному явлению. Но Жуковский, лишенный даже тени литературной зависти (это свойство он передаст и своему ученику), признавал его поэтическое превосходство. «Победителю – ученику от побежденного учителя в тот высокочестивый день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 26 марта, Великая пятница, 1820», – гласила надпись на портрете, подаренном им Пушкину. И портрет сопутствовал Пушкину во всех скитаниях и переездах, всегда висел в его кабинете как напоминание, знак благодарности учителю и память о первом литературном успехе. Он сопровождал Пушкина и в ссылку, тень которой нависла над ним весной 1820 года.

Политические эпиграммы, ода «Вольность», стихи, где речь шла о царствующем императоре, в списках дошли до правительства. Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович (он жил на Невском проспекте, на участке нынешнего дома 12; здание не сохранилось) вызвал Пушкина и предложил ему передать рукописи своих «возмутительных стихов», в противном случае он грозил забрать все бумаги поэта. Как рассказывал Ф. Н. Глинка, адъютант Милорадовича: «Граф! – отвечал Пушкин, – все мои стихи сожжены! – и у меня ничего не найдется на квартире, но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною . . .» Он решил говорить со всей откровенностью, не таясь, да и многое из того, что было написано три года назад, уже казалось ему ребячеством. И хотя Милорадович тут же объявил Пушкину прощение, Александр I не был настроен так великодушно: вольнодумство требовало строгого наказания, поэту грозила ссылка в Сибирь или в Соловецкий монастырь.

Последний дом, который Пушкин посетил в Петербурге перед отъездом в ссылку, – гостиница Демута, где жил тогда Петр Яковлевич Чаадаев, гусарский офицер и философ, старший друг поэта. Они познакомились еще в Лицее, в 1816 году: лейб-гусарский полк, где служил Чаадаев, стоял тогда в Царском Селе. Независимый склад ума, блестящая образованность, приверженность республиканским идеям делали Чаадаева в глазах Пушкина человеком, подобным выдающимся деятелям античного мира:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской.

В гостиничном номере Чаадаева висел его портрет с этой надписью, сделанной Пушкиным.

Это Чаадаев и Карамзин, узнав о грозящей Пушкину опасности, ссылке на Север или в Сибирь, сделали все, чтобы смягчить наказание. В результате их хлопот поэт был отправлен в южные губернии России, под начальство генерала Инзова.

Перед отъездом Пушкин не мог не проститься с Чаадаевым: очень многое в его жизни значил этот человек, обладающий такой силой и независимостью убеждений, которые позволяли жить по законам личной чести, не считаясь с тем, что говорят о тебе в обществе досужие люди, какими мерками мерит тебя «светская чернь» . . .

Они не увиделись. «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал; стоило ли будить тебя из-за такой безделицы?» – такую записку оставил ему Пушкин на прощание.

В мае 1820 года поэт покидал Петербург, отправляясь по царско-сельскому тракту на Юг, с подорожной по казенной надобности. Антон Дельвиг и Павел Яковлев, брат лицейского товарища Пушкина, провожали поэта до Царского Села . . . Дороги в тысячи верст и долгие годы изгнания ожидали его.

Поэт вернулся в Петербург лишь в мае 1827 года.

В конце 1820-х – начале 1830-х годов город неузнаваемо изменился. Разбирали леса на площади перед Сенатом и Синодом: эти два новых здания заменили старые обветшалые дома, и *Сенатская* (или, как ее еще называли, *Петровская*) *площадь* стала парадной площадью столицы. Закончилось возведение Главного штаба с аркой, увенчанной колесницей Победы.

Город формировался как столица николаевской империи. Государственные учреждения, составлявшие целые ансамбли, занимали теперь в архитектуре главенствующую роль. Здания Сената и Синода, Главного штаба, где размещались Министерство иностранных дел и

Министерство финансов, своей монументальностью подавляли, делали незаметными частные дома. Вообще частная жизнь людей, не состоящих на государственной службе, вызывала подозрения; казалось сомнительным и опасным все, что выходило за рамки общепринятого. Вечерние съезды к княгине Е. И. Голицыной привлекли внимание Третьего отделения, и в доносе на нее сообщалось: «Княгиня Голицына, жительствующая в своем собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как уже по известности, имеет обыкновение спать день, а ночь заниматься компаниями, и такое употребление времени относится к большому подозрению . . .»

Приехав в Петербург после семилетнего отсутствия, Пушкин не мог не заметить происшедших изменений. Поразительной красоты его архитектуры, «строгости и стройности» петербургских ансамблей. И «духа неволи», определявшего образ жизни в николаевской столице. Опустели многие петербургские дома. Дом Муравьевых на Фонтанке . . . Проводив жену своего сына Никиты в Сибирь, Екатерина Федоровна сначала осталась здесь одна с внуками, а потом продала дом и переехала в Москву. И дом Пушиных на Мойке: оба брата – Иван и младший, Михаил, – были осуждены за участие в восстании. И квартира Кондратия Федоровича Рылеева, главы Северного общества, поэта, издателя журнала «Полярная Звезда».

Рылеев жил на *набережной реки Мойки* в доме торговой Российско-Американской компании (ныне *дом 72*, здание перестроено), снимая квартиру в нижнем этаже. По этому адресу в 1824–1825 годах приходили к Рылееву письма от Пушкина из Михайловского: «Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущин привезет тебе отрывок из моих «Цыганов». Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду «Полярной Звезды» с нетерпением . . .»

Здесь, на квартире Рылеева, вечером 13 декабря 1825 года, накануне восстания, состоялось последнее заседание тайного общества, где было принято решение вывести войска на площадь перед Сенатом и, отказавшись присягать Николаю, требовать для России конституции . . .

Сенатская площадь – в нескольких шагах ходьбы от квартиры Рылеева, за Исаакиевским собором, который тогда еще только строился.

Утром 14 декабря 1825 года здесь, на Сенатской площади, выстроились мятежные полки. «День смеркался, – вспоминал потом один из братьев Бестужевых, Николай. – Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны, и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемая серым мерцанием сумерек». А они не собирались стрелять, эти странные мятежники, – «сто прапорщиков», донкихоты, поэты. «Я стоял, – вспоминал Николай Бестужев, – повторяя себе слова Рылеева, что мы дышим свободою. Я с горечью видел, что это дыхание стеснялось». Грянули первые выстрелы картечи – почти в упор, с расстояния в тридцать шагов, и дрогнули колонны солдат в мятежном каре, они побежали по набережной, вдоль Невы, по узкой Галерной улице, меж домов, прячась за их уступами. «Кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом сама, алая, замерзала».

Наутро дворники засыпали песком кровь на площади . . .

Когда Пушкин встретился в Петербурге с польским поэтом Адамом Мицкевичем, который был дружен с Рылеевым и Александром Бестужевым (Марлинским), они еще не раз возвращались к событиям на Сенатской площади и к памятнику основателю города, всаднику на коне, который стал невольным участником событий.

Мицкевич жил на *Большой Мещанской* (ныне *улица Плеханова, 39*), в доме известного каретного мастера Иохима. В столице он был в ссылке и, преследуемый правительством Николая I, хлопотал о выезде. Стараниями друзей, в том числе Вяземского и Пушкина, летом 1828 года Мицкевичу удалось, наконец, получить заграничный паспорт. «Он сблизился со многими русскими литераторами», – вспоминал Вяземский.

Петербург, основанный самодержавной волей Петра, самый памятник ему были темой их постоянных размышлений и споров. Вяземский вспоминал, как однажды, проходя вместе с Пушкиным и Мицкевичем мимо памятника, он заметил, что Петр I не столько пустил Россию вперед, сколько поднял ее на дыбы. Отголоски их разговоров отзовутся потом в поэме Пушкина «Медный всадник»:

... Уздой железной
Россию поднял на дыбы...

Пушкин представлял себе этот город совсем молодым, в пору возведения первых зданий, прокладки первых улиц, глазами своего прадеда Ибрагима Ганнибала, героя повести «Арап Петра Великого»: «Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами . . .»

Прошло сто лет, и юный град,
 Полнощных стран краса и диво,
 Из тьмы лесов, из топи блат
 Вознесся пышно, горделиво . . .

– продолжал Пушкин во вступлении к поэме «Медный всадник». История Петербурга и жизнь сегодняшнего города оказывались связанными между собой. Приходили в соприкосновение судьбы людей Петровской эпохи и современников поэта. Петр I был в числе героев поэмы «Медный всадник», посвященной событиям совсем недавнего прошлого – наводнению 1824 года. А историческую по своему сюжету поэму «Полтава» Пушкин посвятил жене декабриста Марии Волконской.

«Полтаву» он закончил осенью 1828 года, живя у Демута. (Первые годы после возвращения в Петербург, с 1827-го по 1830-й, бывая в столице наездами, Пушкин всегда останавливался в этой гостинице, хорошо знакомой ему со времен юности.)

«Погода стояла отвратительная, – вспоминал один из современников поэта М. Юзефович. – Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтоб записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. . . Он кончил «Полтаву», помнится, в три недели».

Весной того же 1828 года, когда Пушкин закончил «Полтаву», вместе с Вяземским они разыскали у Петропавловской крепости место казни

декабристов³. Это случилось в праздник Преполовения, первый весенний праздник, когда по Неве сходил лед и жители столицы на лодках отправлялись на острова. В крепости шло богослужение, был крестный ход... А Пушкин и Вяземский, найдя на кронверке то место, где в ночь на 13 июля 1826 года поставили виселицу, подобрали там пять щепок⁴. Пять – по числу казненных.

И могила их была для Пушкина свята. Всех пятерых: Пестеля, Рылеева, Каховского, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола – похоронили, по распоряжению царя, ночью, тайно, на кладбище для бездомных собак, на северной оконечности *острова Голодай*, на взморье. Чтоб никто не знал, где их погребли⁵. Пушкин искал эту могилу. По предположению А. А. Ахматовой, он хорошо знал это место, разделяя высокое верование античности, что могила праведника – сокровище и достояние страны. Воспоминание об острове на взморье, мучительное воспоминание, саднившее болью, осталось в его поэтических строках:

Печальный остров – берег дикий
Усеян зимнею брусникой,
Увявшей тундрою покрыт
И хладной пеною омыт.

.....
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

История Петербурга – это частица истории России. Пушкин вернулся в столицу автором исторической трагедии «Борис Годунов», законченной им еще в Михайловской ссылке. Царь не разрешил ее печатать, предложив Пушкину переделать трагедию «в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта». Поэтому Пушкин пока

³ Сейчас на месте казни декабристов в Петропавловской крепости установлен обелиск, открытый к 150-летию со дня восстания. К нему можно попасть с площади Революции.

⁴ Шкатулка П. А. Вяземского с пятью щепками, с запиской: «Праздник Преполовения за Невой. Прогулка с Пушкиным, 1828-ой год» – находится в литературной экспозиции Всесоюзного музея А. С. Пушкина в городе Пушкине (бывшее Царское Село).

⁵ В 1926 году к 100-летию со дня восстания декабристов на *острове Голодай* (ныне *остров Декабристов*), на месте их предполагаемого захоронения, по проекту архитектора А. Боброва был установлен памятник (переулок Каховского, у станции метро «Приморская»).

читал «Бориса Годунова» в дружеских домах, в кругу литераторов и знакомых. Одно из таких чтений состоялось в доме графа Лавалья на *Английской набережной* (ныне *набережная Красного Флота, 4*). В этом доме жила Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная Лаваль. Отсюда она начинала свой путь в Сибирь вслед за мужем, Сергеем Трубецким . . .

16 мая 1828 года, когда Пушкин читал здесь свою трагедию, в числе его слушателей были Адам Мицкевич и Александр Сергеевич Грибоедов.

Тогда, весной 1828 года, Грибоедов приехал в столицу, привезя Туркманчайский договор, заключенный Россией с Персией во многом благодаря его энергии и дипломатическим способностям. Сначала он, как и Пушкин, жил у Демута, а в мае переехал в дом Косиковского на *Большой Морской* (ныне *улица Герцена, 14*), снимая квартиру из нескольких комнат, обставленных с походной простотой: рояль был самым дорогим их украшением. Музыкант и композитор, дипломат и драматург, он был человеком огромных дарований. Но его комедия «Горе от ума», запрещенная цензурой, так и не увидела сцены. Нужно было возвращаться в Персию, куда царь отправлял его чрезвычайным посланником, где Грибоедов погиб в начале 1829 года. Именно в эти годы Пушкин приходит к мысли о необходимости собственного издания, которое собрало бы вокруг себя единомышленников и способно было противостоять продажной, торговой, официальной литературе.

Сначала таким изданием стала для него «Литературная газета», которую с 1830 года начал выпускать Антон Дельвиг, поэт, лицейский друг Пушкина.

Дельвиг жил тогда на *Загородном проспекте*, сначала в доме Кувшиникова (ныне дом 9; здание перестроено), а с 1829 года в доме купца Тычинкина (ныне *дом 1*). «У Дельвига были назначены для приема вечера в среду и воскресенье . . . – вспоминал А. И. Дельвиг, племянник поэта. – На этих вечерах говорили по-русски, а не по-французски, как это было тогда принято в обществе . . . Впрочем, на этих вечерах часто играли на фортепиано. Песни же и романсы певались непременно каждый вечер, в этом участвовал и сам Дельвиг, а особенно отличились М. Л. Яковлев и князь Эристов».

Дельвиг – «названный брат», один из самых близких Пушкину людей. Знаток живописи, друживший со многими художниками, Дельвиг заказал в 1827 году Оресту Кипренскому портрет Пушкина. Кипренский жил в доме графа Шереметева на *набережной реки Фонтанки (дом 34)* – знаменитом Шереметевском дворце, или Фонтанном доме, как его называли современники. Здесь Пушкин позировал художнику.

А осенью 1827 года на традиционной выставке в Академии художеств (*Университетская набережная, 17*), где Пушкин часто бывал вместе с Дельвигом, посещая мастерские художников, портрет работы Кипренского был выставлен, привлекая всеобщее внимание. Нельзя было не запомнить его: художник передал не только внешнее сходство, но и высокую одухотворенность поэта.

... Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз...

И долго еще современники поэта, увидав его на улице или в книжных лавках, сразу узнавали его именно по этому портрету. Так, впервые встретился с Пушкиным в книжной лавке А. Ф. Смирдина литератор И. И. Панаев. Он увидел человека среднего роста, одетого без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми, чуть белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами... «Сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина по известному портрету Кипренского».

Книжная лавка А. Ф. Смирдина с 1832 года помещалась на *Невском проспекте (ныне дом 22)*, а до этого на *набережной реки Мойки (дом 70)*. Еще в 1815 году книгоиздатель В. А. Плавильщиков открыл там первый в столице теплый книжный магазин: до этого обычно торговали книгами в открытых помещениях. При магазине была и большая общественная библиотека, где разрешалось пользоваться книгами за плату.

А. Ф. Смирдин, сменив Плавильщикова в 1823 году, стал не только владельцем самой известной в столице книжной лавки, но и книгоиздателем. В конце 1820-х годов в книжном магазине Смирдина читатели могли найти четвертую, пятую, шестую и седьмую главы «Евге-

ния Онегина», выходившие отдельными книжками, «Графа Нулина», «Полтаву», первую, а потом и вторую части «Стихотворений Александра Пушкина».

В феврале 1832 года по случаю новоселья на Невском Смирдин устроил обед, ставший первым собранием профессиональных литераторов. В память об этом событии был издан альманах «Новоселье», куда Пушкин отдал свою поэму «Домик в Коломне».

В эти годы вместе с возрастающей известностью Пушкина-поэта усиливается и правительственный надзор за ним. Весной 1828 года Государственный Совет принял решение об установлении за Пушкиным тайного полицейского сыска. Круг друзей, единомышленников поэта тоже был «под недреманным оком» шефа жандармов. В конце 1830 года Бенкендорф вызвал А. Дельвига (Третье отделение находилось на Мойке, в доме Таля, ныне дом 58; здание перестроено) и выразил ему свое недовольство по поводу публикации в «Литературной газете» стихотворения К. Делавиня о французской революции. Издание газеты было запрещено. Это, да еще сильная простуда стали причиной его неожиданной смерти в январе 1831 года. «Ужасное известие получил я в воскресенье . . . – писал Плетневу Пушкин, находившийся тогда в Москве. – Вот первая смерть, мною оплаканная . . . Никто на свете не был мне ближе Дельвига . . . Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров – и постараемся быть живы».

Спустя несколько лет в Петербурге начнет выходить журнал Пушкина «Современник», во многом продолжавший традиции «Литературной газеты».

Но это будет позже, в 1836 году.

А пока начинался последний петербургский период жизни Пушкина, последнее шестилетие: с 1831 по 1837 год, после женитьбы поэта. Его первая семейная квартира была неподалеку от Сенатской площади, на *Галерной* (ныне *Красной*) *улице*, в доме 53, где они с Натальей Николаевной прожили с осени 1831 года до весны 1832 года. Но, и обзаведясь семьей, Пушкин продолжал кочевать по Петербургу. За шесть лет семейной жизни – шесть квартир. Что заставляло перемещаться – внутренняя тревога, житейские неудобства?

С весны 1832 года снимали квартиру на Фурштатской, в доме Алымо-

вой (ныне улица П. Лаврова, 20; здание перестроено). Весной 1833 года переехали на *Большую Морскую*, в дом Жадимировского (*улица Герцена, 26/14*; здание перестроено), прожили здесь только полгода, а осенью перебрались на *Пантелеймоновскую улицу*, у Летнего сада, в дом Оливье (*улица Пестеля, 5*; здание перестроено). Впрочем, не только Пушкины кочевали по Петербургу. Карамзины и Вяземские тоже довольно часто перебирались с квартиры на квартиру: не было принято долго засиживаться на одном месте, менялись житейские обстоятельства, овладевала «охота к перемене мест». И осенью 1834 года, узнав, что Вяземские освободили этаж в доме Баташова на *Французской набережной* (ныне *набережная Кутузова, 34*), Пушкин со всем семейством (к этому времени вместе с ними поселились сестры Гончаровы) переехал туда на целых два года, до осени 1836-го. Последняя квартира – в доме Волконских на *набережной реки Мойки, 12*. Обозы при переездах были невелики. «... Я жил поэтом: без дров зимой, без дрожек летом», – писал когда-то Пушкин, вспоминая свою одесскую молодость. Сейчас, конечно, появились две кареты для выезда, у лучшего петербургского мебельщика А. Гамбса была куплена мебель: маленький письменный стол, кушетка, шесть табуретов, готическая ширма... И тем не менее по-прежнему главное содержание обозов составляли библиотека, которую перевезли из Михайловского в 1832 году на двенадцати подводах, да ящики с рукописями – главная примета писательского быта Пушкина.

Может быть, он вел какой-то особый счет своим петербургским квартирам. На Фурштатской, в доме Алымовой, родилась старшая дочь Маша, а у Баташова, на Французской набережной, – младший сын Григорий. Или иначе: на Большой Морской, у Жадимировского, он начал «Дубровского», а на Пантелеймоновской, у Оливье, закончил «Анджело», «Медного всадника», «Историю Пугачева». И тогда же была напечатана «Пиковая дама» – еще одна петербургская повесть Пушкина, сразу ставшая модной. «Игроки понтируют на тройку, семерку и туза», – писал Пушкин в «Дневнике». А в графине из повести находили сходство с княгиней Натальей Петровной Голицыной, старой фрейлиной екатерининских времен, доживавшей свой век в доме на *Малой Морской* (*улица Гоголя, 10*), который называли с тех пор «домом Пиковой дамы».

А еще квартира на Пантелеймоновской была памятна Пушкину историей с его несостоявшейся отставкой.

Это случилось летом 1834 года, когда Пушкин, проводив Наталью Николаевну с двумя детьми на лето в калужское имение ее родителей, остался в Петербурге: издание «Истории Пугачева» держало его в столице. Сверял корректуры, вычитывал рукопись. *Летний сад*, что был совсем неподалеку, в двух шагах, заменял ему выезды на дачу. «... Летний сад мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома», – писал он жене.

А столица жила праздниками и празднествами, церемониями и парадами. Готовились отмечать совершеннолетие наследника. «Все эти праздники просижу дома, – сообщал Пушкин Наталье Николаевне. – К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камерпажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил⁶. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Через несколько дней Пушкина вызвал к себе Жуковский и рассказал о том, что московская почта распечатала это письмо и донесла о его содержании царю. Николай I сделал выговор за то, что поэт неуважительно отзывается о государях. И Пушкин впервые понял, какую подлую комедию они ломали вокруг него, обещая ему творческую свободу, независимость, а на самом деле, подглядывая, подсматривая за ним, как через замочную скважину в спальню. «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного», – писал он.

Вот тогда он решил просить отставку, чтобы бросить этот «свинский Петербург», уехать в деревню, освободиться от государева надзора и службы. Но царь поставил условием отставки запрещение пользо-

⁶ Говоря о тезке сына, Пушкин имел в виду наследника престола, будущего императора Александра II. Своим тезкой поэт называл Александра I.

ваться материалами архивов, а Пушкин только начинал работу над «Историей Петра»; без документов, без архива он не мог ее продолжать. Пришлось просить вернуть прошение об отставке, остаться в столице. И как раз в то лето в ресторации Дюме на *Малой Морской (улица Гоголя, 15)* Пушкину представили молодого француза, искавшего возможности попасть на русскую службу. Имя француза было Жорж Дантес.

Жизнь в Петербурге оказывалась для Пушкина как бы особой формой ссылки: в столице, под надзором царя и шефа жандармов. Но и в последние годы, мечтая вырваться из Петербурга, он вновь возвращался сюда, проклинал этот город и любил его: здесь его юность, знакомые с детства дома, память о друзьях, живых и уже ушедших. Здесь – история России.

Окна его квартиры на Пантелеймоновской улице выходили прямо на Пантелеймоновскую церковь (улица Пестеля, 2а), возведенную еще в 1730-е годы в честь победы русского флота при Гангуте и Гренгаме. А неподалеку, возле Михайловского замка, на постаменте памятника Петру I работы скульптора В. Растрелли были два рельефа, отлитых из чугуна, – «Полтавская баталия» и «Бой при Гангуте» – как бы картинная галерея города прямо на площади, под открытым небом.

Из окон дома Баташова на Французской набережной видны были Петропавловская крепость и домик Петра на другой стороне Невы (Петровская набережная, 4). Здесь – начало города, его первый дом и первая улица; здесь – история, овеянная в камне.

В этом городе были дорогие Пушкину могилы: Антона Антоновича Дельвига на Волковском кладбище⁷ и двоюродного деда поэта Ивана Абрамовича Ганнибала в Александро-Невской лавре⁸.

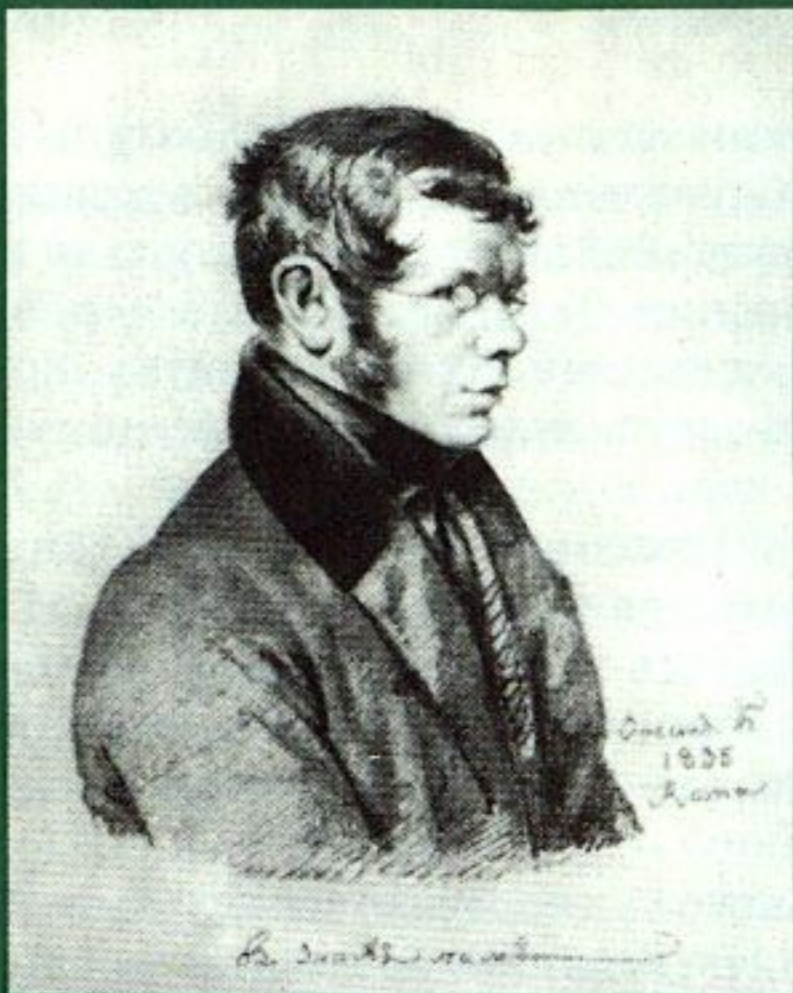
Он не мог оставить этот город, как ни тяжела и унизительна была его жизнь здесь. Петербург был его домом.

В архивах Главного штаба Пушкин разбирал старые документы: следственное дело Пугачева и «Архив императора Петра I», с дотошностью и настойчивостью истинного исследователя изучал хра-

⁷ Могила А. А. Дельвига в 1930-е годы была перенесена на кладбище Александро-Невской лавры.

⁸ Александро-Невской лаврой завершается Невский проспект (станция метро «Площадь Александра Невского»). На кладбище Александро-Невской лавры находится могила Н. Н. Пушкиной-Ланской.

П. А. Вяземский. Рис. О. Кипренского.
1835

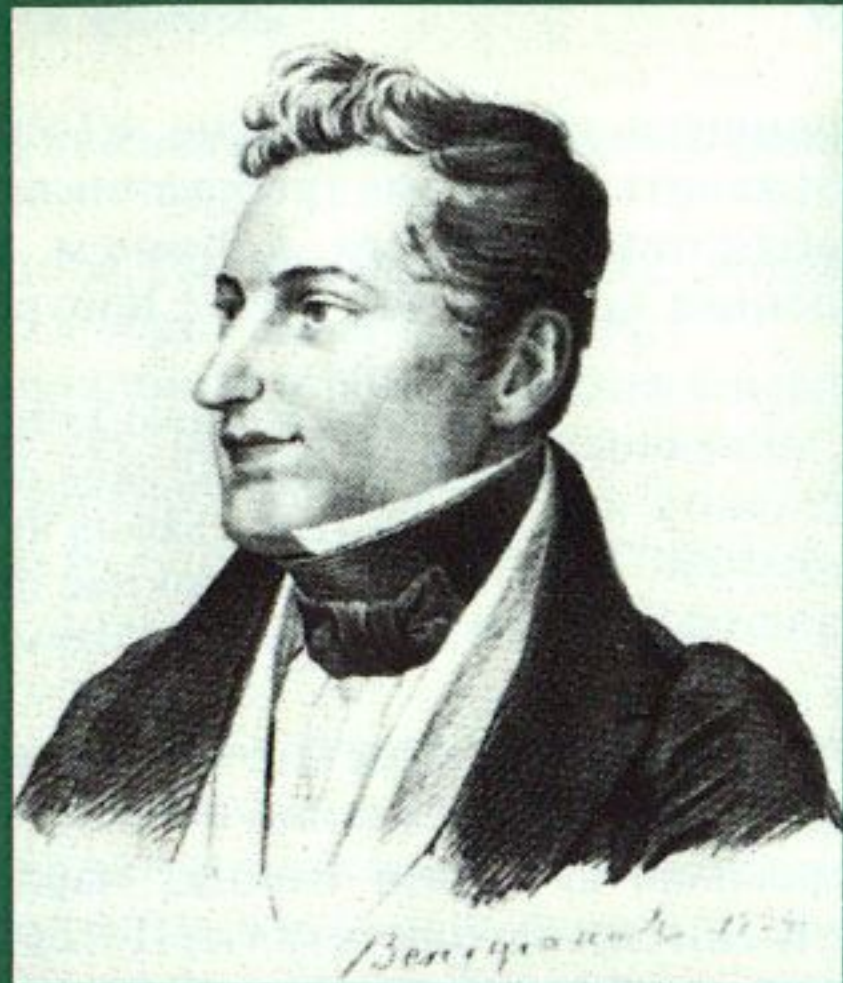
Невский проспект. Полицейский мост и кондитерская Вольфа.
Литография П. Иванова с ориг. В. Садовникова. 1835

М. И. Глинка. Рис. Н. Волкова. 1837

Н. В. Гоголь. Литография
А. Венецианова. 1834

нившиеся здесь материалы. «Только одна история народа может объяснить истинные требования оного», – писал он. Работал поэт и в библиотеке Вольтера, в Зимнем дворце. Там же, во дворце, была Военная галерея 1812 года с портретами участников войны.

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу...

В память о событиях Отечественной войны 1812 года в августе 1834 года была торжественно открыта Александровская колонна – при огромном стечении народа, параде войск, вечернем фейерверке. Пушкин еще загодя уехал из Петербурга, чтобы не присутствовать на церемонии, претившей ему своей официальнойностью.

Восстанавливая события 1812 года, Пушкин собирал воспоминания участников войны и публиковал их в «Современнике»: живая память очевидцев, свидетелей событий противостояла официальной историографии.

Летом 1836 года привезла в Петербург свои «Записки кавалерист-девицы» Надежда Дурова, «девушка-гусар», прошедшая войну под именем корнета Александрова. Она остановилась в гостинице Демута, где ее навещал Пушкин. А однажды он пригласил Дурову к себе, чтобы она не чувствовала себя в столице так одиноко; семья поэта жила тогда на Каменном острове, где были загородные летние дачи (ныне участок № 20/18 по набережной Большой Невки; дом не сохранился). Когда проезжали мимо Петропавловской крепости, он показал ей кронверк, где были казнены декабристы.

Осенью того же, 1836 года Пушкины переехали с дачи в дом Волконских на набережной Мойки. С семьей хозяйки дома, княгини Софьи Григорьевны, Пушкин был дружен давно, еще со времен Одессы. Тогда же познакомился и с ее братом, Сергеем Волконским, членом Южного общества, генералом, героем Отечественной войны 1812 года. Бывая в Петербурге, Волконский обычно останавливался именно в этом доме. А зимой 1826 года после приговора по делу декабристов из дома на Мойке уезжала за мужем в Сибирь Мария Ни-

колаевна, оставив на попечение родственников своего сына Николаеньку.

Квартира, которую снимали Пушкины, была в нижнем этаже, окнами на набережную и во двор, от одних ворот дома до других.

Комнаты шли одна за другой, анфиладой, и порою в доме не хватало тишины. Четверо детей, да еще сестры Натальи Николаевны – большая семья. Пушкин снял квартиру сроком на два года, до сентября 1838-го. Строил планы на будущее, занимался «Современником», закончил «Капитанскую дочку», работал над «Историей Петра».

Когда осенью 1836 года Александр Иванович Тургенев привез копии петровских документов из парижских архивов, они с Пушкиным виделись чуть ли не каждый день: Тургенев тогда жил в гостинице Демута. «Пушкин мой сосед. Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах, – писал Тургенев, – иные находят его изменившимся, озабоченным и не принимающим в разговоре того участия, которое прежде было столь значительным. Я не из их числа, и мы с трудом кончаем разговор, в сущности, не заканчивая его, то есть никогда не исчерпывая начатой темы».

Дома друзей – литераторов, писателей, художников – составляли еще одно, пушкинское, измерение петербургской жизни.

Неподалеку от дома на Мойке, по другой стороне набережной, в Шепелевском доме Зимнего дворца (так назывался дом камергера Шепелева, примыкавший ко дворцу, – запасное дворцовое помещение), была квартира Василия Андреевича Жуковского в бытность его воспитателем наследника (ныне участок дома по улице Халтурина, 35; дом не сохранился). Квартира была в третьем этаже, с невысокими окнами под потолком. У Жуковского собирались здесь по субботам литераторы, музыканты, художники.

Зимой 1834–1835 годов субботы Жуковского стал посещать Михаил Иванович Глинка. На одном из вечеров Жуковский предложил ему сюжет Ивана Сусанина в качестве темы для русской оперы, а год спустя, осенью 1836 года, в Большом (Каменном) театре состоялась премьера этой первой русской оперы на сюжет из отечественной истории. В день премьеры, 27 ноября 1836 года, Пушкин был в театре. А через несколько дней, чувствуя композитора, друзья сочинили шут-

ливый «Канон» в несколько четверостиший, положенных на музыку. Пушкину в нем принадлежала следующая строфа:

Слушая сию новинку,
 Зависть, злобой омрачась,
 Пусть скрежещет, но уж Глинку
 Затоптать не может в грязь.

По субботам у Жуковского часто бывал и Николай Васильевич Гоголь, «Гоголек» – ласковое прозвище, данное ему Василием Андреевичем. «В последнюю субботу читал он нам свою повесть о носе . . . – писал Вяземский А. И. Тургеневу в апреле 1836 года. – Уморительно смешно. Много настоящего *humour*»⁹. Весной 1836 года на сцене Александринского театра состоялась премьера комедии Гоголя «Ревизор». А в своей квартире на *Малой Морской* (ныне *улица Гоголя, 17*), состоявшей из двух маленьких комнат с темной лестницей, он уже начинал первые главы «Мертвых душ». Здесь были написаны «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Коляска», «Невский проспект». Неподалеку от Жуковского, дальше по Миллионной, в *Мошковом переулке* (ныне *Запорожский переулок, 1*), в небольшом двухэтажном флигеле жил Владимир Федорович Одоевский, известный писатель и музыкант. Одоевский принимал участие в издании «Литературной газеты» Дельвига, а в 1836 году помогал Пушкину в выпуске «Современника». И у Одоевского проходили литературные вечера, где Пушкин бывал вместе с Натальей Николаевной.

У Летнего сада, на *Дворцовой набережной*, был дом австрийского посольства (ныне *дом 4*). Здесь жила Елизавета Михайловна Хитрово – дочь М. И. Кутузова, давнишний друг Пушкина. (До этого она занимала квартиру в доме Мижучева на *набережной реки Фонтанки, 26*, точнее, во флигеле, выходившем на Моховую (дом 41). Здесь в свое время жили и Карамзины, и П. А. Вяземский.)

Хитрово жила у своей дочери Долли, Дарьи Федоровны Фикельмон, жены австрийского посланника. В их доме был известный в Петербурге литературно-политический салон: присутствие здесь дипломатов, государственных деятелей, литераторов, заезжих знаменито-

⁹ юмора (франц.).

стей давало возможность узнать последние новости общественной жизни не только России, но и Европы. Елизавета Михайловна принимала обычно от часу до четырех пополудни, Фикельмоны – вечером. «Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах, – писал П. А. Вяземский, называя их «всемирной, изустной, разговорной газетой», и продолжал: – А какая была непринужденность, терпимость, вежливая, и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах».

В числе друзей Елизаветы Михайловны Хитрово было много писателей: П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. И. Козлов, А. И. Тургенев, В. А. Соллогуб. Она не только жила их литературными делами, но и принимала на себя их житейские заботы, переживая беды друзей как свои собственные, возведя дружбу, по словам того же П. А. Вяземского, в степень доблести. Ее отношение к Пушкину было исключительным, она питала к нему «самую нежную, страстную дружбу». И был еще один дружеский Пушкину дом в этом городе – дом Екатерины Андреевны Карамзиной.

После смерти мужа она с детьми поселилась на *Михайловской площади* (ныне *площадь Искусств, 3*). Нижние этажи дома занимал тогда композитор и музыкант Михаил Юрьевич Виельгорский, а Карамзины жили в верхнем этаже. В 1836 году они переехали в *дом 4* на другой стороне площади. «Находясь в этой милой и гостеприимной семье, – рассказывал А. В. Мещерский, родственник Карамзиных, – я сразу очутился в самой интеллигентной среде петербургского общества, в которой так свежа еще была память незабвенного Николая Михайловича и где, по преданию, собирались как прежние друзья покойного историографа, так и молодые поэты, литераторы и ученые нового поколения . . . Карамзины ежедневно принимали всех по вечерам, попросту, семейно, за чайным столом . . . Карамзинский дом был единственный в Петербурге, в гостиной которого собиралось общество не для светских пересудов и сплетен, а исключительно для беседы и обмена мысли».

Пушкина связывали с семьей историографа давние дружеские отношения, но младшие Карамзины, сыновья Екатерины Андреевны, Александр, Андрей и Владимир, ввели в свой круг молодого кавалер-

гардского офицера Ж. Дантеса . . . Поэтому посещение Пушкиным этого дома становилось все более мучительным. И может быть, единственным человеком, который решился отказать Дантесу от дома, чтобы защитить Пушкина от неизбежных с ним встреч, была княгиня Вера Федоровна Вяземская. Родственная Карамзиным семья Вяземских (Петр Андреевич приходился Карамзиной братом) жила тогда на Моховой (в доме 32). Здесь, у Вяземских, осенью 1836 года Пушкин впервые читал «Капитанскую дочку». В числе его слушателей был французский посол в Петербурге де Барант, выразивший желание перевести повесть на французский язык . . . Здесь, на Моховой, Пушкины и Вяземские праздновали встречу Нового, 1837 года . . . На углу Михайловской улицы и Екатерининского канала, в доме типографии Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии (ныне участок дома 2 на набережной канала Грибоедова) была квартира Михаила Лукьяновича Яковлева, старосты первого лицейского выпуска, – «яковлевское подворье», как называли ее. Яковлев жил холостяком, и дом его был открыт для всех лицейских товарищей: именно у него обычно праздновались лицейские годовщины.

В последние годы Пушкин был связан с Яковлевым еще и делами по изданию «Истории Пугачева»: Яковлев являлся директором типографии Второго отделения, где книга печаталась.

19 октября 1836 года, в день 25-летия Лицея, на квартире Яковлева собрались Юдин, Мясоедов, Гревениц, Яковлев, Мартынов, Корф, Пушкин, Илличевский, Комовский, Стевен, Данзас.

Недаром – нет! – промчалась четверть века!
 Не сетуйте: таков судьбы закон;
 Вращается весь мир вокруг человека, –
 Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
 Когда наш круг судьбы соединили,
 Чему, чему свидетели мы были!

«В день праздника, – записал П. В. Анненков по устным рассказам друзей поэта, – Пушкин извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу, не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал при всеобщей тишине:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался, –

как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван. Другой товарищ уже прочел за него стихи на последнюю лицейскую годовщину».

8 ноября 1836 года, когда праздновали именины Яковлева, Пушкин снова был в числе гостей. Он пришел последним и находился в большом волнении. В конце вечера поэт вдруг вынул из кармана лист бумаги со словами: «Посмотрите, какую мерзость я получил». Это было одно из анонимных писем, присланное ему накануне.

Начавшаяся травля не лишила Пушкина полноты ощущения жизни. По-прежнему его видели на выставке в Академии художеств (*Университетская набережная, 17*) и на лекциях в Петербургском университете (*Университетская набережная, 7/9*). Один из близких его друзей – Петр Александрович Плетнев, профессор университета, читал здесь курс лекций по русской литературе; однажды он пригласил Пушкина. «Плетнев поднялся на кафедру, – вспоминал потом один из студентов, – и в то же время в дверях аудитории показалась фигура Пушкина с его курчавой головой, огненными глазами и желтоватым, нервным ликом . . . Пушкин сел с каким-то другим господином из литераторов на одну из задних скамей и внимательно прослушал лекцию, не обращая внимания на беспрестанное осматривание его обращенными назад взорами сидевших впереди студентов. Профессор, читавший о древней русской литературе, вскользь упомянул о будущности ее, и при сем имя Пушкина прошло через его уста; возбуждение было сильное и едва не перешло в шумное приветствие знаменитого гостя. Это было уже в конце урочного часа, и Пушкин, как бы предчувствуя, что молодежь не удержится от взрыва, скромно удалился из аудитории, ожидая окончания лекции в общей проходной зале, куда вскоре вышел к нему Плетнев . . .»

Очередная осенняя выставка в Академии художеств открылась в сентябре 1836 года. Пушкин приехал на нее вместе с Натальей Николаевной. «Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галерею, – вспоминал художник И. К. Айвазовский, тогда ученик академии, – мы, ученики, побежали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женой стоял перед картиной художника Лебеде-

ва, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею... Пушкин ласково спросил меня, где мои картины... Узнав, что я – крымский уроженец, Пушкин спросил: «А из какого же города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере...» А в последний раз поэт был в Академии художеств уже накануне дуэли, 25 января 1837 года. Вдвоем с Жуковским они зашли в мастерскую Брюллова. «Карл Павлович угощал их своею портфелью и альбомами, – рассказывал А. Н. Мокрицкий. – Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда он показал им недавно оконченный рисунок – «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне», то восторг их выразился криком и смехом... Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова подарить ему это сокровище, но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой...»

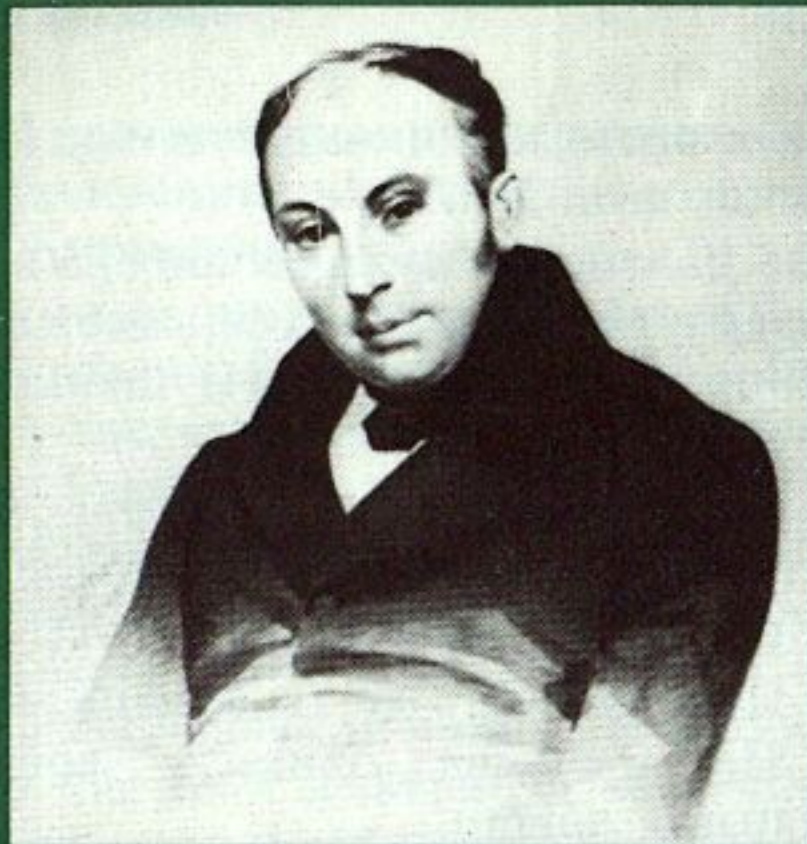
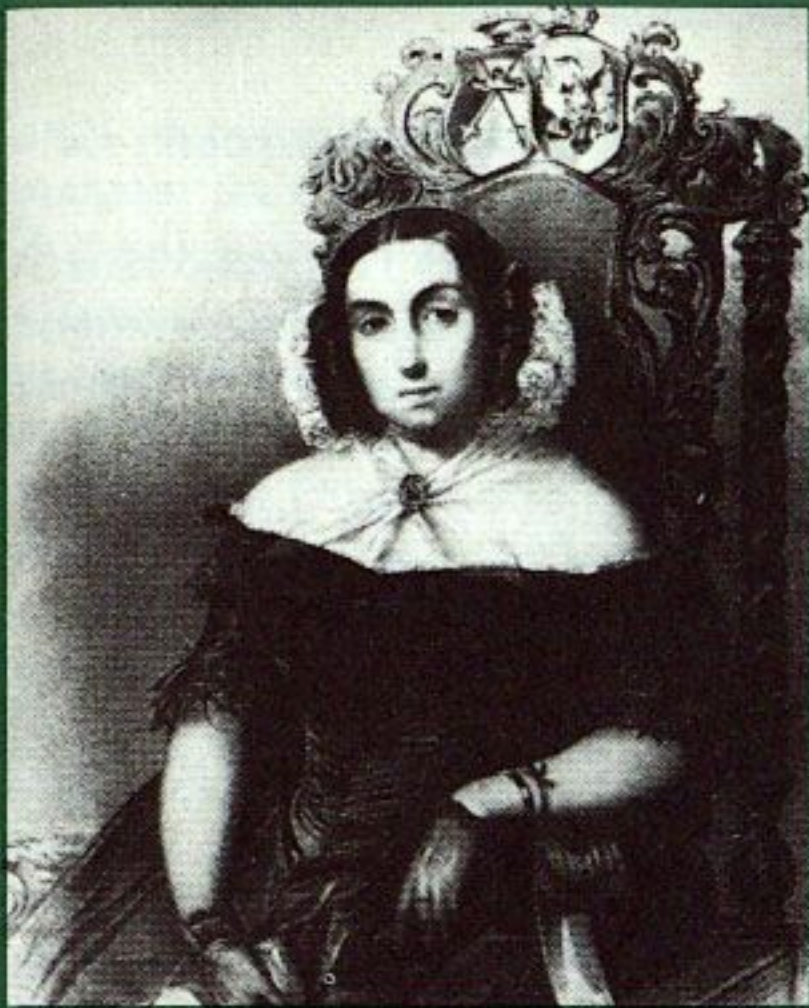
...И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье! Вот права...

Через два дня, 27 января 1837 года, должна была состояться его дуэль. Утром этого дня, когда все домашние разъехались, Пушкин остался в квартире на Мойке один. «Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни», – записывал потом Жуковский (по рассказам слуг). Когда приехал Константин Карлович Данзас, «в дверях встретил радостно». Он просил его быть своим секундантом, его, товарища по Лицею, друга детства, на самоотверженность которого он мог рассчитывать. Ввел его к себе в кабинет, запер дверь, слугу послал за пистолетами в оружейный магазин Куракина на Невском проспекте (на месте нынешнего дома 12).

Потом Данзас уехал во французское посольство на *Дворцовую набережную* (участок дома 26; здание перестроено) для переговоров с виконтом д'Аршиаком, секундантом Дантеса: нужно было составить условия дуэли. Они договорились с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа на *Невском проспекте (дом 18)*, на углу набережной Мойки: здесь была кофейня в китайском стиле, «Китайское кафе», как стояло на вывеске.

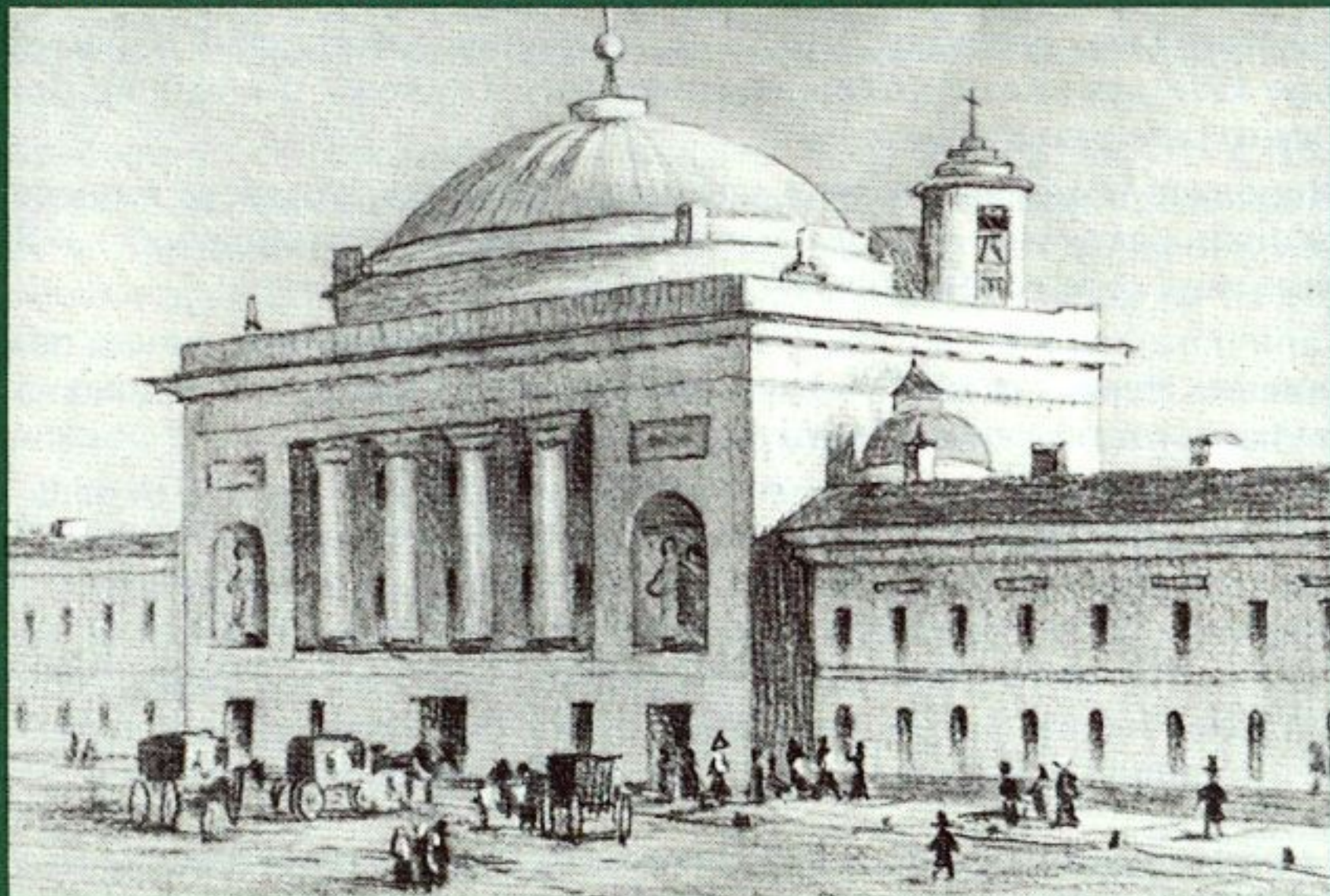
Было около четырех часов дня, когда, выпив стакан лимонаду, Пушкин с Данзасом вышли из кондитерской; сани их уже ожидали.

В. А. Жуковский. Акв. В. Гау. 1844
Е. М. Хитрово. Литография Ф. Шевалье
с ориг. В. Гау. 1830-е гг.

Конюшенная церковь. Акв. С. Воробьева. Середина XIX в.

«Бог весть, что думал Пушкин. По наружности он был покоен . . .» – вспоминал Данзас.

На Дворцовой набережной они встретили в экипаже Наталью Николаевну. «Данзас узнал ее, надежда в нем блеснула, встреча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкин смотрел в другую сторону».

Когда проезжали по льду через Неву, сани вдруг резко повернули в сторону Петропавловской крепости.

Пушкин шутя спросил Данзаса:

– Не в крепость ли ты везешь меня?

– Нет, – отвечал Данзас, – через крепость на Черную речку самая близкая дорога.

Сколько раз Пушкин мысленно представлял себе, как везли в крепость Пущина, Кюхельбекера, других его товарищей . . . О чем думали они, еще не зная, что ворота крепости закроются за ними надолго, для кого-то навсегда . . .

Сани выехали на Каменноостровский (ныне Кировский) проспект, навстречу им – знакомые. Кто-то из них, решив, что Пушкин и Данзас едут кататься на санях с гор, закричал им: «Что же вы так поздно! Все уже оттуда разъезжаются!»

Миновали Каменный остров, где летом 1836 года, в августе, на даче Пушкин закончил одно из последних своих стихотворений – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Сани повернули влево: сразу за Каменноостровским проспектом показалась Черная речка¹⁰ – место загородных летних дач. Там должна была состояться дуэль Пушкина с Дантесом.

В тот день здесь было безлюдно, только редкие прохожие попадались на пути. Несмотря на ясную погоду, дул довольно сильный ветер. Секунданты, отойдя подальше от дороги, нашли возле дачи коменданта Петербурга небольшой лесок, обнесенный забором: он защищал от ветра и скрывал от глаз оставленных на дороге извозчиков. Снег был глубоким, по колени. Нужно было вытоптать площадку и тропинку в двадцать шагов: десять между барьерами и еще по

¹⁰ На месте дуэли поэта в 1937 году был установлен обелиск с барельефом Пушкина (скульптор М. Г. Манизер, архитектор А. И. Лапиров).

пять шагов с каждой стороны, чтобы противники могли дойти до барьеров: их обозначили шинелями, брошенными на снег.

Вот как рассказывал о дуэли В. А. Жуковский:

«Данзас махнул шляпою: пошли, Пушкин почти дошел до своей барьеры, Геккерн¹¹ за шаг от своей выстрелил, Пушкин упал лицом на плащ, и пистолет его увязнул в снегу так, что все дуло наполнилось снегом. «Я ранен», – сказал он, падая. Геккерн хотел к нему подойти, но он, очнувшись, сказал: «Не трогайтесь с места, у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел». Данзас подал ему другой пистолет. Он оперся на левую руку, лежа прицелился, выстрелил, и Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия . . . Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал: «Браво!» Между тем кровь лила (изобильно) из раны; было надобно поднять раненого, но на руках донести его до саней было невозможно, подвезли к нему сани . . . и в санях довезли его до дороги, где дожидала его Геккернова карета, в которую он и сел с Данзасом. Лекаря на месте сражения не было».

В седьмом часу вечера карета, возвращавшаяся с Черной речки, остановилась у ворот дома на Мойке, и слуга вынес раненого Пушкина на руках.

Вечером здесь собрались друзья поэта: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, П. А. Плетнев. На следующий день приехали Карамзины, В. И. Даль, В. Ф. Одоевский; почти двое суток, сменяя друг друга, они дежурили возле Пушкина: надежды на его выздоровление почти не было.

А вестибюль дома заполнили совсем незнакомые люди, приходившие узнать, что с Пушкиным: весть о его дуэли быстро разошлась по городу. «На Мойке . . . не было ни прохода, ни проезда, – вспоминал один из современников. – Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом . . .»

29 января 1837 года в 2 часа 45 минут дня, когда остановилось дыхание Пушкина, Жуковский остановил часы в кабинете поэта.

А потом еще два дня жители Петербурга шли к дому на Мойке, чтобы проститься с поэтом.

¹¹ Так называли Ж. Дантеса после усыновления его голландским посланником в Петербурге бароном Геккерном.

«... Множество людей всех возрастов и всякого звания непрерывно теснились пестрою толпой вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах», – писала Екатерина Николаевна Мещерская, дочь Н. М. Карамзина. «Тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там и остались . . . Дом его стал святыней для его Родины» (А. Ахматова).

В ночь на 31 января 1837 года друзья Пушкина на руках перенесли гроб с телом поэта в маленькую придворную церковь Конюшенного ведомства (*Конюшенная площадь, 1*). Здесь по распоряжению правительства было назначено отпевание, хотя в разосланных уже приглачительных билетах стояло: Исаакиевская церковь (временно помещавшаяся тогда в Адмиралтействе). «Назначенную для отпевания церковь переменили, – писал потом Бенкендорфу В. А. Жуковский, – тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви».

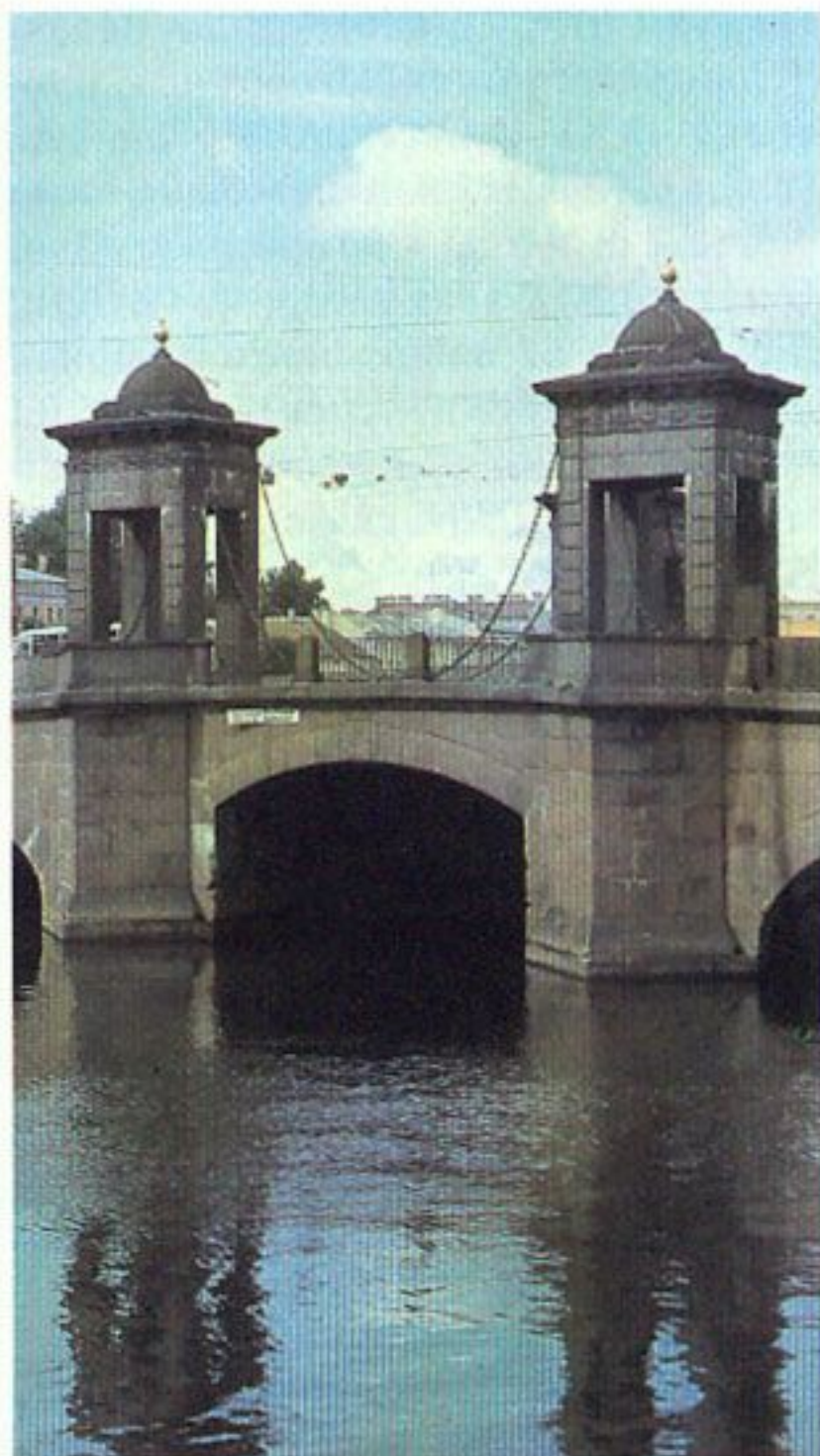
«В день похорон, т. е. отпевания, – писала С. Н. Карамзина брату, – собралась несметная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии, художники, студенты университета, все русские актеры. Конюшенная церковь невелика, и туда впускали только тех, у кого были билеты, т. е. почти исключительно высшее общество . . .» «Выгнать бы их, – отвечал ей Андрей Карамзин, – и впустить рыдающую толпу, и народная душа Пушкина улыбнулась бы свыше!»

В ночь на 3 февраля от Конюшенной площади отъехали сани, в которых стоял гроб с телом поэта. Сопровождал их А. И. Тургенев. В. А. Жуковский провожал похоронный поезд последним. «Сани тронулись, – рассказывал он потом, – при свете месяца несколько времени я следовал за ними; скоро они повертели за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих . . .»

Минуя петербургскую заставу, мраморные столбы-версты, сани выехали на царскосельский тракт. Путь лежал в Псковскую губернию, в Святые Горы . . .

МАРШРУТЫ ПУШКИНСКОГО ПЕТЕРБУРГА

Набережная реки Фонтанки. Старо-Калинкин мост

Чтобы помочь читателю ориентироваться в пушкинском Петербурге, очертим несколько маршрутов движения по городу.

ВДОЛЬ ФОНТАНКИ

Путь начинается с *Летнего сада*. Разбитый посередине Петербурга, он был под стать самому городу с его правильной размеренностью. В петровское время здесь проходили ассамблеи, и гости царя любовались замечательными фонтанами, украшавшими сад. Но с годами сад потерял свой строгий, торжественный облик. И Пушкин, живя по соседству, часто приходил сюда. А летом неподалеку от Летнего сада на набережной Невы устраивали купальню. Уже не действовали подъемные мосты, переброшенные через каналы вдоль *Михайловского замка*. И сами каналы, окружавшие замок со всех сторон, были засыпаны. С 1823 года в замке находилось Главное инженерное училище (отсюда его название - *Инженерный*). Когда Пушкин жил на Пантелеймоновской улице (ныне *улица Пестеля, 5*), на площади перед замком обучались военной выправке будущие выпускники. Кстати, именно здесь учился Германн - герой повести «Пиковая дама», военный инженер.

На левом берегу Фонтанки несколько старинных особняков, построенных еще в конце XVIII века. В одном из них (*дом 20*) была квартира братьев Тургеневых. В *доме 26* жили Карамзины, П. А. Вяземский, Е. М. Хитрово. За мостом - здание,

окруженное чугунной решеткой, – дворец Шереметевых, так называемый «Фонтанный дом» (дом 34). Параллельно набережной идет Моховая улица, где в доме 32 жила семья Вяземских.

Набережная реки Фонтанки за Симеоновским мостом (ныне мост Белинского) прерывается причалом – спуском к воде, летом через Неву и каналы перебирались на лодках и яликах. Лодки были самые разные: прогулочные под балдахин, открытые – у перевозчиков. Их насчитывали в городе не меньше, чем экипажей. За четыре копейки перевозили через Неву, за копейку – через Фонтанку. И легко можно было перебраться на другую сторону реки, где жили Муравьевы, Н. М. Карамзин, К. И. Батюшков, Н. И. Уткин (ныне дом 25). Этот путь по Фонтанке от Летнего сада до Аничкова моста был хорошо знаком Пушкину.

Сейчас вся набережная покрыта асфальтом, а прежде вдоль нее шли дорожки, устланные «тесаным диким камнем для безопасности и удобства пешеходцев», как сообщал старый петербургский путеводитель.

За Аничковым мостом набережная реки Фонтанки теряла свой парадный вид: здесь начинались усадебные постройки и доходные дома, где сдавали квартиры внаем поэтажно.

Красивый мост с цепями – Чернышев мост (ныне имени Ломоносова) – один из самых старых в городе. На Фонтанке их было семь. Украшен-

ные башнями из тесаного дикого камня, трехпролетные, цепные, разводные, они шли один за другим. И когда по реке двигались мачтовые суда с грузом, средняя их часть подымалась для пропуска судов. Сейчас остались неперестроенными только два: имени Ломоносова и Старо-Калинкин.

На этом отрезке набережной параллельно ей тянется Загородный проспект. В XVIII веке здесь была уже граница города: дальше можно было увидеть огороды и загородные дачи. В начале XIX века улицу замостили, и она шла от Владимирской церкви до Московского проспекта. Дома 9 и 1 на Загородном проспекте, у Владимирской площади, связаны с именем А. А. Дельвига.

За мостом Ломоносова на набережной реки Фонтанки старые дома оказались вытеснены постройками более позднего времени. Только за Симеоновским мостом стоят подряд несколько домов, в которых угадывается архитектура XVIII века. На правом берегу Фонтанки в одном из них жила семья А. А. Оленина (дом 97). А на левом берегу – дом Г. Р. Державина (№ 118), дом-дворец, полузагородный особняк, существовавший еще с той поры, когда эта местность считалась дачной.

Свернем с набережной, чтобы потом выйти на нее вновь.

За Московским проспектом, пересекающим Фонтанку, – площадь Мира (бывшая Сенная), старейшая торговая площадь города. Сюда, на Сенной рынок, привозили на продажу из

окрестных деревень сено, солому, овес. По имени рынка площадь тоже стала называться Сенной. По пересекающей ее Садовой улице, которая шла когда-то вдоль усадебных садов и огородов, расположенных у Фонтанки, пешком или на трамвае можно добраться до Никольского моста. Мост получил свое название от собора Николы Морского, считавшегося покровителем людей морской профессии, которых немало было в Петербурге. Двухэтажный собор с легкой летящей колокольней, отраженной водами каналов, был воздвигнут архитектором Саввой Чевакинским в середине XVIII века.

Собор словно завершил собой центральную часть города: дальше за Крюковым каналом начиналась Коломна.

Близость Коломны ощущалась уже и здесь. Невысокие дома, окруженные палисадниками, огородами. Будто и не столица совсем. Зато путь от дома к театру совершали пешком: от дома Театральной дирекции и театрального училища на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова, 93 и 97) до Театральной площади рукой подать. Совсем неподалеку – дом А. А. Шаховского (*Малая Подъяческая, 12*). Правда, ближе к Театральной площади и Никольскому собору здания принимали более столичный вид: дом Н. Всеволожского, дом «Зеленой лампы» (*проспект Римского-Корсакова, 35*) казался просто дворцом. Но стоит чуть отойти, и опять появляются невысокие, неказистые дома, как, например, *дом 43 по про-*

спекту Римского-Корсакова, где жил В. А. Жуковский.

И еще более праздничной казалась на этом фоне *Театральная площадь* со зданием театра (на месте нынешней Консерватории, *дом 3*), где каждый вечер собиралась у подъезда вереница карет. Горели костры на площади перед театром: их называли грелками. Вокруг них грелись кучера, «бранили господ», ожидая конца представления...

Коломна завершается *домом 185 на набережной реки Фонтанки*, недалеко от слияния Фонтанки и канала Грибоедова. Сколько раз Пушкин проделывал этот путь – от Театральной площади по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова) тихими улочками, узкими набережными, путь от театра к дому родителей, к дому в Коломне...

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Это центральная улица города, протянувшаяся почти на четыре с половиной километра. История ее – живая история Петербурга.

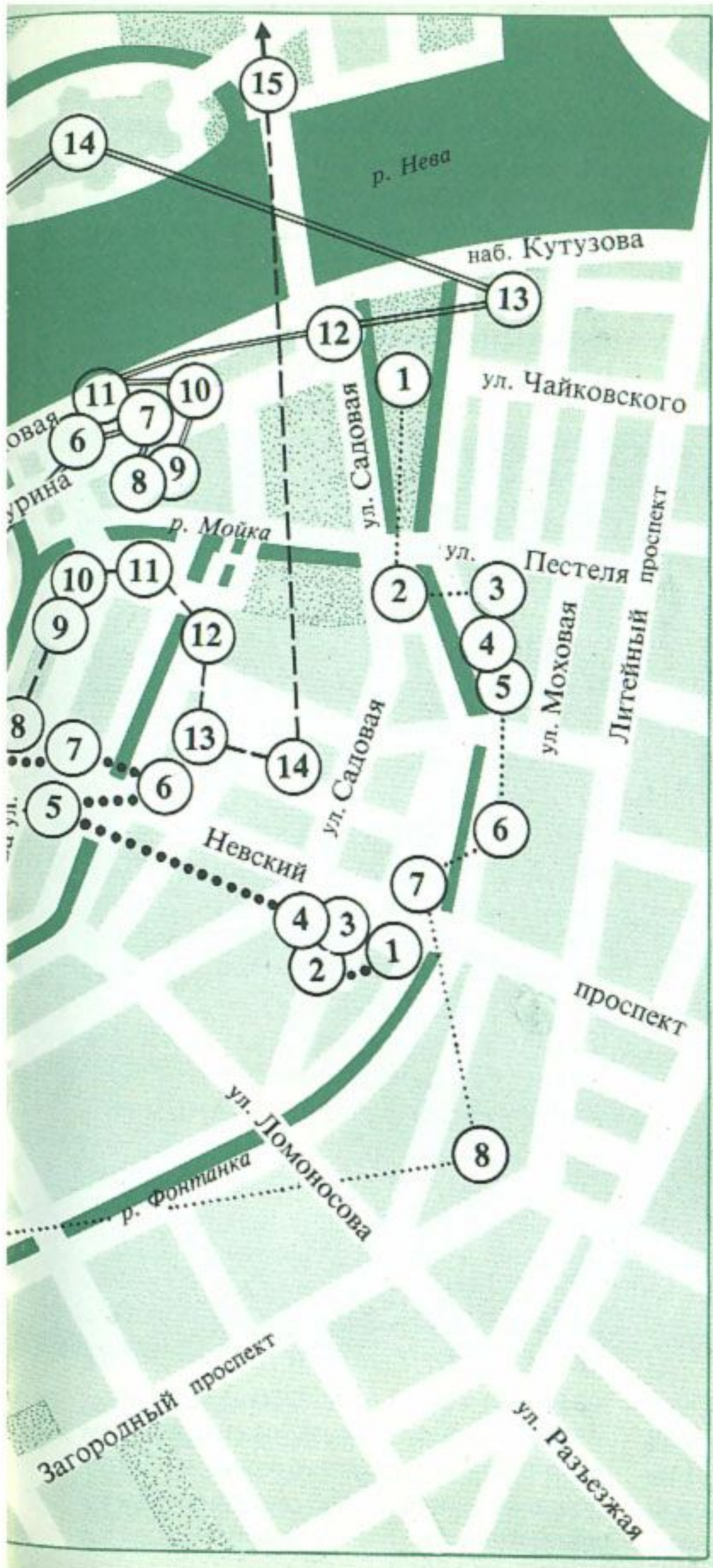
Сначала просека в лесу, соединявшая Адмиралтейскую верфь с дорогой на Москву и Александро-Невской лаврой. Затем «Невская перспективная дорога» и, наконец, стройный парадный проспект, главный в столице.

Обычно для всех, въезжавших в Петербург, Невский проспект начинался со стороны Александро-Невской лавры, от нынешнего Московского вокзала, возле которого шел

- .....
1. Летний сад
  2. Инженерный (бывш. Михайловский) замок
  3. Улица Пестеля (бывш. Пантелеймоновская), 5
  4. Набережная реки Фонтанки, 20
  5. Набережная реки Фонтанки, 26
  6. Набережная реки Фонтанки, 34
  7. Набережная реки Фонтанки, 25
  8. Загородный проспект, 1
  9. Набережная реки Фонтанки, 97
  10. Набережная реки Фонтанки, 118
  11. Малая (бывш. Средняя) Подьяческая, 12
  12. Проспект Римского-Корсакова (бывш. Екатерингофский), 35
  13. Проспект Римского-Корсакова, 43
  14. Театральная площадь, 3
  15. Набережная реки Фонтанки, 185

- .....
1. Невский проспект, 39
  2. Площадь Островского, 2
  3. Невский проспект, 37
  4. Невский проспект, 35
  5. Казанская площадь, 2
  6. Невский проспект, 30
  7. Невский проспект, 22
  8. Невский проспект, 18
  9. Невский проспект, 17
  10. Невский проспект, 15
  11. Улица Герцена (бывш. Большая Морская), 14

- =====
1. Улица Красная (бывш. Галерная), 53
  2. Набережная Красного Флота (бывш. Английская), 32
  3. Набережная Красного Флота, 4
  4. Площадь Декабристов (бывш. Сенатская, Петровская)
  5. Дворцовая площадь
  6. Улица Халтурина (бывш. Миллионная), 35
  7. Улица Халтурина, 33
  8. Улица Халтурина, 32
  9. Улица Халтурина, 30
  10. Запорожский переулоч (бывш. Мошков), 1

11. Дворцовая набережная, 26
12. Дворцовая набережная, 4
13. Набережная Кутузова (бывш. Французская), 34
14. Петропавловская крепость
15. Университетская набережная, 7/9
16. Академия художеств (Университетская набережная, 17)
17. Остров Декабристов (бывш. Голодай)

— — —

1. Набережная реки Мойки, 70
2. Набережная реки Мойки, 72
3. Улица Плеханова (бывш. Большая Мещанская), 39
4. Улица Герцена (бывш. Большая Морская), 26/14
5. Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 10
6. Улица Гоголя, 17
7. Улица Гоголя, 15
8. Набережная реки Мойки, 40
9. Набережная реки Мойки, 14
10. Набережная реки Мойки, 12
11. Конюшенная площадь, 1
12. Набережная канала Грибоедова (бывш. Екатерининского), 2
13. Площадь Искусств (бывш. Михайловская), 3
14. Площадь Искусств, 4
15. Набережная Черной речки

Новгородский тракт. Поначалу Невский не производил впечатления столичного проспекта, а казался обычной, плохо замощенной улицей. Но за Фонтанкой облик его неузнаваемо менялся: мостовая была выложена шестигранными деревянными шашками. По обеим его сторонам вдоль тротуаров шли невысокие деревья. Освещали Невский проспект пятьдесят масляных фонарей на чугунных столбах и гра-

нитных постаментах. (Фонарщики на улицах в вечерние часы — обязательная примета городской жизни.) Старый Аничков мост, украшенный цепями и башенками (кони работы скульптора П. К. Клодта появились после перестройки моста в 1841 году), открывал парадную часть проспекта. Как и сейчас, в угловом здании на Невском была аптека. А на левой стороне — Аничков дворец (*Невский проспект, 39*; теперь в этом здании находится Дворец пионеров).

Построенный в середине XVIII века как загородная царская усадьба, дворец с начала XIX века — резиденция Николая I. Многократно перестраивавшийся, он расположен в глубине двора и обращен фасадом на Фонтанку.

Это была самая официальная часть Невского проспекта, всегда живущая словно навтыжку, по статуту. Развешивающийся флаг с двуглавым орлом на крыше дворца, часовые у ворот, фельдъегеря, скачущие во все концы, флигель-адъютанты, свитские генералы. Царский выезд с семейством в карете, запряженной шестеркой английских лошадей, цугом. Здесь решались государственные дела, вершились судьбы, здесь давались балы для петербургского света. В этот ненавистный ему Аничков дворец должен был приезжать Пушкин вместе с Натальей Николаевной, рядясь в камер-юнкерский мундир. За дворцовым садом, окаймленным решеткой и павильонами с бронзовыми витязями, величественно возвышается Александринский

театр (ныне Театр драмы имени Пушкина). *Площадь*, на которой он стоит, называется именем *Островского*. Ее ансамбль был решен архитектором К. И. Росси как единое целое с садовыми павильонами, зданием театра и Публичной библиоте-

самблю. Колесница Аполлона на портике театра, статуи древних философов и ученых на фасаде первой библиотеки для общественного пользования и Минерва, как бы венчающая собой храм мудрости, подчеркивали назначение зданий.

Вид на Невский проспект

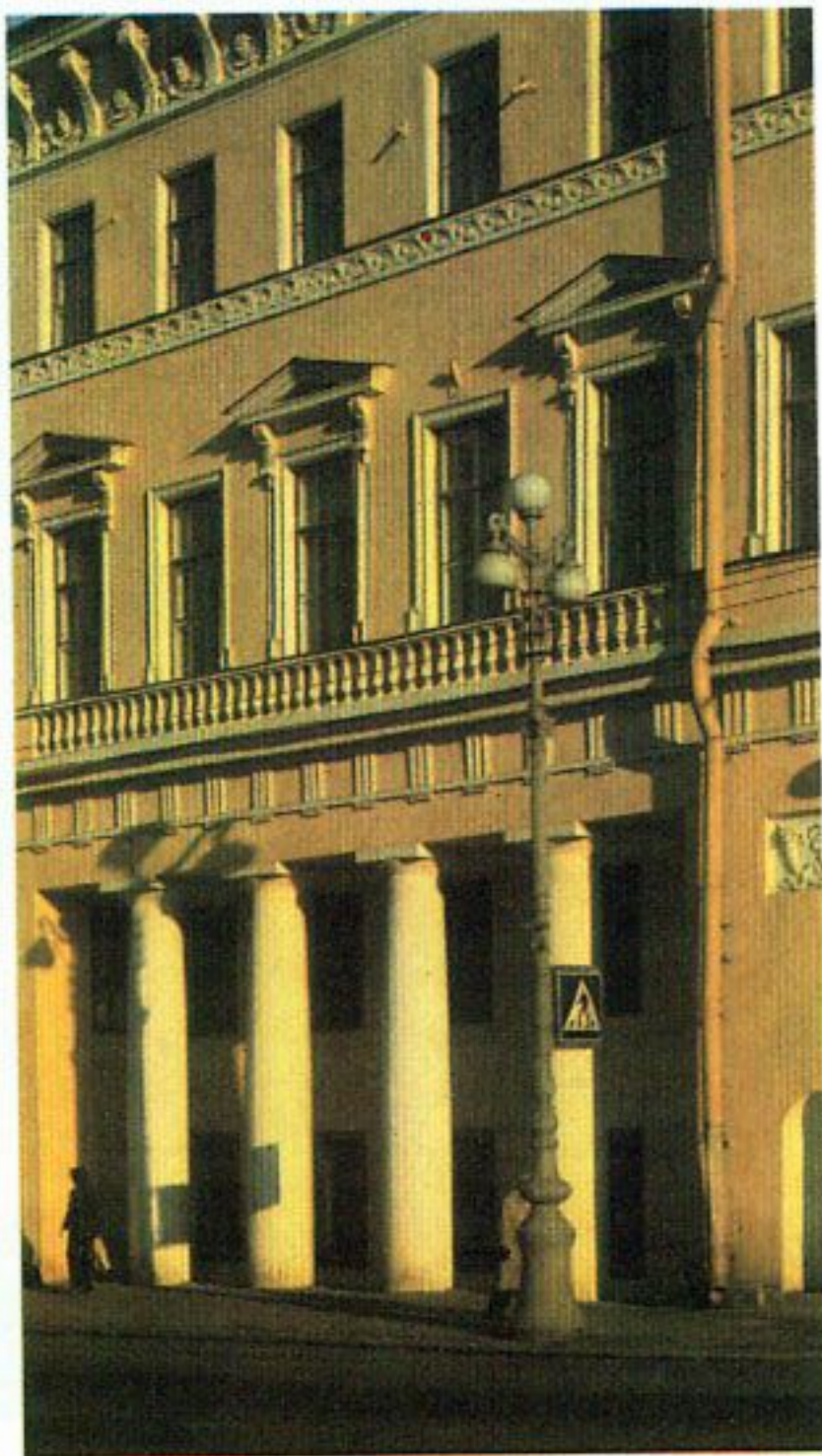
кой (*Невский проспект, 37*). Открытое пространство площади (памятник Екатерине II работы М. О. Микешина был установлен в 1873 году) давало необходимый обзор всему ан-

За Садовой улицей начиналась торговая часть Невского проспекта: занимающий целый квартал Гостиный двор с двухъярусными аркадами, где размещалось множество

лавок (*Невский проспект, 35*). Затем Перинные ряды, где торговали пухом, одеялами, клеенкой, бахромой. И наконец, Серебряные ряды с ювелирными товарами. Везде толпился торговый люд: разносчики товаров, сбитенщики, продававшие горячий

Невский проспект, 18. Дом, где была кондитерская Вольфа

сбитень, торговцы цветами, картинками. Здесь заключали сделки, торговали, нанимали на работу.

В начале XIX века часть Серебряных

рядов была снесена, а на их месте возведена высокая Невская башня – пожарная каланча (ныне дом 33 на углу Думской улицы).

За Екатерининским каналом (теперь он называется канал Грибоедова) линию домов прерывала площадь перед Казанским собором (*Казанская площадь, 2*). Собор служил и музеем, и местом поклонения героям Отечественной войны 1812 года.

Если на левой стороне Невского проспекта были расположены дворцы и замечательные ансамбли, то по правой стороне шли в основном обыкновенные частные дома. Поэтому жители Петербурга предпочитали для прогулок именно левую сторону. И тем не менее весь Невский представлял собой некое единство. Он гармонически сочетал в себе торговую и театральную улицу, парадную и будничную жизнь: здесь были книжные лавки и кондитерские, редакции журналов и модные магазины.

На *Невском проспекте* можно было встретить всех петербургских знакомцев Пушкина. И самого поэта видели то в Филармонической зале в доме Энгельгардта (*дом 30*, теперь – Малый зал Филармонии): здесь давались концерты и проходили известные всему Петербургу балы и маскарады. То в книжной лавке А. Ф. Смирдина, занимавшей флигель церкви святого Петра (*дом 22*). То у магазина Беллизара во флигеле Голландской церкви (*дом 20*), где поэт в последние годы покупал книги. Последний дом на Невском, в кото-

ром Пушкин побывал, дом Котомина (№ 18) на углу Мойки, где находилась кондитерская Вольфа: накануне дуэли поэт дождался здесь своего секунданта К. К. Данзаса.

По левой стороне Невского и дальше шли парадные здания: дворец графа Строганова – на углу набережной реки Мойки (дом 17). Затем – дом Косиковского, «дом с колоннами», как его называли в Петербурге (№ 15). Чего только не было в этом доме: ресторан Талон, где бывал герой Пушкина Евгений Онегин, музыкальное собрание – своеобразный аристократический клуб Петербурга, книжная лавка и типография А. Плюшара, издателя первого русского энциклопедического словаря. Здесь жили В. К. Кюхельбекер, Н. И. Греч, а во флигеле, выходившем на *Большую Морскую* (ныне *улица Герцена, 14*), – А. С. Грибоедов. А еще, судя по вывескам, находились золотошвейная мастерская, аптека, французский портной: тут шили цилиндры и верхнее мужское платье, торговали галантерейными товарами.

За Мойкой Невский сужался: это была самая старая часть проспекта, сложившаяся еще в середине XVIII века.

Заканчивался проспект зданием Адмиралтейства, возведенным архитектором А. Д. Захаровым. Еще издали, от Аничкова моста, просматривалась стремительная вертикаль его шпиля, а по мере движения по Невскому здание обретало все большую конкретность очертаний и линий.

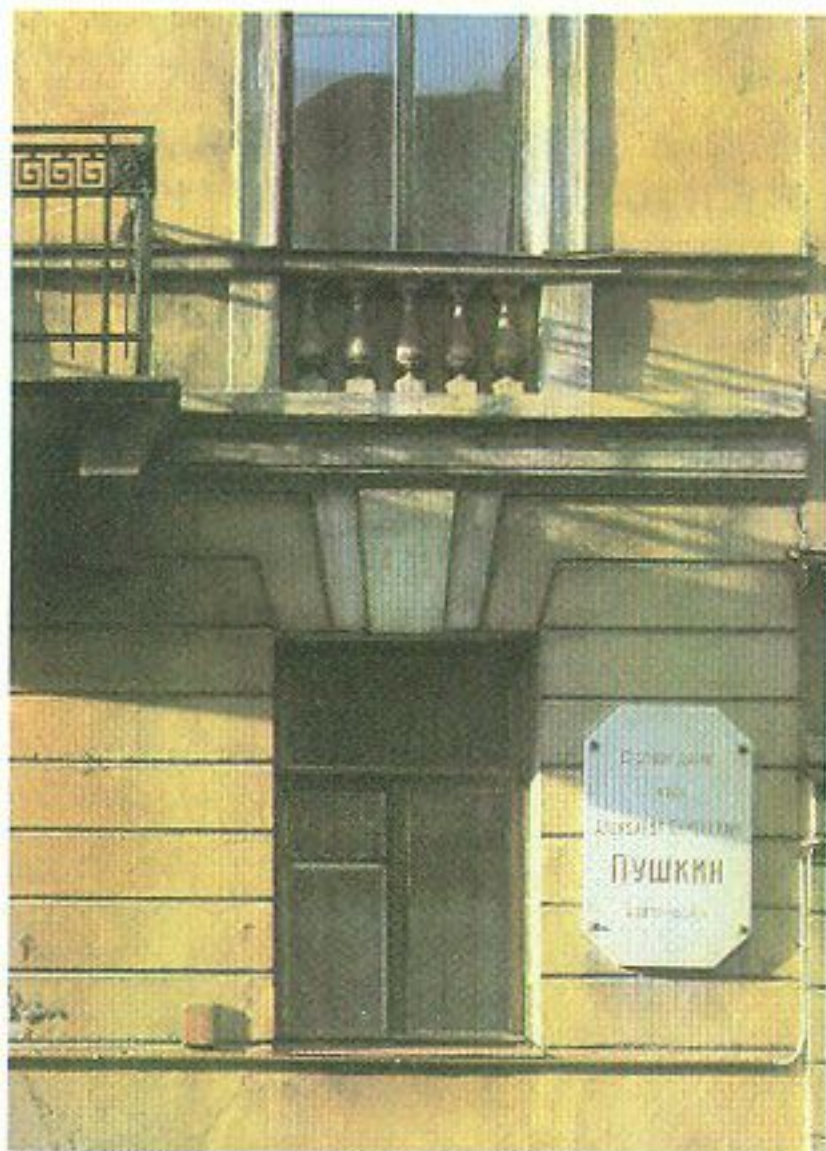
НАБЕРЕЖНЫЕ НЕВЫ

Невские набережные – одно из лучших украшений города. Их «одевали камнем» еще в XVIII веке, но работы шли долго, и характерной приметой городской жизни были каменотесы на набережных да баржи с «диким камнем».

Набережная на левом берегу Невы делилась на несколько частей, каждая из которых имела свое название. Начиная от устья Невы шла *Английская набережная* (ныне *набережная Красного Флота*); когда-то, в XVIII веке, здесь был галерный двор, заселенный английскими купцами. Хозяйственные службы его выходили на улицу, которая называлась *Галерной* (ныне *Красная*). Здесь, в доме 53, отмеченном мемориальной доской, была первая семейная квартира Пушкина в Петербурге. На самой набережной среди старых особняков – Коллегия иностранных дел (дом 32) и дом Лавалей (№ 4) с гранитными львами у входа.

Отсюда, с набережной Красного Флота, хорошо виден противоположный берег Невы на Васильевском острове. Здание Академии художеств, где готовили «мастеров трех знатнейших искусств: живописи, ваяния и зодчества». Меншиковский дворец – один из первых домов петровского Петербурга. Красно-белый торец здания «Двенадцати коллегий» – университета. Академия наук и Кунсткамера со ступенчатой башенкой на ее центральной части. Английская набережная заверша-

Улица Красная, 53. В этом доме находилась первая семейная квартира А. С. Пушкина в Петербурге

лась *Петровской*, или *Сенатской*, площадью (ныне площадь *Декабристов*). От площади через Неву шел мост на плашкоутах – низких плоскодонных судах, между которыми были наброшены настилы. Он назывался *Невским*, а позже *Исаакиевским*; его наводили каждую весну после ледохода еще с конца XVIII века.

Открытая навстречу Неве, мощенная камнем, *Петровская* площадь с памятником основателю города казалась огромной: «тяжело-звонкое скаканье» лошадей, впряженных в экипажи, гулким эхом разносилось по ней.

Здесь не было сквера, не было разросшихся деревьев, и центром площади являлся именно памятник *Петру I*, а не соперничающий с ним сейчас *Исаакиевский собор*, строительство которого закончилось в 1850-е годы. Площадь заходила вглубь, к самым домам на нынешнем *Адмиралтейском проспекте*. Можно не сомневаться, что *Пушкин* бывал здесь часто и знал каждый дом на площади и дом *Лобанова-Ростовского* (ныне дом 12 по *Адмиралтейскому проспекту*), возле которого спасался от наводнения герой его поэмы «*Медный всадник*».

Тогда, на площади *Петровой*,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижим, страшно бледный
Евгений.

Адмиралтейской набережной в *пушкинское* время не было. На ее месте между двумя корпусами *Адмиралтейства* находилась верфь с каналами для спуска и подъема судов с *Невы*.

В центре города располагался и порт. Вверх и вниз по течению *Невы* шли легкие парусные корабли, дымящие *пироскафы*, тяжелые баржи с грузом. Фасадная часть порта была на *Стрелке Васильевского острова*, где к *Морской Бирже* причаливали русские и иностранные купеческие суда, привлеченные огнями *Ростральных маяков*. Только в конце XIX века, когда *Адмиралтейская верфь* пере-

стала существовать, каналы засыпали, и в пространстве между боковыми портиками выросли доходные дома, нарушившие былую стройность замечательного ансамбля, возведенного зодчим А. Д. Захаровым. Главный парадный фасад Адмиралтейства выходил на площадь, засаженную невысокими липами в два ряда. Бульвар перед Адмиралтейством – место прогулок жителей Петербурга и пушкинских героев:

...Надев широкий *боливар*,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе...

Просторная Адмиралтейская *площадь* (ныне сад имени Горького) переходила в торжественную *Дворцовую*, как бы составляя вместе с третьей площадью – Петровской – единый ансамбль.

За Адмиралтейством, у Зимнего дворца, начиналась Дворцовая набережная – парадная набережная столицы. Ровная гранитная стена прерывается только причалами – спусками к воде и изогнутым мостиком через Зимнюю канавку. Повисшая над ней арка соединяет здание Эрмитажа с Эрмитажным театром. Это один из самых живописных уголков города. Отсюда открывается вид на Стрелку Васильевского острова, Биржу и Ростральные колонны, напоминающие о древнем обычае в память морских побед украшать триумфальные колонны «рострами» – отпиленными носами побежденных вражеских кораблей. Видны симметричный башне Кунсткамеры купол бывшей Та-

можни на Малой Невке и шпиль собора Петропавловской крепости.

В здании бывшей Таможни, построенном в 1830-е годы архитектором И. Ф. Лукини, сейчас находится Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). Он основан в 1905 году как хранилище рукописей и документов. Положение о Пушкинском Доме гласит: «Пушкинский Дом учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине для собирания всего, что касается Пушкина как писателя и человека. Пушкинский Дом предназначается для хранения всего, что касается жизни и деятельности представителей русской изящной словесности».

Здесь хранятся все рукописи и автографы великого русского поэта, а также книги его библиотеки, насчитывающей четыре с половиной тысячи томов.

Пушкинский Дом Академии наук СССР – научно-исследовательский институт, который занимается изучением творчества русских и советских писателей. Экспозиция литературного музея рассказывает о жизни и творчестве выдающихся писателей XVIII – XX веков.

На углу Зимней канавки и Миллионной (ныне улица Халтурина) – здание Нового Эрмитажа с фигурами атлантов, возведенное на месте «Шепелевского дома», где была квартира В. А. Жуковского (*улица Халтурина, 35*). На другой стороне канавки в казармах Преображенского полка жил

П. А. Катенин (дом 33). Напротив – дом Е. И. Голицыной (№ 30) и Е. С. Семеновой (№ 32). А чуть дальше, в *Мошковом переулке* (ныне *Запорожский переулок, 1*), жил В. Ф. Одоевский.

На *Дворцовой набережной* находились не только дворцы – Зимний и Мраморный (ныне дом 6), но и иностранные посольства в Петербурге: Французское (дом 26) и Австрийское (дом 4).

Прерывает Дворцовую набережную Марсово поле, или Царицын (а прежде Потешный) луг, – самая большая площадь столицы. Когда-то здесь устраивали гулянья, фейерверки, «потешные огни». Ставили зимой катальные горы. В 1830-е годы Марсово поле стало напоминать скорее военный плац: на нем проходили торжественные парады и учения войск. Сейчас в начале площади стоит памятник А. В. Суворову работы скульптора М. И. Козловского. За Летним садом начиналась *Французская набережная* (ныне *набережная Кутузова*). В угловом доме, у выхода Фонтанки из Невы, в XVIII веке находились Дворцовые прачечные, и мост в устье Фонтанки до сих пор называется Прачечным.

Французская набережная не была столь парадной, как Дворцовая: на ней оставались мостики для стирки белья и спуски-выходы к реке за водой. Невская вода, которую развозили по городу в бочках, считалась самой лучшей в Петербурге.

Среди старых домов на набережной Кутузова отметим два: № 34, где

была семейная квартира Пушкина, и соседний – № 32, связанный с именем М. И. Кутузова.

Завершить осмотр набережных Невы можно, перейдя или переехав через Кировский мост, возведенный в начале XX века (в пушкинские времена второй понтонный мост шел чуть дальше, от ворот Летнего сада). Затем, минуя *Петропавловскую крепость*, можно выйти к кронверку – месту казни декабристов.

От станции метро «Горьковская», находящейся неподалеку, легко добраться до *острова Декабристов*, к памятнику на месте захоронения пяти казненных дворянских революционеров (станция метро «Приморская»).

Можно также через мост Строителей попасть к Стрелке Васильевского острова, чтобы пройти по набережной на правый берег Невы, от Стрелки, мимо здания университета (*Университетская набережная, 7/9*), – до Академии художеств (*Университетская набережная, 17*).

ВДОЛЬ МОЙКИ

Мойка – второй после Фонтанки приток Невы. Начиналась она как ручеек из болота на месте нынешнего Марсова поля. Для осушения берегов ее соединили с Фонтанкой, потом «одели камнем». Но как река она всерьез не воспринималась. Илистая, тихходная, Мойка использовалась утилитарно: по ней сплавляли корабельный лес, летом здесь держали садки с рыбой.

Усадебных дворцовых построек на набережной реки Мойки было немного. Заслуживает внимания дворец Юсуповых у Поцелуева моста (дом 94, ныне Дворец работников просвещения).

В основном же вдоль Мойки тянулись тихие улочки, глухие переулочки, с особенным пешеходным ритмом жизни. В той части, где река выходила на центральные улицы – Невский и Гороховую (ныне улица Дзержинского), жизнь обретала столичные черты.

Когда-то через Мойку были подряд три одинаковых моста: подъемные деревянные. Их различали по цвету окраски: Зеленый – у Невского проспекта (ныне он называется Народным), Красный – у Гороховой улицы и, наконец, Синий. Позже мосты заменили.

Синий мост сейчас самый широкий в городе, он кажется частью Исаакиевской площади. Но в пушкинское время площади еще не было. Не было и памятника Николаю I, его установили позже, в 1859 году. На месте Мариинского дворца (сейчас здесь находится Ленинградский городской исполком) стоял дворец графа Чернышева, занимаемый Училищем гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, где учился М. Ю. Лермонтов. Из старых зданий сохранился дом на углу *набережной реки Мойки* и проспекта Майорова (№ 70), где находилась книжная лавка В. А. Плавильщикова и А. Ф. Смирдина. В соседнем доме (№ 72, позже перестроенном) жил К. Ф. Рылеев.

За набережной, по левой стороне, в глубине квартала начинался район дешевых квартир. Владельцами домов были люди среднего сословия, и улицы назывались: Мещанская, Подьяческая. На *Большой Мещанской* (ныне *улица Плеханова*, 39) жил А. Мицкевич.

Красный мост выводил на оживленную Гороховую улицу, что шла к Адмиралтейству. Именно здесь, для того чтобы быть ближе к одной из главных городских магистралей и в то же время не совсем на виду у города, выбрало себе местоположение Третье отделение, откуда отправлялись Пушкину письма, подписанные шефом жандармов Бенкендорфом (ныне участок дома 58; здание перестроено).

Пересекая Гороховую, параллельно набережной шли Морские улицы. В петровское время здесь находились морские слободки, населенные матросами и мастеровыми людьми, приписанными к Адмиралтейству. Улицы назывались Большая Морская и Малая Морская. Правда, к началу XIX века облик их сильно изменился: они стали парадными. На углу *Большой Морской* (ныне *улица Герцена*), в доме Жадимировского (№ 26/14), была семейная квартира Пушкина. На углу *Малой Морской* (ныне *улица Гоголя*) – дом княгини Голицыной, «Пиковой дамы» (№ 10). На другой стороне улицы, в доме 17, отмеченном мемориальной доской, жил Н. В. Гоголь. В соседнем доме (№ 15) была ресторация Дюме, где Пушкин познакомился с Дантесом.

На всем пути от набережной Мойки то пропадает за домами, то появляется шпиль Адмиралтейства.

При выходе на Невский облик набережной меняется, сразу обретая парадный вид. Перекресток Мойки и Невского у Народного моста (бывший Зеленый) образуют «дом с колоннами» Косиковского, Строгановский дворец, дом Голландской церкви и дом Котомина с кондитерской Вольфа – последний ряд домов, который видел Пушкин накануне дуэли . . . Несколько дней спустя в кондитерской Вольфа уже читали списки стихотворения Лермонтова «На смерть поэта».

А за углом, на набережной, была Демутова гостиница (*набережная реки Мойки, 40*). И опять все словно начинается сначала: первый приезд Пушкина в Петербург, его первый взгляд на этот город. И события начала жизни поэта сменяются событиями последних дней: дом Пушина на *набережной реки Мойки, 14* будет соседствовать с домом Волконских (*набережная реки Мойки, 12*). Сколько раз в юности Пушкин проходил под этими окнами, не зная, что дом станет его последним пристанищем . . .

В доме на набережной реки Мойки Пушкин жил с сентября 1836 года по январь 1837 года. Здесь закончены «Капитанская дочка», стихотворение на последнюю лицейскую годовщину, целый ряд статей для журнала «Современник», редактором которого Пушкин был в 1836 году.

В 1880 году на фасаде дома была установлена мемориальная доска: «В

этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин».

Мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина создан в 1925 году. В 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта, восстановлены семь комнат его квартиры и часть парадной лестницы, уничтоженные при перестройке дома в 1910 году. С 1965 года музей существует как мемориально-бытовой.

Особое место в экспозиции занимает кабинет поэта. Книжные полки сплошь идут вдоль стен. Письменный стол Пушкина, рабочее вольтеровское кресло, конторка у дивана . . . Здесь, в кабинете, среди пушкинских вещей – чернильница с арапчонком, трости Пушкина для дальних прогулок, портрет В. А. Жуковского, подаренный «победителю-ученику от побежденного учителя . . .».

В музее находятся портреты друзей Пушкина, его детей, Н. Н. Пушкиной, самого поэта, в том числе последний прижизненный портрет работы художника И. Л. Линева.

Среди реликвий музея – жилет, в котором Пушкин стрелялся на дуэли, посмертная маска поэта и медальон с прядью его волос.

С 1982 года музей закрыт для проведения реставрационных работ по восстановлению исторической планировки всей квартиры поэта, состоявшей из одиннадцати комнат, парадной лестницы и вестибюля. К 1987 году планируется их завершение и создание в доме на Мойке науч-

но-просветительного пушкинского центра с кинолекционным залом (в бывших конюшнях), выставочными помещениями, кабинетами для работы со школьниками, коллекционерами, книголюбями.

расположенной в центральной части здания, состоялось последнее прощание с Пушкиным жителей Петербурга.

За Конюшенной площадью Мойка тихо несет свои воды мимо Марсова

Набережная реки Мойки, 12. Дом, где была последняя квартира А. С. Пушкина

Набережная реки Мойки, сделав крутой изгиб, приводит к зданию придворного Конюшенного ведомства, полукругом выходящему на *Конюшенную площадь* (дом 1). В церкви,

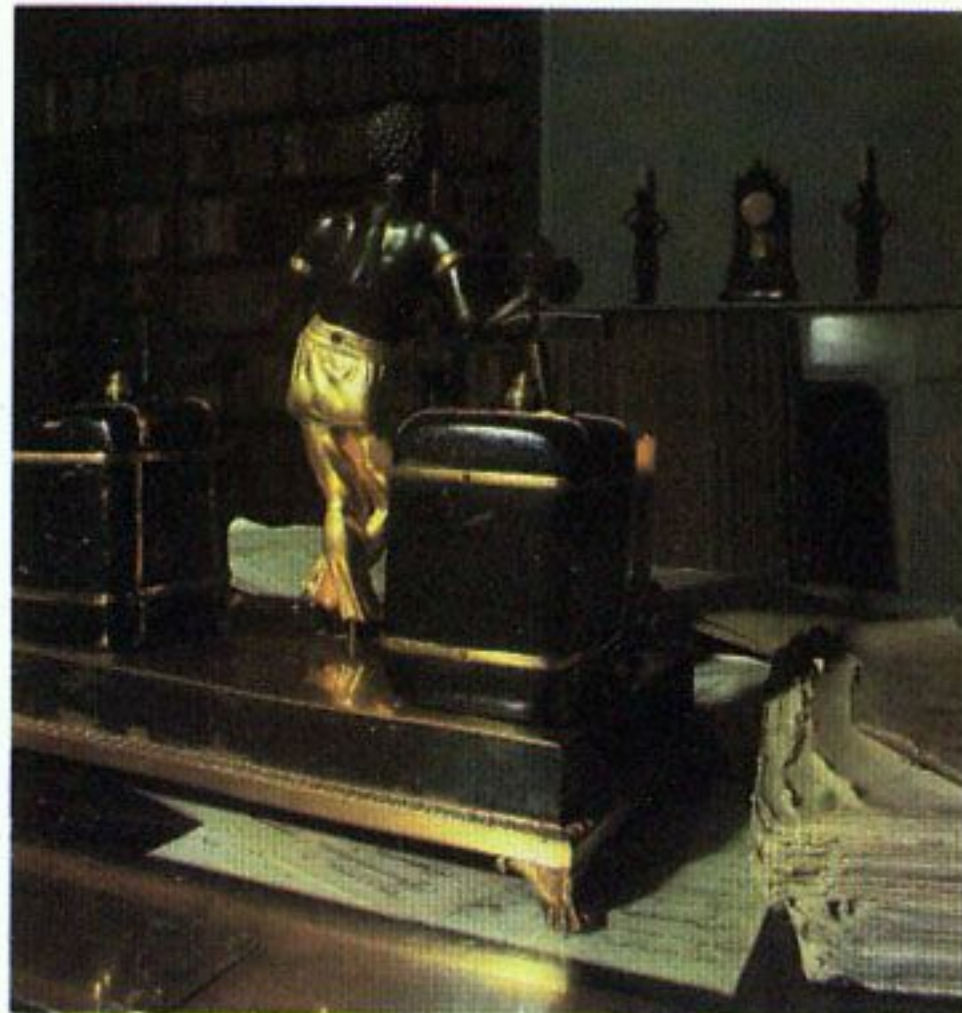
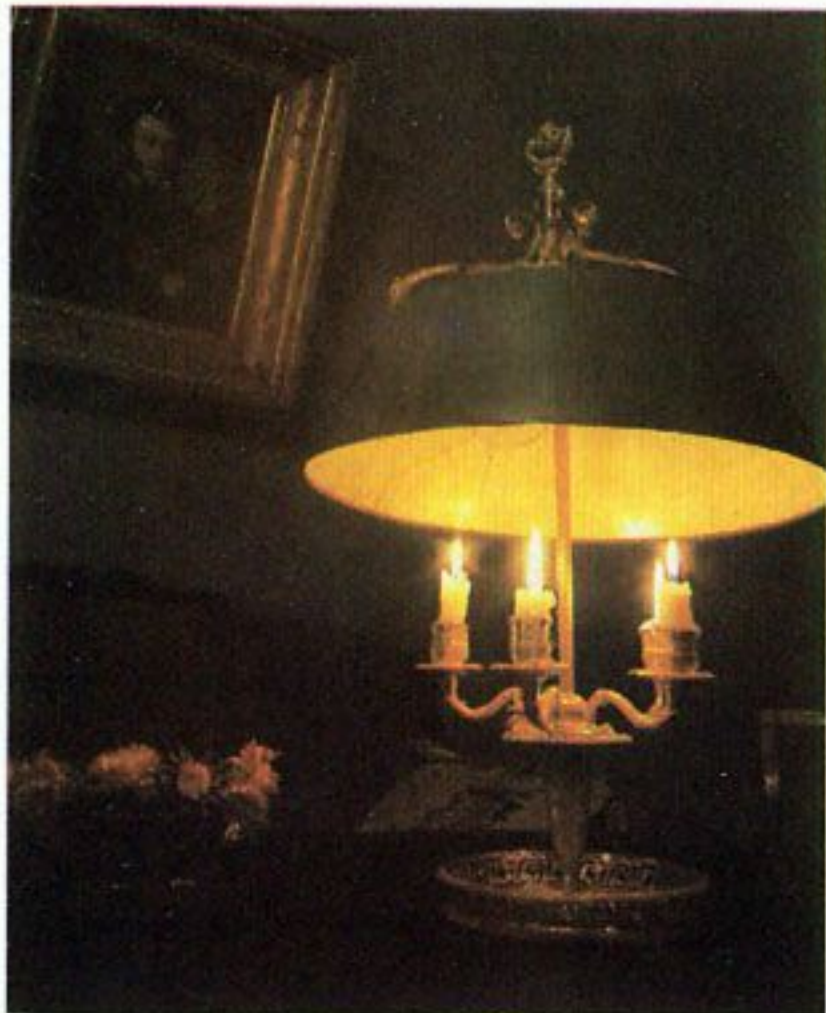
поля и Летнего сада, органически включаясь в городские ансамбли.

У Марсова поля от Мойки отходит еще один петербургский канал – *Екатерининский* (ныне канал Грибоедо-

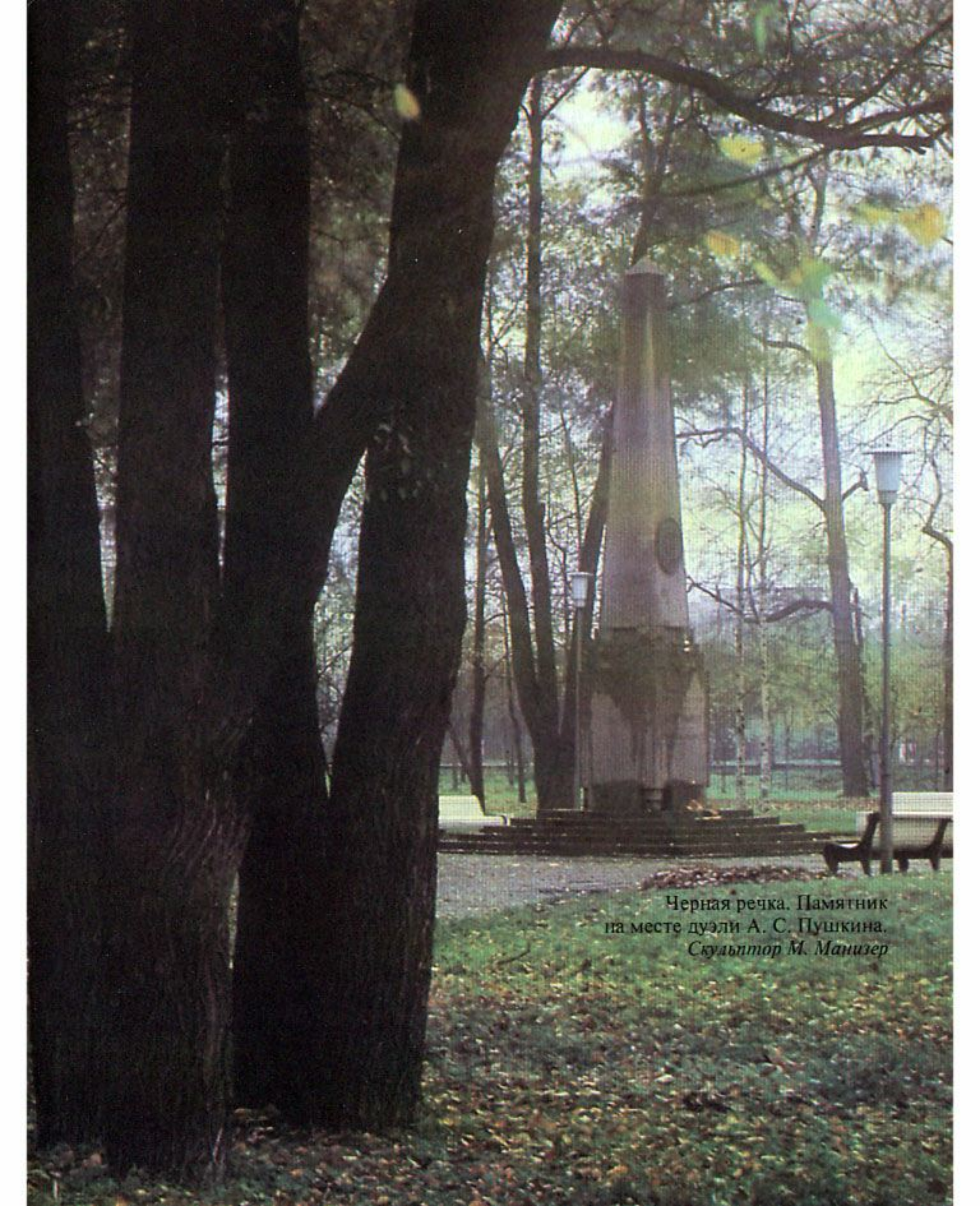
Мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина. Гостиная. Кабинет поэта

Черная речка. Памятник
на месте дуэли А. С. Пушкина.
Скульптор М. Манизер

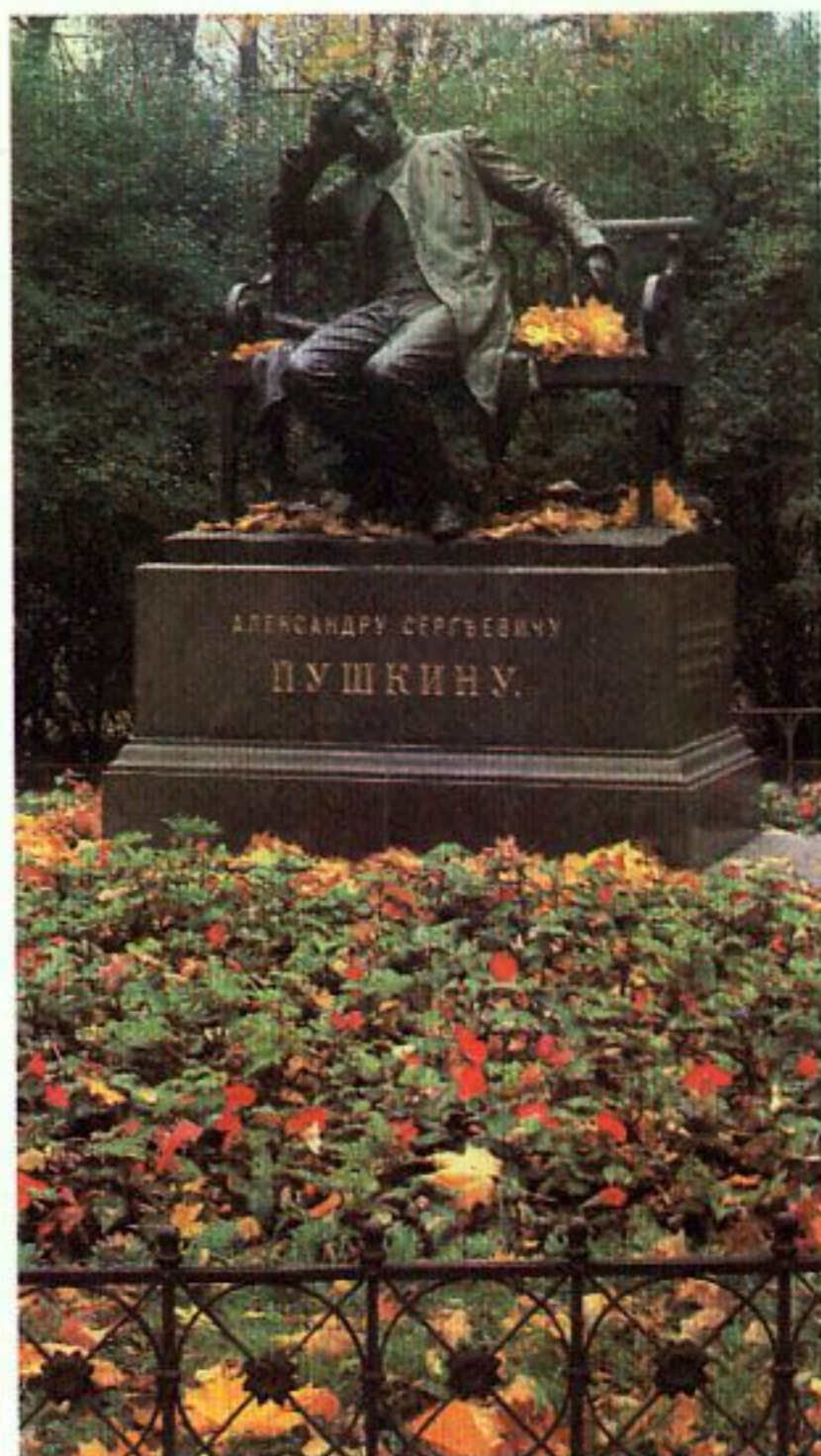

ва). Своеобразный мост из трех арок соединяет реку и канал. В пушкинское время не было собора Спаса на крови, построенного в конце XIX века. По берегам канала шли невысокие дома. В одном из них, на участке *дома 2*, где ныне выставочный флигель Русского музея, находилось «лицейское подворье» М. Л. Яковлева.

Просторный сад подступал к зданию Михайловского дворца, к его дворовому фасаду. А парадный фасад дворца, где сейчас Русский музей, стал доминантой площади, которая славится своей гармонией и законченностью, – *площади Искусств*. Возведя дворец, архитектор К. И. Росси предложил перестроить несколько разноэтажных зданий по обеим сторонам площади, чтобы добиться единого стилового решения. Сейчас они воспринимаются как цельный ансамбль, хотя в угловом здании был Михайловский театр (ныне Малый театр оперы и балета), а рядом – частный дом (*№ 3*, где жили Виельгорские и Карамзины). Но единство было достигнуто, так что дома на противоположных сторонах площади (в том числе *дом 4*, где позже жили Карамзины) являются почти зеркальным отражением друг друга. Ансамбль, исполненный гармонии и красоты, окружает памятник Пушкину на площади Искусств, созданный по проекту скульптора М. К. Аникушина.

Пройдя по Инженерной и Садовой улицам до Марсова поля, можно проехать до места дуэли Пушкина на *набережной Черной речки* на трамвае или автобусе.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА

Памятник А. С. Пушкину в городе Пушкине. Скульптор Р. Бах

ГОРОД ПУШКИН (ЦАРСКОЕ СЕЛО)

В начале XIX века Царское Село (ныне город Пушкин) представляло собой небольшой город, центром которого служили два парадных дворца, окруженных огромными парками: Екатерининский и Александровский. Величественный Екатерининский дворец был построен архитектором В. В. Растрелли как бы в продолжение Зимнего дворца в Петербурге. А создателем более строгого, с классической колоннадой Александровского дворца являлся архитектор Д. Кваренги.

В 1811 году архитектор В. П. Стасов несколько перестроил четырехэтажный «великокняжеский флигель», возведенный в конце XVIII века против церкви Екатерининского дворца, приспособив его для Царско-сельского Лицея, где прошли юные годы Пушкина.

Город, с 1937 года носящий имя поэта, находится в двадцати километрах от Ленинграда и является своеобразным пушкинским заповедником: здесь целый ряд музеев и памятных пушкинских мест.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Его литературная экспозиция, посвященная жизни и творчеству поэта, расположена в церковном флигеле Екатерининского дворца и занимает двадцать семь залов. В ней представлено более тысячи четырехсот экспонатов, составляющих лучшую часть Пушкинианы

из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

В музее собраны подлинные материалы пушкинского времени. Виды Москвы, Петербурга и Одессы, а также Оренбурга и Казани – городов, через которые Пушкин проехал, собирая материалы пугачевского восстания, пейзажи Кавказа и Крыма времен молодости поэта, виды Михайловского и Болдина, интерьеры деревенских усадеб и городских дворцов, выполненные художниками-современниками поэта. Здесь представлены портреты Пушкина и среди них – знаменитый портрет работы В. А. Тропинина; портреты друзей поэта, в том числе уникальная серия акварельных портретов декабристов работы Николая Бестужева.

В экспозиции музея находятся вещи декабристов: кольца И. И. Пущина, выкованные им из кандалов, кольцо К. Ф. Рылеева, лицейский пенал В. К. Кюхельбекера и его ложка, недавно найденная во время строительных работ на трассе БАМа, в местах поселения декабристов.

Здесь имеются редкие книги XVIII – начала XIX века, первые издания пушкинских произведений, вышедшие при его жизни, иллюстрации к ним и более семисот листов рукописей поэта в копиях на старинной бумаге.

В залах нет привычных аннотаций, посетителей музея сопровождают тексты пушкинских стихов и писем. Жизнь Пушкина и жизнь России, судьба его поколения, которое история назовет декабристским, и судьба

пушкинских героев – все это составляет содержание музейного рассказа.

Экспозиция завершается панно, на котором помещены пушкинские строки из стихотворения «Андрей Шенье»:

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток

верный,

И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь...

Мемориальный Музей-лицей (Филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Лицей был создан как новое учебное заведение, имеющее целью «образование юношей, особенно предназначенных к важным частям службы государственной». В программу обучения, рассчитанного на шесть лет, входили российская словесность, отечественная история и иностранная, французский, немецкий и латинский языки, география, политико-нравственные и физико-математические науки, рисование, фехтование, музыка, пение.

В числе любимых лицейских наставников были А. П. Куницын, В. Ф. Малиновский, А. И. Галич, воспитывавшие у своих учеников уважение к личности, неприятие рабства.

Двадцать девять воспитанников составили первый лицейский выпуск, они учились здесь с 1811 по 1817 год. В их числе: А. С. Пушкин, И. И. Пущин, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер. За шесть лет пребывания в Лицее

сложились навыки общения, совместного открытия одних и тех же поэтов, писателей древнего и нового мира, совместного переживания событий истории: нашествия Наполеона, пожара Москвы, Бородинской битвы. Здесь возникла дружба, которой Пушкин оставался верен всю свою жизнь.

С Лицеєм связано рождение поэтического дарования Пушкина. В 1814 году было напечатано первое его стихотворение «К другу стихотворцу». За шесть лицейских лет им написано около ста двадцати стихотворений.

В 1899 году, к 100-летию со дня рождения поэта, на здании Лицея была установлена мемориальная доска.

Открытие Музея-лицея состоялось в июне 1949 года. В последующие годы шла реконструкция здания с целью восстановления его исторического облика. Она была завершена в июне 1974 года, к 175-летию со дня рождения поэта, когда в Лицее открылась мемориальная экспозиция.

Экспозиция музея занимает третий и четвертый этажи. На третьем этаже находится Большой (Рекреационный) зал, где 19 октября 1811 года состоялся торжественный акт открытия Лицея.

В январе 1815 года на переходном экзамене здесь в присутствии Г. Р. Державина Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Здесь же в июне 1817 года состоялся выпуск первого лицейского курса.

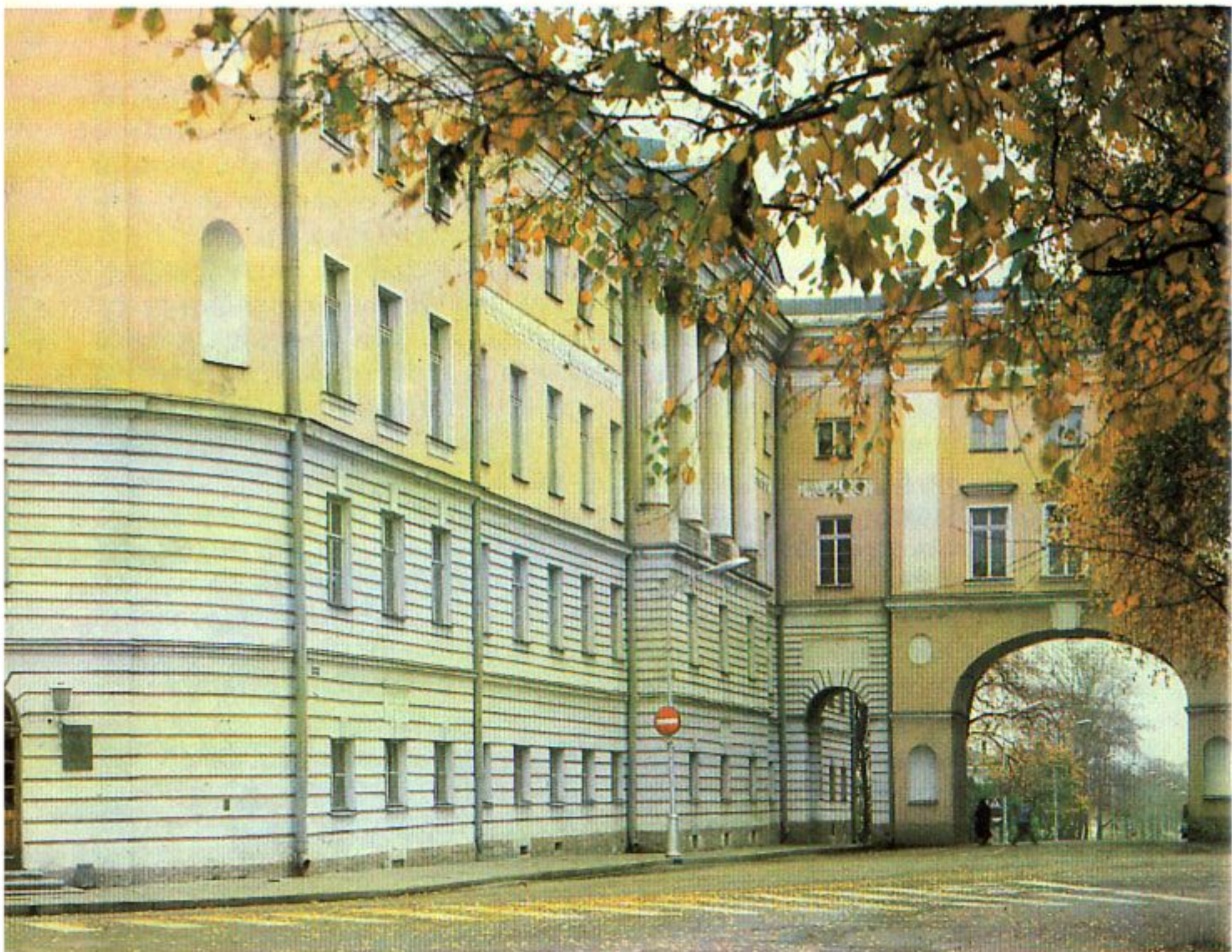
По воспоминаниям И. И. Пущина, на третьем этаже Лицея были «классы (два с кафедрами, один для занятий воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке, соединяющей Лицей с дворцом».

Комнаты-спальни воспитанников (дортуары) составляют экспозицию верхнего, четвертого, этажа. «В каждой комнате, – писал Пущин, – железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке – чернильница и подсвечник со щипцами». Комната, где над дверью черная дощечка с надписью: «№ 13» – Ивана Пущина. Соседняя комната: «№ 14» – Александра Пушкина.

Дом директора Лицея. Рядом с Лицеєм стоят несколько двухэтажных домов, построенных еще в XVIII веке для приезжавших в Царское Село придворных («кавалерские дома», как их обычно называли). Часть из них в 1811 году была передана Лицею: в них были квартиры лицейских преподавателей и служащих.

Дом на углу Певческого переулка и Садовой улицы (ныне Комсомольская улица, 4) предназначался для директора Лицея. С 1811 по 1814 год в этом доме жил Василий Федорович Малиновский, первый директор Лицея, а после его смерти, с 1816 года, – Егор Антонович Энгельгардт. Здесь бывали литературно-музыкальные вечера и театральные представления, на которые Энгельгардт приглашал воспитанников, чтобы приучить их к светскому обращению.

Мемориальный Музей-лицей

На фронте дома помещен лицейский герб, на котором изображены лира на свитке – символ поэзии, на лире сова – символ мудрости. Лавровые и дубовые венки, обвивающие лиру, – символы мужества и славы. Рисунок герба был придуман для медали, которой награждали воспитанников.

Дом Карамзина. В доме на углу Садовой и Леонтьевской улиц (ныне Комсомольская улица, 12) в летние месяцы 1816, 1820 годов жила семья русского писателя и историка Ни-

колая Михайловича Карамзина.

Здесь Карамзин продолжал работу над «Историей государства Российского». Летом 1816 года у Карамзиных часто бывал Пушкин; тут произошла его первая встреча с П. Я. Чаадаевым, служившим тогда в лейб-гусарском полку, который квартировал в Царском Селе.

Дом Теппера. В маленьком одноэтажном доме возле лицейского сада (ныне улица Коммунаров, 4), построенном в начале XIX века по проекту архитектора П. В. Неелова,

жил преподаватель музыки и пения в Лицее Людвиг Вильгельм Теппер де Фергюсон. Талантливый пианист, получивший музыкальное образование в Вене, Теппер сам сочинял: он был автором музыки к «Лицейской прощальной песне», написанной на слова А. А. Дельвига. Лицейские воспитанники часто бывали в доме Теппера на проходивших здесь музыкальных вечерах.

Лицейский садик. Возле Лицея за Знаменской церковью была небольшая березовая роща, окруженная железной оградой. Эта роща, или лицейский сад, как стали называть ее позже, отводилась для прогулок и игр лицеистов.

В 1900 году в лицейском садике поставлен памятник Пушкину работы скульптора Р. Р. Баха. На его пьедестале пушкинские строки:

... В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Музей-дача А. С. Пушкина (Филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина). В доме на углу Колпинской улицы и Кузьминской дороги, в нескольких минутах ходьбы от Лицея и Екатерининского парка, Пушкин прожил первое лето после свадьбы, с мая по октябрь 1831 года.

Деревянный дом с мезонином и балконом, с открытой верандой принадлежал Анне Китаевой, вдове придворного камердинера. Сооружен он был в 1827 году. В середине XIX века к нему пристроены несколько комнат, а веранда и балкон застеклены.

В таком виде здание сохранилось и до настоящего времени. Музей здесь создан в 1958 году.

Буфетная, столовая, гостиная, будуар и спальня расположены в нижнем этаже дома. Наверху в мезонине – кабинет Пушкина. Как вспоминала А. О. Смирнова-Россет, здесь «на большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружовниковым вареньем, его любимым . . .».

В то первое семейное лето, наполненное воспоминаниями о юности, о лицейских друзьях, Пушкин много работал: здесь закончена «Сказка о царе Салтане», написаны письмо Онегина к Татьяне для восьмой главы романа в стихах, стихотворения «Чем чаще празднует Лицей», «Эхо», «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина».

Гостями Пушкиных в царскосельской даче бывали В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, А. О. Смирнова-Россет. В то лето, решив заниматься историей, Пушкин вынужден был принять предложение царя о вступлении на государственную службу, открывавшую вход в архивы, что было началом мучительной зависимости, которая определила последние годы жизни поэта.

В музее представлены портреты Пушкина и Натальи Николаевны, вещи лицейских товарищей поэта: бокал и пресс-грифон Антона Дельвига и стакан Константина Данзаса.

Музей-дача А. С. Пушкина

Екатерининский парк. Один из старейших дворцовых парков XVIII века, с регулярной и пейзажной планировкой, украшенный скульптурами и монументами в память о русских победах. Место прогулок Пушкина-лицеиста.

Здесь Пушкин бывал вместе с Натальей Николаевной в первое лето семейной жизни. Один из современников вспоминал, как «летом 1831 года в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он

гулял под руку с женою, обыкновенно около озера».

В парке, недалеко от Гранитной пристани, находится фонтан «Девушка с кувшином», в художественном решении которого использован сюжет басни Ж. Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком» (статуя скульптора П. П. Соколова). Фонтану посвящено стихотворение Пушкина «Царскосельская статуя».

Памятник А. С. Пушкину у Египетских ворот. В 1828 году на месте го-

родской заставы при въезде в город со стороны Петербурга по проекту архитектора А. А. Менеласа были построены Египетские ворота. Стены их облицованы чугунными плитами с рельефными изображениями, повторяющими подлинными египетские образцы. Пушкин неоднократно бывал в этом месте, проезжая царскосельскую заставу.

В 1937 году у въезда в город напротив Египетских ворот поставлен памятник А. С. Пушкину, созданный в 1911 году по модели скульптора Л. А. Бернштама.

ПРИЮТИНО

Литературно-художественный музей «Приютино». Здесь находилась загородная усадьба, принадлежавшая семье Алексея Николаевича Оленина. Летом сюда приезжали известные деятели русской культуры: музыканты, художники, литераторы. Старшая дочь Оленина, Варвара, вспоминала: «В известном многим *Приютине* жизнь текла тихая, мирная, аккуратная, простая, деревенская и казалась по образу жизни верст за 500 от Петербурга. . . . Обществом гуляли за грибами, черникой . . . Вечером собирались и читали . . . Все было весело, радушно, довольно, дружно, просто . . .»

Пушкин бывал в Приютине летом 1828 года. Младшей дочери Оленина, Анне Алексеевне, поэт посвятил несколько стихотворений: «Ты и вы», «Ее глаза», «Предчувствие».

В Приютине сохранились главный

дом Олениных, значительная часть усадебных построек и остатки старого парка у реки Лубьи.

Музей был открыт в 1974 году. С 1978 года началось проведение работ по реставрации главного дома. Следующим этапом работы будет восстановление всей усадьбы и парка.

ВЫРА

Музей «Домик станционного смотрителя». Созданный в 1972 году в доме бывшей почтовой станции села *Выра*, он посвящен дорожному быту начала XIX века.

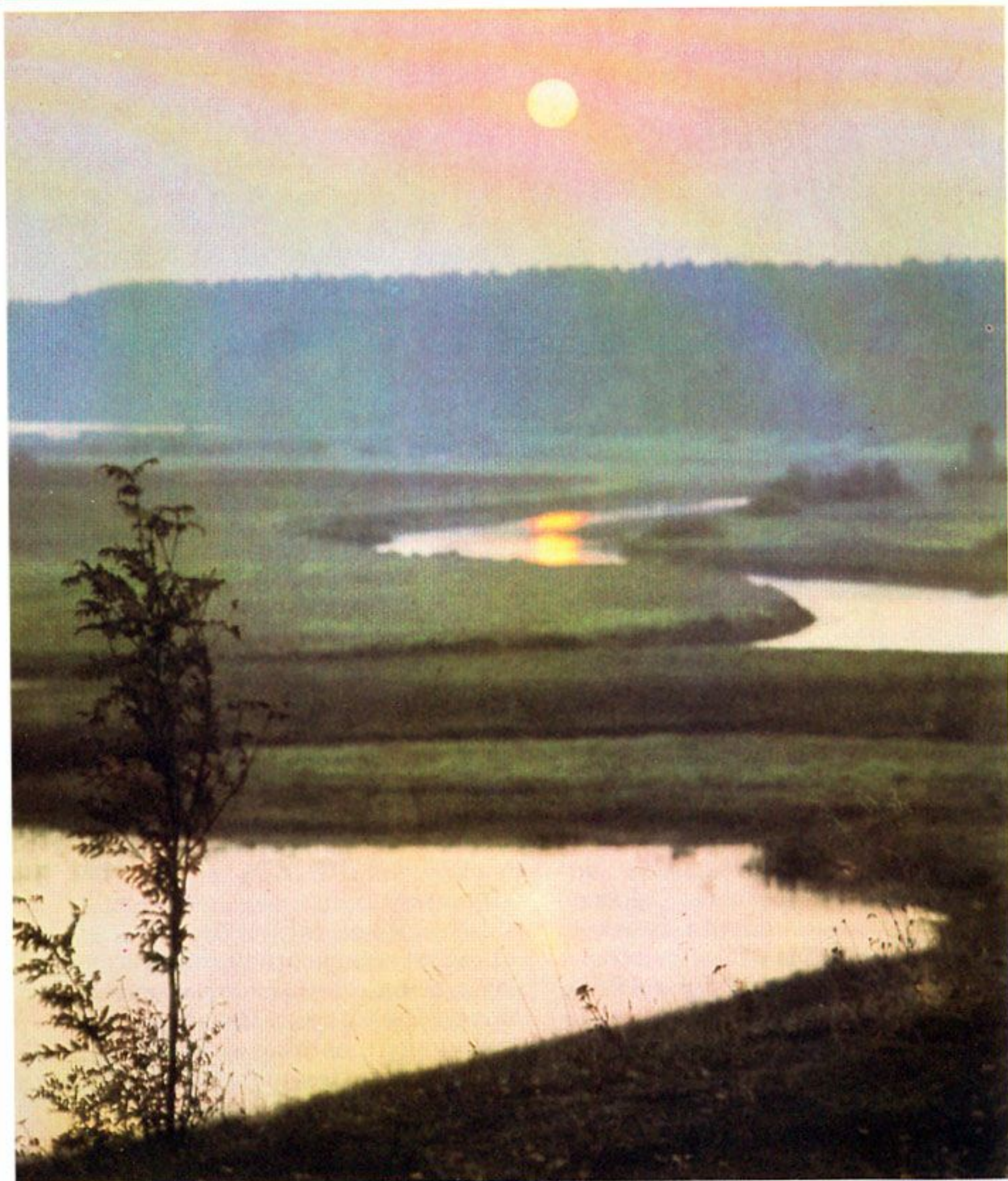
Эту почтовую станцию Пушкин проезжал неоднократно: через Выру проходил Белорусско-Киевский тракт в южные и западные губернии России. На полосатом верстовом столбе у здания станции отметка: «От Санкт-Петербурга – 69, до Пскова – 239».

Тема дороги проходит через все творчество поэта: в странствиях по России он провел многие годы своей жизни. В музее представлены карта путешествий Пушкина по стране, ноты ямщицких песен, тексты дорожных стихотворений Пушкина.

«Домик станционного смотрителя» – единственный в нашей стране музей литературных героев Пушкина. Его экспозиция посвящена повести «Станционный смотритель».

Через Выру Пушкин проезжал весной 1820 года по дороге в Бессарабию, к месту своей ссылки. В феврале 1837 года эту почтовую станцию миновали сани, что везли тело Пушкина в Святогорский монастырь . . .

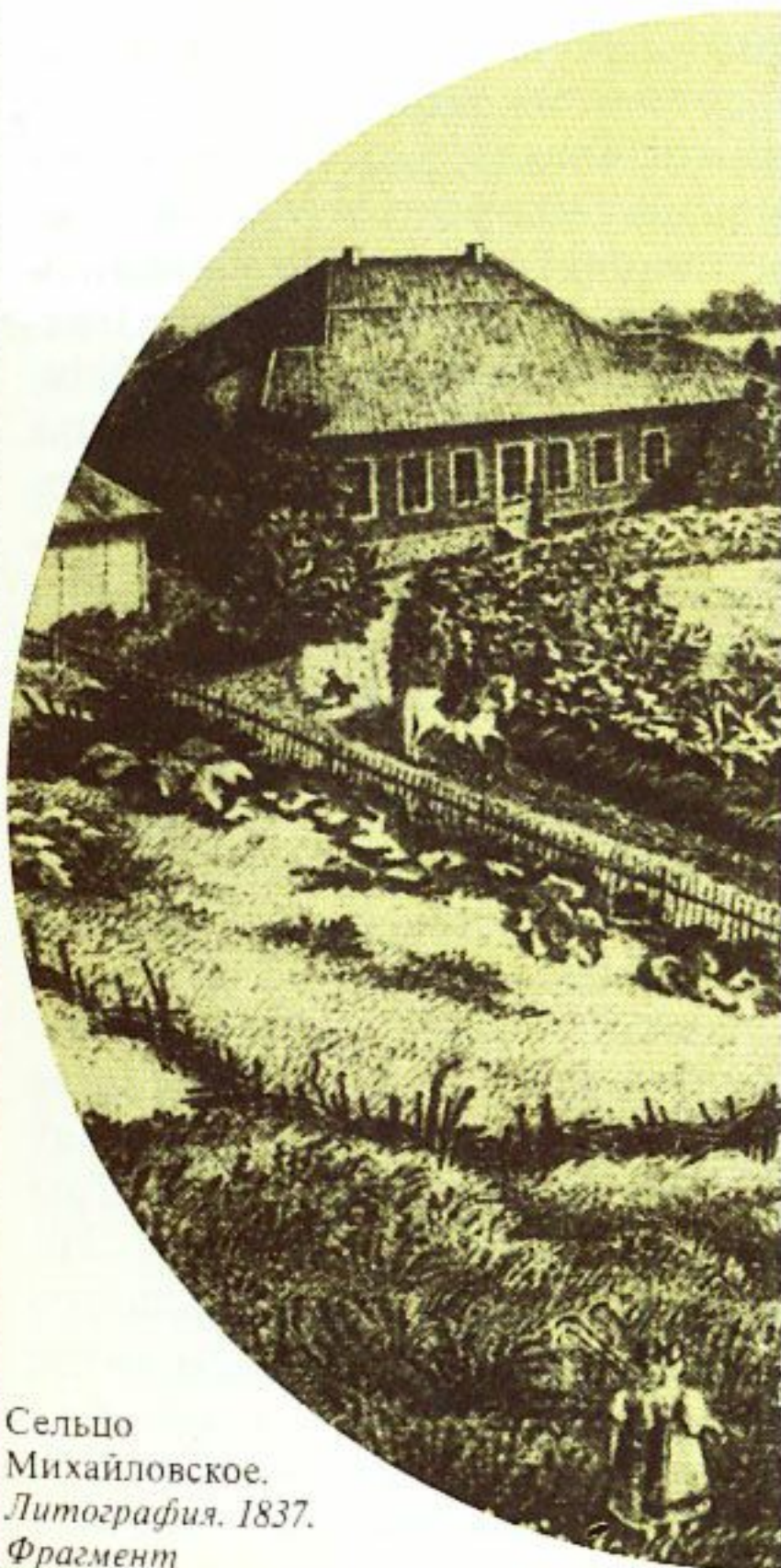

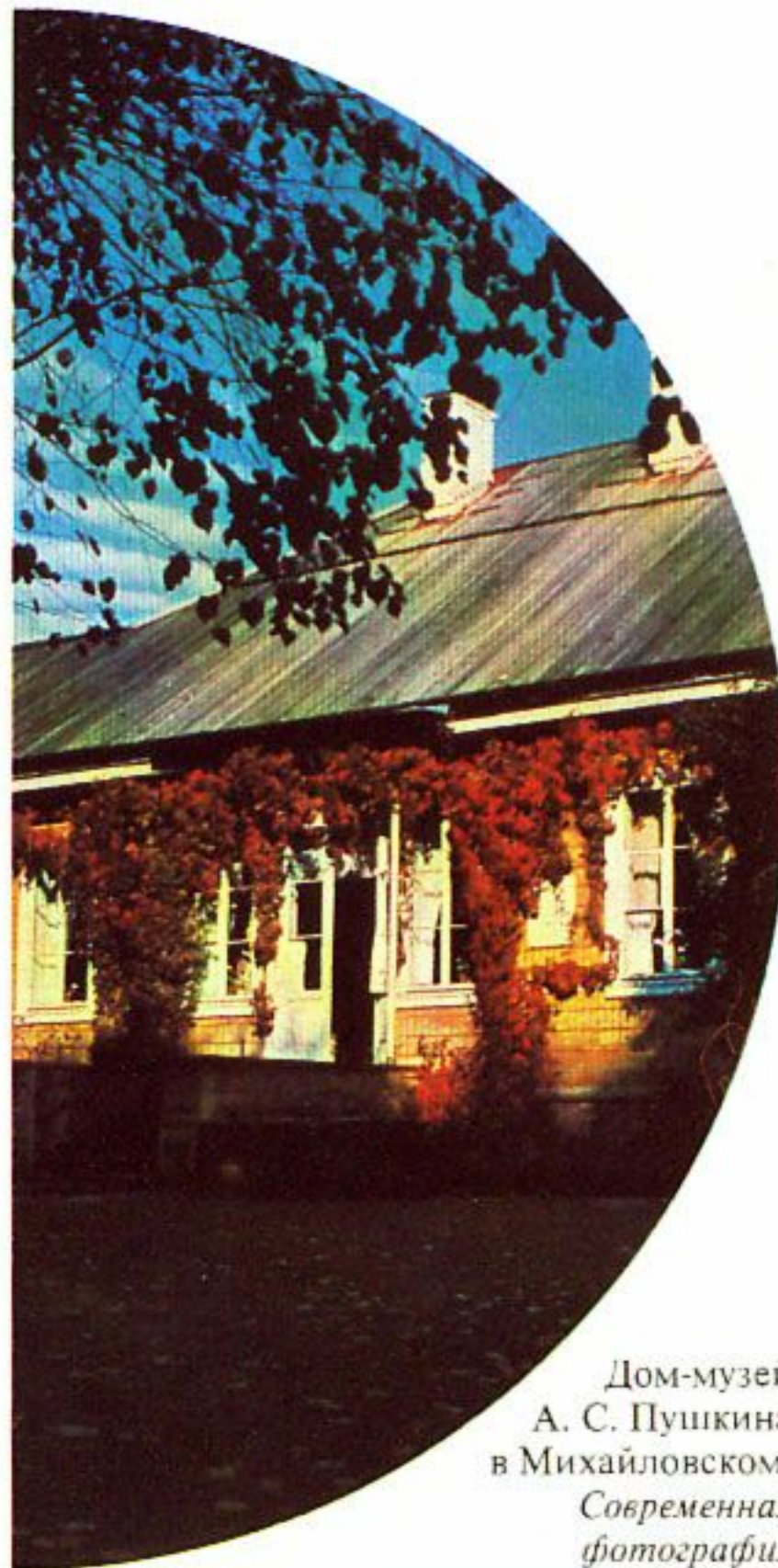
В Пушкинском заповеднике. Вид на окрестности

ПСКОВСКИЙ КРАЙ

Сельцо
Михайловское.
Литография. 1837.
Фрагмент

Дом-музей
А. С. Пушкина
в Михайловском.
Современная
фотография

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКИХ МЕСТ

Широко известны в нашей стране пушкинские заповедные места Псковщины. Здесь, на небольшом пространстве, можно увидеть удивительное сочетание «глуши лесов сосновых» и светлых, живописных далей; древних городищ и небольших «озер лазурных», соединенных «тихоструйной речкой»; старинных парков и садов усадеб Михайловского, Тригорского, Петровского; былинной старины Святогорского монастыря, где покоится прах А. С. Пушкина, и нынешних памятников великому поэту. Сегодня все эти места, овеянные его поэтическим гением, составляют Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина.

«Губерния Псковская, теплица юных дней» поэта, места, где «текли часы трудов» его, «свободно вдохновенных», воспеты во многих пушкинских стихах и неотделимы от его творческой биографии.

Через всю сознательную жизнь, через всю поэзию, начиная с юношеского стихотворения «Простите, верные дубравы!» и кончая глубоко прочувствованными стихами «Вновь я посетил», написанными незадолго до гибели, пронес Пушкин в своем сердце любовь к родному Михайловскому – «обители трудов и чистых нег».

В июне 1825 года Пушкин писал из Михайловского П. А. Вяземскому: «... Я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию!» Это было сказано по поводу работы над «Борисом Годуновым». Но литературным подвигом можно назвать весь михайловский период творчества Пушкина. Это был действительно подвиг, сделавший его глубоко национальным поэтом, родоначальником новой реалистической литературы, основоположником нового русского литературного языка.

В Михайловском Пушкин стал поистине «богатырем духовным». Здесь, в «деревенском кабинете», он создал драму «Борис Годунов»,

сатирическую поэму «Граф Нулин», антикрепостническую «Деревню», а также известные автобиографические «Записки», «деревенские» главы «Евгения Онегина», такие шедевры лирики, как «Я помню чудное мгновенье», «Андрей Шенье», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Сожженное письмо», «Талисман», «19 октября», «Зимний вечер», «Признание» и другие, – в общей сложности более ста произведений. Благоприятное общение с местными псковскими крестьянами, с родной природой, бережное и вдумчивое восприятие устного народного поэтического творчества, глубокое знание деревенской помещичьей и крестьянской жизни помогали Пушкину находить новые поэтические образы, темы, сюжеты.

О поэтическом интересе Пушкина к Михайловскому свидетельствовали его современники. Так, друг поэта И. И. Пущин в своих воспоминаниях о нем отмечает, что из-за зимней поры «не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой . . .».

А. И. Тургенев упоминал в письме к брату о возвращении поэта из Михайловского в 1819 году: «Пушкин возвратился из деревни, которую описал». А потом, чуть ли не через двадцать лет он же, похоронив Пушкина в Святогорском монастыре, заехал в Михайловское, осмотрел его и вскоре написал об этом своей сестре: «Я посетил Михайловское, столько раз им воспетое».

Произведения Пушкина, родившиеся в псковской деревне, с полным основанием можно назвать своеобразным его поэтическим путеводителем по сегодняшнему заповедному Михайловскому. Во много крат возрастает их художественная сила для тех, кто побывал в заповедных пушкинских местах; кто по-настоящему ощутил любовь Пушкина к этому уголку земли – «стране родной».

В начале XVIII века в числе владений царской семьи на псковской земле была обширная вотчина – Михайловская губа. Когда на престол взошла дочь Петра I императрица Елизавета Петровна, она стала щедро одарять сподвижников своего отца, которые после его смерти долгое время находились в опале. Среди них был и знаменитый Абрам Петрович Ганнибал, прадед великого русского поэта. Указом Елизаветы от 12 января 1742 года ему была пожалована большая часть Михайловской губы. По ревизской переписи 1744 года, А. П. Ганнибалу в Михайловской губе принадлежала 41 деревня, где проживало более 800 крепостных крестьян.

После смерти А. П. Ганнибала в 1781 году Михайловская губа была поделена между тремя его сыновьями. Согласно отдельной записи «деревню Кучане, что ныне сельцо Петровское» с деревнями получил Петр Абрамович Ганнибал, «деревню Оклад, что ныне называется сельцо Воскресенское» с деревнями – Исаак Абрамович Ганнибал, «деревню Устье, что ныне называется сельцо Михайловское» с деревнями – Осип Абрамович Ганнибал. Выйдя с военной службы в отставку, Осип Абрамович последние годы своей жизни (умер в 1806 году) провел почти безвыездно в Михайловском, где в конце XVIII века и создал усадьбу: построил барский дом, разбил парк.

Когда умер О. А. Ганнибал, Михайловское наследовала его семья – жена, Марья Алексеевна, и дочь, Надежда Осиповна, мать поэта. После смерти матери (1818 год) Надежда Осиповна осталась владелицей имения. С 1836 года Михайловское отошло ее детям: Ольге, Льву и Александру.

После гибели поэта Михайловское стало собственностью его детей: сыновей Александра и Григория и дочерей Марии и Наталии. В 1866 году в Михайловском поселился младший сын поэта, Григорий Александрович. К этому времени старый ганнибаловский дом обветшал, и Г. А. Пушкин продал его на слом, построив на том же месте новый, несколько иной архитектуры. Впоследствии этот дом дважды – в 1908 и 1918 годах – горел, но каждый раз его восстанавливали (в 1908–1911 годах по проекту архитектора В. А. Щуко). В 1899 году село Михайловское было куплено у Г. А. Пушкина казной и передано в ведение псковского дворянства, которое в 1901 году решило создать здесь благотворительное заведение – колонию для престарелых литераторов (она открылась лишь в 1911 году).

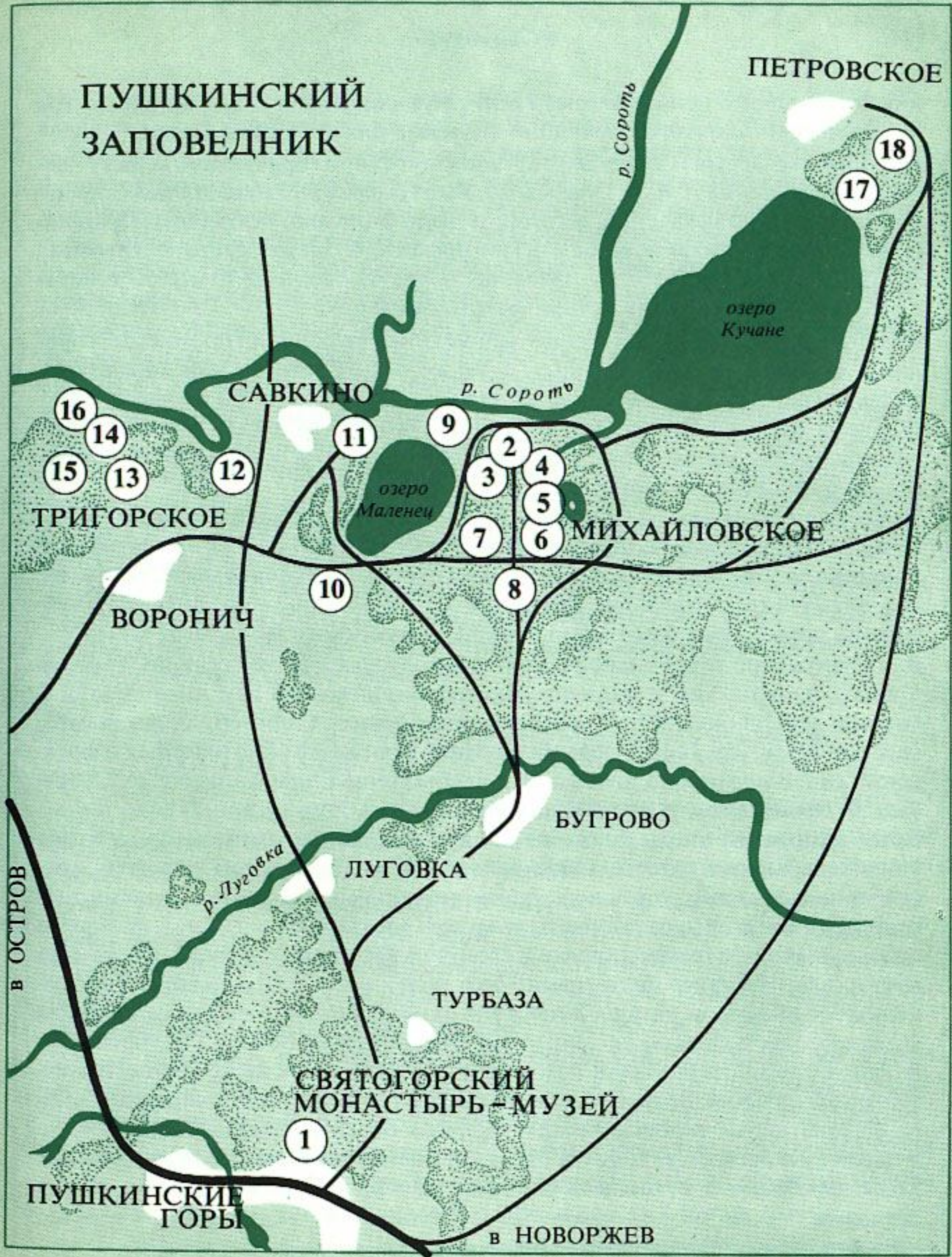
К 1917 году бывшая пушкинская усадьба находилась в жалком состоянии. Великая Октябрьская социалистическая революция сделала хозяином пушкинских мест народ. Уже в первые годы Советской власти Псковский губисполком занимался восстановлением и реставрацией этого ценнейшего памятника русской культуры. 11 ноября 1921 года он принял решение об охране пушкинских мест в Опочечком уезде Псковской губернии. В этом реше-

1. Могила А. С. Пушкина
2. Дом-музей А. С. Пушкина
3. Домик няни
4. Кухня и людская
5. Дом управляющего имением
6. Дом приказчика
7. Амбар
8. Семейная часовня Пушкиных
9. Мельница

10. Три сосны
11. Савкина горка
12. Городище Воронич
13. Дом-музей Осиповых-Вульф
14. «Скамья Онегина»
15. «Дуб уединенный»
16. Банька
17. Беседка-грот
18. Дом-музей Ганнибалов

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

нии говорилось о необходимости взять Пушкинский уголок под охрану как исторический памятник, имеющий значение для всей республики.

Ходатайство местных советских органов встретило горячую поддержку наркома просвещения А. В. Луначарского. Уже 17 марта 1922 года Малый Совнарком принял постановление, в котором было записано: «Объявить Пушкинский уголок («Михайловское», «Тригорское», а также место погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре) заповедным именем с передачей его под охрану как исторического памятника . . .»

В 1936 году в состав Пушкинского заповедника включили Петровское, городище Воронич и Савкину горку, а также весь Святогорский монастырь. Общая территория заповедника составляла тогда более 700 гектаров.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов гитлеровцы уничтожили музеи заповедника, похитили их ценности, вырубали сотни деревьев в заповедных парках.

После окончания войны Советское правительство приняло все меры, чтобы вернуть Пушкинский заповедник к жизни. Уже в 1949 году, к 150-летней годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, он был в основном восстановлен. 12 июня 1949 года открылся Дом-музей А. С. Пушкина, еще ранее реставрированы домик няни, Успенский собор Святогорского монастыря-музея.

В последующие годы в заповеднике продолжалась реконструкция с целью придать пушкинским местам тот вид, какой они имели при жизни поэта. В усадьбе восстановлены три хозяйственных флигеля, погреб, людская изба, крестьянский амбарчик, в прежних размерах посажены Еловая аллея и фруктовый сад. В противоположном от усадьбы конце Еловой аллеи стоит, как и раньше, фамильная часовня Пушкиных.

В Михайловском вновь появились «пруд с серебристыми ивами», а также удивительный по красоте Ганнибаловский пруд. У самой дорожки, соединяющей этот пруд с Еловой аллеей, можно увидеть теперь Пушкинский грот. В Святогорском монастыре-музее восстановлены Святые ворота (главный вход), отремонтированы гробница Пушкина и каменная отмостка вокруг нее. На надгробном памятнике поэту воссозданы некоторые утраченные со временем детали. В прежних размерах поднялась величественная «ограда монастырская», упоминаемая Пушкиным в «Борисе Годунове».

В Тригорском восстановлен дом Осиповых-Вульф, где ныне находится музейная экспозиция. Вокруг дома – цветники, газоны, как в пушкинские времена, декоративные садовые беседки, зеленая беседка, фруктовый сад.

В парке Тригорского находится банька, и в ней также развернута экспозиция, рассказывающая о некоторых эпизодах общения Пушкина с тригорскими друзьями.

В 1982 году близ господского дома появились существовавшие ранее два хозяйственных флигеля, после восстановления которых центральная часть тригорской усадьбы стала такой, как в пору пребывания здесь Пушкина.

В последние годы большие работы проведены по реставрации и благоустройству интереснейшего памятника Пушкинского заповедника – Петровского, бывшего имения предков и родственников Пушкина – Ганнибалов. Здесь можно увидеть грот-беседку, парковые аллеи, дом Ганнибалов, а на территории, что прилегает к его фасаду, выходящему в сторону деревни Петровское, – декоративные беседки, газоны, дорожки, аллеи. Теперь последняя из трех усадеб, входящих в состав Пушкинского заповедника, – Петровское – приобрела тот вид, какой она имела при Пушкине.

Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина стал крупнейшим научно-музейным учреждением по пропаганде творческого наследия великого русского поэта. Ежегодно здесь бывает свыше 600 тысяч туристов и экскурсантов из самых разных мест страны. Не только всесоюзную, но и международную известность получил Всесоюзный пушкинский праздник поэзии, проводимый в Михайловском каждый год в первое воскресенье июня.

За большую работу по эстетическому воспитанию трудящихся, изучению и пропаганде творческого наследия великого русского поэта Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина в марте 1972 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Взрослым Пушкин впервые побывал в Михайловском летом 1817 года. Его родители собирались провести это лето, по обыкновению, в своем псковском имении, и поэт, только что окончив Лицей и получив отпуск «для приведения в порядок домашних дел», отправился туда вместе с ними 9 июля. В его дневниках сохранилась запись о первом приезде в Михайловское: «Вышед из Лицея, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. . .»

Юный поэт был очарован здешней природой. Он проводил много времени не только в Михайловском, но и в доме своих новых знакомых Осиповых-Вульф, гостил у двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала в Петровском. Пушкин прожил в деревне полтора месяца и в стихотворении «Простите, верные дубравы!», написанном перед отъездом, тепло говорил о проведенных здесь днях.

Вторично поэт приехал в Михайловское летом 1819 года. В тот период он создал здесь знаменитое антикрепостническое стихотворение «Деревня». Начало его – светлое, приподнятое описание здешнего пейзажа, радость встречи с родными местами:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

Однако красота здешней природы не заслоняет от поэта, тогда уже автора известной оды «Вольность» и стихотворения «К Чаадаеву», гнетущей картины крепостнического произвола. С гневом говорит он о нем во второй части стихотворения:

...Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут...

Пушкин не случайно многократно повторяет слово «здесь», ибо теперь он сам увидел в псковской деревне бесчеловечность крепостного права.

Через месяц, 11 августа 1819 года, поэт уехал из Михайловского, написав накануне отъезда проникнутое любовью к нему стихотворение «Домовому».

Пушкин словно предчувствовал, что расстанется с «поместьем мирным» на долгое время. Не прошло и года, как юный поэт был сослан на Юг за то, что, по утверждению императора Александра I, «наводнил всю Россию возмутительными стихами». Южная ссылка разлучила Пушкина с Михайловским на пять лет. И вот 9 августа 1824 года он снова вернулся в родное гнездо:

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож

Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.

*(«Путешествие Онегина»,
из ранних редакций)*

Это была новая ссылка опального Пушкина. Царское правительство, определив ее местом Михайловское, надеялось, что там, в глухой северной деревне, свободолюбивый поэт будет сломлен морально, а его вольнолюбивая муза наконец умолкнет.

Оторванный от друзей, от общества, отданный под унижительный надзор местных полицейских и духовных властей, поэт чувствовал себя вначале как в тюрьме. Свою жизнь в Михайловском он называет «нелепым существованием». Даже красота здешней природы, которую он любил и которой восторгался в первые приезды сюда, теперь в какой-то мере померкла для него. Но прошло несколько месяцев, и Пушкин снова всей душой ощущает ее очарование, а вынужденное одиночество дает ему возможность отдаться поэтическому творчеству. Он еще более сблизился и подружился с Осиповыми-Вульф из Тригорского, которое стало для него вторым домом.

В первой половине ноября 1824 года из Михайловского уехали брат поэта Лев Сергеевич и сестра Ольга Сергеевна, а через некоторое время и родители.

Пушкину предстояло провести здесь многие месяцы михайловского изгнания. Впрочем, поэт не думал, что его пребывание в Михайловском будет длительным. Он всерьез намеревался бежать за границу и несколько месяцев не оставлял попыток уехать туда под предлогом лечения аневризма. Но его планы остались неосуществленными.

В ожидании освобождения из ссылки, несмотря на частые приступы хандры и тоски, рождаемые неопределенностью положения, опальный поэт много и вдохновенно работал. По его собственному признанию (в «Евгении Онегине»), он «бредит» рифмами и «рифмами томим».

В Михайловском, по выражению поэта, «в строгом уединении, вдали охлаждающего света» он пристально приглядывался к окружающей действительности. Здесь он полюбил северную природу. Все это придало ему новые творческие силы.

Друзья радовались его успехам. К. Ф. Рылеев писал в Михайловское: «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца». В период ссылки Пушкин со всей тщательностью и требовательностью к себе подготовил книгу «Стихотворения Александра Пушкина», которая разошлась с невиданной для того времени быстротой. И. И. Пущин, посетивший Пушкина в Михайловском, рассказывал ему, как он популярен; говорил, что «читающая публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России».

Выдающимся «литературным подарком» и «в высшей степени народным произведением», по словам В. Г. Белинского, явился гениальный роман в стихах «Евгений Онегин», центральные главы которого, с конца третьей до начала седьмой, поэт писал в Михайловском. Здесь же Пушкин, по его словам, «в два утра» создал сатирическую поэму «Граф Нулин». Сюжет ее основан на происшествии, случившемся в соседнем с Михайловским уездном городке Новоржеве.

Любопытные сопоставления Пушкина «деревенского» и «столичного» сделала А. П. Керн: «С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, где я бывала почти всякий день и куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему не доставало. Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском... Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась».

Брат поэта, Лев Сергеевич, также отмечал, что в михайловской ссылке «... талант его... окрепнул и, если можно так выразиться, освоеобразился. С этого времени все его сочинения получили печать зрелости».

«Нового» Пушкина с возмужавшим в михайловской ссылке талантом увидели после его освобождения П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. А. Дельвиг, А. И. Тургенев и другие близкие знакомые и друзья великого поэта, внимательно следившие за его творчеством. А сам поэт писал Н. Н. Раевскому-сыну из Михайловского в июле 1825 года: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Оторванный от общества, запертый в «глуши лесов сосновых», поэт не утратил в годы ссылки связи с друзьями. Еще с лицейской поры у него было развито чувство дружбы и товарищества. Он остался верен ему до конца своей жизни.

В Михайловском Пушкину пришлось одному, в разлуке с друзьями, встречать традиционную лицейскую годовщину. Посвященное этой дате стихотворение «19 октября» проникнуто глубокой грустью:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.

Первым, кому поэт «пожал от сердца руку», был самый преданный и благородный из его друзей, близкий ему еще с лицейских лет, — И. И. Пущин.

11 января 1825 года, рано поутру, Пущин подъехал к парадному крыльцу Михайловского дома. Впоследствии в своих воспоминаниях он так писал об этом эпизоде:

«Кони несут среди сугробов . . . Скачем опять в гору извилистой тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора . . .

Я оглядываюсь; вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра . . . Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробила слеза . . . мы очнулись. Совестью стало перед этою женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил ее в объятиях.

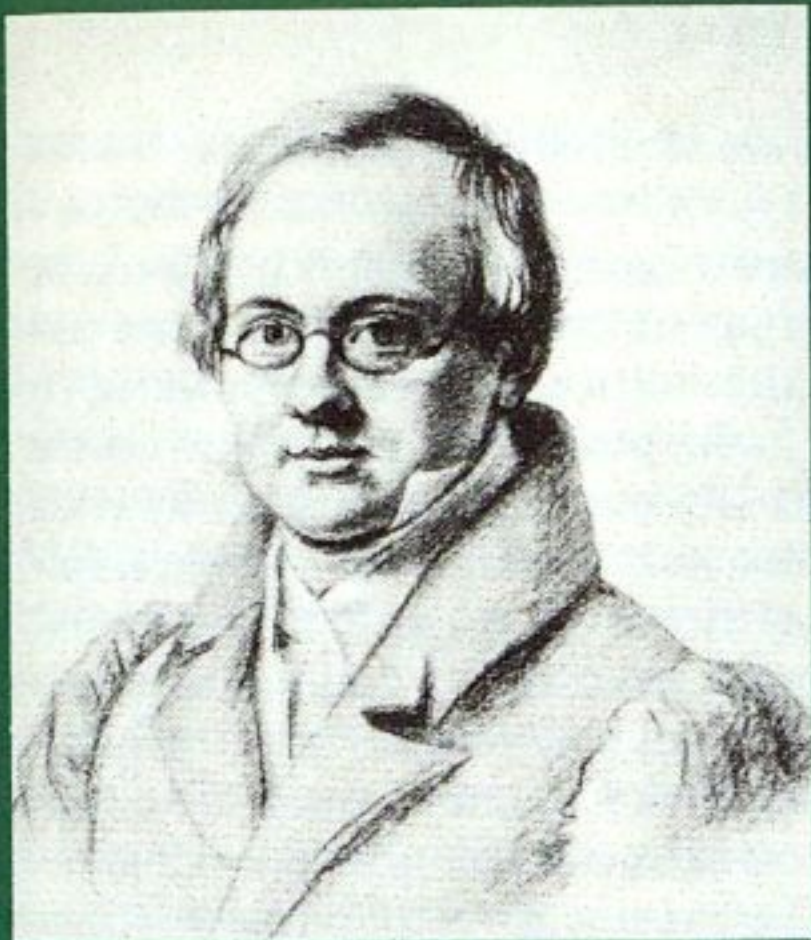
Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя, однако ж, ту же веселость . . . Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами. Он . . . сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, он все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно . . . Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту, от полноты сердечной». Пушкин погостил в Михайловском только день и ночь, а под утро 12 января уехал. Эта встреча близких друзей оказалась последней: в декабре того же, 1825 года Пушкин был арестован за участие в Декабрьском восстании, а затем отправлен на каторгу в Сибирь. Несколькими месяцами позже поэт с волнением вспоминал отрадные минуты встречи с другом в стихотворении «19 октября»:

...Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

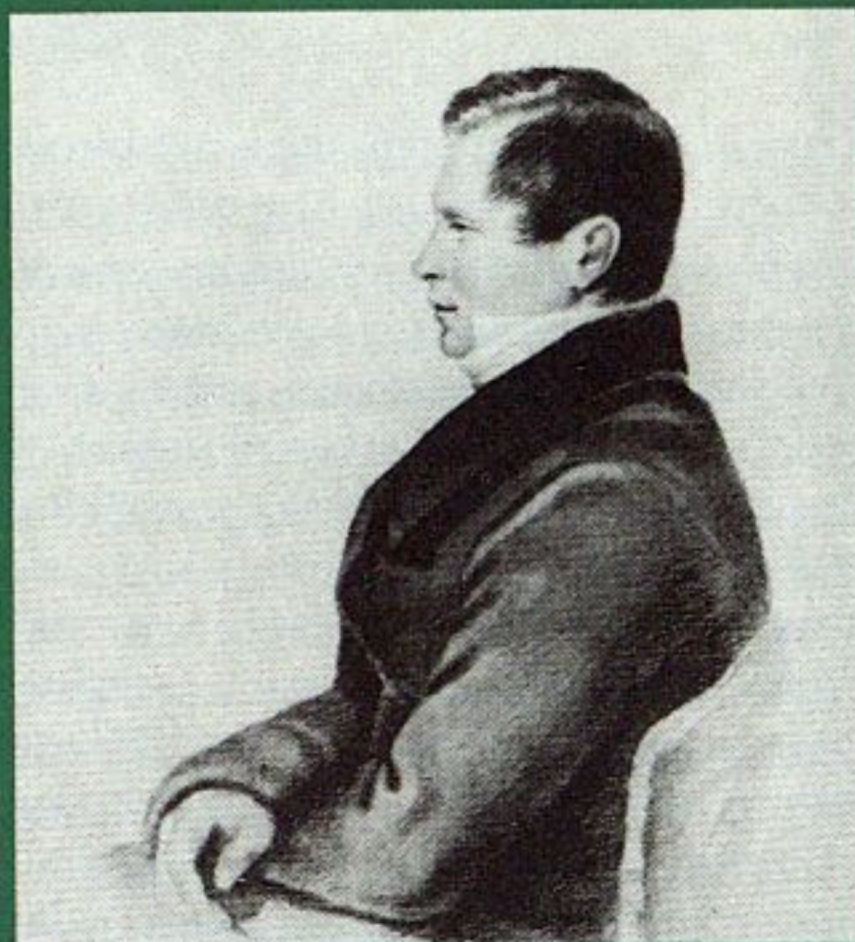
Глубокая дружба связывала Пушкина и с другим лицейским товарищем – А. А. Дельвигом. Чуть ли не с первых дней ссылки поэт ждал его в гости. Наконец, в апреле 1825 года Дельвиг из Витебска приехал в Михайловское. Три дня, которые он провел у поэта, прошли за чтением и обсуждением законченных сцен «Бориса Годунова», новых пушкинских стихов, за подготовкой их к изданию, за разговорами, в поездках в Тригорское. Вместе друзья написали шутивную эпитафию «Ох, тетенька! ох, Анна Львовна».

Свиделся Пушкин во время ссылки и с третьим лицейским однокашником – князем А. М. Горчаковым, который в конце августа 1825 года приехал к своему дяде Пещурову (тому самому, которому был поручен надзор за ссыльным поэтом) в его имение Лямоново (в 60 километрах от Михайловского). «Горчаков доставит тебе мое письмо, – писал поэт Вяземскому. – Мы встретились и расстались довольно холодно – по крайней мере с моей стороны».

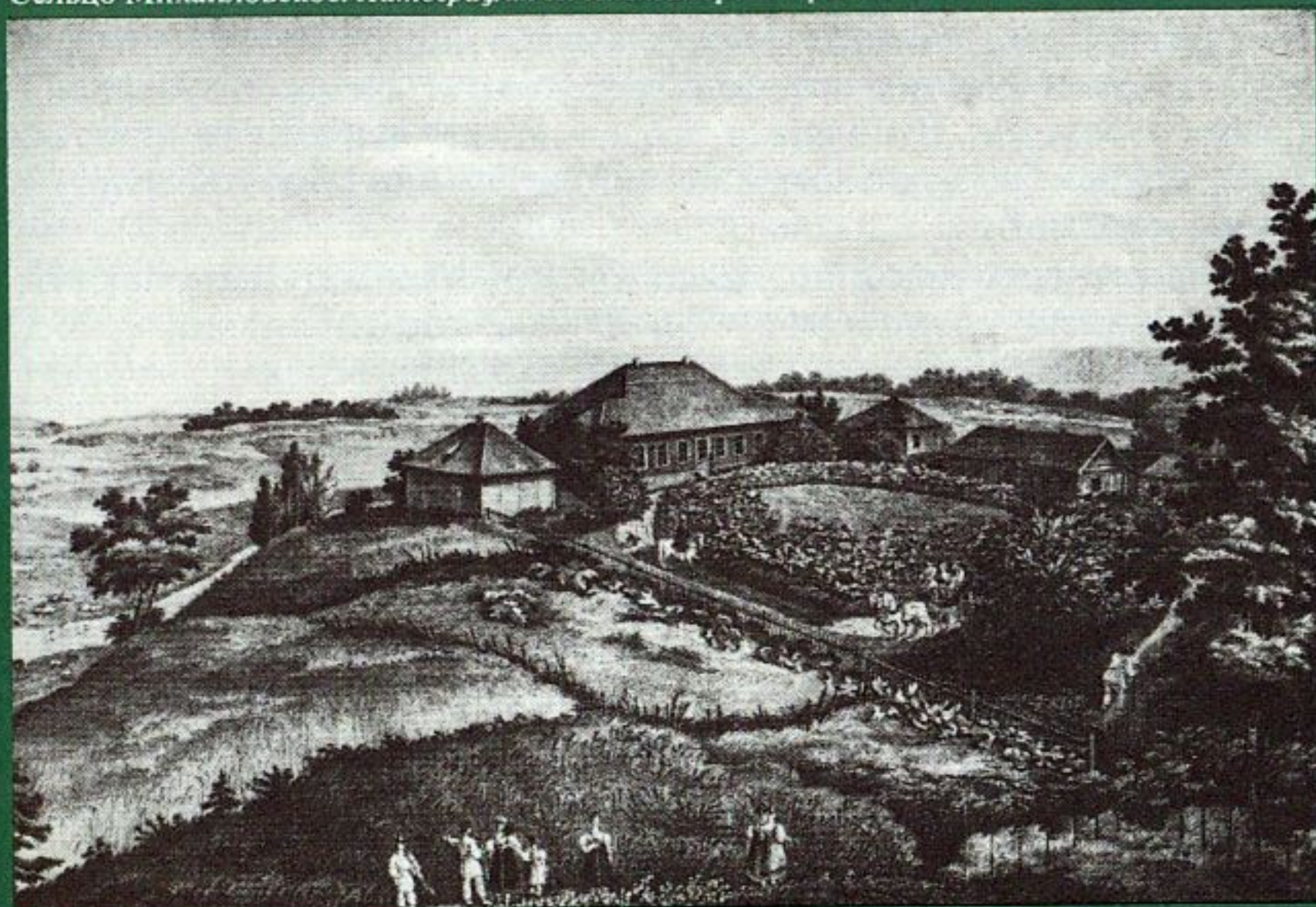

А. А. Дельви́г. Рис. В. Лангера. 1830

И. И. Пу́жин. Литография
Е. Орловской с ориг. Д. Соболевского

Сельцо Михайловское. Литография П. Александрова с рис. И. Иванова. 1837

Хотя Пушкин и Горчаков духовно были далеки друг от друга, но их встреча в ссылке, по признанию поэта, «живо напомнила Лицей».

На протяжении почти всего срока михайловской ссылки Пушкин стремился любыми способами вырваться на свободу. Однако его настойчивые и продолжительные обращения к друзьям похлопотать перед властями об изменении его судьбы реальных результатов не давали. В письме от 7 марта 1826 года Жуковскому Пушкин кратко изложил историю своей опалы, обещая, что впредь «не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости». Любопытно, что, давая это обещание сохранять лояльность по отношению к правительству, Пушкин писал в том же письме: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя...» В главном – в своих вольнолюбивых убеждениях – он оставался непреклонным. По совету друзей Пушкин обратился к Николаю I с прошением, в котором, обещая не противоречить своими мнениями «общепринятому порядку», просил императора для постоянного лечения аневризма «позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». К письму было приложено медицинское свидетельство из Псковской врачебной управы о болезни Пушкина и его подписка «впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать».

Не имея прямых улик о противоправительственной деятельности Пушкина, но ничуть не веря в его лояльность по отношению к себе, царь решил разыграть с ним спектакль: вызвать в Москву, где окончательно решить его судьбу.

В сентябре 1826 года доставленному из Михайловского в Москву Пушкину царь «милостиво» объявил об освобождении из ссылки и о том, что отныне он будет личным цензором поэта. Но ни личное вмешательство царя в творчество поэта, ни постоянная мучительная опека шефа жандармов Бенкендорфа не сломили его вольнолюбивых убеждений. О верности идеалам декабризма Пушкин иносказательно заявил в стихотворении «Арион», написанном вскоре после освобождения из ссылки:

... На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою...

О роли Пушкина в общественной жизни России в пору мрачной николаевской реакции, наступившей после разгрома восстания декабристов, Герцен писал: «только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее».

Через два месяца после освобождения из ссылки поэт снова приехал в Михайловское, чтобы привести в порядок рукописи, библиотеку. Вернувшись в Москву, Пушкин пробыл там до весны 1827 года, а потом отправился в Петербург. Из столицы он намеревался ехать, как писал брату, «или в чужие края, т. е. в Европу, или восояси, т. е. во Псков . . .». За границу Пушкин не поехал, а как сообщил Дельвигу, «убежал в деревню, почуя рифмы». Оттуда поэт писал своему другу: «Я в деревне и надеюсь много писать . . . вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу».

Большую часть более чем двухмесячного пребывания в деревне Пушкин посвятил работе над историческим романом «Арап Петра Великого» – своим первым опытом в прозе. Тогда же он написал стихотворение «Поэт» и еще несколько стихотворений, начал седьмую главу «Евгения Онегина».

После освобождения из ссылки Пушкин не получил желанной свободы. Его постоянно преследовал своей «опекой» Бенкендорф, много мучений приносила бесцеремонность цензора-царя, без одобрения которого поэт не имел права печатать свои произведения. В тяжелой атмосфере светского Петербурга ему не было «отрады», он все чаще и чаще мысленно искал ее в родной деревне, в близости к народу, в полюбившейся навсегда природе.

В мае 1835 года Пушкин снова приехал в Михайловское. По воспоминаниям М. И. Осиповой, он выглядел скучным, утомленным: «Господи, говорит, как у вас тут хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня! . . .»

Эта встреча, хотя и короткая, с родным уголком, с тригорскими друзьями, вероятно, усилила желание поэта переселиться в деревню из ненавистного Петербурга и укрепила его решимость добиваться отставки. Через две недели после возвращения из Михайловского Пушкин написал письмо Бенкендорфу, в котором просил у царя разрешения поселиться в деревне.

Но, по горькому выражению Пушкина, «плюнуть на Петербург да удрать в деревню» не удалось. Пушкину предложили лишь отпуск на четыре месяца, и он воспользовался этим.

7 сентября 1835 года поэт выехал из Петербурга в Михайловское. Тогда, судя по его письмам, в деревне была благодатная пора: стояли ясные, теплые дни красочной деревенской осени. А осенью Пушкин всегда ощущал прилив творческих сил и поэтического вдохновения. Но эта осень была исключением: работа, которой так долго собирался он заняться в спокойной обстановке, вдали от петербургской сутолоки, не ладилась с самого начала.

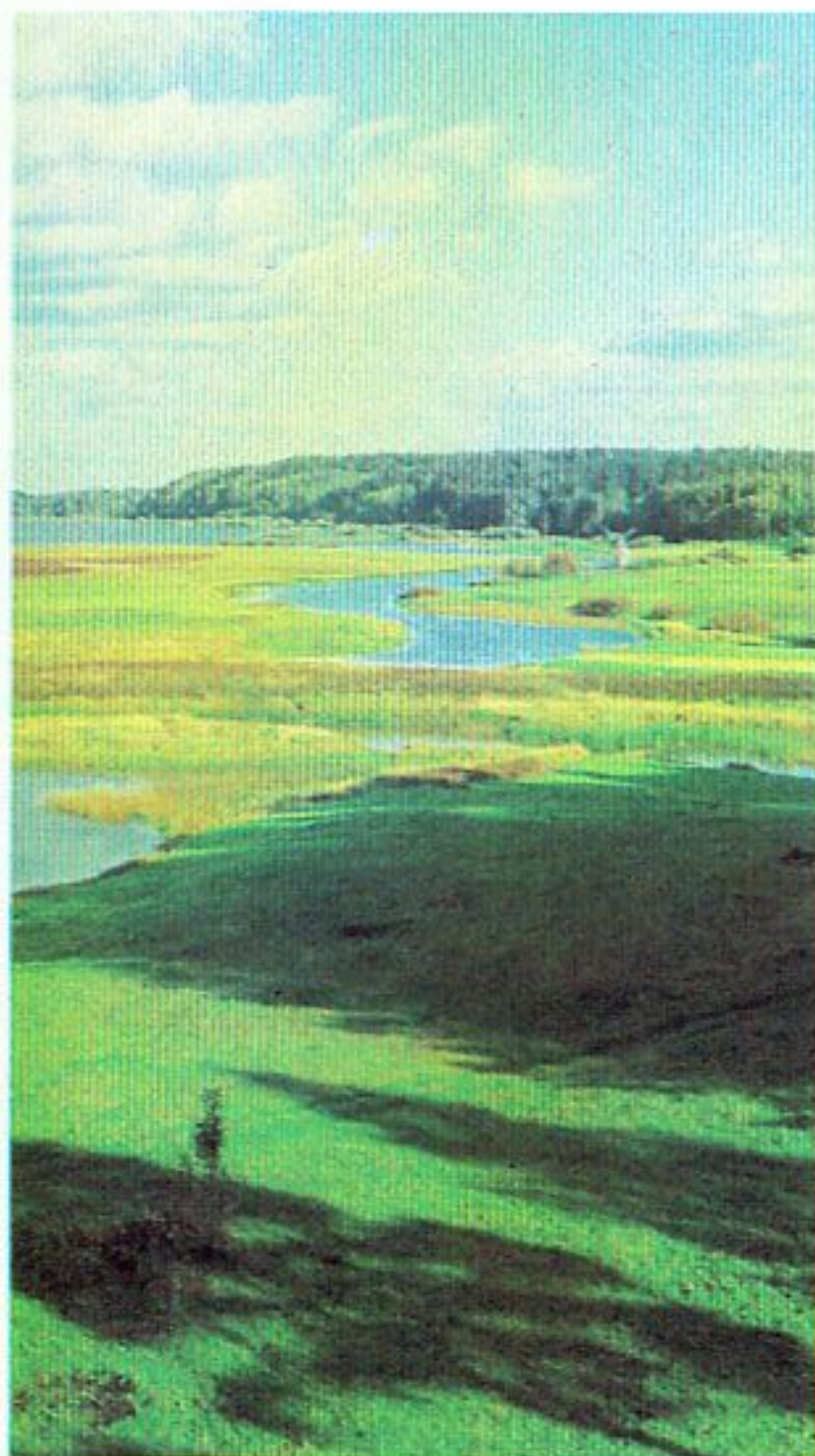
Уже в первом письме, через несколько дней после приезда в Михайловское, Пушкин сообщал Наталье Николаевне, что «писать не начал» и не знает, когда начнет.

Причину этой непонятной на первый взгляд творческой апатии Пушкин назвал сам в письме Плетневу: «Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен». И в деревне поэту не удалось избавиться от мучительных раздумий. «А о чем я думаю? – писал он жене из деревни. – Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода . . .» и все же Пушкин продолжал работать над «Сценами из рыцарских времен», «Египетскими ночами», вел переписку с друзьями, много читал. В этот приезд он создал проникнутое любовью к родному уголку стихотворение «Вновь я посетил». В последний раз Пушкин побывал в Михайловском в апреле 1836 года. Никогда еще поездка сюда не была для него столь печальной: он вез гроб с телом матери для захоронения в Святогорском монастыре. О нескольких днях, которые он провел здесь, почти ничего не известно.

Михайловское являлось для Пушкина безмерно дорогой частицей родного отечества, великим сыном которого он стал. Здесь он увидел народную жизнь, сельский быт, захватывающую красоту русской природы.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Река Сороть

МИХАЙЛОВСКИЕ РОЩИ

От Пушкинских гор к Михайловскому ведет четырехкилометровая дорога, которая на полпути раздваивается: прямая лента уходит дальше, к Тригорскому, а, свернув направо, можно попасть в старинную русскую деревню Бугрово (при Пушкине - Бугры).

Сразу за деревней стеной стоит лес - Михайловские рощи. Отсюда до усадьбы поэта в Михайловском дорога, часто и круто поворачивая, идет по красивому сосновому бору.

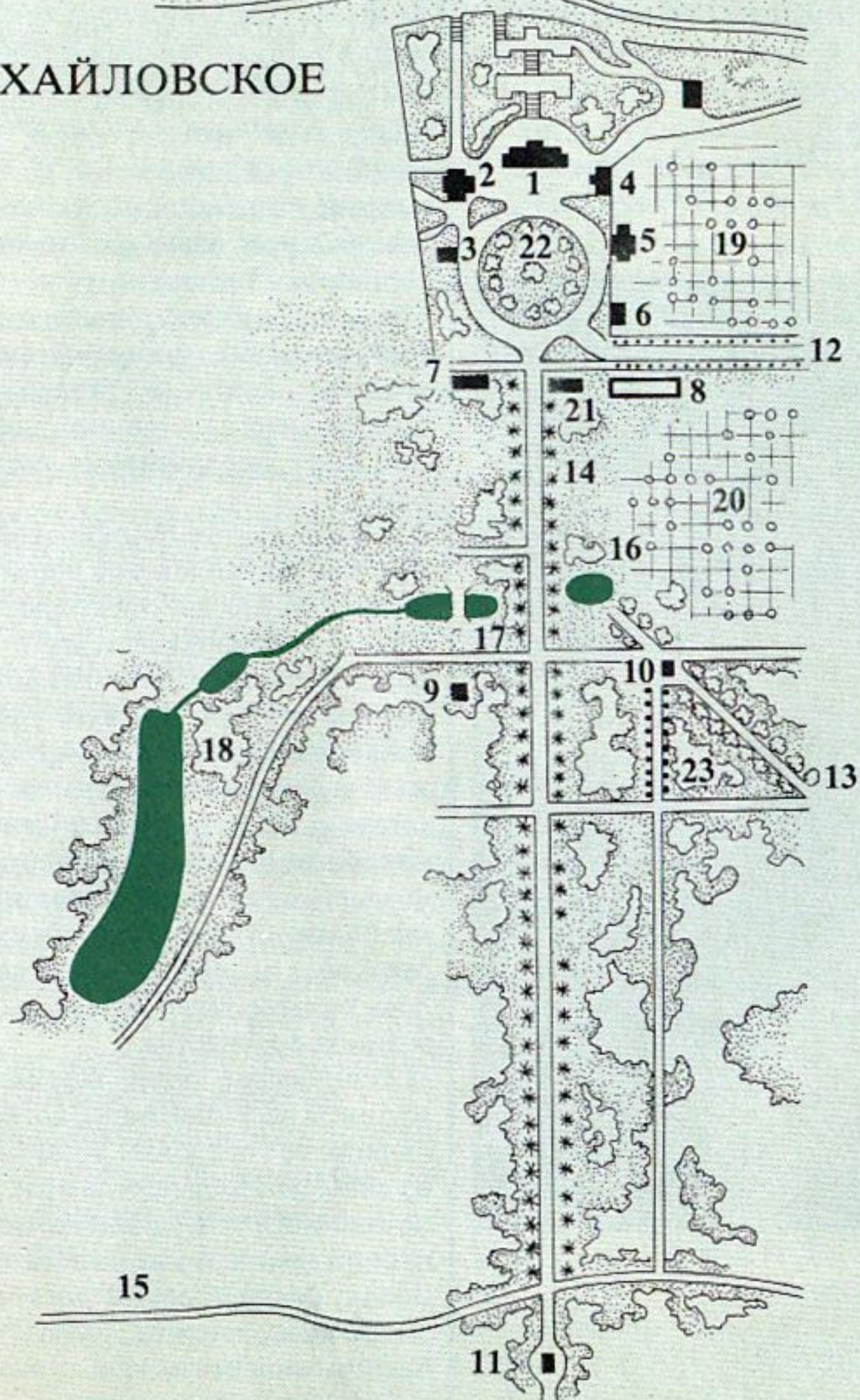
В разных местах Пушкинского заповедника Михайловские рощи неодинаковы по составу древесных пород. Там, где они примыкают к михайловскому парку и уступами спускаются к озеру *Маленец*, растут в основном вековые сосны особого вида - корабельные - стройные гладкоствольные гиганты до тридцати метров высотой, с небольшим вечнозеленым шатром на вершине. Это наиболее старая часть Михайловских рощ, и именно здесь сохранилось больше всего деревьев - современников Пушкина.

Михайловские рощи всегда полны жизни. С весенней поры, когда сюда, на родные гнездовья, возвращаются из дальних краев перелетные птицы, до осени в них слышен неумолчный птичий гомон. А уже на первом снегу можно увидеть следы лося, кабана, дикой козы, лисицы, белки, зайца. Весной многие лесные лужайки голубеют от подснежников.

р. Сорочь

МИХАЙЛОВСКОЕ

... Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
(«Евгений Онегин»)

Михайловские рощи навеяли Пушкину многие поэтические образы, вошли в его поэтический словарь. Они, со своим миром звуков и волшебных видений, часто были созвучны его настроению, то поэтически вдохновенному, то порой грустному.

Незадолго до гибели, осенью 1835 года, как бы подводя итог своим многочисленным поездкам в псковскую деревню, Пушкин писал:

1. Дом-музей А. С. Пушкина
2. Домик няни
3. Погреб
4. Кухня и людская
5. Дом управляющего имением
6. Дом приказчика
7. Амбар
8. Фундамент каретного сарая
9. Пушкинский грот
10. Пушкинская беседка
11. Семейная часовня Пушкиных
12. Цветочная аллея
13. «Аллея Керн»
14. Еловая аллея
15. Дорога к озеру Маленец и на Тригорское
16. Небольшой пруд у «Аллеи Керн»
17. Пруд с мостиком у грота
18. Ганнибаловский пруд
- 19-20. Фруктовый сад
21. Административное здание (научная часть заповедника)
22. Круг, на котором растут липы и вяз (в центре), посаженный сыном поэта Г. А. Пушкиным

В разны годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я...
(«Вновь я посетил»,
черновая редакция)

И сейчас, когдаходишь в заповедные Михайловские рощи, когда с каждым поворотом дороги открываешь новую пленительную их красоту, как бы ждешь встречи с самим Пушкиным, вспоминая его строки:

... Кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.
(«Вновь я посетил»)

УСАДЬБА

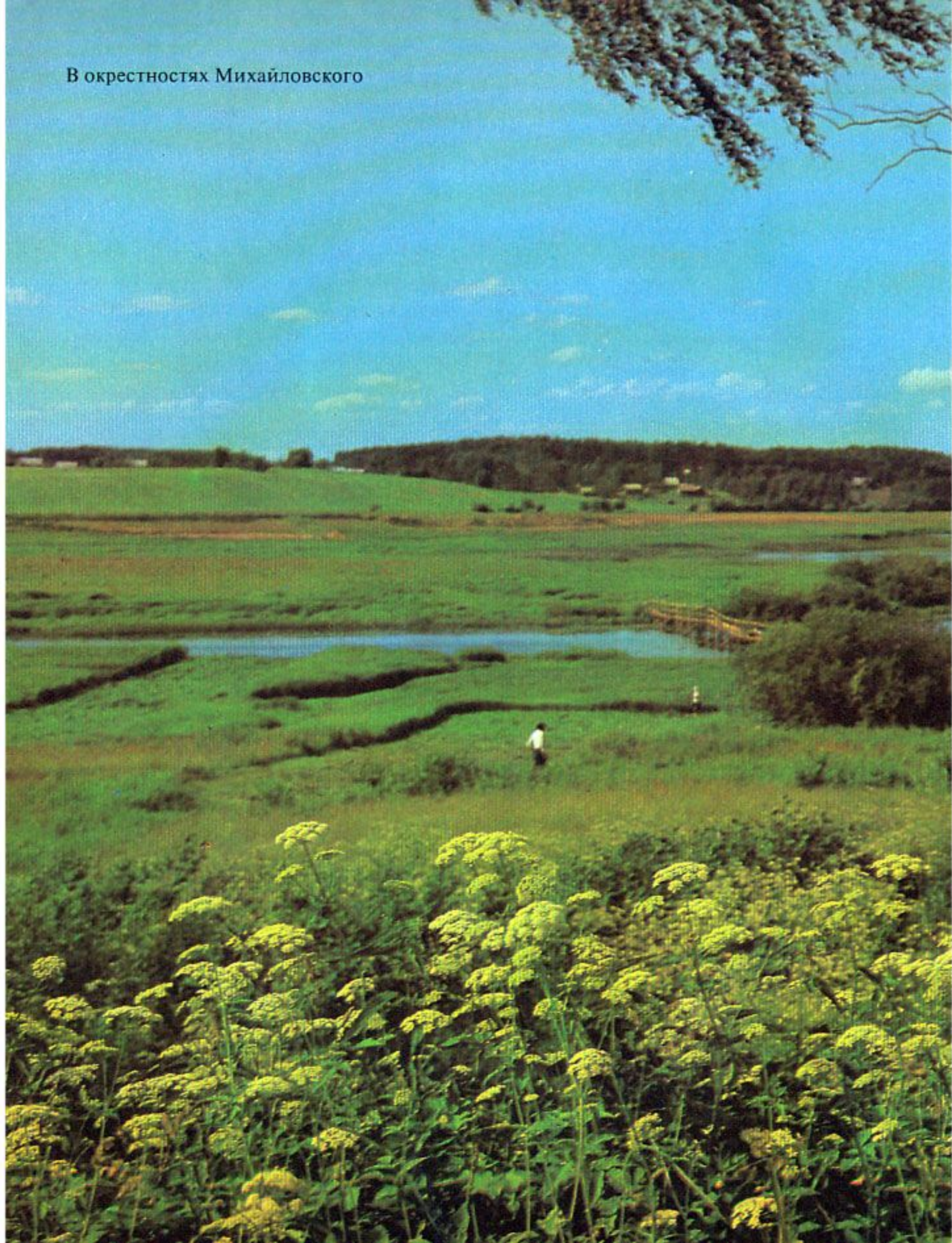
Усадьба поэта невелика, она была создана дедом Пушкина, Осипом Абрамовичем Ганнибалом, на небольшой территории, которая с севера ограничена крутым обрывом к реке Сороти, а с юга - Михайловскими рощами. В западной части усадьбы, от ее околицы к речке Сороти и озеру Маленец, простираются покосные луга. С восточной стороны примыкает широкая поляна, окаймленная с трех сторон сосновым бором и березовыми рощами, а с четвертой - группой полуторастолетних лип.

От этих лип по небольшому склону аллея ведет к пруду с перекинутым через него горбатым деревянным мостиком. Пруд окружен высокими серебристыми ивами.

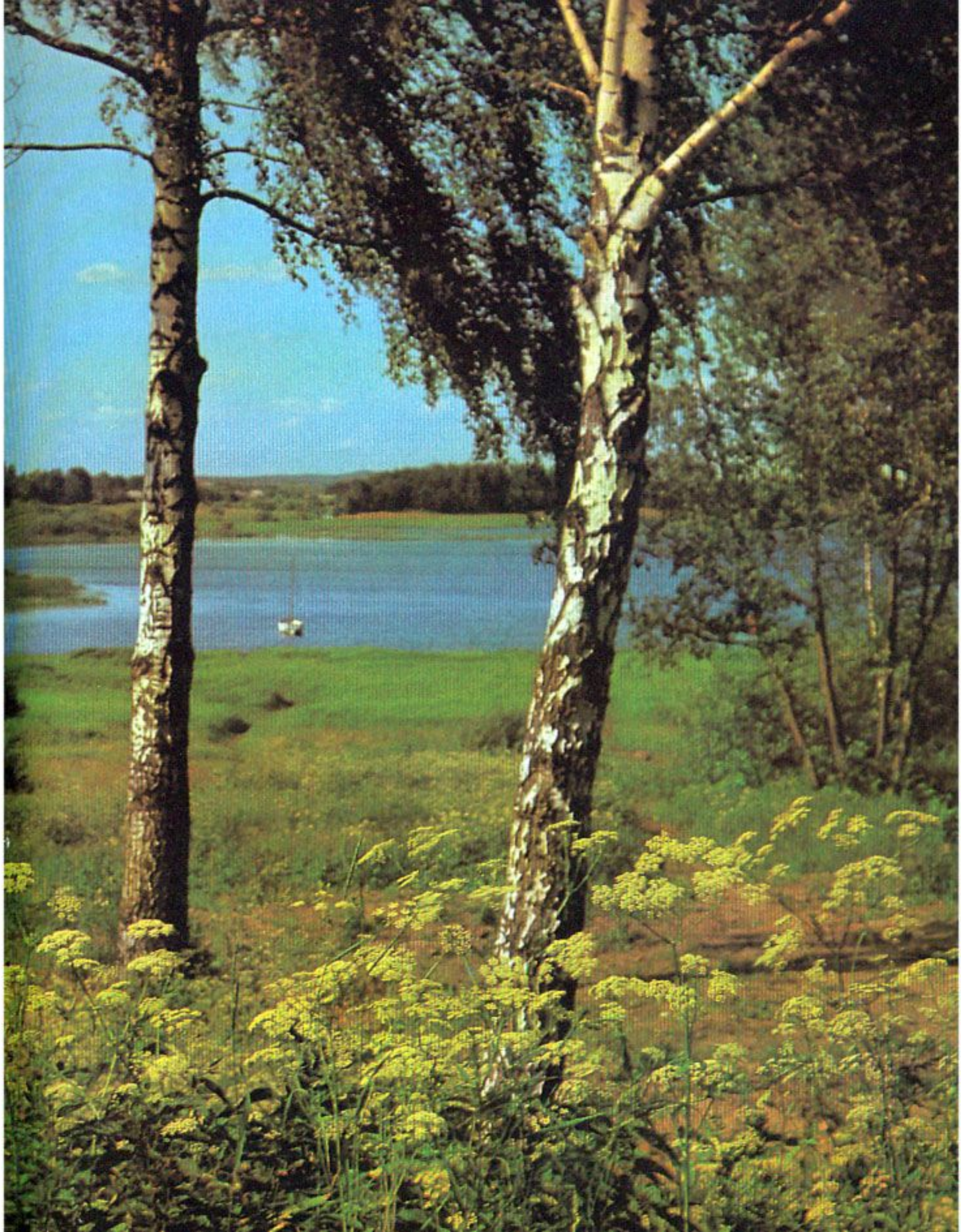
От усадьбы открывается неповторимый вид на окрестности. Здесь невольно вспоминаются пушкинские

В окрестностях Михайловского

Вид на усадьбу Ганнибалов-Пушкиных со стороны Сороти

строки, в которых угадывается этот пейзаж:

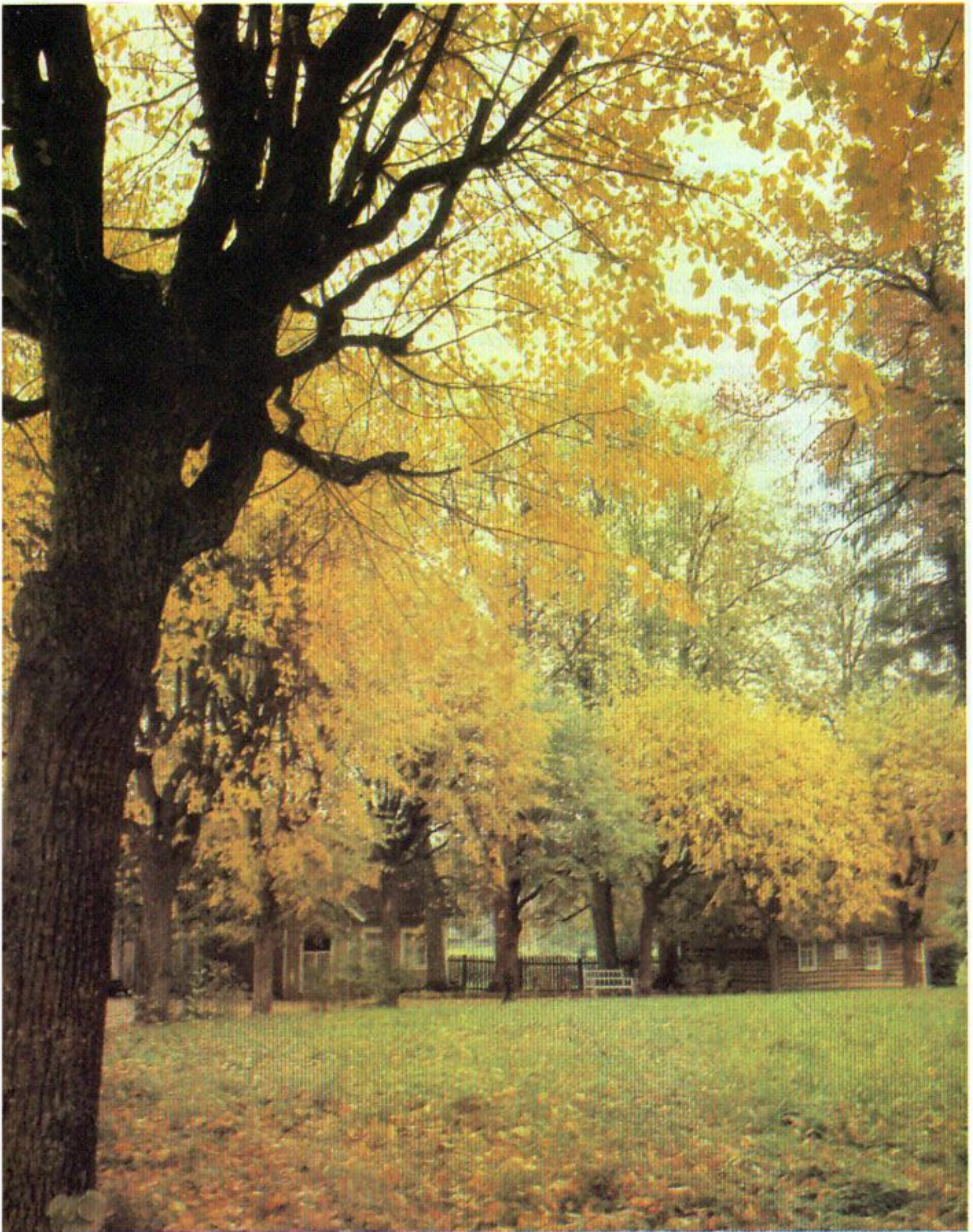
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада...
(«Деревня»)

Планировка усадьбы очень проста и удобна. В центре стоит господский дом (Дом-музей А. С. Пушкина). Перед входом по большому кругу растут двадцать шесть лип, а в центре –

мощный вяз. При Пушкине здесь были кусты сирени, жасмина и желтой акации. Эти изменения в планировке усадьбы произошли еще в прошлом веке: вяз посадил сын поэта в 1870-х годах, а липы появились в 1899 году – в 100-летнюю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина.

По обе стороны от господского дома расположены службы и хозяйственные постройки. Если смотреть со

стороны парка, то слева стоит *банька*, называемая теперь по традиции *домиком няни* – в память Арины Родионовны, няни Пушкина, которая жила в одной из комнаток бани. Еще левее – большой *погреб* с деревянной двускатной крышей. Кучер Пушкина Петр Парфенов, находившийся некоторое время вместе с поэтом в Михайловском, рассказывал, как Пушкин «с утра из пистолетов жарил в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то». Слева от погреба *амбар* – обыкновенная крестьянская постройка, типичная для Псковщины того времени. Он крыт соломой. Смотришь на него, и воскресает в памяти пушкинский поэтический образ:

... То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит...

(«Зимний вечер»)

По другую сторону господского дома расположен флигель – бывшая *кухня и людская*. Правее – еще два флигеля – *дом управляющего именем и дом приказчика*. За флигелями начинается *фруктовый сад*.

Скромная усадьба в Михайловском была дорога Пушкину прежде всего как место его творческого вдохновения. Это чувство выражено в стихотворении «Домовому»:

... Люби мой малый сад и берег
сонных вод,

И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным
забором!

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновенью.

ДОМ-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Господский дом Пушкиных стоит на краю крутого холма; обращен южным фасадом к парку, северным – к реке Сороти и живописным окрестностям. Описание этого дома и его месторасположения угадывается в строках «Евгения Онегина»:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам...

Построенный дедом поэта в конце XVIII века, был он небольшим, скромным по сравнению с имениями помещиков-соседей. Поэт в стихотворении «Домовому» называет его «скромная семья моей обитель», а в одном из писем брату – «михайловской избой».

К периоду михайловской ссылки поэта дом обветшал: родители Пушкина, непрактичные хозяева, не присматривали за ним, вовремя не ремонтировали, бывая здесь только наездами в летнее время.

Сын поэта Г. А. Пушкин, перестраивая дом, сохранил, однако, старый фундамент, и это вместе с другими документами помогло потом, в 1949 году, восстановить дом в том виде, какой он имел при А. С. Пушкине. Сейчас в доме находится музей, экспозиция которого посвящена жизни и творчеству великого русского поэта в псковской деревне.

В **передней** представлены план владений Ганнибалов 1786 года, литография сельца Михайловского 1837 года, а также фотографии и пушкинские автографы (в копиях), рассказывающие об истории пушкинской усадьбы со времени ее основания до наших дней, о первых приездах сюда Пушкина в 1817 и 1819 годах, о пребывании поэта в михайловской ссылке. Из передней двери направо ведут в кабинет Пушкина, налево – в комнату няни.

Комната няни. Комнату эту отвели в барском доме Арине Родионовне, когда родители поэта уезжали из Михайловского, оставляя здесь ссыльного старшего сына на ее попечение. Сюда собирались дворовые девушки Михайловского для занятий рукоделием и мелким ремеслом. Руководила этими работами Арина Родионовна.

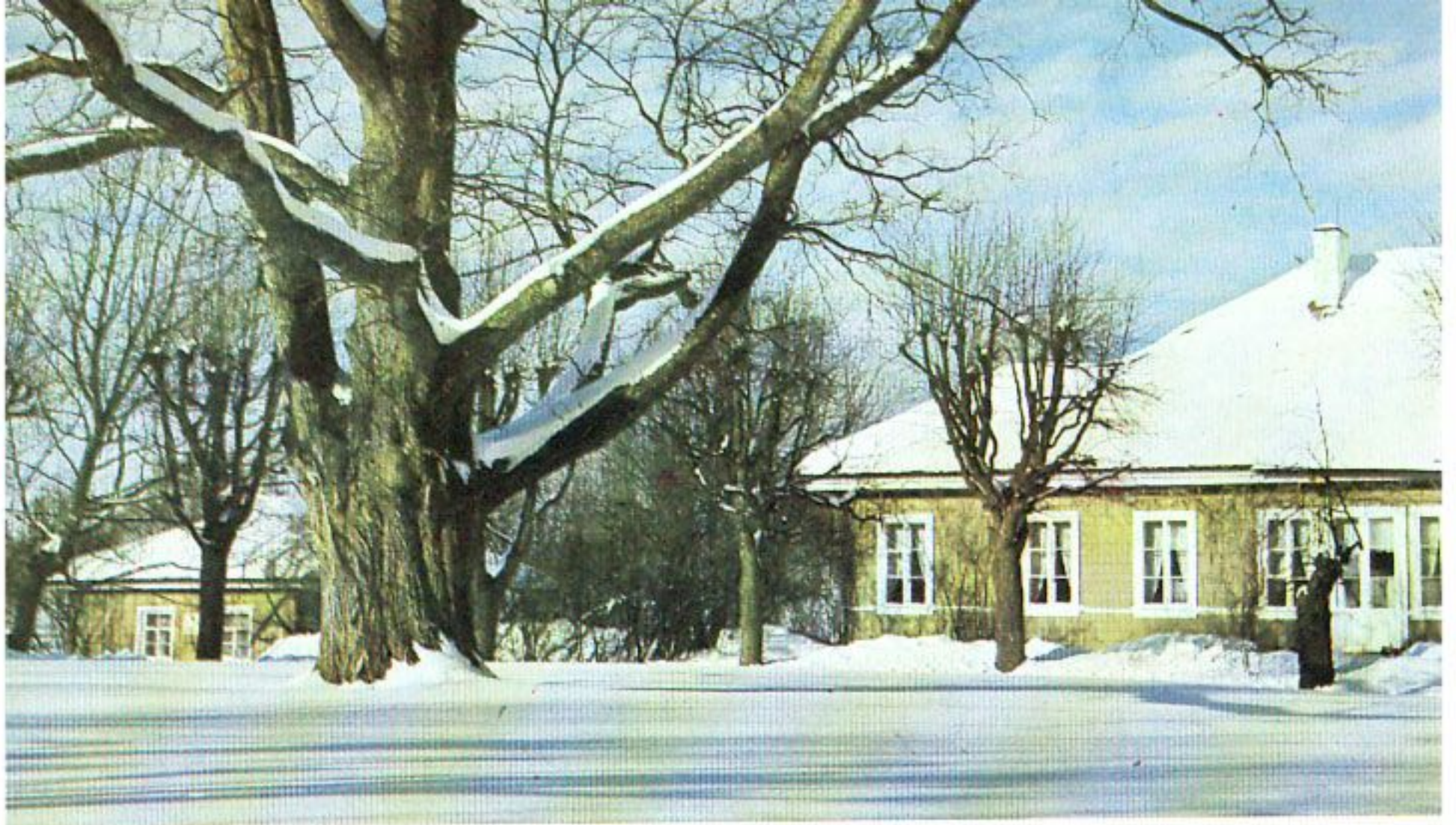
В наше время комната няни воссоздана в мемориально-бытовом плане. Вдоль одной стены тянется длинная и широкая деревянная лавка, на которой в ряд поставлены старинные прялки с куделью и веретенами, коклюшки для плетения кружев. Тут же сохранившиеся образцы рукоделия. Убранство комнаты просто. Мебель старинная, пушкинского времени.

Комната родителей. Рядом с комнатой няни расположена комната, которую занимали родители Пушкина во время своих приездов в деревню. Размещенная здесь экспозиция рассказывает о пребывании поэта в ссылке: о круге его чтения и переписки, о приездах к нему друзей, о рабо-

те над «Цыганами», «Борисом Годуновым», циклом лирических стихотворений и эпиграмм. Среди изобразительных материалов, представленных в экспозиции, – копия известной картины Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в Михайловском», портреты Н. М. Языкова, И. И. Пущина, А. А. Дельвига, А. М. Горчакова, с которыми поэт здесь встречался, а также портреты некоторых из тех его приятелей и знакомых, с кем он находился в переписке и к кому навещался в гости в их имения, расположенные по соседству с Михайловским. Тут же портреты Пушкина – тропининский (копия) и работы неизвестного художника первой трети XIX века. Особый интерес представляют помещенные в витрине редкая миниатюра с изображением матери поэта, Н. О. Пушкиной, выполненная неизвестным художником на пластинке из слоновой кости, а также рисунок сестры поэта Ольги Сергеевны, присланный ею отцу, Сергею Львовичу, в Михайловское в 1833 году.

Гостиная. К комнате родителей примыкает гостиная, или зальце, которая делит весь дом на две половины. Через нее можно пройти в переднюю, на балкон с четырьмя деревянными колоннами и к заднему крыльцу дома. Ссылный поэт, стремясь отвадить докучавших ему соседей-помещиков, как и его герой Онегин, частенько с этого крыльца отправлялся из дома, когда к его парадному крыльцу подъезжали непростые гости.

А как отвадил Онегин своих соседей,
мы хорошо помним:

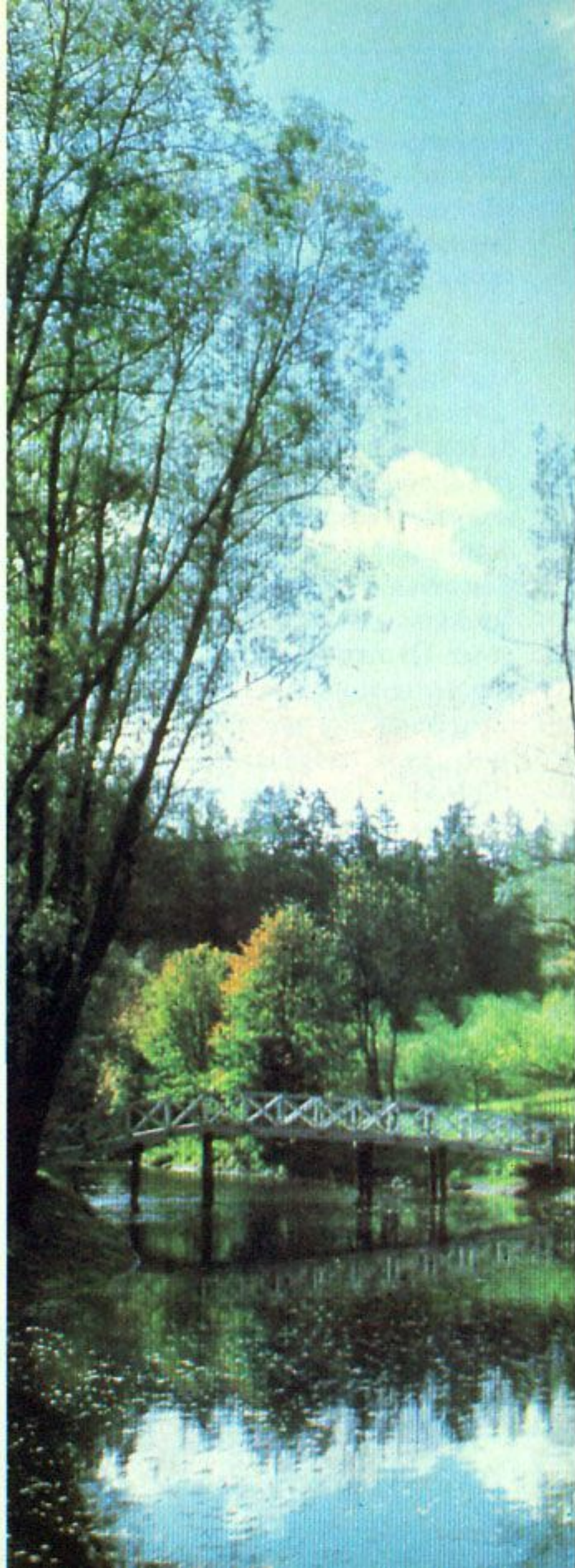
Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги, –
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.

В гостиной воссоздана обстановка
пушкинского времени. На стенах –
бра, между ними – портреты предков
и родственников Пушкина. В углу

Михайловское зимой

В саду

«Пруд с серебристыми
ивами»

стоит высокий изразцовый камин. Обстановка зальца очень напоминает ту, о которой Пушкин писал в черновых строках второй главы «Евгения Онегина»:

В гостиной штофные обои,
Портреты дедов на стенах¹,
И печи в пестрых изразцах.

Здесь же стоит бильярд старинного типа, помещенный сюда в 1977 году вместо пушкинского, сгоревшего при пожаре дома в 1908 году.

Столовая. За гостиной находится большая комната, которая служила в доме Пушкиных столовой. Литературная экспозиция рассказывает о работе Пушкина над поэмой «Граф Нулин», над «деревенскими» главами «Евгения Онегина», «Запиской о народном воспитании» и рядом других произведений. Здесь освещается также тема «Пушкин и декабристы». Отдельные разделы посвящены приездам поэта в псковскую деревню в 1826, 1827 и 1835 годах. Представлены первые издания глав романа «Евгений Онегин», написанных в Михайловском.

В этой комнате висят портрет Пушкина работы художника О. А. Кипренского (копия), «Пушкин на лесистом холме» работы неизвестного художника первой половины XIX века.

На деревянном постаменте стоит большой кусок соснового дерева. Он от одной из трех сосен, которые во-

спеты Пушкиным в стихотворении «Вновь я посетил».

Рядом стоит витрина, в которой хранятся четыре бильярдных шара от пушкинского бильярда. Там же помещены и другие мемориальные вещи: бильярдный кий, полочка для киев, несколько предметов посуды, кофейная чашечка с блюдцем отца поэта, С. Л. Пушкина. Здесь же находится ручка от кареты Пушкина, сгоревшей в 1908 году, и небольшой самоварчик из Михайловского.

Кабинет поэта. К столовой примыкает кабинет Пушкина. В нем воспроизведена обстановка, которая была здесь при жизни поэта в период михайловской ссылки. Это сделано на основании различных документов пушкинского времени, воспоминаний современников поэта, гостивших у него. Вот каким представляется кабинет Пушкина по воспоминаниям современников.

«Комната Александра, – писал И. И. Пущин, – была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами и проч. и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах).

Вход к нему прямо из коридора».

Е. И. Осипова (в замужестве Фок) свидетельствовала: «Я сама, еще де-

¹ Слова «Портреты дедов на стенах» – примечание к стиху 7 в черновом варианте.

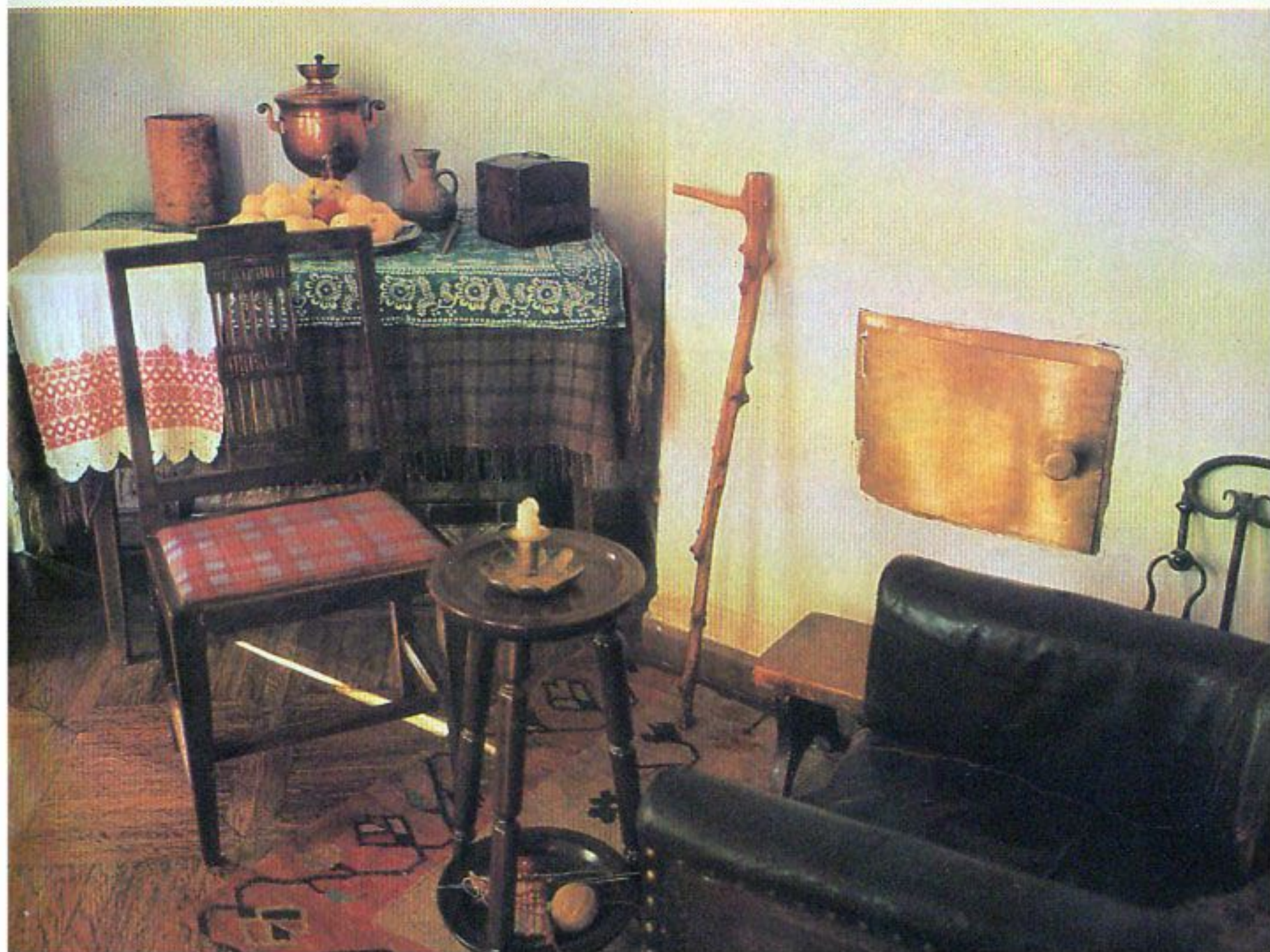

вочкой, не раз бывала у него в имении и видела комнату, где он писал... Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободраный: на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки». Ее сестра, М. И. Осипова, рассказывала: «Вся обстановка комнаток Михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна, комнате, где был рабочий кабинет А. С-ча,

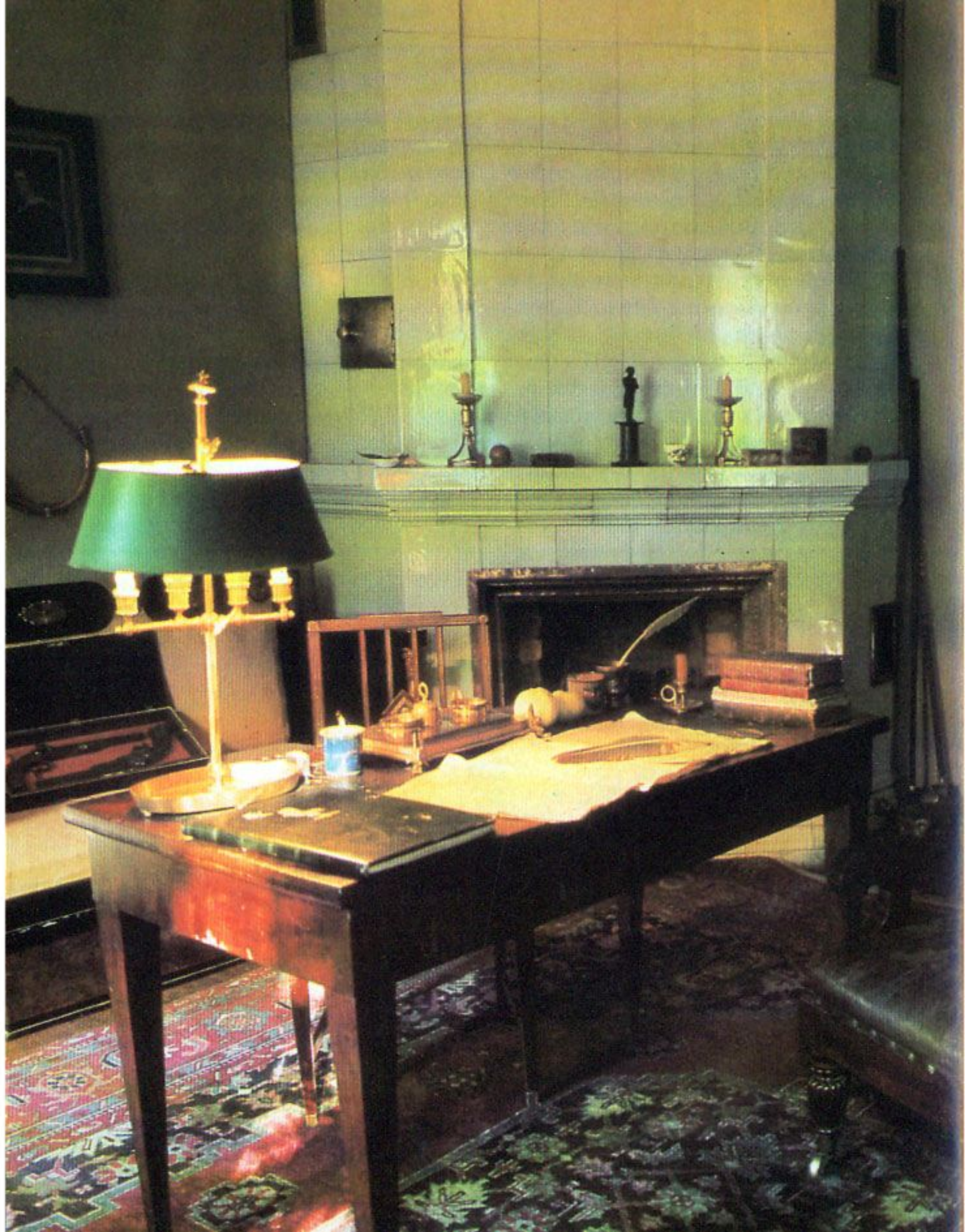
стояла самая простая, деревянная сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено. Некрашенный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты...»

Таким же скромным и непритязательным по обстановке выглядит кабинет поэта и сейчас. В центре небольшой комнаты стоит письменный стол, покрытый зеленым сукном. На нем лежат стопки книг, листы, исписанные стремительным почерком гениального поэта. Рядом с подсвечником на четыре рожка

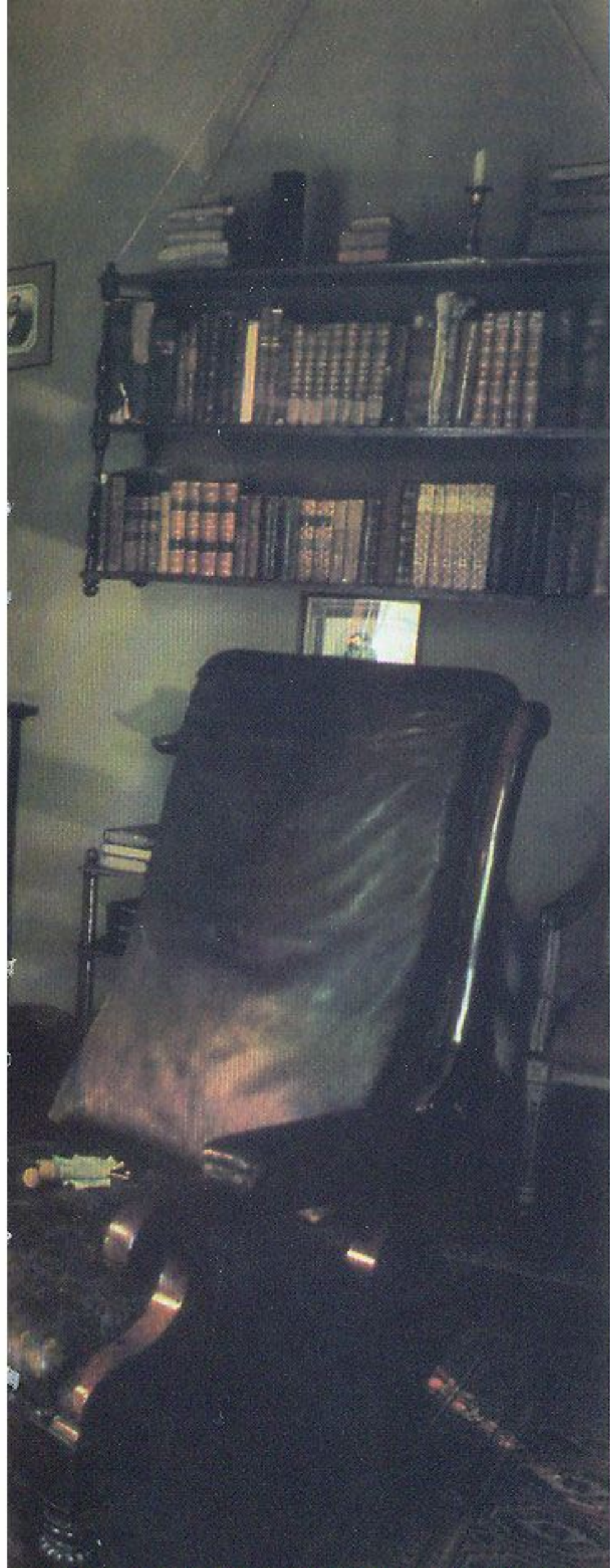
Комната няни

лежат ножницы для снятия нагара со свечей, в металлическом стакане – гусиные перья, рядом с чернильницей – песочница. Между окнами стоит книжный шкаф, а на противоположной стороне висит полочка, заставленная книгами – дубликатами тех, которыми пользовался поэт. Среди них – «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Трагедии» Альфиери Витторио, альманахи и другие издания, имевшиеся в личной библиотеке поэта. Пожалуй, книги были в этом скромном жилище единственным богатством. «Книг, ради бога, книг!» – просил поэт в одном из писем к брату. С этими неизменными просьбами он обращался к брату и многим своим друзьям и знакомым чуть ли не в каждом письме из михайловского заточения.

В кабинете поэта напротив письменного стола, у стены, стоит диван, у противоположной стены – деревянная кровать с пологом. Рядом с диваном, в углу, туалетный столик с овальным зеркалом и болванкой для шляпы, в другом углу, у камина, – курительные трубки с чубуками. На полу большой, почти во всю комнату, ковер. Все это или копии пушкинских вещей, или вещи того времени, типичные для дворянского быта. Из подлинных пушкинских вещей в кабинете поэта хранятся железная трость, напольная книжная этажерка, портрет великого английского поэта Байрона, подножная скамеечка Анны Петровны Керн (на этой скамеечке поэт не раз сидел, бывая в

гостях у Анны Петровны в ее петербургской квартире), серебряный подсвечник с набором.

Железную трость Пушкин часто брал, отправляясь на прогулку по окрестностям Михайловского.

На диване в кабинете поэта лежат два пистолета – точно такие же, как тот, из которого он упражнялся в стрельбе. Рядом старинный манежный хлыст для верховой езды – такой же был у Пушкина, много ездившего по окрестностям верхом на «вороном аргамаке».

У письменного стола стоит старинное кожаное кресло с высокой спинкой. Это кресло из собрания тригорских вещей было подарено Дому-музею А. С. Пушкина весной 1964 года родственниками Осиповых-Вульф.

Над диваном на стене висит на металлической цепочке старинный медный охотничий рог: такой рог был подарен ссыльному поэту одним из соседей-помещиков, о чем свидетельствовала А. П. Керн.

В левом, противоположном от окон, углу кабинета стоит камин, облицованный белыми изразцами. В камине на металлической решетке-поддувале лежат каминные щипцы с длинными ручками и горка погасших углей. Кажется, будто только сейчас опальный поэт писал здесь строки:

Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

(«19 Октября»)

На выступах камина, рядом с расшитыми цветным бисером табакеркой и шкатулкой, – небольшая фигурка Наполеона со сложенными крест-накрест руками и нахмуренным лицом. Скульптурка французского императора была почти обязательной принадлежностью кабинета либерально настроенного молодого дворянина того времени. Ее упоминал Пушкин в описании деревенского кабинета Онегина, во многом, несомненно, «списанного» с кабинета в Михайловском:

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И все ей кажется бесценным,
Все душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

ДОМИК НЯНИ

В нескольких шагах от господского дома стоит небольшое строение – *домик няни* – деревянная, крытая тесом изба. Внутри домик разделен коридором на две половины.

Двери направо ведут в комнату-баньку, налево – в светелку Арины Родионовны. В правой комнате воссоздана обстановка крестьянской баньки того времени.

Прямо напротив баньки, через коридорчик, вход в светелку Арины Ро-

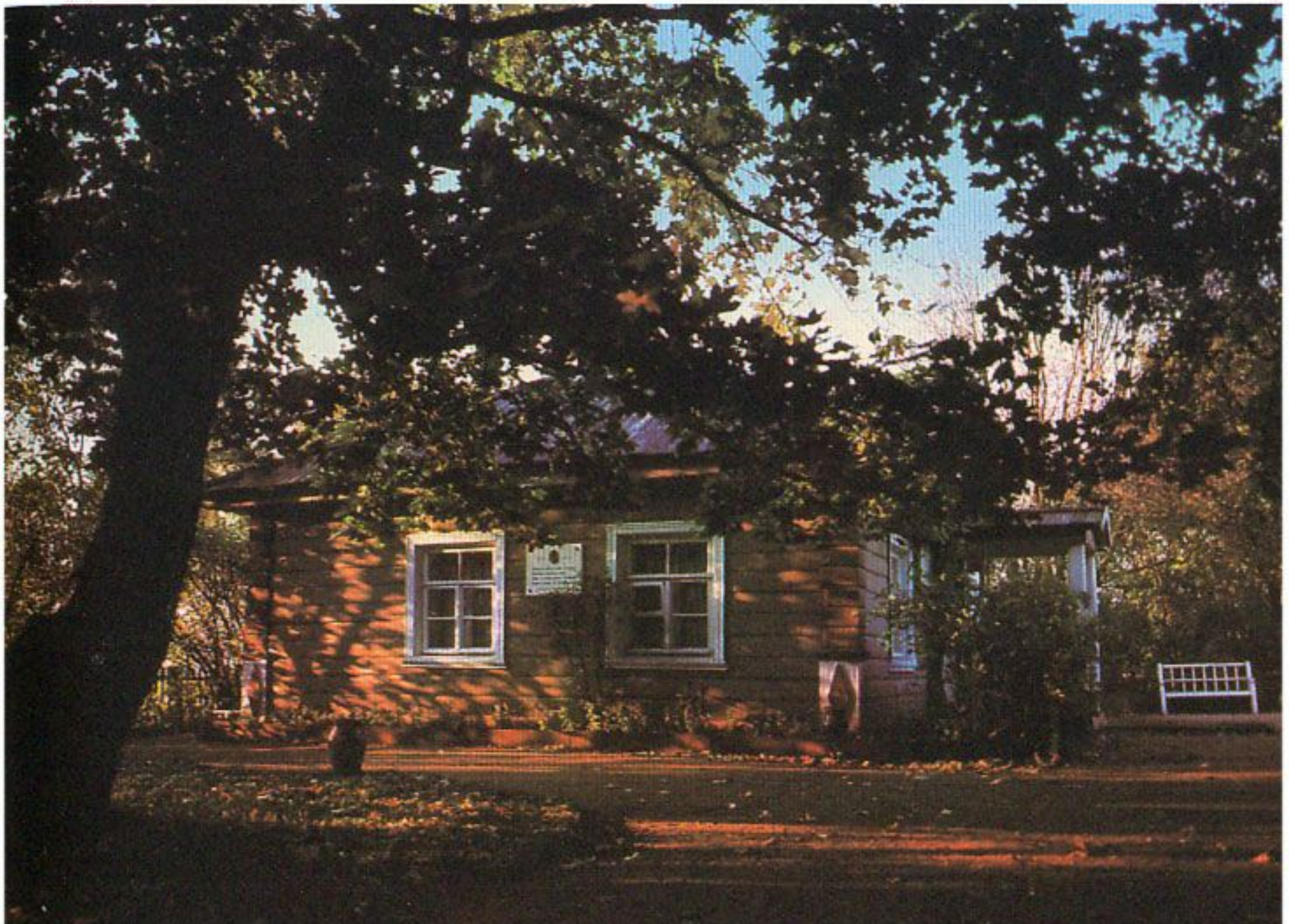

дионовны. Это комната в три окна. В правом углу ее стоит русская печь с железной заслонкой и чугунной вьюшкой. К ней примыкает лежанка с деревянной приступкой и холщовым пологом местной крестьянской работы. Рядом с печью – большой деревянный сундук, по другую сторону – маленький столик, на котором старинный медный самовар, несколько блюдец и чашек того времени, оловянная кружка. Тут же дорожный погребец из карельской березы для хранения чая и сахара. В светелке стоят также столешницы,

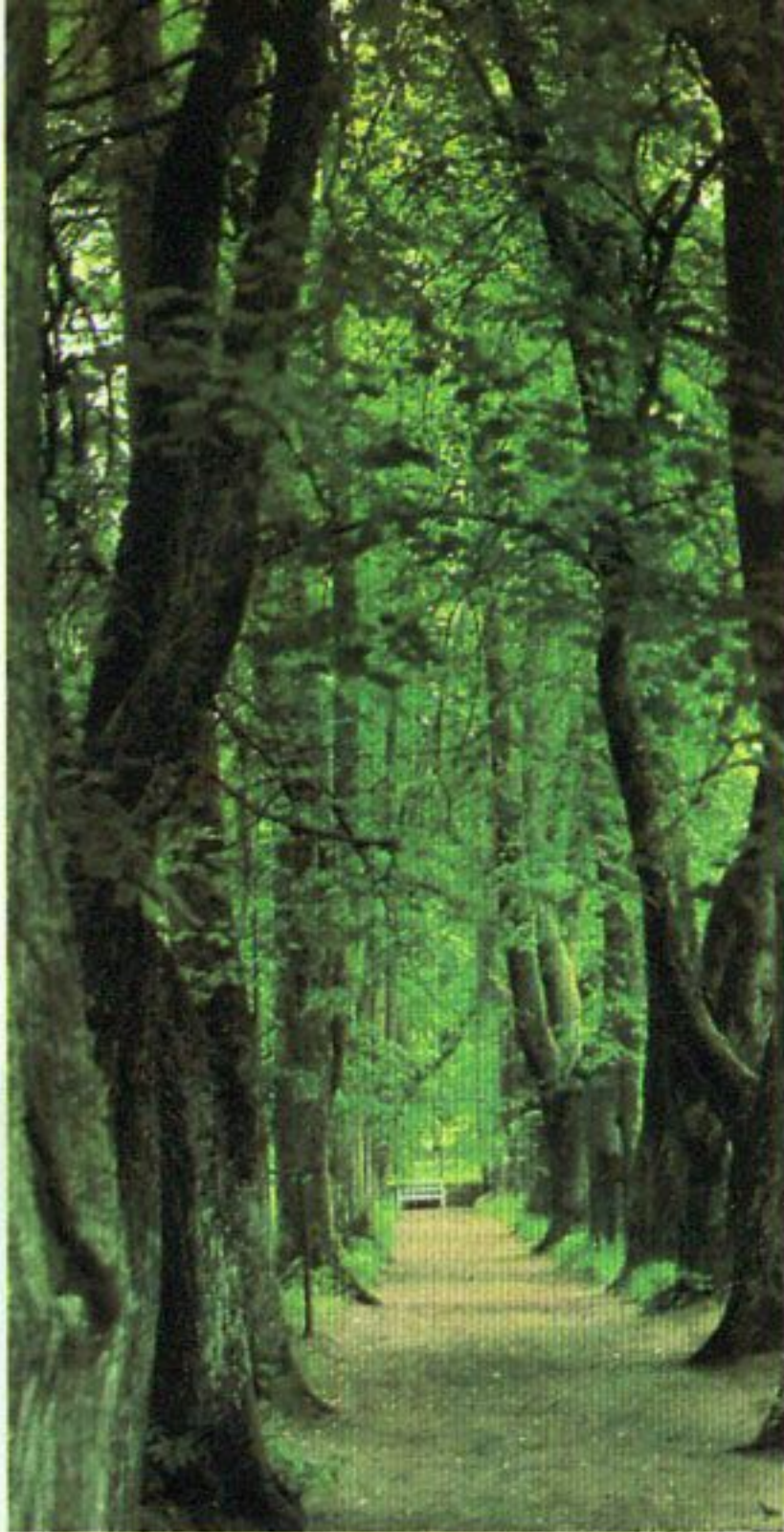
железный светец для лучины, подсвечники, вдоль двух стен (под окнами) – широкие деревянные лавки, на одной из них – старинная псковская прялка с куделью и веретеном. Около лавок – стол и деревянный диванчик.

У стены напротив входа в светелку – потемневший от времени крестьянский комодик, а на нем – раскрытый четырехугольный ящичек из дуба, отделанный красным деревом. Эта шкатулка – единственная дошедшая до нас подлинная вещь Арины Родионовны. Видимо, она служила

Домик няни

«Аллея Керн»

копилкой: на верхней крышке маленькое отверстие для монет. Об этом говорит и надпись на пожелтевшем от времени клочке бумаги, приклеенном с внутренней стороны верхней крышки: «Для черного дня. Зделан сей ящик 1826 года июля 15 дня». Обстановка светелки помогает ближе познакомиться с жизнью верного друга поэта в пору михайловской ссылки – его няни Арины Родионовны.

Являясь олицетворением лучших черт русской крестьянской женщи-

ны, она была талантливой поэтессой-сказительницей, и ее волшебные сказки поразили воображение Пушкина еще в детском возрасте.

Пушкин называл Арину Родионовну «оригиналом няни Татьяны» из романа «Евгений Онегин».

Сестра поэта Ольга Сергеевна свидетельствует, что «была она настоящая представительница русских нянь: мастерски говорила сказки, знала народные поверия и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском».

Пушкин до конца своей жизни пронес в своей душе, в своей поэзии обаятельный образ этой простой русской женщины. Незадолго до гибели, приехав в Михайловское в 1835 году, он вспоминает умершую «голубку». «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей», – писал он отсюда своей жене. А в стихотворении «Вновь я посетил», созданном в тот период, он с грустью писал:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моею.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
И вечером при завываньи бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет – но все приятных
сердцу,
Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья.

(Черновая редакция)

Черты облика и характера няни в той или иной мере нашли отражение в ряде пушкинских произведений:

«Дубровский», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Русалка». Поэт воспел ее и в нескольких лирических стихотворениях.

МИХАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Михайловский парк, созданный при основании усадьбы дедом Пушкина О. А. Ганнибалом по тогдашним образцам садово-паркового искусства, хорошо сохранился до настоящего времени.

Ганнибаловский пруд

Он разделен на две половины, восточную и западную, центральной подъездной *аллеей* – *Еловой*, которая начинается от декоративной круглой клумбы у господского дома. В этой части парка вблизи от дома стоят огромные тридцатиметровые ели-великанши, которым уже за двести лет. Под их густой сенью невольно вспоминаются слова поэта о родном парке:

... И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

(«Евгений Онегин»)

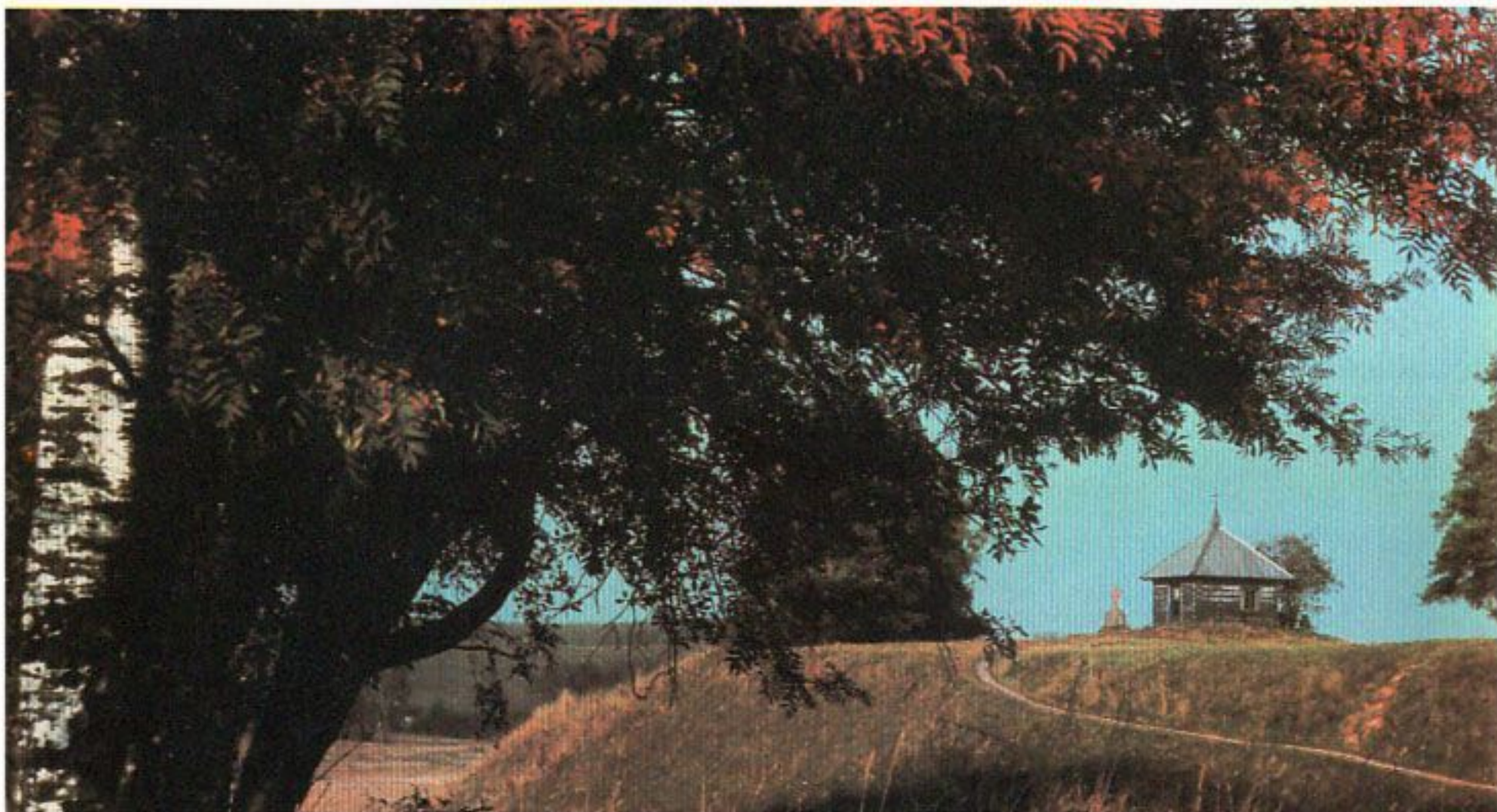

Между елями-гигантами стоят молодые пышные елочки. Они посажены после Великой Отечественной войны взамен уничтоженных гитлеровцами.

В 1956 году в Еловой аллее были

Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум...

Направо от Еловой аллеи узкая аллея тянется мимо пруда с перекинутым через него мостиком к ста-

Савкина горка

произведены посадки, и теперь она имеет ту же протяженность, что и в пушкинское время, – двести пятьдесят метров. На противоположном от усадьбы конце аллея замыкается невысоким холмиком, на котором стоит *фамильная часовня Пушкиных*, восстановленная в 1979 году.

Может быть, с ней связан поэтический образ в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», написанном Пушкиным здесь, в Михайловском:

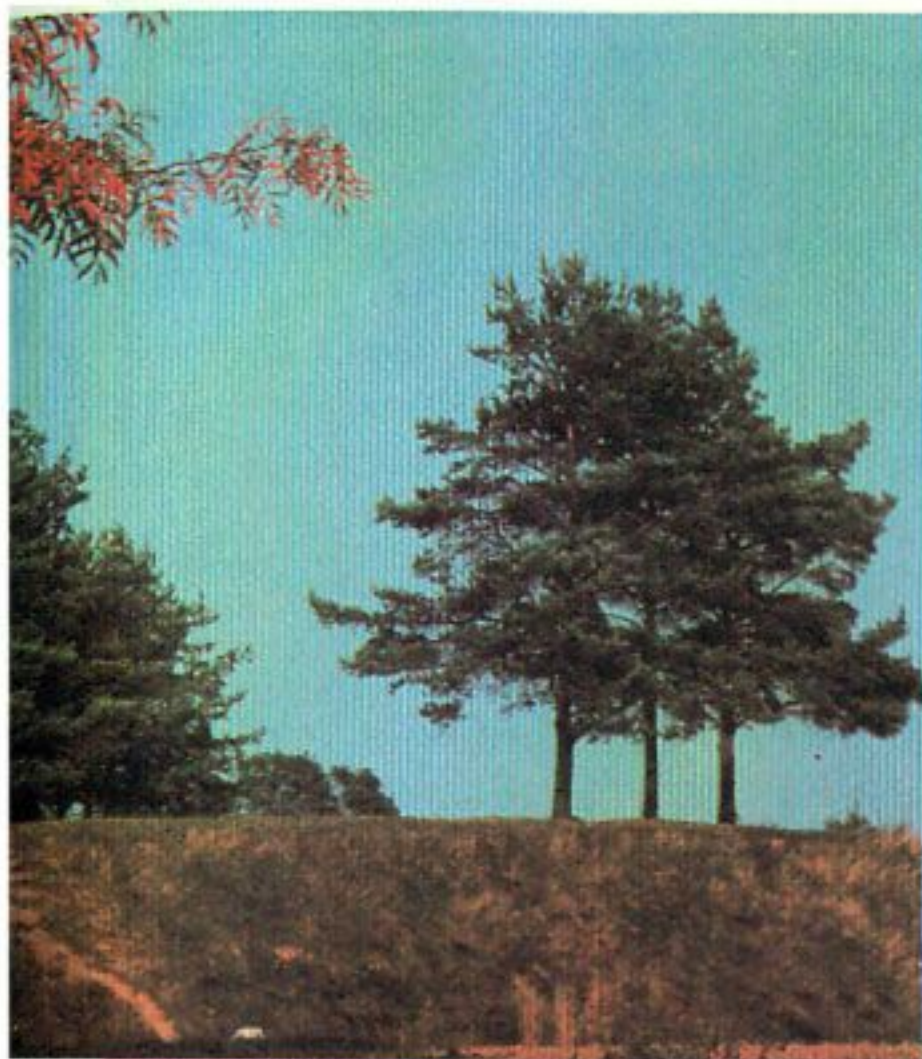
рому *Ганнибаловскому пруду*, одному из самых живописных уголков Михайловского парка.

У самой аллея, которая ведет от Еловой аллеи к Ганнибаловскому пруду, стоит *Пушкинский грот*.

Пушкинский грот, одна из затей Михайловского парка, исчез много десятилетий назад. И вот весной 1981 года он вновь восстановлен на основе проведенных здесь раскопок и найденных документов и свиде-

тельств. Вид грота невольно воскрешает в памяти пушкинские строки «Из Ариостова «Orlando Furioso», написанные поэтом в 1826 году, в конце ссылки, и обращенные к родному Михайловскому:

«Цветы, луга, ручей живой,
Счастливы грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени...

.....
Чем, бедный, вас я награжу?»

По левую сторону Еловой аллеи в глубине парка расположена деревянная шестигранная *Пушкинская беседка* с невысоким шпилем, воссозданная на месте такой же беседки пушкинского времени. От нее радиально расходятся четыре аллейки. Среди них – березовая (восстановлена в

1954 году), которая ведет к *небольшому пруду*, заросшему ряской. От пруда начинается одна из красивейших аллей парка – липовая, за ней закрепилось название «*Аллея Керн*», связанное с посещением Михайловского в июне 1825 года Анной Петровной Керн, которая гостила тогда в Тригорском.

Эта встреча с А. П. Керн оставила в сердце Пушкина глубокое, яркое чувство. 21 июля 1825 года он писал в Ригу А. Н. Вульф (подлинник на французском языке): «Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь – камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов – все это, если хотите, очень похоже на любовь...» А через четыре дня он написал самой А. П. Керн: «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, – это стараться не думать больше о вас». Но поэт не мог не думать о ней, и последующие его письма А. П. Керн были наполнены тем же сильным, мучительным чувством. Они оставались друзьями до самой смерти Пушкина.

От «Аллеи Керн» можно пройти к «Острову уединения». Это небольшой островок посреди круглого пруда, осененный группой сосен, берез и лип. По преданию, Пушкин любил бывать в этом укромном уголке парка.

От северного фасада Дома-музея парк спускается к реке Сороти. Почти от самого заднего крыльца дома к реке ведет широкая деревянная лестница, обрамленная с обеих сторон кустами жасмина и сирени.

Если отсюда смотреть в сторону ветряной мельницы, то в небольшом отдалении за нею хорошо видна Савкина горка – одно из интереснейших мест Пушкинского заповедника.

САВКИНО

Сельцо *Савкино*, принадлежавшее мелкопоместным дворянам братьям Затеплинским, Пушкин задумал купить в 1831 году. Он обратился с просьбой к П. А. Осиповой выступить в роли посредницы: «... Я попросил бы Вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году». К сожалению, планы эти не осуществились.

Рядом с деревенькой высится правильной круглой формы холм с почти отвесными склонами и ровной площадкой на вершине. Это *Савкина горка* – древнее городище, остатки небольшой древнерусской крепости, один из замечательных исторических памятников Пушкинского заповедника.

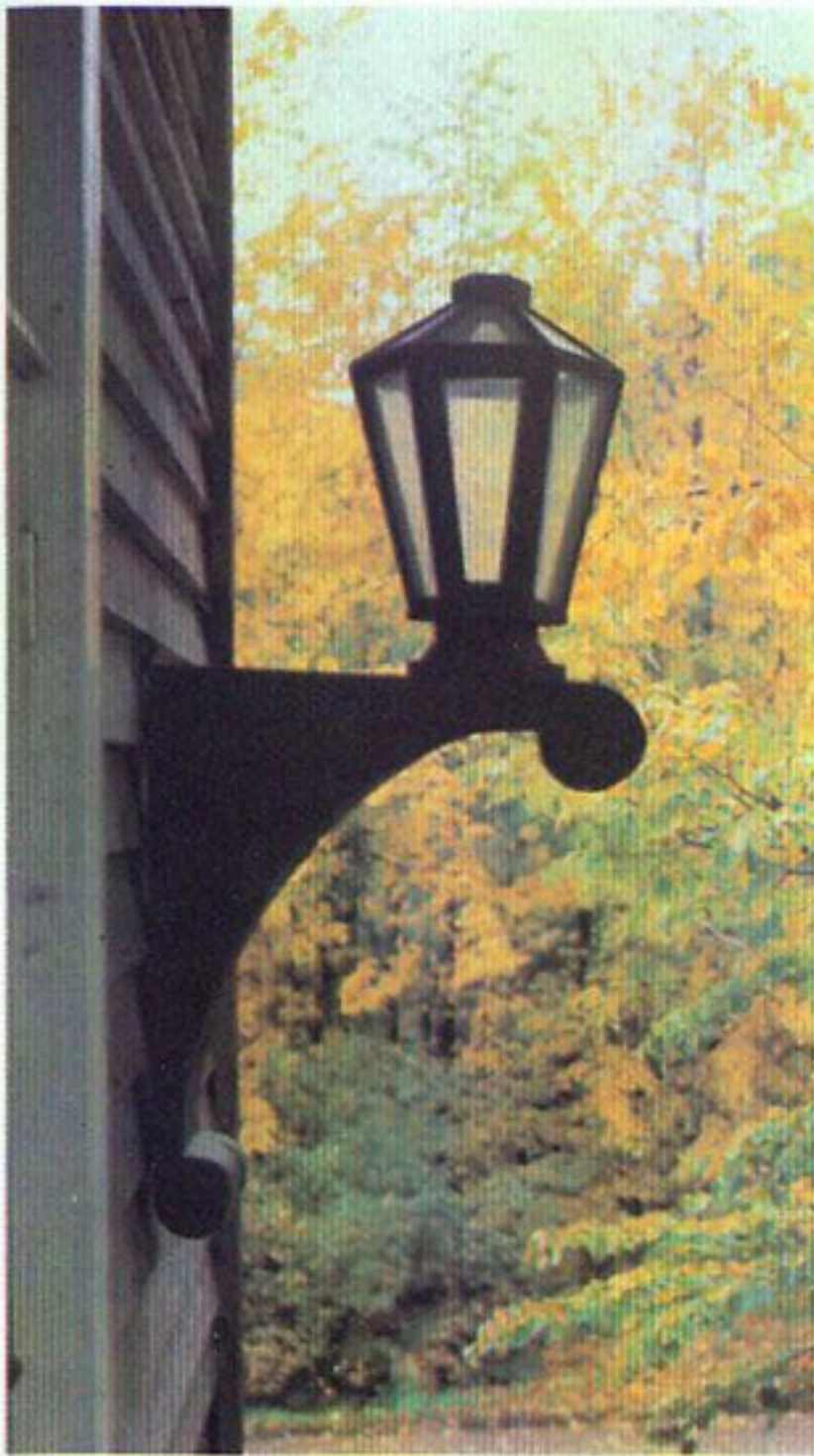
До начала XX века на Савкиной горке стояла очень старая деревянная часовня. Она разрушилась из-за ветхости. Летом 1970 года часовню восстановили. Небольшая экспозиция в ней рассказывает о походах Стефана Батория на городище Воронич и Псков, о давних битвах на этой земле.

На Савкиной горке до сих пор сохранилась древняя могильная гранитная плита, представляющая собой ложе для креста, – Савкин камень. Ему более 450 лет, о чем говорит полуистершаяся надпись на древнеславянском языке: «Лета 7021 постави крестъ Сава поп». Отсюда и название горки. (7021-й – по нашему летосчислению 1513 год.)

Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина в окрестностях Михайловского. Отсюда открывается великолепный вид на Михайловское, Петровское, живописную долину Сороти, на озеро Кучане, которое, «синяя, стелется широко» («Вновь я посетил»).

ТРИГОРСКОЕ

У входа в Дом-музей Осиповых-Вульф

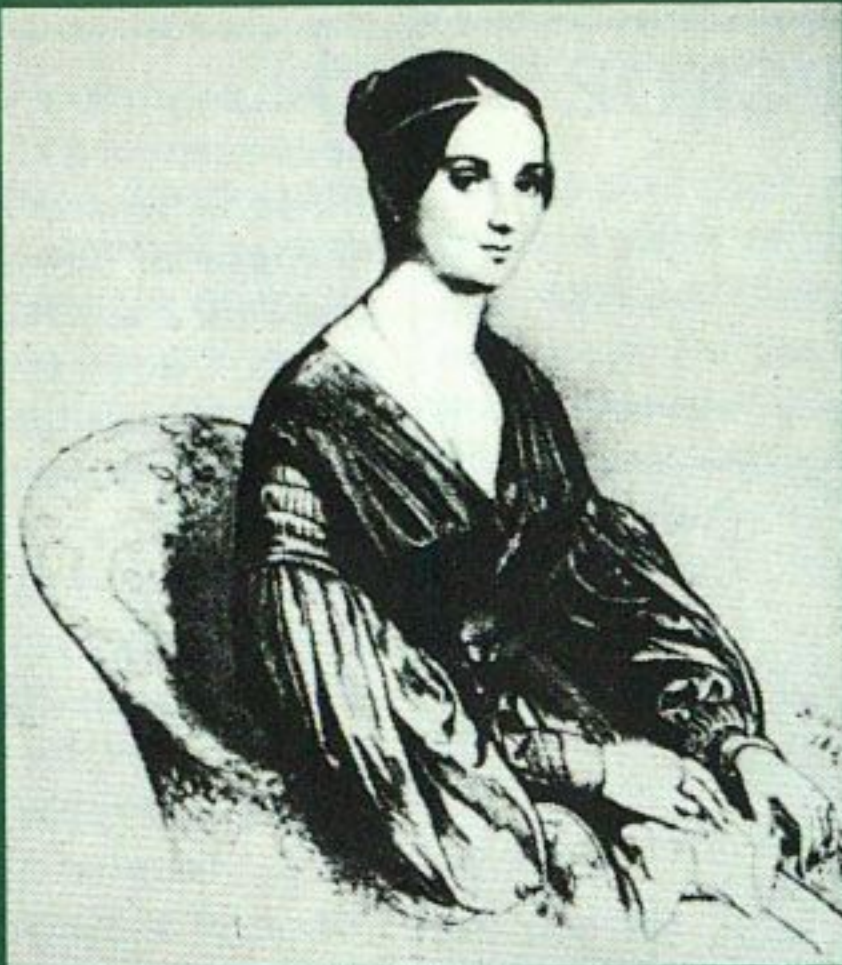
Знакомство с *Тригорским* помогает представить и глубже понять многие эпизоды жизни и творчества поэта в псковской деревне, ибо с Тригорским он был тесно связан многими узами. Вот почему эта некогда заурядная дворянская усадьба была включена в состав Пушкинского заповедника и сейчас бережно охраняется наряду с другими памятными пушкинскими местами. Уже с половины пути из Михайловского - от «трех сосен» - на противоположном краю обширного поля хорошо видны три высоких холма (отсюда и название - Тригорское). Крайний справа покрыт густыми высокими деревьями. В просветах зелени виднеется деревянный дом с обращенным в сторону Михайловского крыльцом.

Ко времени михайловской ссылки Пушкина семья владелицы Тригорского Прасковьи Александровны Осиповой состояла из семи человек: детей от первого брака - Алексея, Анны и Евпраксии Вульф и от второго брака - Марии и Екатерины Осиповых (в то время они были маленькими девочками) и падчерицы Александры Осиповой (Алины).

Семья постоянно жила в Тригорском в большом деревянном доме, внешне неудобном, напоминающем по виду сарай или манеж. И действительно прежде здесь помещалась полотняная фабрика. Господский же дом стоял неподалеку от фабрики, в парке. В 1820 году хозяева решили отремонтировать дом и переселились на время в здание фабрики. Но случился пожар, господский дом

А. П. Керн.
(Предполагаемый
портрет).
Литография
с акв. А. Деверо.
1829

А. Н. Вульф.
Акв. А. Григорьева.
1828

Н. М. Языков.
Литография
с рис. А. Хрипкова.
1829

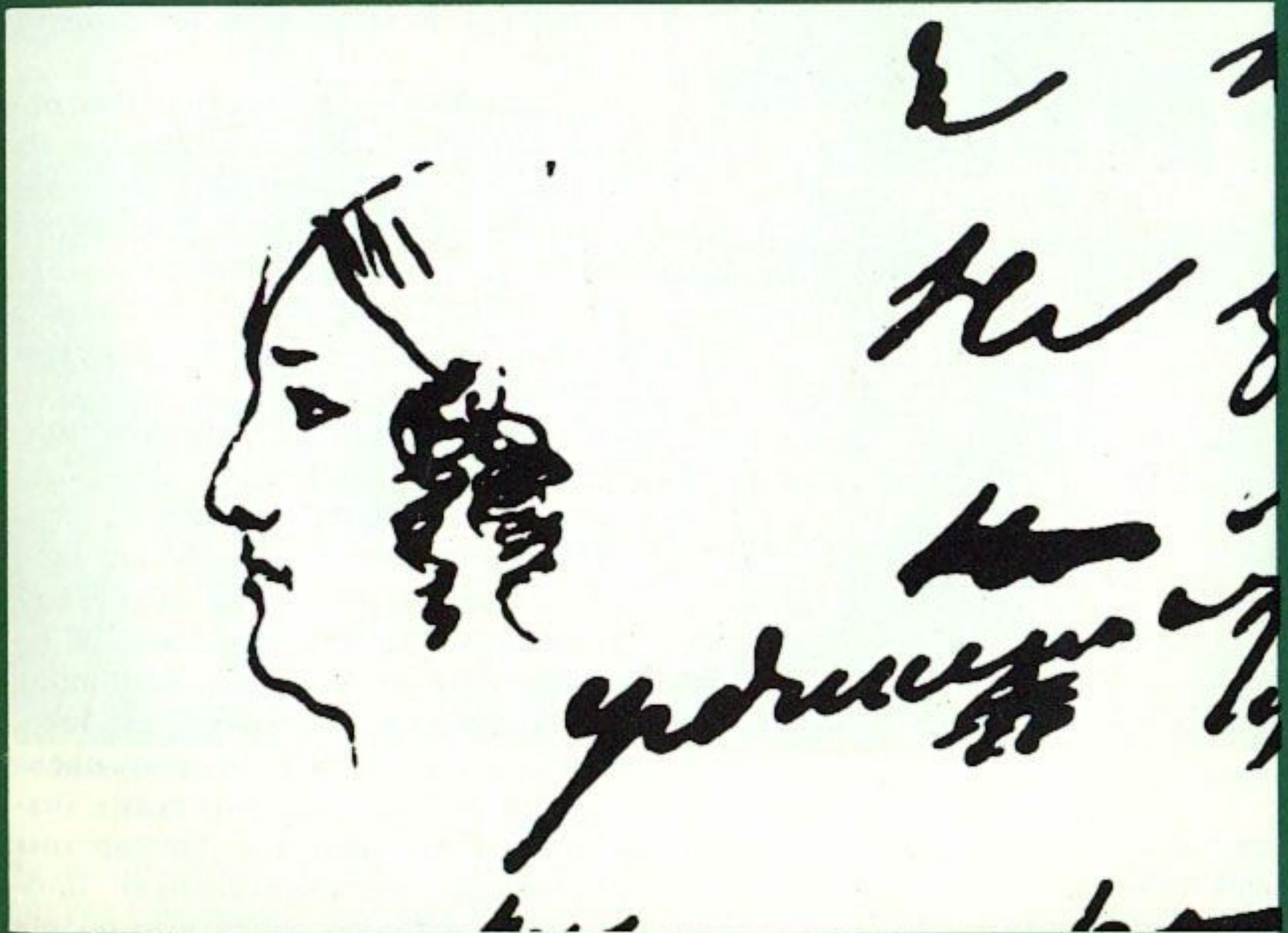
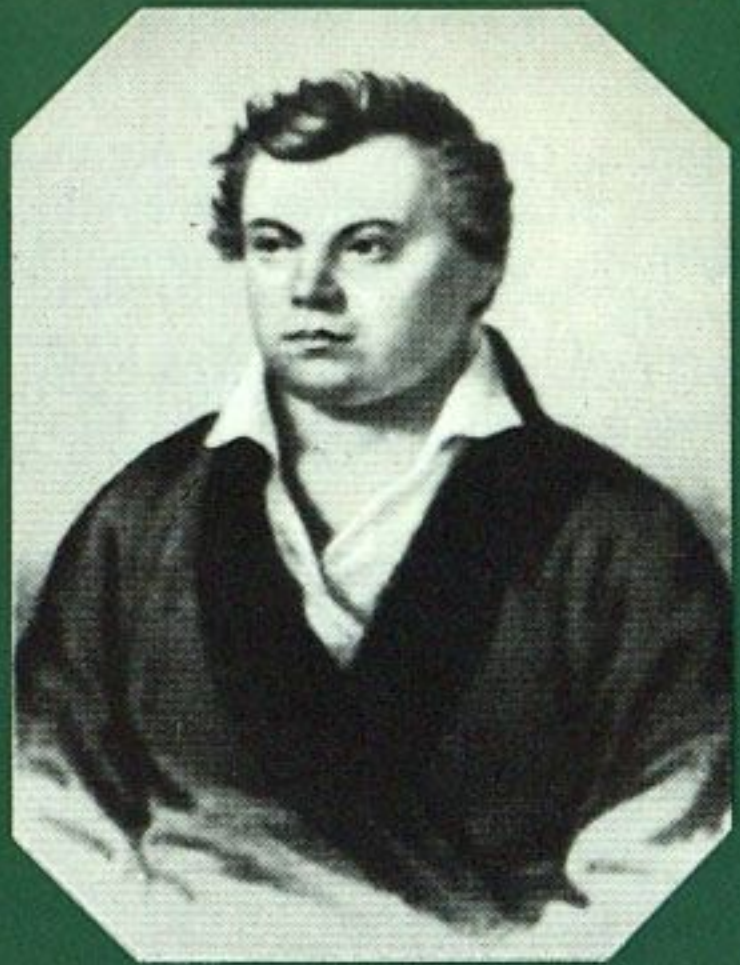
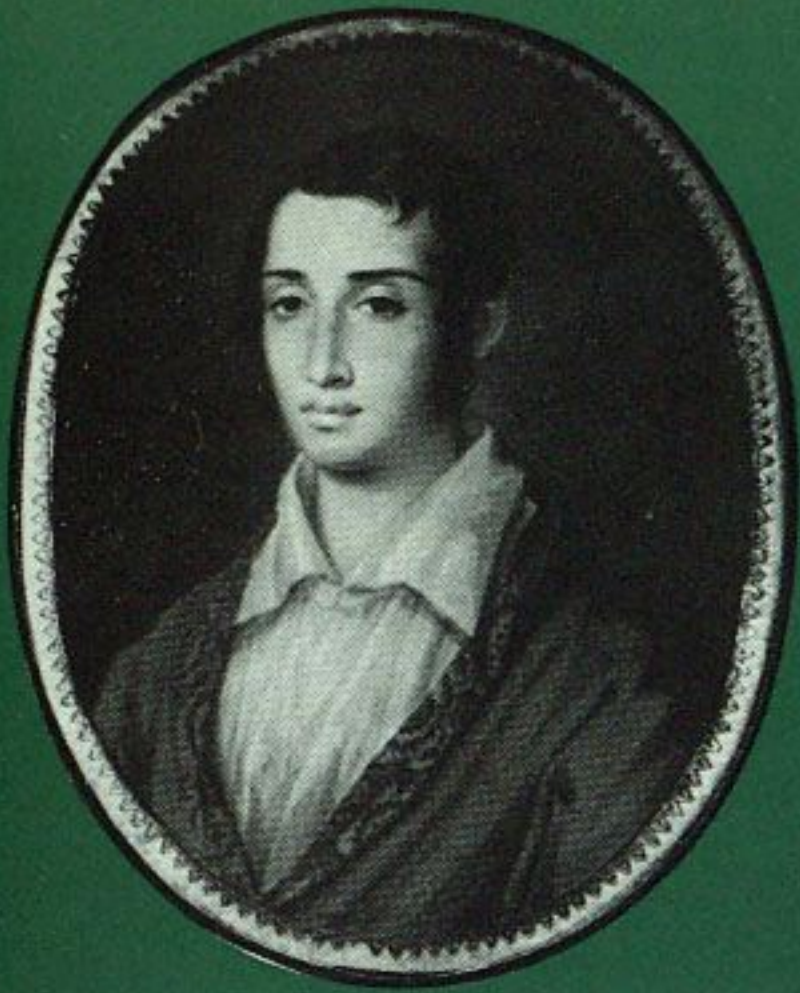
Ан. Н. Вульф.
Силуэт. 1820-е гг.

Е. Н. Вульф.
Силуэт. 1820-е гг.

П. А. Осипова.
Рис.
А. С. Пушкина.
1824

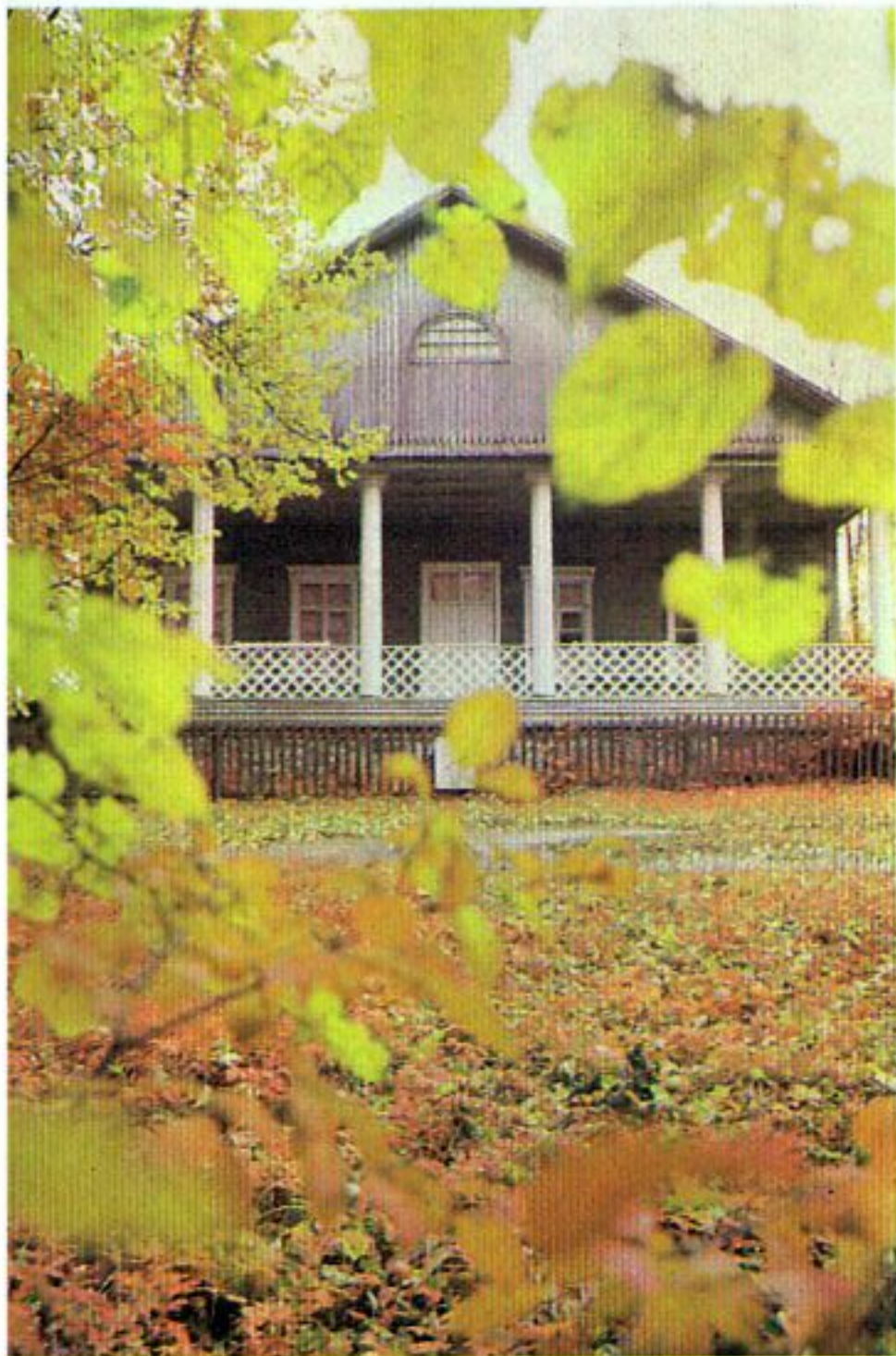

сгорел, а Осиповы так и остались жить в этом длинном деревянном строении, приделав к нему два крыльца.

В 1918 году дом в Тригорском сгорел, но уже в первых документах Совет-

Дом-музей Осиповых-Вульф

ской власти по охране пушкинских мест говорилось, что восстановление Тригорского дома - дело ближайшего времени. Это предусматривалось планом восстановления и

развития Пушкинского заповедника, составленным после Великой Отечественной войны.

В 1962 году дом был восстановлен на старом фундаменте и в нем открылся музей.

Дом-музей. Первые две комнаты музея - буфетная и столовая - заняты литературной экспозицией, рассказывающей об истории Тригорского, о его обитателях и дружбе с ними Пушкина, о влиянии Тригорского на его поэзию. Остальные комнаты - Евпраксии Вульф, П. А. Осиповой, кабинет А. Н. Вульфа, гостиная, библиотека - представлены в мемориально-бытовом плане.

Впервые Пушкин посетил Тригорское летом 1817 года. Уезжая из псковской деревни, поэт написал тогда исполненное симпатии к Тригорскому и его обитателям стихотворение «Простите, верные дубравы!», переписанное потом П. А. Осиповой в свой альбом.

И все же, если бы не ссылка в Михайловское, Тригорское не заняло бы такого значительного места в творческой биографии поэта. Оказавшись в полном одиночестве в глухой псковской деревне, оторванный от привычной среды, ссыльный поэт скоро сумел оценить теплоту, искреннее участие и непринужденную приветливость тригорских знакомых. Поэт нашел в Тригорском обширную, содержательную библиотеку, которую почти всю потом перечитал. Он с приятным удивлением убедился в том, что ее владель-

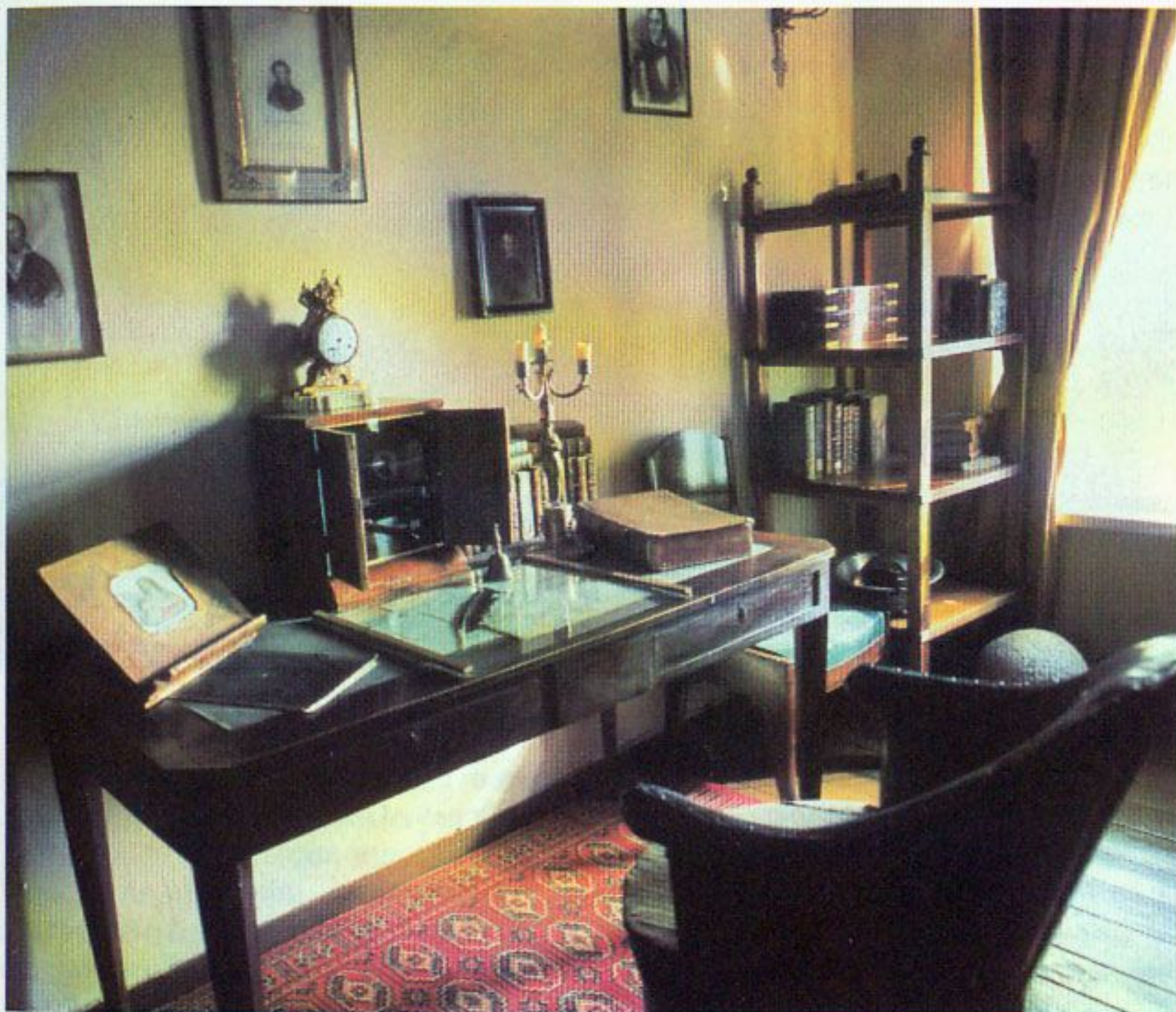

цам не чужды глубокие литературные интересы.

Тригорское стало для ссыльного поэта еще дороже и потому, что здесь звучали стихи близких ему А. А. Дельвига и Н. М. Языкова;

тичный в житейских делах и неосторожный в поступках, получал мудрые советы П. А. Осиповой.

И если ссыльный Пушкин, по его собственному признанию, скоро «воскрес душой», то этому немало

Кабинет А. Н. Вульфа

здесь он слушал в исполнении тригорских барышень музыку Россини, Моцарта, Бетховена, Глинки; здесь пережил «чудное мгновенье», встретив А. П. Керн; здесь он, непрак-

способствовала дружба с тригорскими соседями, у которых опальный поэт стал бывать почти ежедневно. Вся эта большая семья полюбилась ему.

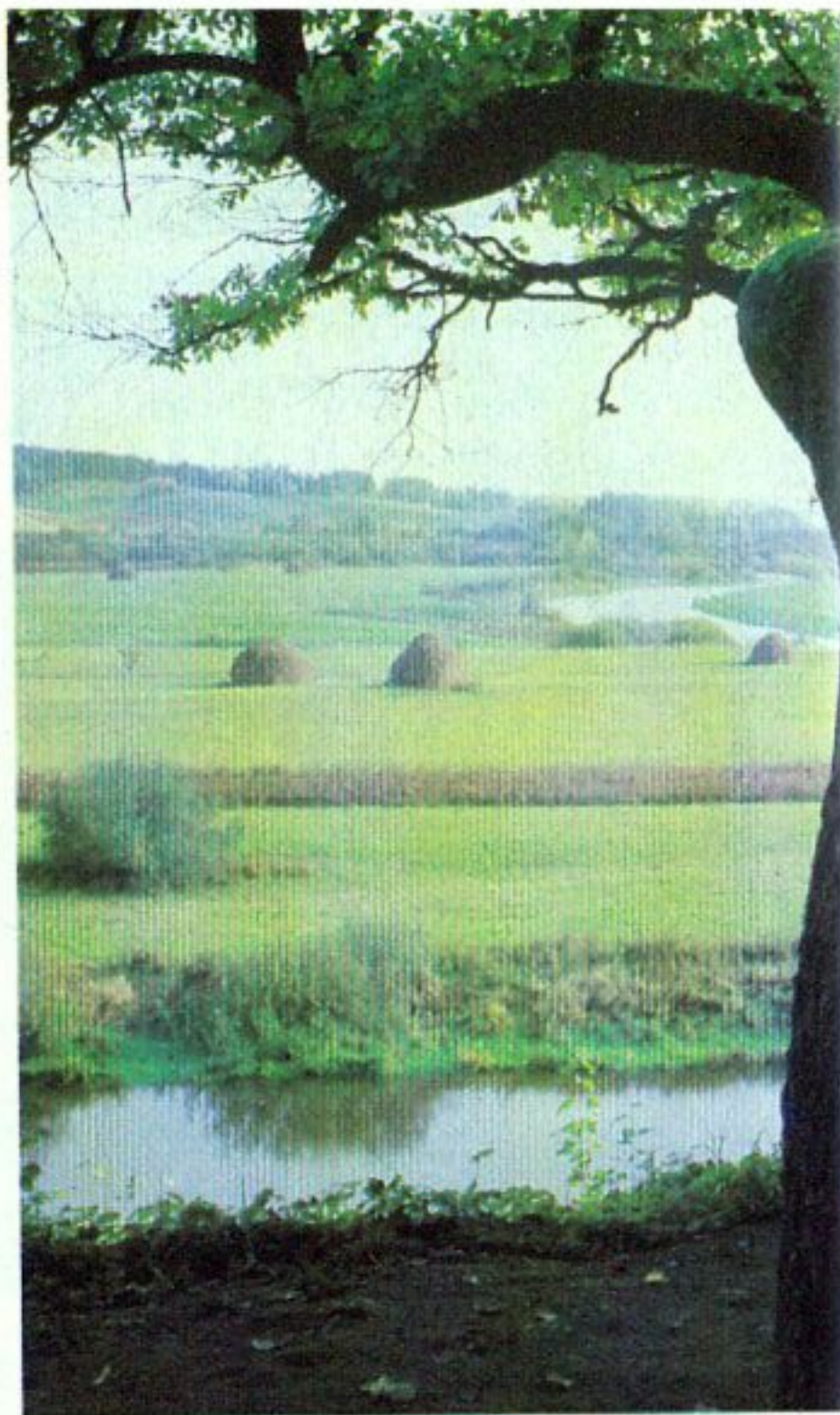

Девушки из Тригорского – дочери П. А. Осиповой Евпраксия и Анна, падчерица ее Алина, гостившая несколько раз здесь двоюродная сестра молодых Вульфов А. И. Вульф (Нетти) – питали к Пушкину не только дружеские, но и более глубокие чувства: почти все они были влюблены в поэта. Особенно преданной обожательницей Пушкина стала его ровесница Анна Николаевна Вульф. Каждый раз, когда уже после ссылки поэт приезжал в псковскую деревню, он навещал тригорских друзей. Им посвящены многие поэтические произведения.

После трагической гибели Пушкина друзья, провожавшие поэта в последний путь, завезли гроб с его телом в Тригорское.

Парк. У северного фасада Тригорского дома расположен пруд, а за ним раскинулся обширный парк – прекрасный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века.

От главного входа в дом узкая аллея ведет к месту, где стоял раньше старый господский дом. Отсюда парковая дорожка сбегает вниз, в сторону виднеющейся сквозь деревья Сороти. На самом краю обрыва к Сороти под сенью огромных двухсотлетних лип и дубов стоит белая садовая скамья, которая уже несколько десятков лет называется «Скамьей Онегина». С этого места, некогда особенно любимого тригорской молодежью, «много глаз устремлялось на дорогу в Михайловское и много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин . . .» – писал Анненков,

первый биограф великого поэта. От «Скамьи Онегина» дорожка ведет к баньке Осиповых-Вульф. Сюда часто приходили ночевать Алексей Вульф и его друзья, гости Тригорского. Не раз тут продолжались начатые в доме споры, беседы, дружеские пирушки.

От баньки дорожка идет к Зеленому танцевальному залу. Это обширная четырехугольная площадка, обсаженная с трех сторон липами, а с четвертой, обращенной в сторону дома, ограниченная липовой аллеей.

«Скамья Онегина» в парке

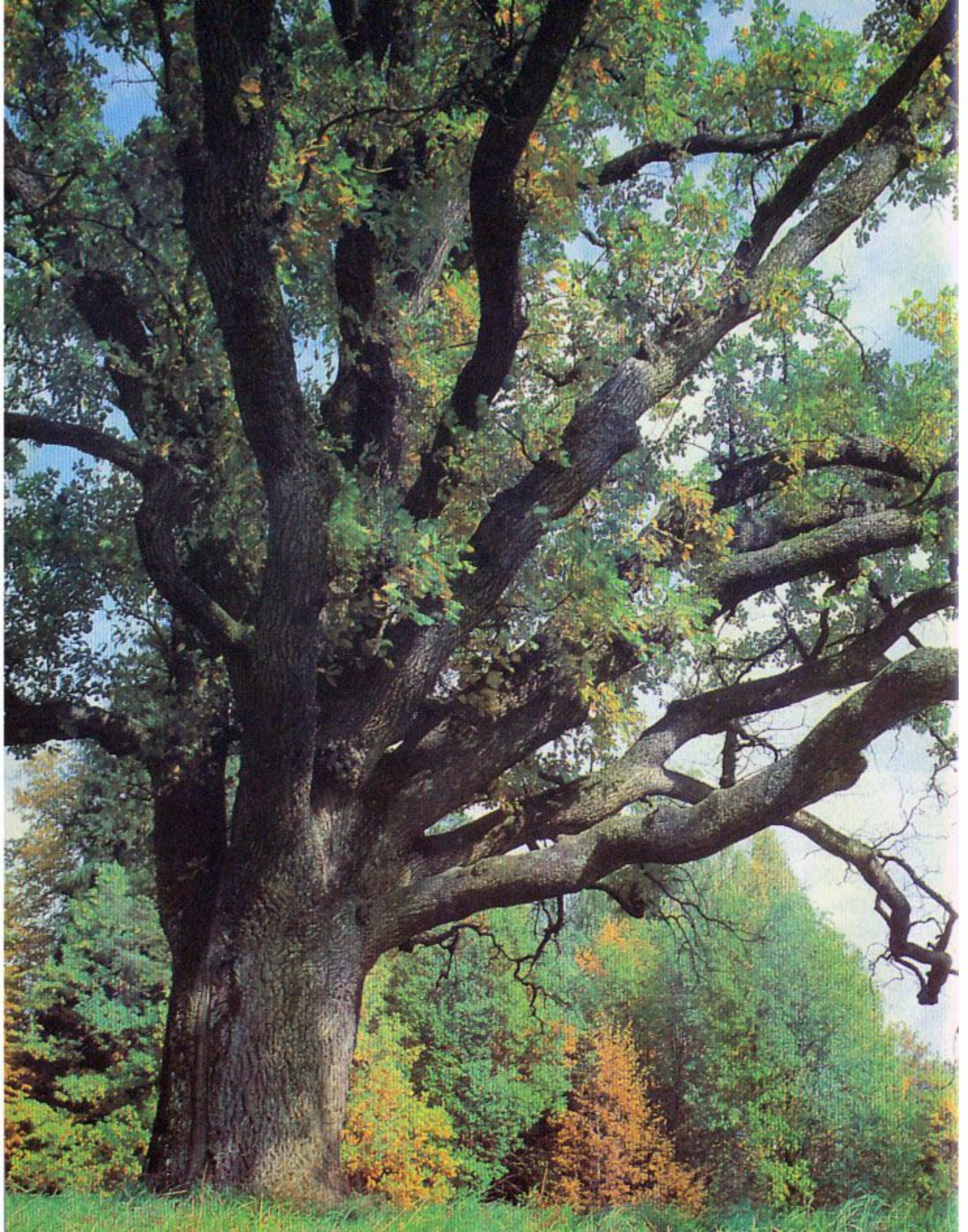
В Зеленом зале тригорская молодежь в обществе Пушкина устраивала игры, развлечения, танцы.

Из Зеленого зала хорошо виден ажурный горбатый мостик к небольшому пруду. От пруда дорожка круто поднимается вверх, затем поворачивает направо, и тут становится видна длинная, прямая и широкая главная аллея. Расположенная в самом центре парка, она с одной стороны была обсажена дубами (многие из них стоят и сейчас), а с другой – елями и липами. По аллее

не только гуляли, но и катались верхом или в коляске.

От главной аллеи дорожка ведет налево, к солнечным часам. Это обширная круглая площадка, в центре которой стоит высокий деревянный шест с заостренным наконечником. При Пушкине по окружности площадки росли двенадцать дубов – по числу цифр на циферблате часов. Сейчас сохранилось семь деревьев. Солнечные часы – типичная деталь дворянского парка того времени.

От солнечных часов тянется прямая длинная дорожка, в конце которой виден могучий дуб. Раскинув кражистые сучья, он стоит на возвышении. Это знаменитый, воспетый Пушкиным, «дуб уединенный». Вероятно, этот дуб вспомнил Пушкин, когда в 1829 году в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» писал:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Пушкин до конца жизни сохранил любовь к Тригорскому, запечатлел его в своих поэтических строках.

ВОРОНИЧ

Рядом с холмом, на котором расположен Тригорский парк, возвышается второй холм – *городище Ворониц*, памятник далекого героического прошлого русского народа.

Это остатки средневековой крепости города Воронича. Основание ее относится к XIV веку. Уже в 1349 году центр волости – Воронич был также важным стратегическим пунктом на подступах к Пскову. Как сообщает псковский летописец, когда в 1547 году Иван Грозный посетил Псков, то

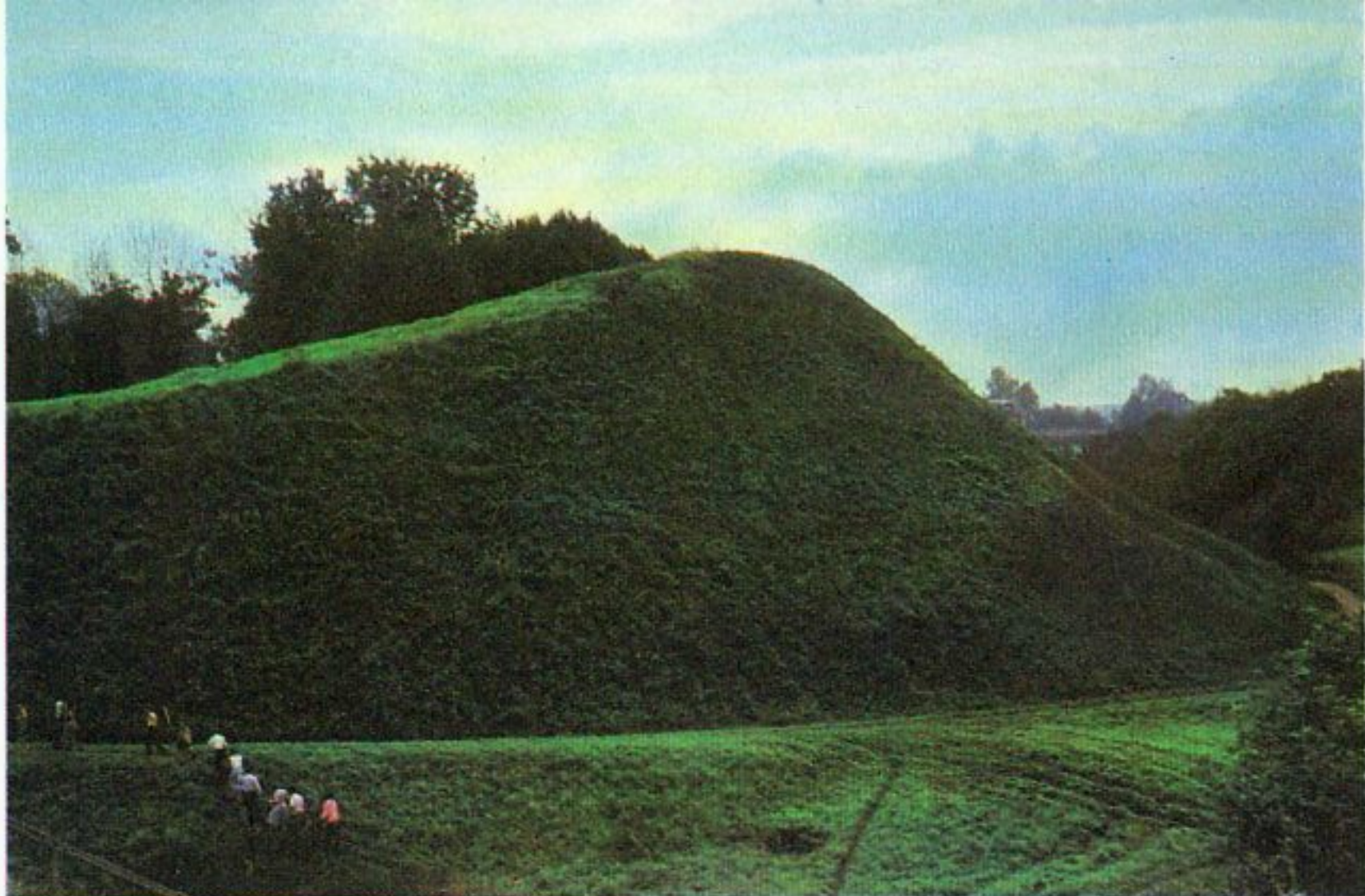

Верхний пруд

«Дуб уединенный»

на один день задержался и в Ворониче. В нем было более четырехсот «дворов на посаде» и более двухсот «осадных клетей» в крепости, где находились склады оружия, боеприпа-

Городище Воронич

сов и продовольствия и где в случае вражеского нашествия скрывалось окрестное население.

Летом 1581 года Стефан Баторий, сломив отчаянное сопротивление защитников Воронича, разгромил его. Там осталось всего семь жилых дворов с девятью жителями. После этих событий граница Руси отодвинулась на запад и юг, и Воронич как боевая крепость не возродился. В 1719 году в качестве пригорода он был приписан к Опочке.

Пушкин всегда интересовался героическим прошлым русского народа, но особенно живо этот интерес проявился в годы ссылки, и друзья настойчиво советовали ему заняться исторической темой. «Соседство и воспоминания о Великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова, – писал ему в Михайловское 18 октября 1824 года С. Г. Волконский

(будущий декабрист), – будут для Вас предметом пиитических занятий, а соотечественникам Вашим труд Ваш – памятником славы предков и современника».

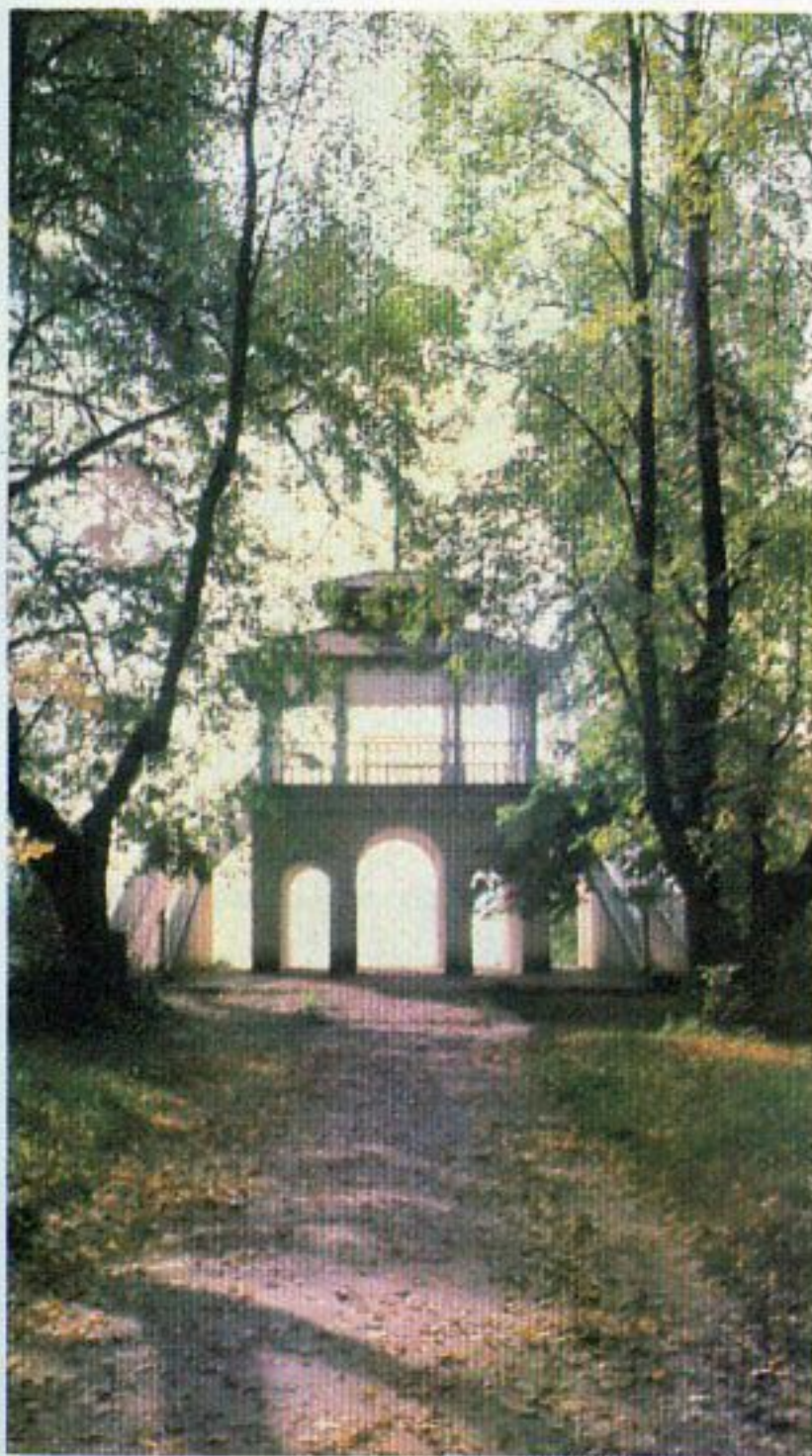
И поэт действительно обратился к истории своего народа, написав бессмертную трагедию «Борис Годунов».

О тесной связи творческой истории создания этого произведения с местными впечатлениями поэта выразительно говорит его приписка к первоначальному заглавию трагедии: «Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

На городище находится семейное кладбище Осиповых-Вульф. Здесь погребены И. С. Осипов – второй муж П. А. Осиповой, она сама, ее отец А. М. Вындомский и ее сын А. Н. Вульф.

ПЕТРОВСКОЕ

Беседка-грот в парке

Петровское расположено на противоположном от Михайловского берегу озера Кучане (или Петровского).

От Михайловского в Петровское ведут две дороги: одна – по Михайловскому лесу, другая – по заросшему сосновым бором берегу озера Кучане.

Петровское стало по-настоящему обжитым имением раньше Михайловского. Сюда в 1783 году после выхода в отставку с военной службы прибыл на постоянное жительство двоюродный дед А. С. Пушкина Петр Абрамович Ганнибал.

Господский дом (*Дом-музей Ганнибалов*) в Петровском сгорел в 1918 году. В 1977 году он был восстановлен, вокруг него воссозданы зеленые беседки, зеленый партер, аллеи и дорожки. В самом доме открыт музей.

От дома Ганнибалов протянулась по краю парка к берегу озера красивейшая аллея карликовых лип. Невысокие, с причудливо переплетающимися наверху густыми ветвями липы стали низкорослыми из-за постоянного подрезания.

На месте выхода аллеи к озеру находится двухэтажная деревянная *беседка-грот* на каменном фундаменте с аркой посередине. Одна из двух веранд беседки обращена к озеру, а другая – к парку. Беседка восстановлена в 1974 году на месте погибшей несколько десятилетий назад.

От большого круглого газона, расположенного перед задним крыльцом господского дома, начинается Большая липовая аллея, в противоположном конце которой стоит камень-

валун. По преданию, здесь любил сидеть, предаваясь думам, владелец имения П. А. Ганцибал. Пушкин не раз встречался с ним, посещая Петровское.

Давая отпор продажному журналисту Ф. В. Булгарину, насмехавшемуся над его прадедом, купленным будто бы «за бутылку рома», поэт в «Моей родословной» писал:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

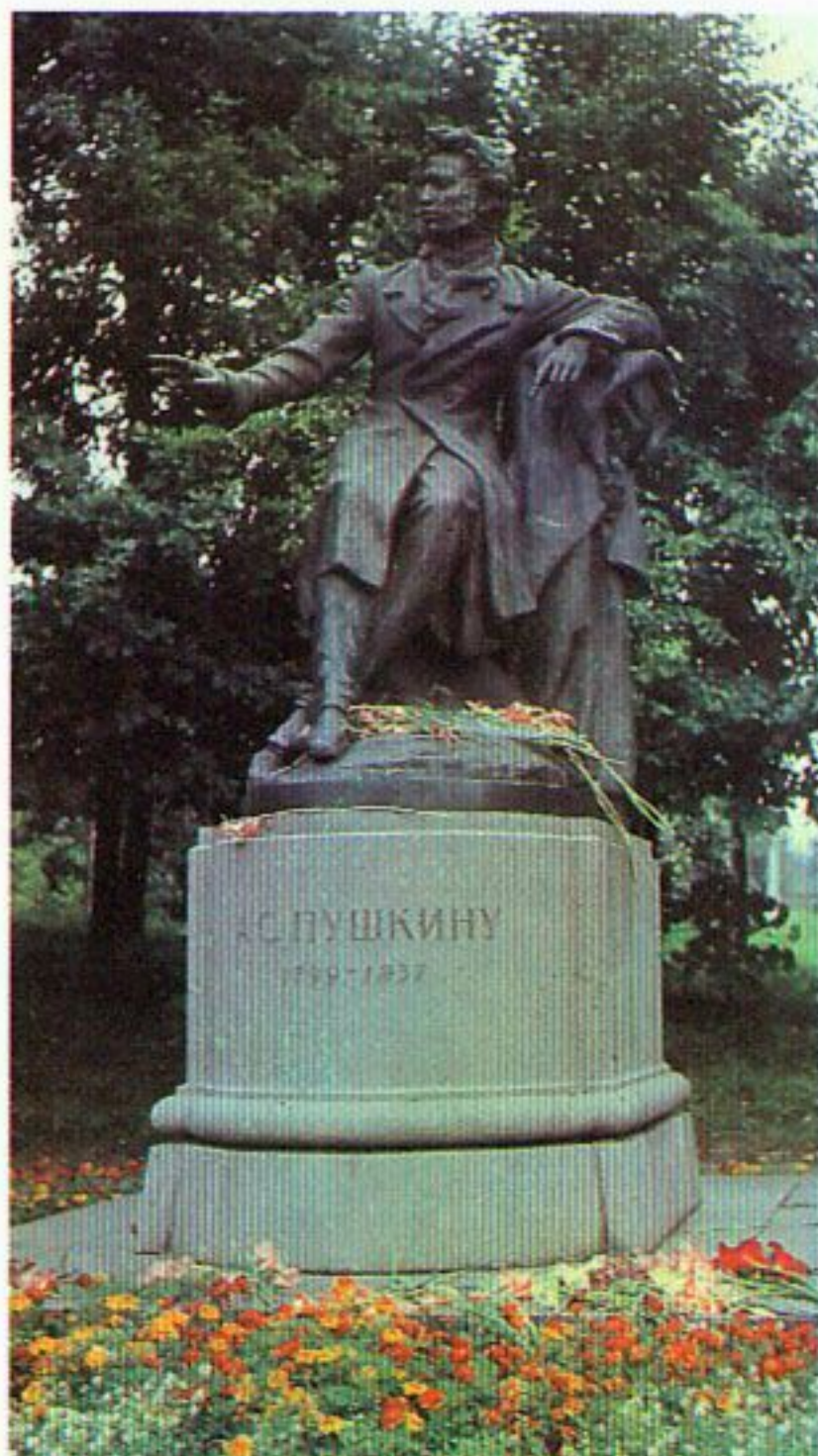
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Считая своего прадеда одним из выдающихся лиц из окружения Петра I, Пушкин изобразил его в повести «Арап Петра Великого», начатой в Михайловском в 1827 году и оставшейся неоконченной.

Обстановка и быт ганнибаловского Петровского и его окрестностей нашли отражение в творчестве Пушкина. Многие черты характера Троекурова в «Дубровском» напоминают отдельные черты характера П. А. Ганнибала, а усадебный и крепостной быт Покровского – имения Троекурова – во многом сходен с тем, что видел поэт в Петровском. Совпадает с описанным в «Дубровском» и пейзаж, который виден со стороны Петровского парка.

Дом-музей Ганнибалов
Большая липовая аллея

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ- МУЗЕЙ. МОГИЛА ПУШКИНА

Памятник А. С. Пушкину
в Пушкинских Горах.
Скульптор Е. Гелашова

Святогорский монастырь-музей включен в состав Пушкинского заповедника не случайно: у его стен находится священная для каждого советского человека могила *А. С. Пушкина*. Поэт не раз бывал у древних стен монастыря: то оживленно беседовал с простолюдинами, то записывал народный говор и песни.

Святогорский монастырь стоит в пяти километрах к югу от Михайловского, на восточной окраине поселка *Пушкинские Горы*, называвшегося при Пушкине Святыми Горами, а в давние времена – слободой Тоболенец.

Основанный в 1569 году псковским наместником князем Юрием Токмаковым по приказу Ивана Грозного, монастырь должен был укрепить подступы к соседнему городу Вороничу. По указу 1764 года монастырские земли включаются в состав дворцовых, после чего Святогорский монастырь потерял свое значение и стал быстро хиреть. В пушкинские времена здесь было всего двадцать «черных» монахов, которые постоянно вели тяжбы из-за земли с окрестными крестьянами.

Монастырь обнесен высокой каменной стеной, образующей широкий двор в виде четырехугольника. Во дворе – длинное каменное здание со светелкой наверху. Это так называемый братский корпус, в котором помещались трапезная и монашеские кельи. Во двор ведут двое ворот – старинные Анастасьевские и Святые, реставрированные в 1962 году.

Центром монастыря был Успенский собор, построенный псковскими мастерами в соответствии с традициями местного храмового зодчества.

Собор состоит из центрального четверика (его стены полутораметровой толщины, сложены из камня-плитняка) и двух приделов – северного и южного, пристроенных в 1770–1776 годах на средства «замаливавших свои грехи» окрестных помещиков.

В алтарной части собора похоронен младший брат поэта, Платон, умерший в Михайловском в 1819 году. Пушкин был на его погребении. Справа от главного входа маленькая дверца ведет на лестницу, поднимающуюся к деревянным хорам. Рядом еще одна дверь – в монашескую келью. В ней сейчас воссоздана обстановка, типичная для монастырской кельи XIX века. Строго и сурово ее убранство: у стен стоит деревянный топчан с сундучком-подголовником, у щелевидного, как бойница, окна высокий стол с подножием и скамья. На столе старинные рукописные книги, перо с чернильницей, мерцающая лампадка скупно освещает жилище.

Все это воскрешает в памяти сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова» и величественный образ мудрого летописца Пимена.

Работая в Михайловском над «Борисом Годуновым», Пушкин, по его собственному признанию (в «Набросках предисловия к «Борису Годунову»»), широко пользовался,

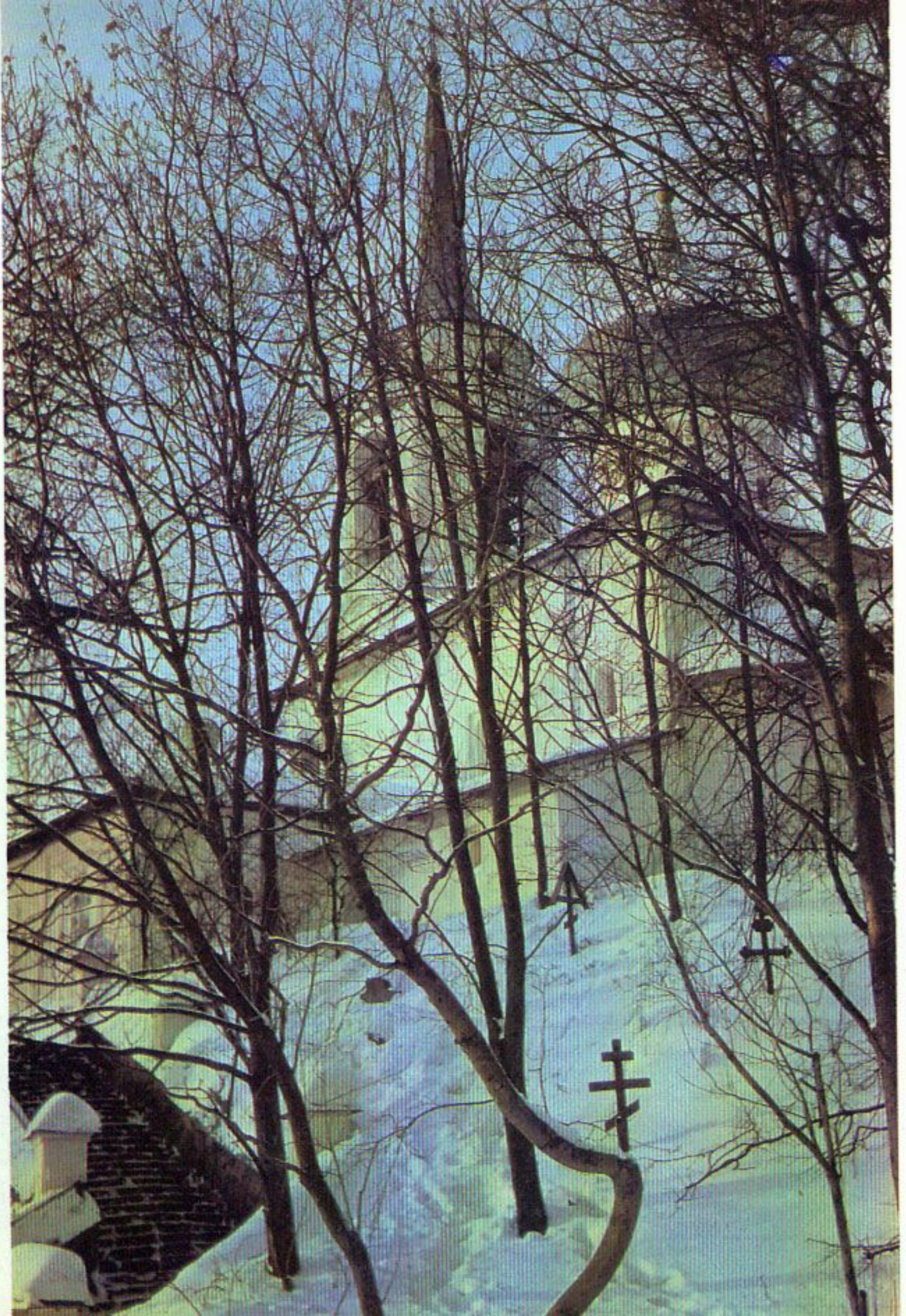
А. И. Тургенев.
Литография Д. Энгельмана
с ориг. Виньерона

Святогорский монастырь.
Литография П. Александрова
с рис. И. Иванова. 1837

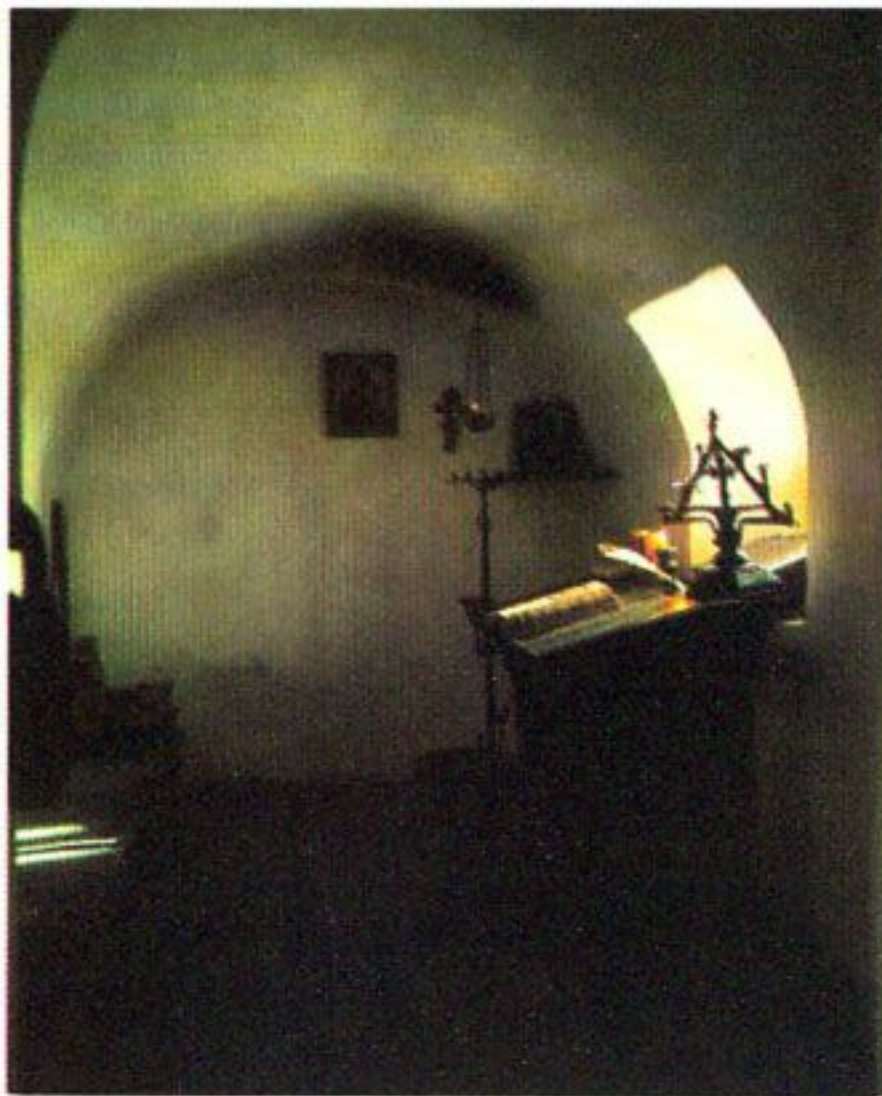

Успенский собор Святогорского
монастыря-музея

«Келья Пимена» в соборе
Южный придел собора. *В центре* –
место, где стоял гроб с телом
А. С. Пушкина перед захоронением

кроме других материалов, старинными русскими летописями, стараясь в них «угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени».

Близость Святогорского монастыря еще более усилила интерес Пушкина к русским историческим древностям, и не случайно здесь существовало предание, сообщенное игуменом Иоанном, что Пушкин живо интересовался монастырскими книгами и древностями, для чего ему отводили в монастыре келью, которую он испещрял своими надписями на стенах, так что приходилось ее белить

после его ухода. Он был хорошо знаком с иеромонахом Василием, который тогда ведал монастырской библиотекой.

Наблюдения за жизнью монастырской братии тоже нашли место в творчестве поэта.

«Угадать язык» действующих лиц «Бориса Годунова» помогло Пушкину и живое, тесное общение с народом на монастырских ярмарках, которые устраивались трижды в год. Гостиные ряды располагались в монастырском дворе и за его пределами. Торговля шла много дней, в

Могила А. С. Пушкина

течение которых здесь не умолкал шум оживленной ярмарочной толпы. В такие дни Пушкин в крестьянском наряде наведывался в монастырь, любил ходить на монастырское кладбище, когда там «голосили» над могилами бабы, прислушивался к бабьему «причитанию», сидя у какой-нибудь могилы. Так, находясь в гуще народа, – среди нищих, «плакальщиц», крестьян, артельных людей – поэт получал яркие впечатления, которые помогали ему создавать произведения, пронизанные народным духом. Об этом рассказывает экспозиция в северном приделе Успенского собора.

В южном приделе собора размещена постоянная выставка «Дуэль, смерть и похороны Пушкина».

Почти в центре его специальной оградой обнесено место, указатель возле которого гласит: «Здесь в ночь с пятого на шестое февраля (ст. ст. – *Авт.*) 1837 года стоял гроб с телом Пушкина».

Могила А. С. Пушкина. 29 января (10 февраля) 1837 года смертельно раненный на дуэли Пушкин скончался. До последнего момента время и место его похорон официально не объявлялись. Друзья поэта вспомнили не раз высказанное им желание быть похороненным рядом с Михайловским и настояли, чтобы его прах отвезли в Псковскую губернию.

Проводы тела Пушкина сопровождались величайшими предосторожностями: царское правительство боялось каких-либо общественных демонстраций. Гроб вывезли из Пе-

тербурга тайно, в сопровождении жандармского офицера. Из близких в последний путь поэта провожал лишь его старый друг А. И. Тургенев. «Назначен я в качестве старого друга, – записал А. И. Тургенев в своем дневнике 2 февраля, – отдать ему последний долг... Куда еду – еще не знаю». Только за несколько часов до отъезда Тургенев узнал, что предстоит ехать в Псковскую губернию. После похорон поэта он писал своей сестре А. И. Нефедьевой: «2 февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела, жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего дорогого барина к последнему его пристанищу... он стал на дрогах, как везли ящик с телом, и не покидал его до самой могиль». Дядька поэта, крепостной крестьянин Никита Козлов, проживший с ним вместе долгие годы, был потрясен случившимся.

И в самом Михайловском слез и горя на этот раз было еще больше, чем несколько месяцев назад, когда Пушкин в апреле 1836 года привозил сюда хоронить свою мать Н. О. Пушкину. Тогда поэт внес в монастырскую казну деньги, откупив себе место рядом с могилой матери. Еще в 1829 году он в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» писал:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

Близко к «милому пределу», к Михайловскому, похоронили Пушкина морозным февральским утром. Сначала его могила была отмечена только простым деревянным крестом. В конце 1839 года жена поэта, Наталья Николаевна, заказала мраморный обелиск на могилу. Осенью 1840 года памятник был установлен на могиле поэта. Тогда же, вероятно, сооружен под памятником и склеп, в котором поместили останки Пушкина и его матери.

Памятник очень прост и строг: на трех гранитных четырехугольных плитах белый мраморный обелиск с нишей, в которой стоит мраморная урна с покрывалом. Над нишей скрещенные факелы, выше которых лавровый венок. На гранитном цоколе высечены слова:

Александр Сергеевич
ПУШКИН

Родился в Москве 26 мая 1799 года
скончался в С. Петербурге
29 января 1837 года

По широким ступеням каменной монастырской лестницы идут и идут люди, почитатели бессмертного гения Пушкина, к вершине холма, на котором белеет надмогильный памятник поэту. Здесь особенно остро и глубоко чувствуешь Пушкина всегда живым и близким – нашим современником, вдохновляющим нас Отчизне посвящать «души прекрасные порывы» . . .

И все это ощущается здесь во много крат значительнее и торжественнее в тот день, когда в Пушкинском заповеднике проводится в честь великого русского поэта Всесоюзный пушкинский праздник поэзии.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Михайловское. В день рождения
А. С. Пушкина

Впервые попытка устроить пушкинский праздник была предпринята в июне 1899 года – в 100-летнюю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина.

Однако до Великой Октябрьской социалистической революции юбилейные торжества, проводившиеся в пушкинских местах, не могли стать подлинно народным праздником, так как не было главного действующего лица – такого праздника – грамотного, культурного, образованного народа. Ведь подавляющее большинство крестьян – основного населения тогдашней Псковской губернии – оставалось неграмотным, а произведения Пушкина даже в окрестностях Михайловского были недостаточно известны.

Два года спустя после организации Пушкинского заповедника, в 1924 году, по инициативе виднейших советских ученых и представителей советской общественности было создано Общество друзей Пушкинского заповедника, оно провозгласило своей задачей пропаганду творческого наследия великого поэта среди широких масс трудящихся.

В 1924 году, когда отмечалось 100-летие со дня приезда Пушкина в Михайловскую ссылку, и была выдвинута идея проведения в заповеднике народных праздников, посвященных Пушкину. Эта идея получила воплощение в жизнь в 1937 году, в 100-летие со дня смерти поэта. В послевоенные годы такие праздники

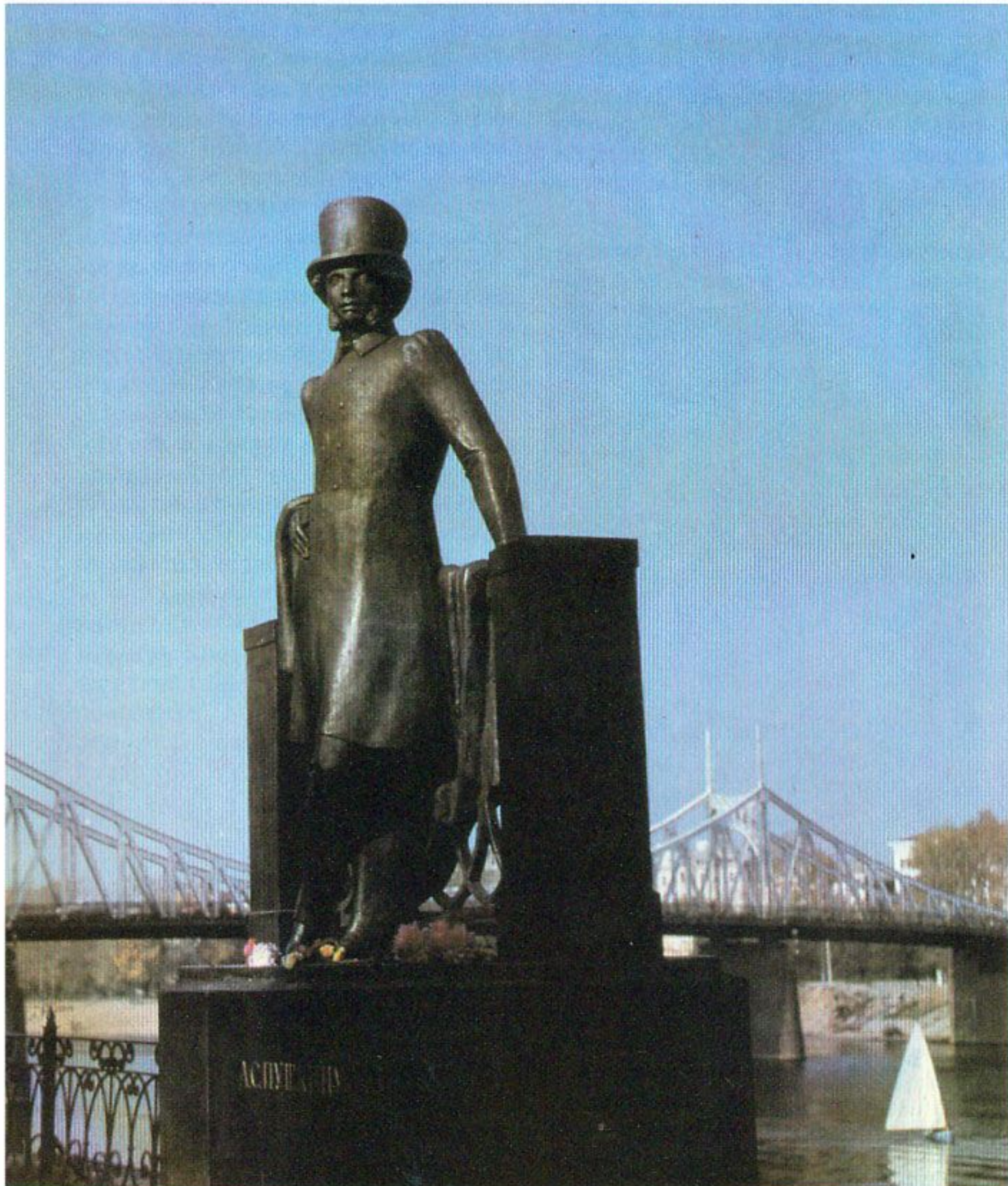
стали особенно массовыми. С 1967 года ежегодно в первое воскресенье июня в Михайловском проводится Всесоюзный пушкинский праздник поэзии.

Его участниками становятся писатели и поэты всех союзных республик, представители литератур многих национальностей нашей страны. Послушать их поэтическое слово о Пушкине, их новые произведения собираются на огромную поляну в Михайловском десятки тысяч человек. Это земляки великого поэта – псковичи, гости из разных республик. На праздник приезжают литераторы из братских социалистических стран, прогрессивные писатели и деятели мировой культуры.

Всесоюзный пушкинский праздник поэзии открывается торжественным собранием в Псковском драматическом театре имени А. С. Пушкина. На следующий день его участники, поэты и прозаики, выступают перед читателями на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в Домах культуры и библиотеках. Затем проводится памятная церемония в честь великого поэта на его могиле в Святогорском монастыре-музее. После этого все направляются в Михайловское, где грандиозный праздник продолжается.

Всесоюзный пушкинский праздник поэзии, который с полным правом можно назвать праздником социалистической культуры, свидетельствует о немеркнущей любви советского народа к бессмертной поэзии Александра Сергеевича Пушкина.

Памятник А. С. Пушкину в городе Калининe. Скульптор О. Комов

ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

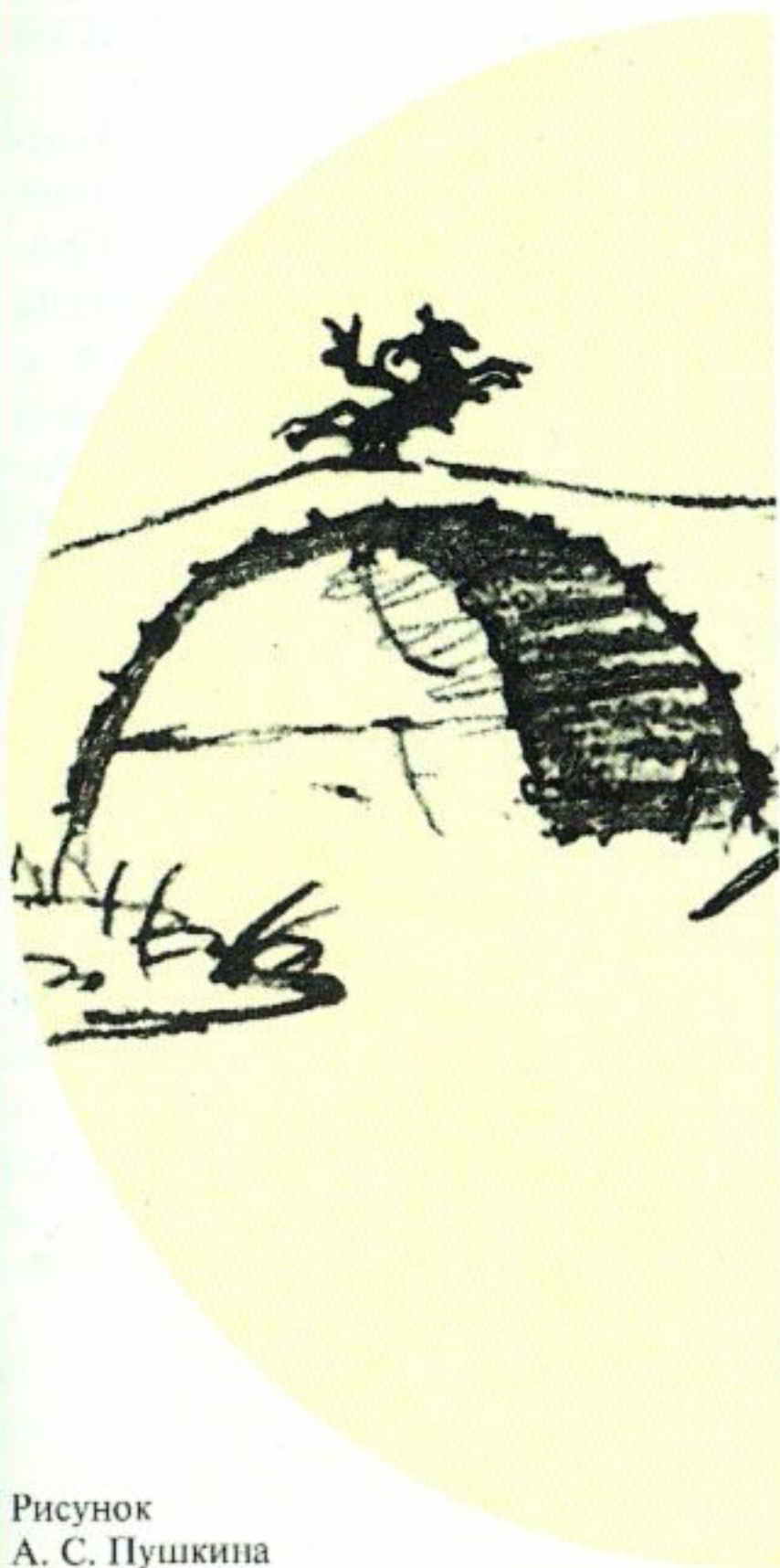
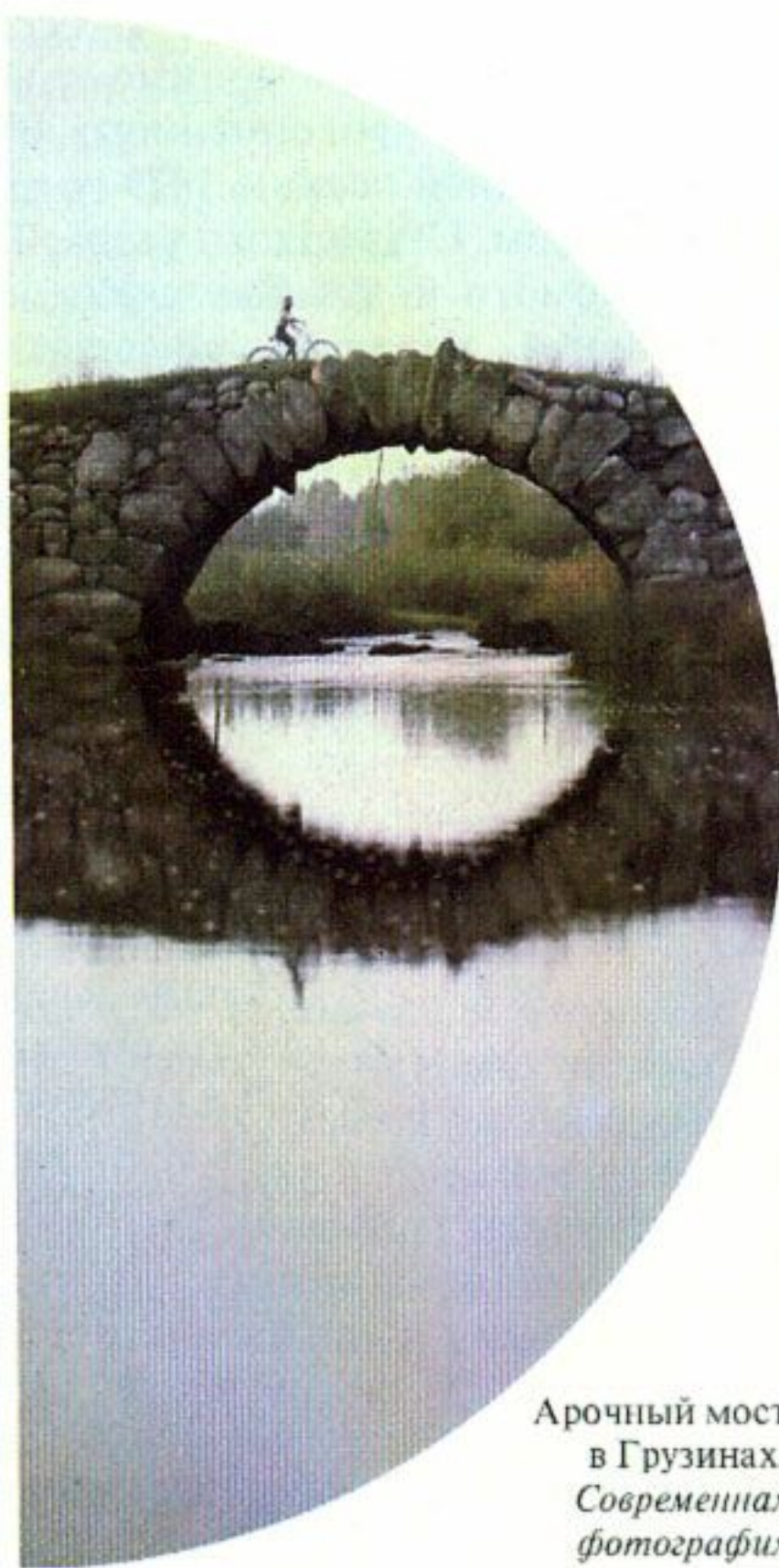

Рисунок
А. С. Пушкина

Арочный мост
в Грузинах.
Современная
фотография

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА ТВЕРСКОГО КРАЯ

«... Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса, все это осенью и зимою немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем...»

Строки эти из неоконченного «Романа в письмах» написаны Пушкиным поздней осенью 1829 года в небольшом живописном сельце Павловском, Старицкого уезда, Тверской губернии¹, имении доброго знакомого поэта Павла Ивановича Вульфа. Того самого Павла Ивановича, который, по словам Пушкина, «стихотворствует с отличным успехом» и который так мило «исправил» две строчки в стихотворении дорогого своего гостя Александра Сергеевича, сочинившего в честь прекрасных и синих, как сам синий лен, глаз внучатой племянницы Вульфа Катеньки Вельяшевой одно из прелестнейших стихотворений классической русской лирики:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.

¹ Ныне - Калининская область.

В том же Павловском сочинено и другое, не менее знаменитое стихотворение Пушкина, уже долгие годы украшающее собою многочисленные хрестоматии и учебники отечественной литературы и давно уже ставшее национальным достоянием нашей культуры, столь же вневременным и нетленным, как само бесконечно родное для всех нас имя его создателя:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Тверской край с его старинными русскими городами – *Торжском*, *Старицей*, самой столицей губернии *Тверью*², с неторопливыми, темными от глядящихся в них старых хвойных лесов и прибрежных кустов речками – *Тьмою*, *Жаленкой*, судоходною в прежнее время *Тверцою*, с ослепительно синими льняными полями, с валунами – печатью Валдайских отрогов, повсюду торчащими на полях и пригорках, – край этот занимает особое место и в жизни, и в творчестве Пушкина. Здесь, в Тверской губернии, жили многие его друзья и близкие знакомые, он охотно – и часто подолгу – гостил у них, со

² Ныне – город Калинин.

многими из них постоянно поддерживал, до последних дней своей жизни, очень теплые дружеские отношения. С пребыванием Пушкина в этих местах связано рождение многих его произведений, появление замечательных «тверских» рисунков в черновиках рукописей, рождение творческих планов и замыслов, начало работы над художественной прозой. Через Тверскую губернию, наконец, в пушкинское время пролегал главный тракт Петербург – Москва (дорога эта, впрочем, и ныне проходит все там же), и все поездки поэта из Москвы в Петербург и обратно неизменно связаны были с пребыванием его на тверской земле.

Несмотря, однако же, на столь тесные и широкие связи Пушкина с Тверским краем, изучены они были до недавнего времени относительно мало и соответственно недостаточно хорошо известны неспециалистам. Лишь с созданием и открытием в последние годы в Калининской области так называемого Пушкинского кольца Верхневолжья, включающего музеи Пушкина в селе *Бернове* и в Торжке и пролегающего по местам пребывания и разъездов поэта по краю, среди самых различных кругов любителей пушкинской поэзии возник интерес и к собственно «тверским пенатам» поэта, и к самой теме «Пушкин в Тверском крае», которой посвящена к настоящему времени уже довольно обширная литература³.

Сегодняшнему туристу, совершающему паломничество в места, связанные с жизнью и творчеством «первенствующего поэта русского», Пушкинское кольцо Верхневолжья предоставляет исключительную возможность проехать (либо при желании пройти) по тем самым дорогам, которыми в свое время попадал в столь привлекательные для него *Малинники* или в имение Полторацких *Грузины* сам Пушкин. Калинин – начальная и конечная, если можно сказать так, точка кольца. Отсюда через Торжок и Грузины по старой накатанной дороге поэт подъезжал к небольшой «глухоманной» усадьбе своего друга Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф – Малинникам. И сюда же, если не держал путь обратно прежней дорогой через древнюю Старицу, возвращался он, нагостившись в Малинниках или *Павловском*, посетив соседнее вульфовское Берново. Старые расхлябанные доро-

³ См.: Список рекомендуемой литературы на с. 316.

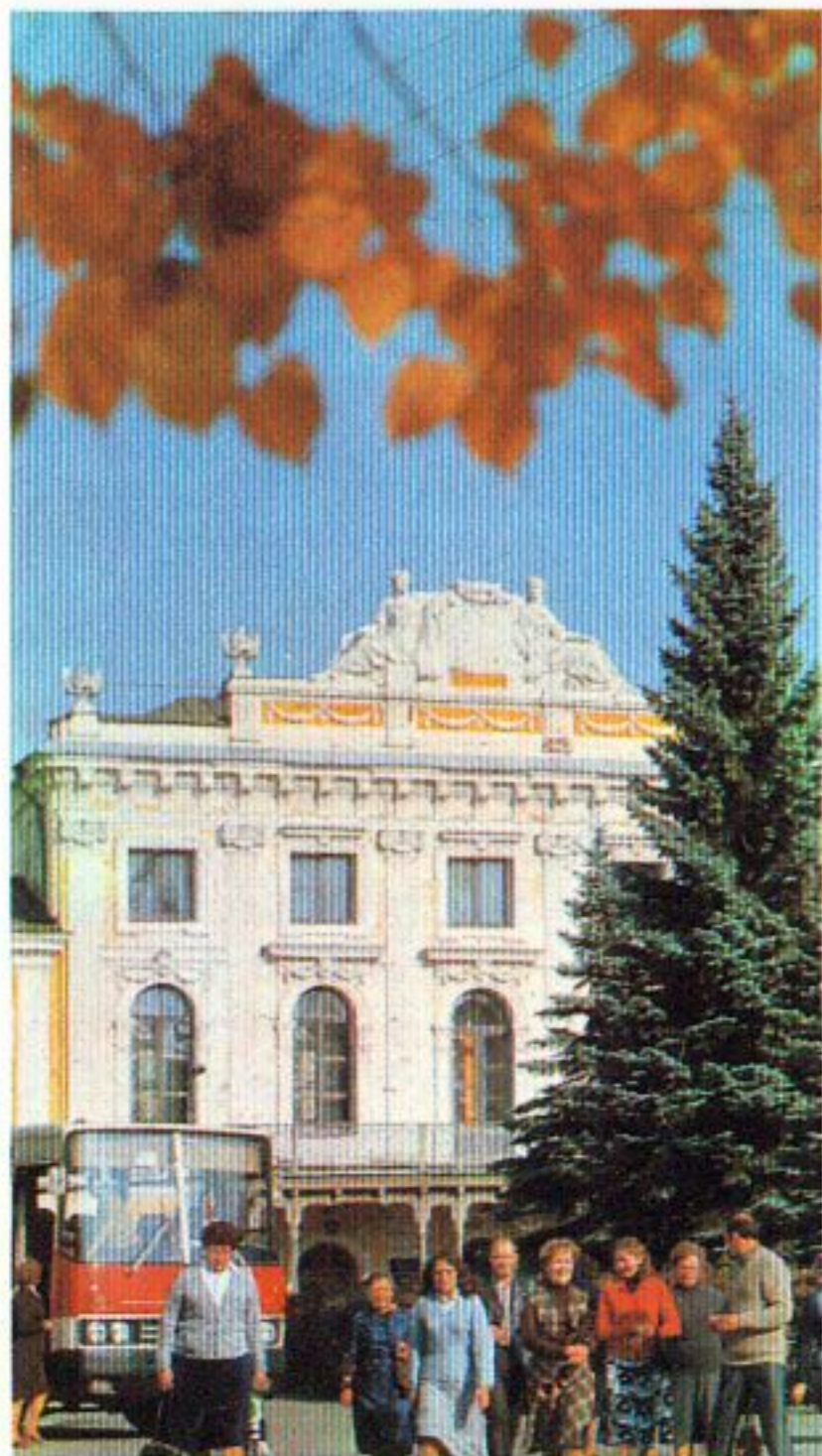

ги с полосатыми верстовыми столбами и размытыми вешними водами рвами «под разобранном мостом» сменились сегодня гладкобегающим шоссе. Но проложено это шоссе почти всюду по тем самым местам, по которым катила когда-то коляска поэта, привозя, увозя, разлучая с друзьями . . . Тверь (Калинин) – Торжок – Грузины – Малинники – Берново – Павловское – Курово-Покровское – Старица. Названия сел, городов и местечек, где Пушкин бывал, останавливался, гостил; названия пушкинских мест Верхневолжья; названия главных «пунктов» Государственного пушкинского заказника Калининской области.

ТВЕРЬ

У Путевого дворца в Калинин

Тверь – столица губернии в пушкинское время – один из древнейших русских городов на Волге. Некогда тут был центр Тверского княжества, долгое время на равных соперничавшего с самой Москвою. Выгодно расположенная на ровном, плоском берегу Волги у впадения в нее рек Тверцы и Тьмаки, Тверь уже к концу XIII века становится очагом, средоточием быстро развивающейся местной культуры. В конце XIII века здесь ведется даже каменное строительство, памятники которого из-за разрушений и пожаров бурных лет российской истории, к сожалению, до нас не дошли.

Подлинный расцвет Твери, лежащей на главной внутренней дороге страны, между двумя столицами – Москвою и Петербургом, приходится на вторую половину XVIII столетия, когда после очередного большого пожара, уничтожившего почти всю деревянную застройку центра, Екатерина II распорядилась придать городу приличествующую ему по положению «правильность». Замечательный московский архитектор Петр Романович Никитин, потомок талантливого художника-живописца петровского времени Ивана Никитина, заново спланировал и отстроил древнюю столицу Тверской губернии. Узкие и грязные средневековые улочки, кривые и тесные даже для проезда в экипаже, сменились улицами ровными и просторными, и сейчас еще выглядящими вполне респектабельно и парадно.

Три большие улицы, прямыми лучами расходящиеся от полукруглой

площади, объединяют, стягивают к единому центру весь город. Одна из них, параллельная Волге, – главная улица города; в прежние времена она звалась Большой Московской и Миллионной (ныне – Советская улица) и по ней пролегало шоссе Москва – Петербург. В наши дни дорога выведена за черту города, чтобы не загружать его огромным потоком круглосуточно движущегося транспорта. Ведь еще в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» 40-х годов XIX века указывалось, что «С. Петербурго-Московское шоссе, составляя в настоящее время главный путь между обеими столицами, есть самая проезжая дорога в целой империи».

Но если шоссе, по которому столько раз, не минуя Тверь, проезжал Александр Сергеевич Пушкин, в наши дни все-таки видоизменилось, то знаменитая набережная на правом берегу Волги (она теперь носит имя Степана Разина), сплошь застроенная одинаковыми двухэтажными, плотно пригнанными друг к другу жилыми домами, образующими как бы «одну сплошную фасад», и сегодня осталась в значительной части почти такую же, какою задумана была и просуществовала более двух веков уже – с 1760-х годов, располагая к себе своею «открытостью» и наивным желанием «производить впечатление». Такой знал эту прибрежную волжскую улицу Пушкин. Может, так же, как мы сегодня, он, гуляя, заглядывал в низкие арки ворот для проезда, может, так же читал

на фронтонах большущие цифры – 1768, чуть по-детски навязчиво, но прямодушно и мило возвещающие прохожим об общем для улицы годе рождения.

Прогулка по этой набережной всегда огромное удовольствие, радость. Радость знакомства, познания, приобщения к национальной культуре минувших эпох, к тому времени, когда здесь ходили люди, встречавшиеся, переписывавшиеся или просто знакомые с Пушкиным, поэтический и человеческий гений которого аккумулировал в себе все то лучшее, то духовное и прекрасное в человеке, что с великою простотой и необыкновенною точностью поэт сам же и выразил в нескольких строках:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Кроме просторных и строгих, классически четких улиц и зданий, кроме «двухэтажной», решенной единым ансамблем набережной, кроме нескольких монастырей и церквей, переживших пожары, нашествия, натиск новых строителей и смену идей, кроме каменных столбиков-тумб по краям тротуаров, давно уже ставших вообще-то ненужными, но таких, как дубы в старых парках, неотъемлемых в нашем сознании от жилья наших дедов, – кроме всего этого, от старой Твери хорошо сохранился великолепный памятник русского зодчества конца XVIII – начала XIX века – Путевой дворец

Екатерины II, предназначенный для особ царской семьи. За постройкой дворца наблюдал молодой тогда архитектор Матвей Казаков; впоследствии, уже в начале XIX века, дворец перестраивал Карл Росси.

Обращенный фасадом к главной улице города дворец поражает не столько величественностью и богатством декора, сколько благородством пропорций и исключительной выразительностью деталей. Особенно хороши павильоны по обеим сторонам фасада. Это лучше всего сохранившая первоначальный свой вид часть здания. В значительной мере именно благодаря этим павильонам дворец создает вокруг себя особую атмосферу изящества, красоты и парадности. Даже в сырую, сумрачную погоду он выглядит празднично-нарядным, как-то по-особому освещенным и вместе с тем достаточно строгим.

В начале XIX века дворец некоторое время был резиденцией генерал-губернатора Тверской, Ярославской и Новгородской губерний принца Ольденбургского, мужа великой княгини Екатерины Павловны, сестры Александра I. В это время здесь часто бывал Николай Михайлович Карамзин; знаменитый историограф читал тут главы своего труда Александру I. В наши дни здание дворца занимают два крупнейших культурных учреждения области – Калининская областная картинная галерея и Калининский государственный объединенный историко-

архитектурный и литературный музей.

Со стороны Волги Путевой дворец окружен парком, который сам по себе – прекраснейшее украшение города и великая ценность. В этом парке над Волгой, на высокой набережной, в 1974 году, в день 175-летия со дня рождения поэта, ему поставлен памятник, удивительно гармонирующий со всем его окружением – старыми деревьями аллеи, простором мощной реки, проступающим в просветах деревьев и построек дворцом, горьковатым запахом многолетних цветов на клумбах. Автор памятника – скульптор О. К. Комов сумел найти очень тактичное, ненавязчивое решение сложной художественной задачи – и широкое признание его произведения стало ему благодарностью за это. Сейчас, когда идешь по набережной парком, трудно представить себе, что совсем недавно еще памятника этого тут не было: настолько естественно, органично он влился в среду, сохраняющую для нас черты минувшей эпохи. А она ощущается здесь во всем. Неподалеку от памятника растут деревья, одни лишь стволы которых способны вызвать образы старины, лет ушедших, когда тут, прогуливаясь по набережной, мог ходить и наверное даже ходил когда-нибудь Пушкин. По ступенькам спускался к воде, глубоко вдыхал влажный, скамейками, тиной и лодками пахнущий воздух, улыбался, быть может, чему-то и, поднявшись наверх и чуть трогая тростью

замшелые стены хозяйственных служб Путевого дворца, возвращался обратно – в лучшую гостиницу города, «к Гальяни». Там он обычно останавливался, когда задерживался на день-другой в Твери, или просто приходил отобедать, когда, торопясь, в тот же день ехал дальше. Итальянскую кухню Гальяни поэт находил недурною и навсегда прославил ее в шутливых стихах, адресованных своему другу Сергею Александровичу Соболевскому:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яишницу сvari.

Здание гостиницы не сохранилось; на месте сгоревших домов Гальяни ныне другая постройка, и на доме №1 по современной улице Пушкина, где стояла старая гостиница, установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте была гостиница Гальяни, где проездом останавливался в 1826–36 гг. А. С. Пушкин».

В Твери жило немало знакомых Пушкина. Один из них – Федор Николаевич Глинка, участник Отечественной войны 1812 года, видный декабрист и поэт, автор знаменитых, глубоко патриотических «Писем русского офицера», стихотворений «Тройка» («Вот мчится тройка удалая . . .») и «Узник» («Не слышно шума городского . . .»), ставших популярными в народе песнями, широко известными и в наши дни. В 1820 году Ф. Н. Глинка горячо хлопотал о смягчении участи молодого Пушкина, которому грозил арест за его «взрывоопасную» тираноборче-

Мемориальная доска на здании, стоящем на месте гостиницы Гальяни (ныне улица Пушкина, 1)

скую поэзию, оказывавшую огромное влияние на прогрессивную часть русского общества. Пушкин ценил литературное творчество Глинки и с большим уважением относился к нему как к личности. В 1822 году поэт пишет в ссылке послание «Ф. Н. Глинке»:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.

Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнание позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны – если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Стихотворение это было написано в письме к брату Льву Сергеевичу, посланном из Кишинева в Петербург в январе 1823 года; поэт просил брата показать стихотворение Глинке. «... Обними его (Глинку. – Авт.) за меня, – пишет Пушкин, – и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира».

В 1830 году Федор Николаевич Глинка из Петрозаводска, куда за причастность к декабристскому движению его выслали после разгрома восстания, был переведен на службу в Тверь, и 13 августа его здесь посетили Пушкин и Вяземский. Сохранилась часть переписки Пушкина с Глинкой; в одном из писем Федор Николаевич пишет:

«Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько за будущее ручаться можно) любить не перестану! – многие любят ваш талант; я любил и люблю в Вас – всего Вас...»
В Калининe, на бывшей Козьмодемьянской улице (ныне улица Желябова, 30), достоял до наших дней дом Ф. Н. Глинки. Старенькое, скромное жилище это более века хранит память о первом своем владельце, прекрасном поэте и большом патриоте земли русской.

ТОРЖОК

Здание бывшей гостиницы Пожарских

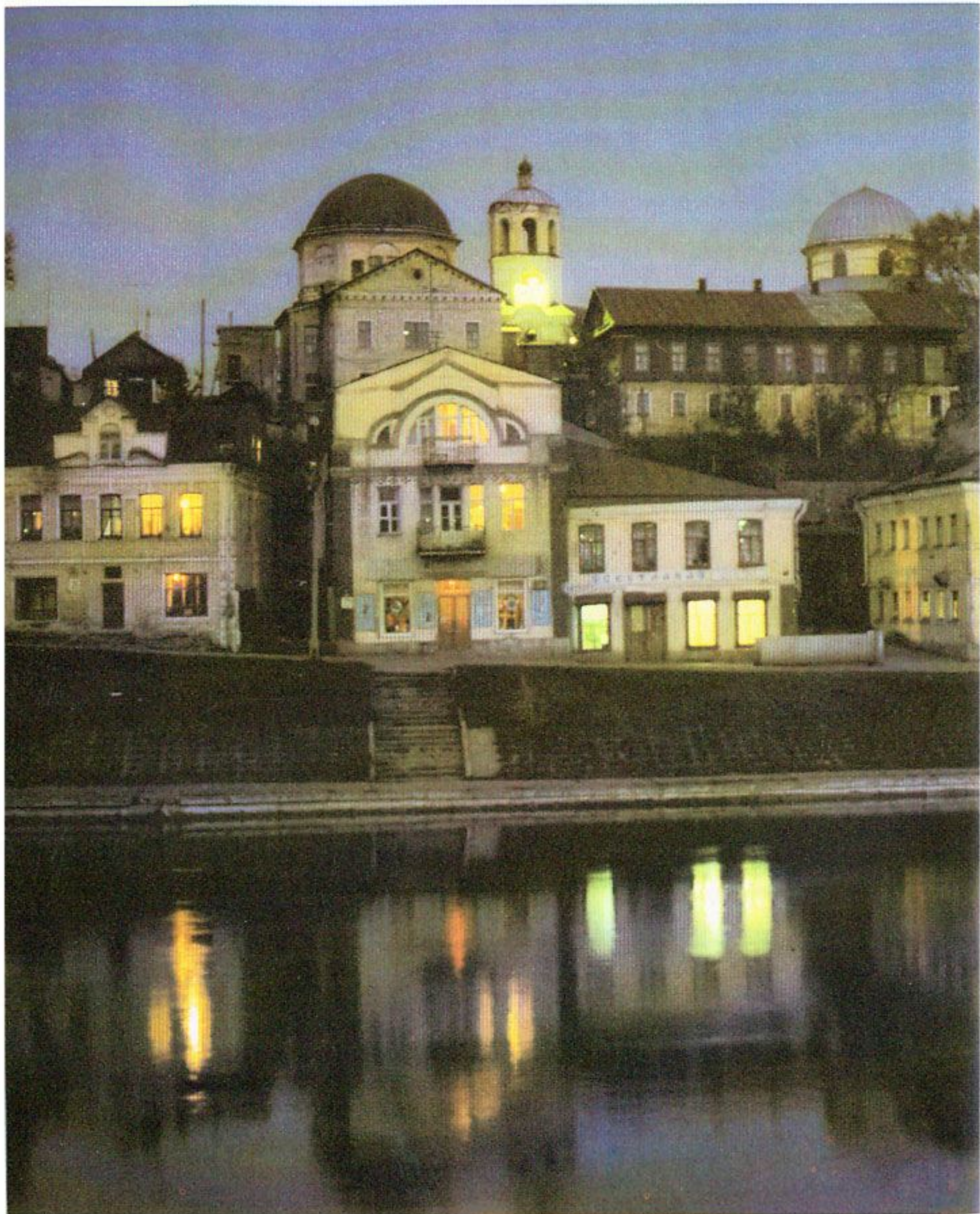
Из Твери (Калинина) дорога Пушкинского кольца ведет в *Торжок*. В древний, прелестный, хранящий память ушедших столетий, эпох, поколений, сберегший имя свое, поминаемое в старых летописях, в фольклоре, в произведениях и письмах Пушкина, Торжок. В небольшом этом старинном средне-русском городе, уютно и прочно возлежащем на высоких холмах по берегам торопящейся к Волге Тверцы, и сейчас сохранилось как будто бы все, что является в нашем воображении с понятием «старый торговый русский город», – куски мощенной булыжником набережной с купеческими подворьями и лабазами, церкви и монастыри на господствующих высотах, древнее городище, торговые ряды на площади, маленькие, с окошками в пышных геранях и неизменно перед ними скамейками, домики на окраинах, а чуть дальше – старые погосты с часовенками, где давно уже никого не хоронят и где можно видеть надгробия с именами, хорошо когда-то известными Пушкину.

Торжок исключительно богат памятниками архитектуры минувших столетий: это и великолепная деревянная церковь Вознесения XVII века – из тех, о которых сейчас принято говорить, что построена без единого гвоздя, высоко стоящая над Тверцой в окружении крепких золотостволых сосен, старых берез и мощно разросшихся кустарников; это и древний (основанный еще в XI

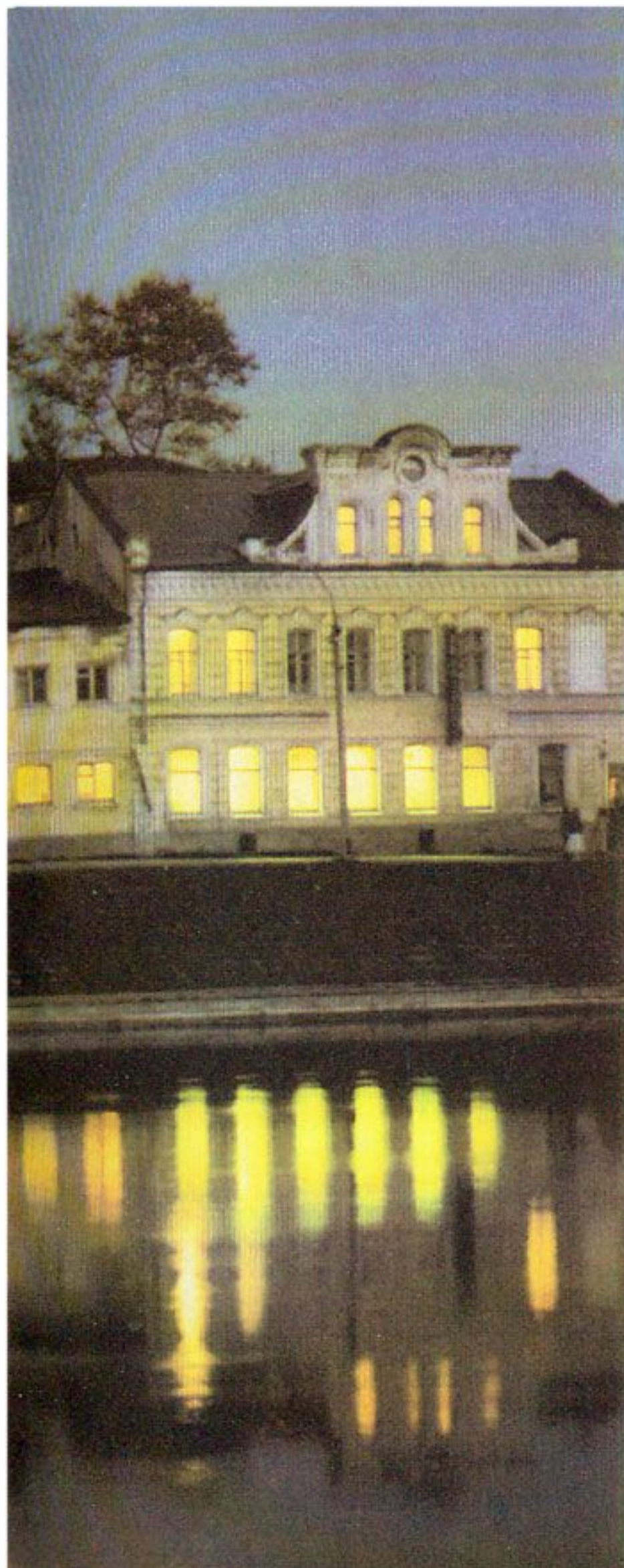
веке) Борисоглебский монастырь с более поздним классически строгим величественным собором и легкой прекрасной колокольной, с надвратной церковью, сооруженными по проекту выдающегося русского зодчего конца XVIII столетия Николая Александровича Львова; это и Спасо-Преображенский собор архитектора Карла Росси на территории древнего кремля и многие, многие другие сооружения, имеющие не только историческое, но и собственно художественное значение.

Однако сегодняшний Торжок – это не только памятник минувших столетий, это вместе с тем и современный промышленный город, с крупными предприятиями, Научно-исследовательским институтом льна, различными учебными заведениями, это один из культурных центров области, немало способствовавший сохранению историко-культурных ценностей и раритетов. С особенной бережностью относятся новоторы (город некогда звался Новым Торгом; отсюда и жители его – новоторы, а уезд прежде был Новоторжским) ко всему, что как-то связано с пребыванием здесь поэта, – к зданиям, местным легендам, к памяти лиц, с которыми Пушкин общался. А бывал тут поэт немало – свыше двадцати раз. Главный тракт Москва – Петербург шел через Торжок, и здесь всякий раз, держа путь из Москвы в Петербург и обратно, Пушкин останавливался в «славном трактире Пожарских», по преданию, в угловой комнате с

эркером на втором этаже, откуда видна была городская площадь.

Отсюда, должно быть, и послал поэт в ноябре 1826 года княгине Вере Федоровне Вяземской шитые золотом «поясы» (Торжок, как известно, издавна славился превосходными своими золотошвейными изделиями), дополнив этот подарок галантным каламбуром в письме к П. А. Вяземскому, посланном вслед за письмом к самой Вере Федоровне: «Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы».

Гостиница Пожарских на Ямской улице (ныне улица Дзержинского) восславлена Пушкиным в тех же стихах к Соболевскому, что и тверская гостиница Гальяни. «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке...» — и далее всем известные строки о знаменитых котлетах. Стихи эти можно видеть на мемориальной доске, установленной на здании бывшей гостиницы; в самом же помещении существует сейчас музыкальный салон, оформленный на тему «Пушкин и музыка».

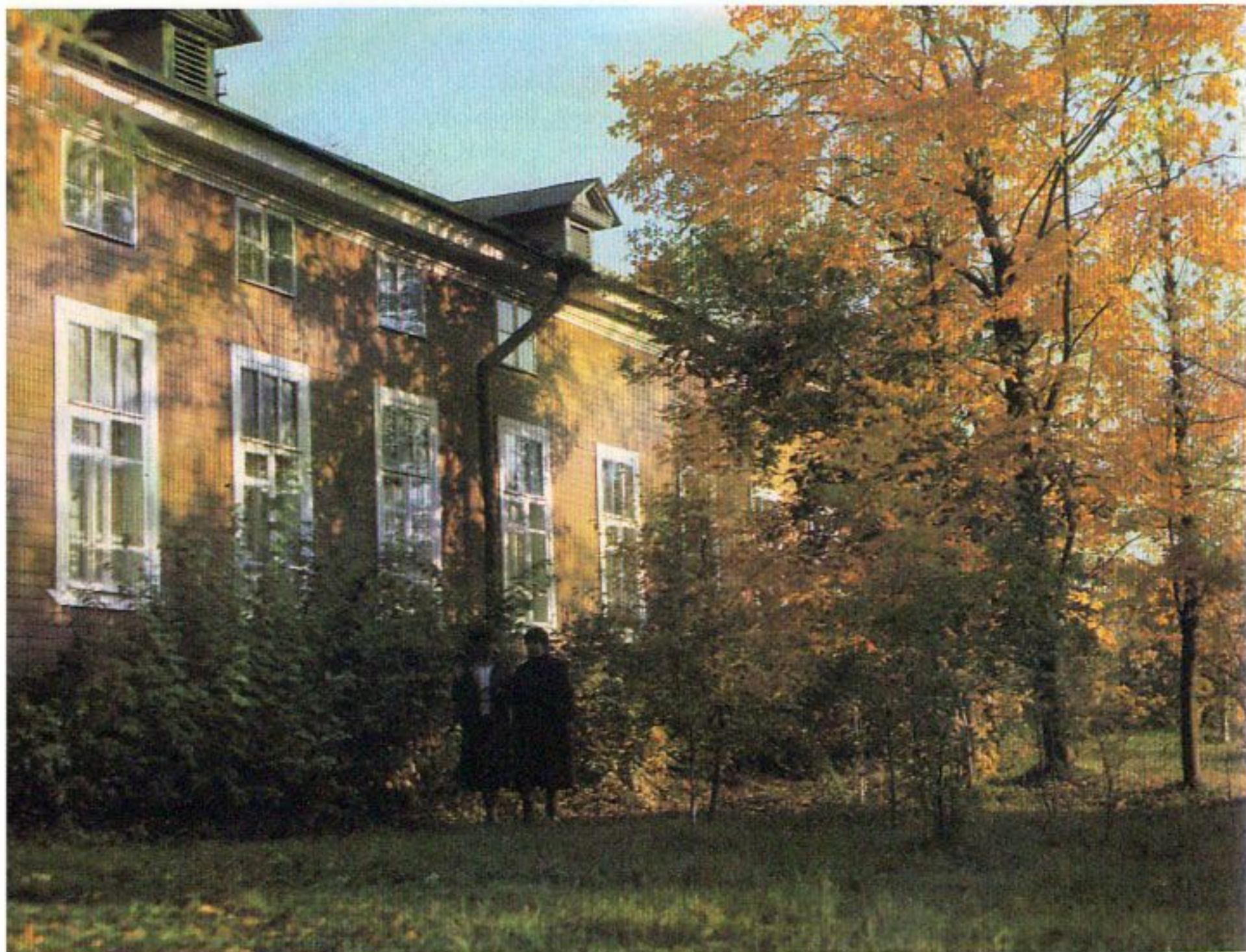
От здания гостиницы Пожарских приезжающие в Торжок начинают обычно знакомство с пушкинскими местами города и окрестностей. Следующий за гостиницей объект осмотра — тут же неподалеку, на той же бывшей Ямской улице. Это старый деревянный дом с садом, крутыми уступами спускающимся к Тверце. В доме этом в июне 1972 года был открыт музей поэта, экспозиции которого знакомят с темой пушкин-

ской дороги и разъездами его по тверской земле, с людьми, тут с ним общавшимися, и конкретно с пребыванием поэта в Торжке. Посетители музея могут видеть старинные карты и гравюры, портреты обитателей

рит славный квас и жарит славные котлеты» (письмо к Наталье Николаевне Пушкиной от 21 августа 1833 года).

Собственно документов говорящих о том, кто именно был владель-

Музей А. С. Пушкина (дом Олениных)

Старого дома, как его издавна здесь называли, вещи, находившиеся тут и прежде. Особое внимание привлекает большой портрет Д. Е. Пожарской, которая, по словам поэта, «ва-

цем этого дома в годы посещения Торжка поэтом, к сожалению, пока не обнаружено, но по устойчивой местной традиции, по ряду различных косвенных данных, Старый

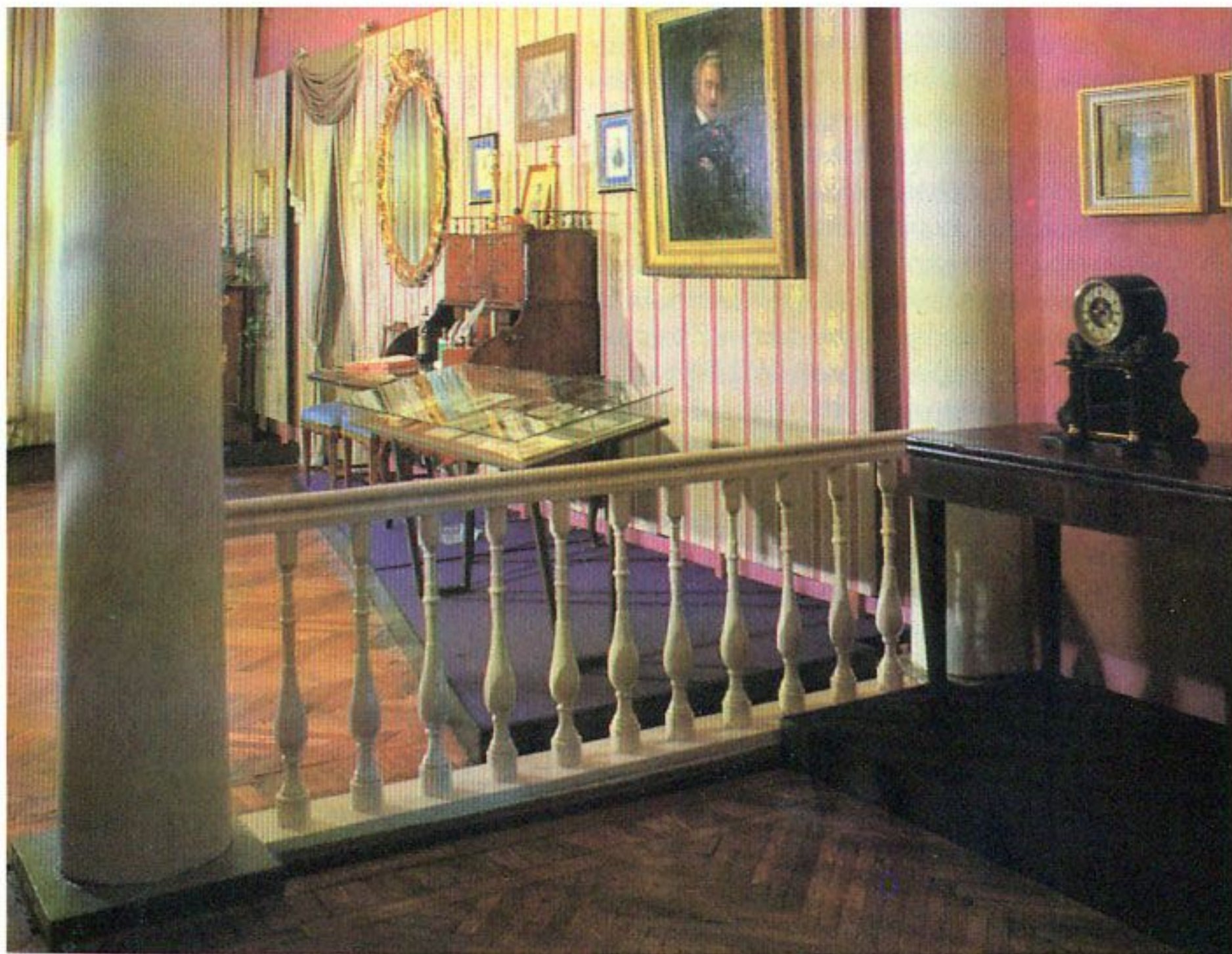

дом на Ямской считается домом Олениных, знакомых Пушкина по Петербургу.

Чрезвычайно интересны в этом смысле свидетельства недавно умершей художницы М. П. Гортын-

Пушкина Петра Алексеевича Оленина, на сестре которого Анне Алексеевне поэт хотел жениться, но получил отказ и мучительно-горько переживал его.

«Бабушка, как я ее называла, первый,

Интерьер музея. Фрагмент

ской, родившейся в этом доме и воспитывавшейся в семье своей прабабушки Марии Сергеевны Олениной, вдовы участника Отечественной войны 1812 года, доброго знакомого

самый близкий, родной образ, встающий в моих детских воспоминаниях, - пишет Гортынская. - Эта Бабушка - Мария Сергеевна Оленина - вдова генерал-майора Петра

Алексеевича Оленина была центром, вокруг которого собиралась довольно многочисленная семья, хотя и живущих в разных местах детей, внуков и правнуков.

Я родилась в доме Бабушки, в Торжке . . . Росла я на Бабушкиной половине, в окружении портретов предков, развешанных по стенам ее комнаты и потому особенно крепко запомнившихся. Это был, во-первых, прапрадед Алексей Николаевич Оленин – Президент Академии художеств, имя которого в семье было окружено всеобщим уважением . . .

Рядом с ним – его жена Елизавета Марковна в пышном кружевном чепце и пестрой турецкой шали. Под ними акварель с видом «Приютина», имения Олениных под Петербургом, где они принимали многочисленных гостей, среди которых постоянно бывали: Пушкин, Жуковский, Вяземский, Крылов . . .

Петр Алексеевич умер задолго до моего рождения.

После смерти мужа Бабушка раздала все свои имения детям:

«Машук» – старшей дочери Лизе, «Истомино» – . . . старшему сыну Алексею, дом в Торжке – младшей дочери Тане, оставив за собой несколько комнат, где и жила очень скромно, на небольшую пенсию, получаемую после Петра Алексеевича . . .

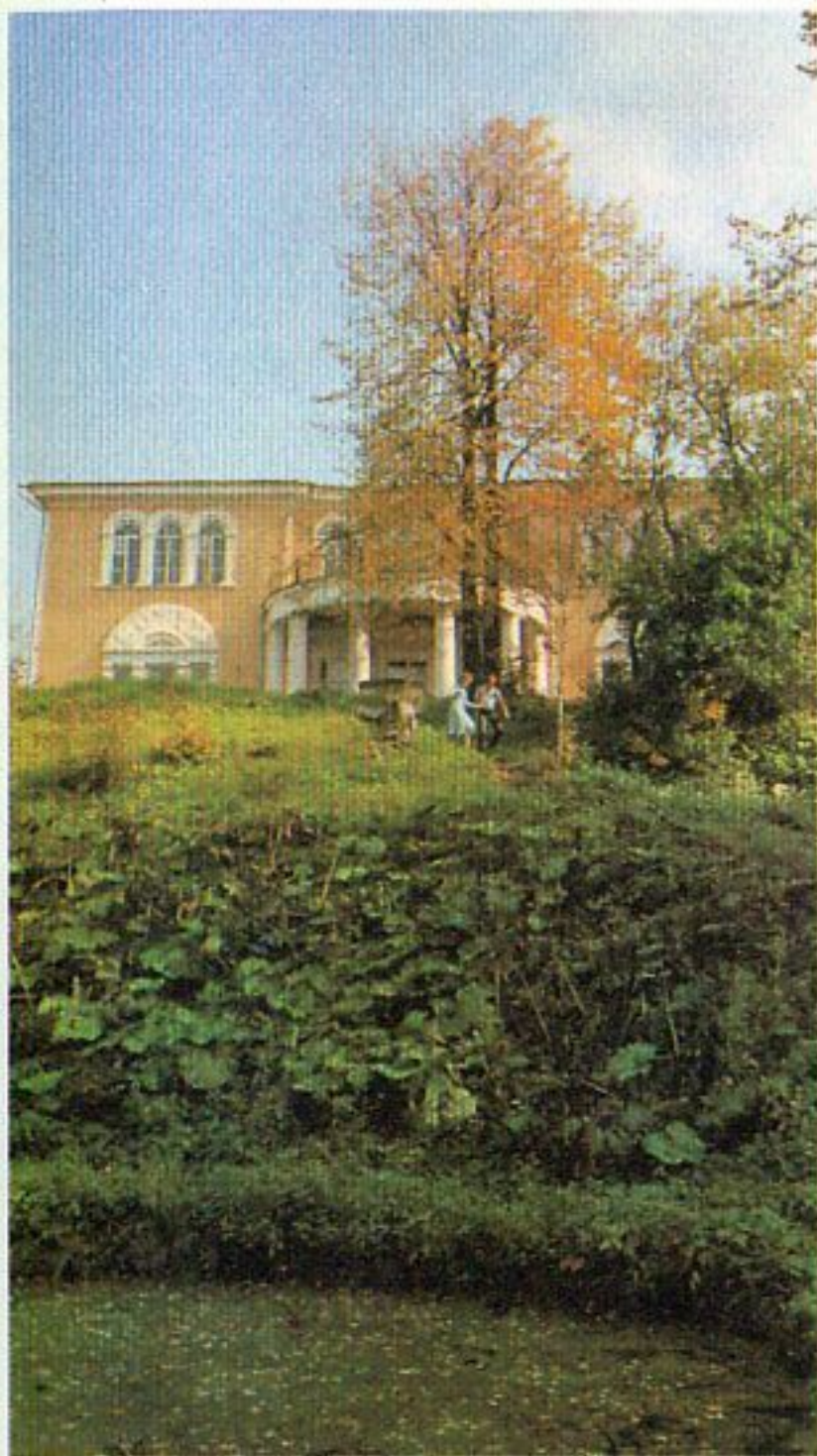
«Старый дом» в Торжке на Ямской улице стоял на тракте Петербург – Москва, по нему проезжал Пушкин, останавливался у Бабушки, и она поила его чаем из своего амбирного

самовара – необычной формы – в виде этрусской вазы с орлиной головой на кране. Еще из воспоминаний о Пушкине была одна могила (в селе Прутня, в верстах 8-ми от города, где был склеп семьи Олениных); на этой могиле мраморный памятник – урна и раскрытая книга. Бабушка говорила, что это могила Анны Петровны Керн . . .»

Мария Сергеевна Оленина, «Бабушка» Гортинской, была дочерью новоторжского помещика Сергея Дмитриевича Львова и жены его, Татьяны Петровны, рожденной Полторацкой, – владельцев расположенной в шести верстах от Торжка усадьбы Митино.

МИТИНО, ПРУТНЯ

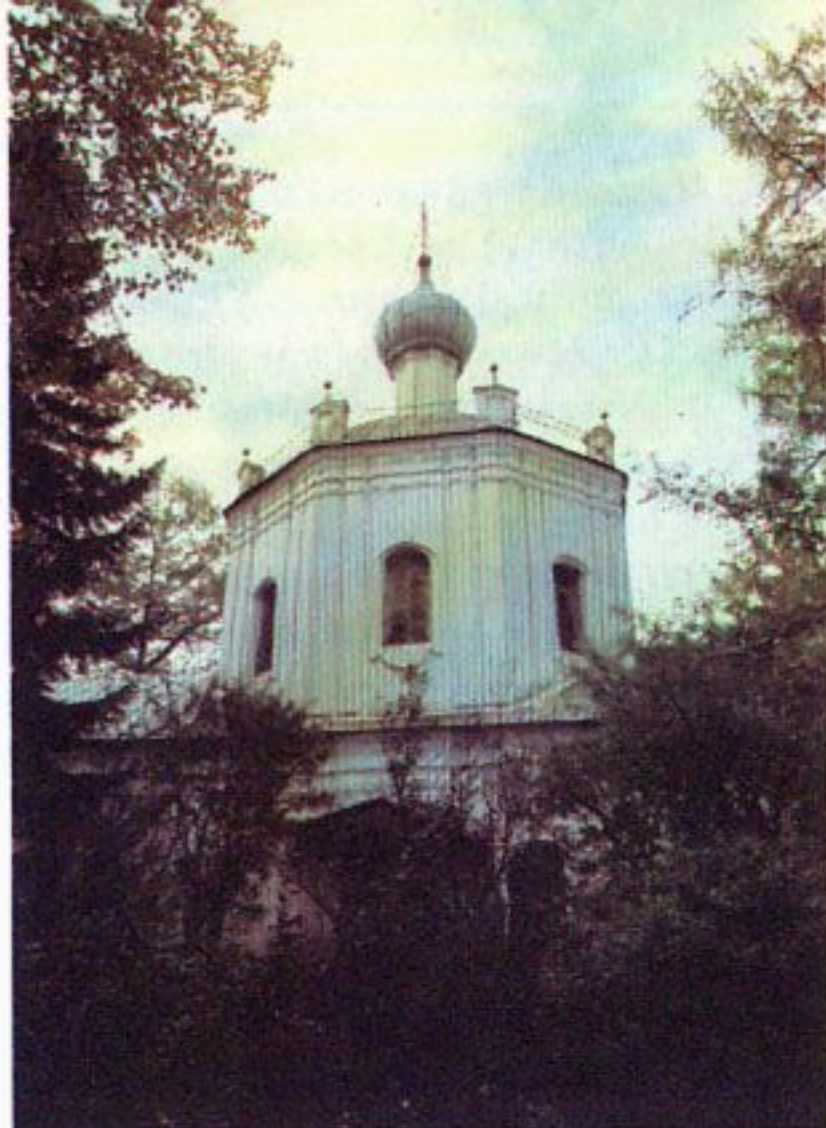
Митино. Усадьба С. Д. Львова

В Митине сейчас находится широко известный за пределами области санаторий, а в начале XIX столетия село Митино, лежавшее вдоль старинного «мягкого» Петербургско-Московского тракта, принадлежало С. Д. Львову. В 1824–1839 годах, то есть как раз в то самое время, когда Пушкин чаще всего проезжал и останавливался в этих местах, С. Д. Львов был предводителем дворянства Новоторжского уезда.

В митинской усадьбе своих родителей Мария Сергеевна Оленина-Львова родила дочь Татьяну и сына Сергея. Это можно узнать из свидетельств об их рождении, хранящихся ныне в отделе дореволюционных фондов Государственного архива Калининской области.

На погосте Прутня, находящемся в двух километрах от Митина, близ старой, XVIII века, церкви Воскресения, среди родовых погребений Олениных-Львовых похоронена Анна Петровна Керн, подолгу в разное время в конце своей жизни гостившая в митинской усадьбе. В наши дни к ее могиле идут и едут многочисленные почитатели поэзии Пушкина, посвятившего А. П. Керн написанное им в 1825 году в михайловской ссылке стихотворение, ставшее в русской поэзии классическим образцом высокой любовной лирики. Пережитые и воссозданные в неповторимых художественных образах «чудные мгновения» жизни поэта сделали имя Керн поистине знаменитым. Личность реальной женщины в памяти поколений давно заменена неким символом чистой,

Церковь на погосте Прутня

прекрасной любви, способной возродить отчаявшуюся душу, пробудить в ней все самое лучшее и высокое, на что она только способна.

Впрочем, Анне Петровне Керн посчастливилось быть восславленной не только в поэзии Пушкина; облик ее запечатлен и в графическом творчестве поэта – считавшийся до последнего времени единственным известным нам у Пушкина профильный портрет ее в черновиках его рукописей 1829 года по праву можно назвать одним из лучших в пушкинской графике. А недавно совсем в той же творческой рабочей тетради поэта, где находится этот хорошо всем известный портрет ее, определен и другой нарисованный пушкинскою рукою профиль Анны Петровны. Он находится в самом низу чрезвычайно интересного, очень красивого и по композиции, и по гра-

фике листа с начальной зачеркнутою строкою «Барышни-крестьянки» из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», списком необходимых дорожных предметов, мало известным пока автопортретом и портретом тверского приятеля Пушкина Алексея Николаевича Вульфа – сына хозяйки Тригорского и Малинников, того самого Алексея Вульфа, кузена Анны Петровны, к которому поэт так ревновал ее в бытность свою в михайловской ссылке. Не исключено, что романтизированный образ Керн отражен и в нарисованной тут же фигуре очаровательной женщины в рост, с тонкой талией, гибкой шеей и высоко уложенными, как на известном уже рисунке, волосами, удивительно легкой и будто плывущей по зеленому лугу, который дарит ее не только прелестью простоты и естественности, но и самими цветами своими, изящным узором струящимися по подолу воздушного ее платья.

Анна Петровна Керн, окруженная в глазах потомков ореолом славы «чудного мгновения» Пушкина, была двоюродной сестрою Анны и Петра Олениных (ее отец, Петр Маркович Полторацкий, – родной брат отказавшей поэту в руке дочери Елизаветы Марковны Олениной, матери Петра Алексеевича и Анны Алексеевны Олениных). Таким образом, Митино, Прутня, Торжок неразрывными нитями связаны с людьми близкого Пушкину круга. И если до нас не дошло документальных свидетельств посещения поэтом Митина, например, то косвенное тому подтверждение можно видеть в

идентификации одного из пушкинских рисунков – пейзажа с погребями и соснами – с участком митинского парка.

На рисунке Пушкина мы видим чрезвычайно характерные для парка митинской усадьбы парами растущие по склону Тверцы сосны (подобные пары сосен стоят вдоль берега Тверцы от митинской усадьбы до самой Прутни, представляя собой интересную природную достопримечательность этого места). Пушкинский рисунок довольно точно воспроизводит и рельеф двух расположенных одна над другой и обращенных влево земляных террас митинского парка – совпадение, которое трудно было бы представить себе, допустив, что Пушкин никогда этого места не видел. И, наконец, погребя. Такие же, как на рисунке, погребя в откосах холмов и

возвышенностей рельефа имелись и в Митине, и в расположенном на противоположном берегу Тверцы и также принадлежавшем в пушкинское время С. Д. Львову Василёве, и во многих других усадьбах Тверской губернии, возведенных, как и Митино, по проектам Николая Александровича Львова, родовое поместье которого Никольское-Черенчицы находилось также в Новоторжском уезде Тверской губернии – недалеке от Торжка, по дороге на древнюю Таложню.

Одареннейший зодчий, гравер, собиратель и исследователь родного фольклора, инженер, литератор, механик, изобретатель, Николай Александрович Львов был выдающимся деятелем русской культуры конца XVIII столетия. Соотечественники обязаны ему не только великолепными постройками и архитектурны-

Могила А. П. Керн

ми ансамблями, но и существенным вкладом, сделанным им в самые разные области русской культуры и науки. И во всей своей творческой деятельности, к каким бы сферам она ни относилась, он неизменно был прогрессивен и демократичен в самом собственном смысле этих понятий. Как литератор он искал близости с русской народной поэзией, стремился постигнуть дух античной классики, переводил Анакреона, ценил естественность, гибкость и легкость поэтической речи; как фольклорист – записывал, собирал и издавал народные русские песни, знатоком и ценителем которых он оставался на протяжении всей своей жизни; как архитектор он строил не одни лишь дворцы и соборы, но и просто жилые дома для друзей, различные хозяйственные сооружения, строил кузницы и погреба, строил даже конюшни, амбары. И все постройки эти, пусть и самого утилитарного назначения, свидетельствовали о высоком искусстве зодчего, отвечали самому придирчивому вкусу. Так, огромное впечатление производит и сейчас трехарочный, с контрфорсами и гротами, эффектно облицованный крупными валунами Чертов мост в Василёве. Он удивителен и необычен. Он необыкновенно красив, романтичен, декоративен. Когда приближаешься к нему со стороны прудов, архитектурную систему которых он завершает, трудно сразу поверить, что этот сказочный мост – реальность, а не мираж, не фанта-

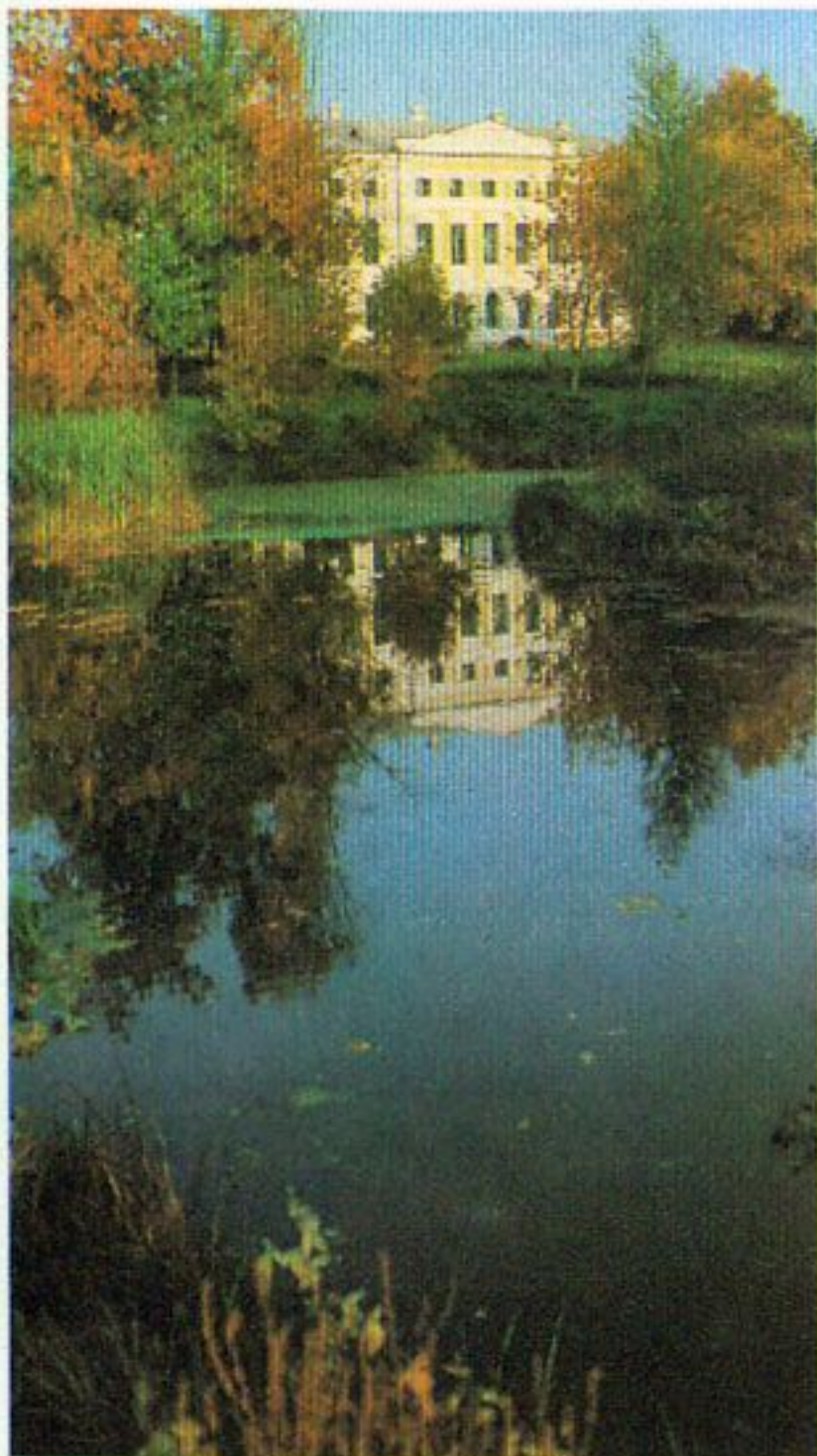
стический образ романтически настроенного воображения.

В создании Чертова моста особенно убедительно проявилось счастливое свойство таланта Н. А. Львова – сочетание художественного дарования с изобретательностью блестящего инженера-строителя. Большинство построенных им сооружений отличает умение совместить практическую их целесообразность с высокохудожественным решением внешнего вида. Удивительно ли, что Пушкин запоминал и рисовал потом в своих рукописях образы неповторимых этих мест, привлекавшие его своей особенной, органической какою-то романтичностью?

Похожие по характеру на василёвский, только более скромные одноарочные мосты видим мы на дорогах митинского парка. Очень красивый одноарочный мост того же стиля, что и василёвский и митинские, есть и в Грузинах – в бывшем имении Полторацких, к которым в 1829 году по дороге на Кавказ заезжал Пушкин. Этот мост через речку Жаленку при въезде в поместье поэт запечатлел впоследствии в одном из своих рисунков. Рисунок моста незавершен, и типичные для построек Н. А. Львова валуны, из которых мост сложен, едва лишь намечены. Но рельеф берегов со стороны парка, с придорожного берега, таким же, как на пушкинском рисунке, выглядит и сегодня. Здесь, перед мостом, Жаленка неожиданно расширяется, создавая иллюзию «большой воды» перед въездом в усадьбу.

ГРУЗИНЫ

Усадьба Полторацких

На современников Пушкина усадьба в *Грузинах* производила немалое впечатление и своими размерами, и благоустроенностью, и даже роскошью. Вспоминая детские годы, А. П. Керн пишет о своей бабушке, знаменитой Агафоклее Александровне Полторацкой, которая, не умея «ни читать, ни писать», сама, без управляющего, распорядилась «четырьмя тысячами душ, многими заводами, фабриками и откупами». «Она была очень строга, — пишет Керн, — и часто даже жестока. Жила она в Тверской губернии, в селе Грузинах, в великолепном замке, построенном Растрелли. Он стоял на возвышении. Перед ним лужайка, речка, на ней островки. За ними печальные, выстроившиеся в одну линию каменные избы крестьян».

О посещении Пушкиным в марте 1829 года грузинского «замка» известно стало сравнительно недавно, в связи с находкой новых автографов поэта на книге Вальтера Скотта «Ивангое» («Айвенго»), подаренной Пушкиным местному учителю Алексею Алексеевичу Раменскому. Кроме дарственной надписи Пушкина, помеченной 8 марта 1829 года и удостоверяющей, что подарок сделан в Грузинах, четырех стихотворных строк из первого варианта «Русалки», рисунков и зачеркнутых стихотворных строк из не вошедших в роман «декабристских строф» «Евгения Онегина» на другом томике «Айвенго», сшитом впоследствии с первым, — в найденной книге, на последней странице первой части «Айвенго», чьей-то рукою начертан план

пути из Петербурга в Москву с указанием от Торжка дороги на Грузины, обозначением самого имения и стрелкою, указывающею на Грузины и сопровождаемою надписью: «К Полторацкому». Таким образом, поездка поэта в Грузины не была дорожным экспромтом. Кто-то специально объяснял ему, как от Торжка туда проехать, и для наглядности подкрепил свои объяснения рисунком маршрута.

Хозяином грузинской усадьбы в 1829 году был сын скончавшейся к тому времени А. А. Полторацкой Константин Маркович Полторацкий – боевой генерал, участник Аустерлицкого сражения, герой Отечественной войны 1812 года, человек, известный своим радушием и гостеприимством. Пушкина, всегда интересовавшегося отечественной историей, и историей 1812 года особенно, перед поездкой на Кавказ, в действующую против турок русскую армию, где находились многие из сосланных туда декабристов, привлекала, должно быть, возможность встречи и бесед с человеком, отличившимся в сражениях Отечественной войны, другом А. П. Ермолова, ветераном, побывавшим в 1814 году вместе с известным декабристом, в то время полковником, Михаилом Александровичем Фонвизинным в плену у французов и даже беседовавшим однажды на военные темы с самим Наполеоном. Вспомним, знаменитое пушкинское «Путешествие в Арзрум» начинается с описания поездки поэта к опальному

Ермолову, герою Бородинского сражения, популярнейшему в русской армии военачальнику, которого декабристы в случае успеха восстания хотели видеть членом временного правительства.

«... Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орел и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова...»

Пушкин желал быть издателем «Записок» Ермолова. Сохранился черновик его письма к А. П. Ермолову, датированный апрелем 1833 года.

«Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном, – пишет Пушкин опальному полководцу, насильственно отстраненному от армии не доверявшим ему после восстания декабристов Николаем I. – Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас ее исполнить, то я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимые сведения и etc.»

Пушкину не пришлось стать издателем «Записок» Ермолова, как не пришлось ему стать и его историографом, но интерес поэта к тем людям, чья «слава принадлежит России», оставался постоянным и неизменным на протяжении многих лет,

и не так же ли до Ермолова заехал поэт и к Полторацкому, и не воспоминания ли последнего о боевом соратнике и командире послужили еще одним побудительным мотивом для поездки к Ермолову, весьма предосудительной – не забудем это – в глазах правительства? Предположение это подкрепляется невольным сопоставлением с рассказом из «Воспоминаний» В. А. Полторацкого о визите к дядюшке в Грузины перед отъездом на Кавказ.

«В кабинете своем Константин Маркович, – пишет Полторацкий, – без умолку рассказывал . . . эпизоды из войн в начале нынешнего столетия, а особенно подробно об Аустерлице, за который в петлице его красовался Георгиевский крест.

Только на четвертый день, вместо двух, пребывания нашего в Грузинах мы . . . после раннего обеда выехали прямо на Медное . . . Дядя от души целовал, крестил, благословлял, выражая сожаление, что не может проводить меня до Москвы, где бы он . . . свозил меня к старому, высокоим чтимому начальнику и другу своему Алексею Петровичу Ермолову». Возможно, что и Пушкин, предполагавший побыть в Грузинах день-другой, не больше, был задержан радушным хозяином, имевшим что рассказать такому гостю. Поэт приехал в Грузины 7–8 марта, а уехал в Москву не раньше 14–17-го, прожив здесь неделю и общаясь, должно быть, кроме хозяина, и с другими интересными для него собеседниками, такими, например, как Алексей

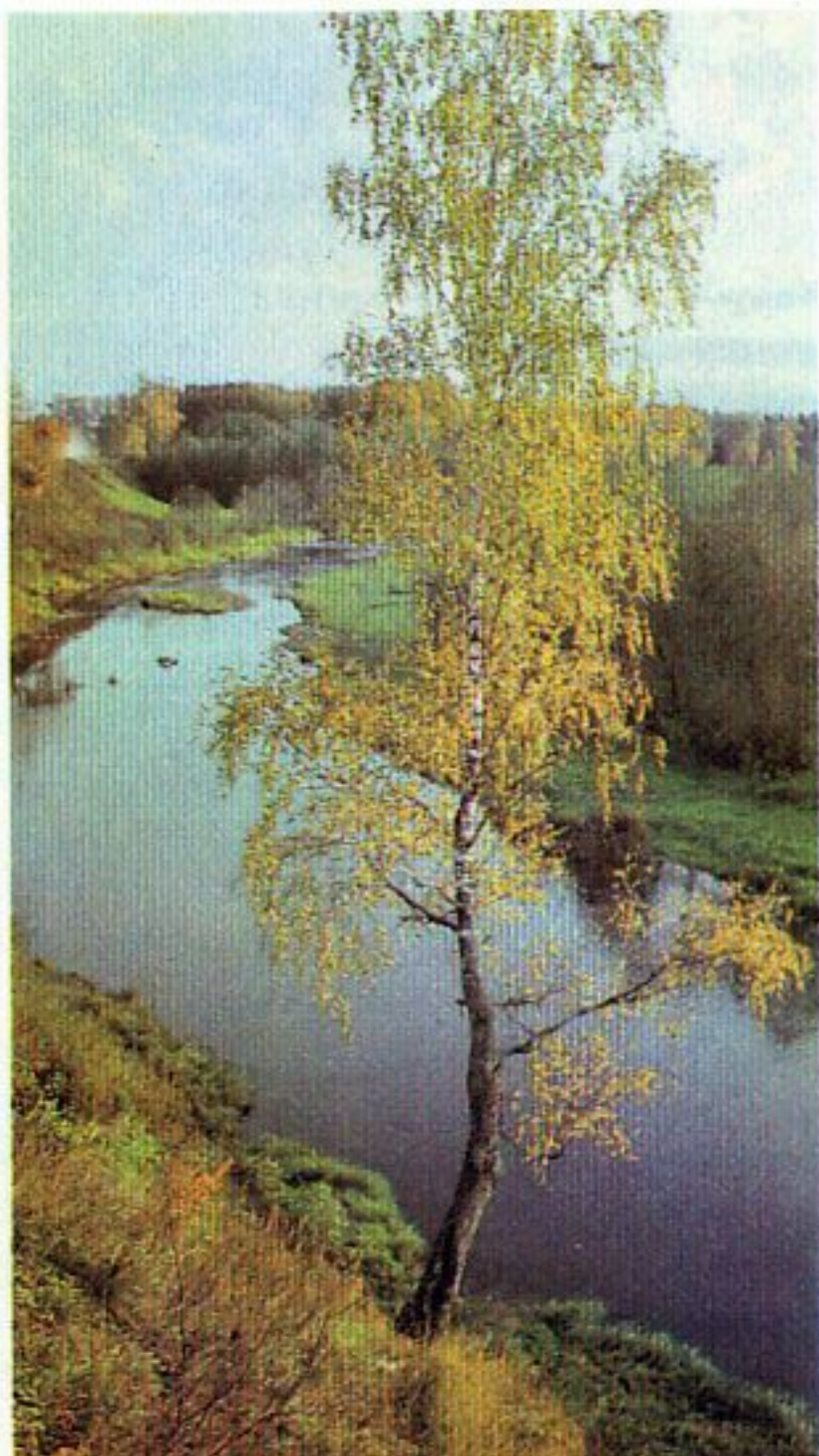
Алексеевич Раменский, который, по воспоминаниям, сохранившимся в семье Раменских, прежде, до Мологина, где он был сельским учителем в это время и где, кстати сказать, и была найдена книга с пушкинскими автографами, учительствовал в Бернове и других здешних местах.

«. . . Алексей Алексеевич не встречался с Пушкиным и много ему рассказывал легенд и преданий, – записал со слов внука А. А. Раменского его праправнук. – Особенно ему понравилась легенда о русалке, когда тверской князь обманул на охоте дочку мельника и та бросилась в омут и стала русалкой. Пушкин просил показать то место, где это произошло. И вот Ал. Ал. повел Пушкина в дикий лес, где, верст 8–9 от Бернова, в темном лесу была старинная деревянная мельница, уже гнилая и поросшая мохом . . . Пушкину очень понравилось это место и легенда о русалке. И стал он работать над драмой «Русалка».

Нельзя, разумеется, верить всему, что передается в этом интересном рассказе. Но какая-то доля достоверности в нем, наверное, существует . . . До наших дней сохранились и мост через Жаленку, и стоящий на возвышении «замок», и «выстроившиеся в одну линию каменные избы крестьян». «Избы» эти стоят вдоль старинной большой дороги, которая и приведет нас, наконец, в *Берново* – главный центр праздников поэзии, ежегодно проводящихся на тверской земле в день рождения Пушкина.

БЕРНОВО, МАЛИННИКИ, ПАВЛОВСКОЕ

Река Тьма в окрестностях Бернова

В старинном селе Бернове, имеющем многовековую историю, находилось самое крупное и богатое из тверских вульфовских поместий. В годы приезда сюда Пушкина им владел Иван Иванович Вульф, один из сыновей сенатора Ивана Петровича Вульфа, при котором в конце XVIII - начале XIX века строился двухэтажный, с колоннами и мезонином барский дом в стиле ампир, великолепно сохранившийся и до наших дней. В доме этом сейчас помещается музей А. С. Пушкина, и его ежегодно посещают тысячи почитателей великого поэта.

«Господский дом в Бернове стоял на горе задом к саду, впереди его большой двор, окруженный каменной оградой», - пишет в своих «Воспоминаниях» Анна Петровна Керн, подолгу жившая в Бернове в детские и отроческие годы.

Но в доме, стоящем «задом к саду», музей поэта обосновался не сразу. Дом был занят школой-интернатом, а музей решено было открыть пока что в маленьком деревянном одноэтажном доме, меньше всего походящем снаружи на какой-либо музей вообще. Домик этот тоже примыкал к саду, но не «задом», как старый господский, а, наоборот, фасадом; от его крылечка видны были и каменный дом, и липовые аллеи парка, и круглый, заросший кувшинками пруд, и даже знаменитая горка «Парнас» с могучей сосной на вершине (старая сосна недавно погибла, и на ее месте посажена новая, молодая), где, по преданию, любил гулять Пушкин. Скромный музей

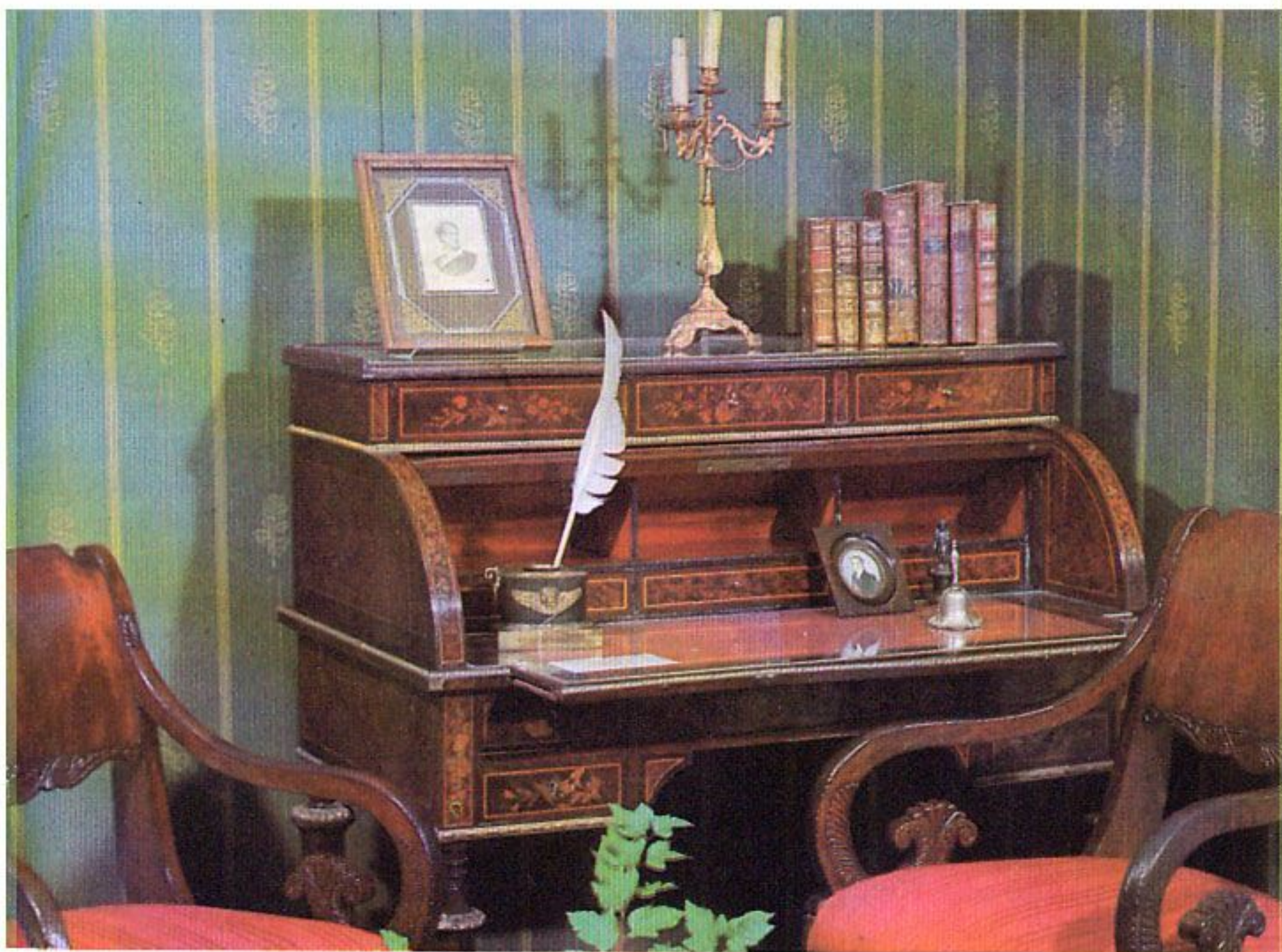

этот был открыт летом 1971 года, в день рождения поэта, и сразу же завоевал сердца всех, кто в нем побывал тогда.

«Это музей великолепный, талантливый и очень нужный. И удивительный! Это целое изобразитель-

Воплотителями этого «изобразительного исследования» были старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина в Москве Светлана Тихоновна Овчинникова и художник Юрий Леонидович Керцелли, по проекту которого

Берново. Интерьер музея А. С. Пушкина. Фрагмент

ное исследование важного творческого периода в жизни Пушкина, его связи с тверской землей . . . » – писал Ираклий Луарсабович Андроников, посетив Берново.

музей был сделан и который отдал ему не только год своей жизни, но и частицу своего сердца.

Прошли годы, и маленький музей переехал в большой каменный дом;

сохранились лишь фрагменты прежней экспозиции, но душа этого первенца пушкинских музеев Верхневолжья унаследована его пресмником. Год от года увеличивается число посетителей музея, и популярность его со временем возрастает, равно как возрастает в нем число экспонатов: постепенно находятся вещи из старицких вульфовских усадеб – мебель, столовое серебро, шкатулки и проч.; часть этих вещей получена музеем в дар от потомков Понафидиных, Вульфов. В экспозиции можно видеть портреты друзей и знакомых Пушкина, тех, кто здесь жил и бывал в пушкинское время, – «тверского приятеля» поэта Алексея Николаевича Вульфа, его сестер Анны и Евпраксии (Зизи, Зины) Вульф, портрет дочери хозяина дома Анны Ивановны Вульф (Netty), упоминаемой в переписке Пушкина с Алексеем Вульфом, «нежной, томной» Netty, в которую поэт в октябре 1829 года, по его словам, «вот уже третий день . . . влюблен».

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве –
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*,

– галантно адресовал Пушкин это шутовское четверостишие Анне Ивановне Вульф, неизменно вызывавшей чуть ироничное восхищение и искреннюю симпатию поэта.

Берново – необыкновенно живописное, очень разнообразное по рельефу и колориту место. Горки, овраги, болотца, укаты; высокие с золотыми стволами и мощными кронами

сосны; неустанно петляющая и то расширяющаяся, то неожиданно сужающаяся едва ли не в ручеек торопливо бегущая речка Тьма, окутанная в сумерки клочьями бело-сизого тумана; таинственные вскрики ночных птиц в темных зарослях берегов; ярко рдеющая у обнаженных корней старых берез земляника . . . А осенью, когда на рыжие листья старинного парка ложатся громадные рыхлые комья прежде времени выпавшего снега и с горы, где стоят старый дом, старый парк, через гроздь отчаянно-красной рябины, через пестрые листья дубов и темные сучья как будто от века стоящих здесь лип глядишь вниз на раскинувшееся село, на прекрасную, еще в XVII столетии построенную церковь, на угаданную скорей, чем увиденную долину Тьмы, – до боли щемящее чувство сопричастности этой земле, несказанной ее красоте захватывает тебя, и ты просто не можешь не думать, что когда-то глядел на все это так точно и Пушкин . . . Сентиментально? Наверное. Стыдно? Ничуть. Чувство это, может быть, самое дорогое, самое ценное, ради чего стоит ехать сюда. Потому что увидеть фасад дома, где бывал Пушкин, или серебряную ложечку с инициалами Аннеты Вульф, которой вкушал он варенья-соления местных хозяек, можно, например, и на фотографиях, а почувствовать то, что ты чувствуешь, можно лишь здесь. В вульфовских поместьях Старицкого уезда – в Бернове, Малинниках, Курово-Покровском, Павловском –

Пушкин бывал в 1828, 1829, 1830, 1833 годах. Однако в Бернове он надолго никогда не задерживался – погостит день-другой и уедет в Малинники или Павловское. Отношения его с берновским помещиком Иваном Ивановичем особою теплотою не отличались. Зато в Малинники или Павловское его влекли не только тишина, красота и уединенность этих мест, но и от сердца идущие дружеские чувства к хозяевам – Прасковье Александровне Осиповой и Павлу Ивановичу Вульфу, владельцу скромного Павловского.

Кстати сказать, впервые посетил эти края поэт именно по приглашению Прасковьи Александровны, доверительно-дружеские отношения с которой связывали его еще по Михайловскому. Пушкин принял приглашение Прасковьи Александровны погостить у нее в *Малинниках* осенью особо тревожного для него 1828 года. Он приезжает сюда 23 октября и уже через несколько дней пишет здесь посвящение «Полтавы», затем завершает работу над седьмой главой «Евгения Онегина» и вскоре заканчивает стихотворение «Анчар», потом пишет «Ответ Катенину», «Ответ А. И. Готовцовой», «Поэт и толпа», «Цветок» . . .

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Приезд в деревню был тогда жизненно необходим поэту, тяготившемуся «духом неволи» официального Петербурга. «Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно . . .» – пишет Пушкин в середине ноября из Малинников Дельвигу. А 26 ноября в другом письме Дельвигу повторяет: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю».

Много раз бывал Пушкин в Тверской губернии, но большинство специальных его поездок в этот край, куда в конце 1820-х годов поэт, по выражению Т. Г. Цявловской, «перенес свои пенаты», связано с посещением семейства Осиповых-Вульф.

Дружеские отношения Пушкина с этой семьей зародились еще летом 1817 года, когда поэт первый раз посетил Михайловское и часто бывал у соседей в Тригорском; но подлинное сближение его с ними относится к 1824 году, первому году михайловской ссылки поэта. Глава семьи Прасковья Александровна с радостью раскрыла для него двери своего дома. Пушкин стал для всей семьи не просто желанным гостем – он стал для них близким, своим человеком⁴.

⁴ См. с. 193–201.

Вот почему поэт так охотно принял приглашение Прасковьи Александровны приехать осенью 1828 года пожить в Малинниках. Приехал – и не пожалел. «Глухоманные» Малинники отныне станут любимым местом его уединения, местом необходимого поэту отдыха от «жизни мышьей беготни», от суеты и суетности «большого света».

«И Пушкина я так живо вспоминаю, и refrain его:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми!»

– напишет десять лет спустя после гибели поэта дочь П. А. Осиповой Анна Николаевна Вульф (Аннета) своей сестре баронессе Евпраксии Николаевне Вревской (Зине Вульф). От малинниковской усадьбы сохранился лишь парк – великолепный английский парк, спускающийся удаленным от дороги концом своим все к той же Тьме, в густые заросли прибрежных малинников (отсюда, вероятно, и название деревни).

Не менее Малинников полюбились Пушкину усадьба Павла Ивановича Вульфа в Павловском, находящемся неподалеку от Бернова и в пяти верстах от Малинников. Здесь ему были симпатичны и сам хозяин, участник Отечественной войны 1812 года, очень добрый, гостеприимный человек, неназойливый и неглупый собеседник, к тому же по случаю и стихотворствовавший «с отменным успехом», и в особенности тишина, и покой, и природа. К такой именно

русской природе поэт с годами становится все более равнодушным – «другие дни, другие сны» . . .

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи –
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых . . .

Строки эти невольно всплывают в памяти, когда по тихой лесной дороге, то и дело выныривающей на покрытые иван-да-марьей, ромашками, лютиками небольшие луга и поляны, идешь от Бернова к Павловскому и перед въездом в усадьбу (бывшим въездом в бывшую усадьбу – потому что от усадьбы-то, в сущности, ничего не уцелело) видишь небольшой прудик с растущими кое-где по краям серебристыми ветлами и неизменно торчащими вниз головой на воде утками.

Павловское пришлось по душе Пушкину сразу же, с самого первого взгляда, и всякий раз, бывая в Старицком уезде, поэт не забывал посетить это тихое и уютное местечко, которому суждено было с его «прозрачным» глубокой осенью лесом, зеленеющими «сквозь иней» елями и блестящею «подо льдом» речкою навсегда оставить след в классической русской литературе. Но поскольку понятие «след» не очень определенное, поясним сразу: в Павловском Пушкин написал не одно лишь «Зимнее утро», а несколько произведений – и в стихах, и в прозе, –

и во многих из них отражены некоторые достоверно конкретные черты жизни поэта именно в Павловском. Так, за день до «Зимнего утра», 2 ноября 1829 года, здесь было написано и другое замечательное стихотворение – «Зима. Что делать нам в деревне? . . .», в котором без труда можно узнать собственно павловские приметы.

Обратимся для сравнения к воспоминаниям воспитывавшейся в доме у Павла Ивановича Вульфа дочери умершего к тому времени тверского священника Екатерины Евграфовны Смирновой, в замужестве Синицыной. «Вставал он (Пушкин. – Авт.) по утрам часов в девять – в десять, – вспоминала Синицына, – и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгою в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы . . .» Сопоставим с этими воспоминаниями стихотворные строки:

Зима. Что делать нам в деревне?

Я встречаю

Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли

постель

Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

И далее:

. . . Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке

Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные

сестрицы), –

Как оживляется глухая сторона!

Как жизнь, о боже мой, становится

полна!

Совершенно реальные, конкретные приметы быта Старицкого и соседних ему уездов Тверской губернии, а также доподлинные черты людей, окружавших поэта во время его пребывания в Павловском, находим мы и в написанном здесь же, оставшемся неоконченным «Романе в письмах». Под первым письмом «Романа» даже подпись стоит – «Село Павловское». Не случайно и упоминание в «Романе» о «500 верстах от Петербурга»: такое примерно расстояние отделяло Павловское от столицы.

А знакомое описание деревни из «Романа в письмах»? «Деревня наша очень мила, – пишет Сашеньке приехавшая из Петербурга Лиза. – Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса . . .» Обычно описание это соотносят с образом «Тригорского замка». Но не похоже ли оно скорее всего на само Павловское? Ведь и в Павловском господский дом (кстати, остатки фундамента его можно видеть и сегодня) возвышался на «горе», и здесь был «прекрасный сад», и кругом также «сосновые леса», и деревня, примыкавшая к господской усадьбе, «очень мила» и т. д.

«Роман в письмах» буквально насыщен разного рода автобиографическими соответствиями, и роль

Карантин
Послаивание
соединяет
дву

Лист пушкинской тетради. А. Н. Вульф, А. С. Пушкин, А. П. Керн

Лист пушкинской тетради. А. Н. Оленин, А. А. Оленина

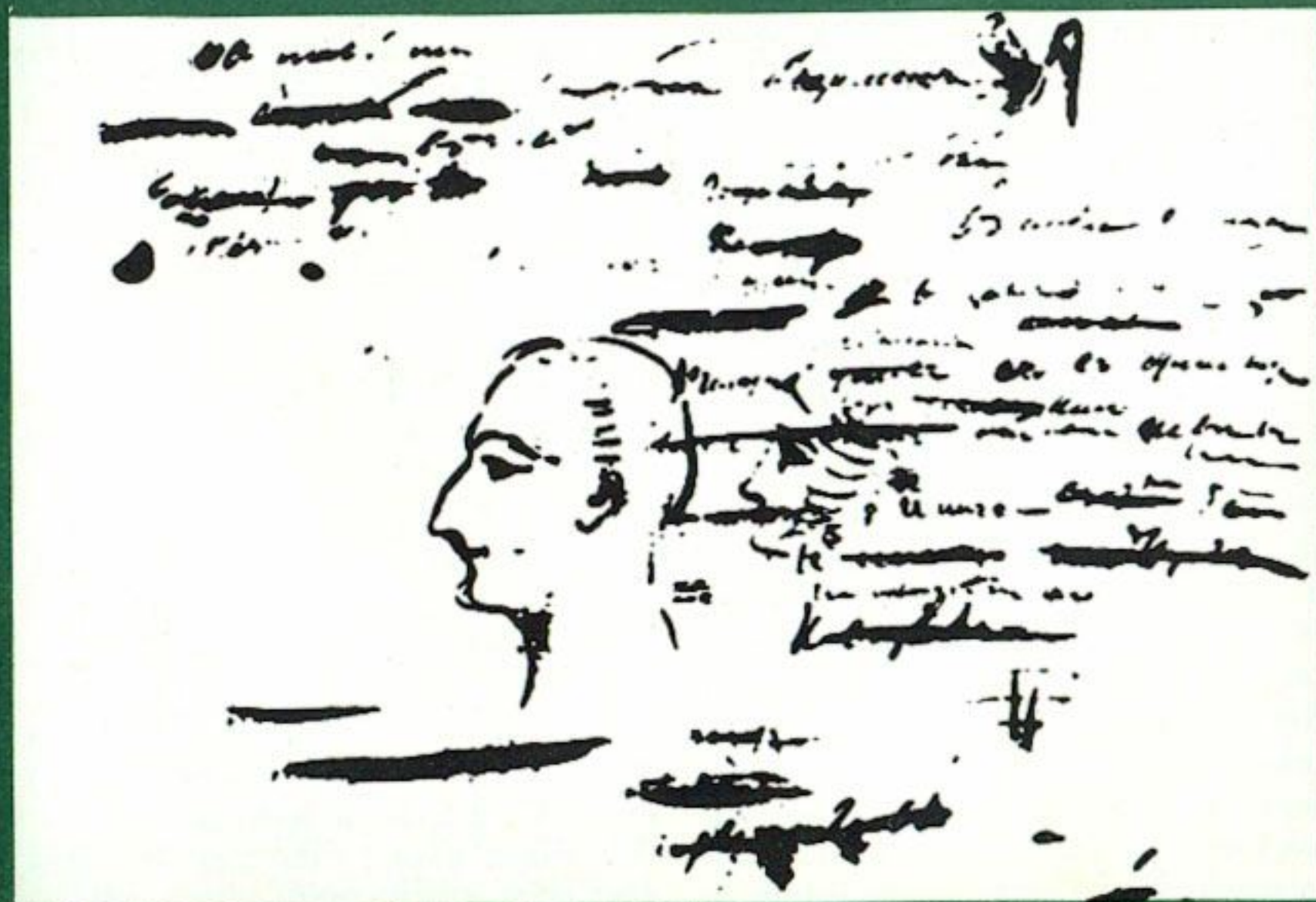

А. А. Оленина. Рис. О. Кипренского. 1828

П. А. Оленин. Акв. А. Брюллова. 1820-е гг.

его в воссоздании биографии и творческой биографии Пушкина этого периода просто не оценима.

«Вот уже две недели как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет».

Жизнь в деревне всегда привлекала поэта.

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны,

– писал он еще в первой главе «Евгения Онегина». Со временем мечта о деревне становилась все более острой («О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги . . .»), и воплощала она в себе нечто большее, чем простое желание тишины и покоя. Поэт жаждал уйти от всего, что жестоко мучило и угнетало его в «свете», хотел обрести обстановку, необходимую ему для занятий поэзией в самом общем, широком значении слова.

В Малинниках, Бернове, Павловском, Курово-Покровском – имении сестры П. И. и И. И. Вульфовой Анны Ивановны Понафидиной, куда поэт также не раз приезжал, живя в Павловском или Малинниках, он всегда постоянно работал. За небольшой относительно срок пребывания в Павловском осенью 1829 года – с 13

октября по первые числа ноября – Пушкин, кроме «Романа в письмах», «Зимнего утра» и «Зима. Что делать нам в деревне? . . .», пишет и большую часть «Путешествия Онегина», пишет оставшуюся неоконченной поэму «Тазит», начинает работать над знаменитыми «Повестями покойного Ивана Петровича Белкина». Очень многое написано им в Малинниках. И даже в Бернове и Курово-Покровском, где он останавливался на день-другой, не больше, Пушкин тоже, по воспоминаниям тверских мемуаристов, писал стихи. «А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа на постели, положив бумагу на подогнутые колени», – вспоминал Н. И. Вульф, сын владельца Бернова Ивана Ивановича Вульфа.

«Имение наше Курово-Покровское, – пишет А. Н. Понафидина, внучка хозяйки имения в пушкинское время А. И. Понафидиной, – имело счастье неоднократно видеть в своих стенах гениального поэта. О посещениях Курово-Покровского Пушкиным я знаю из рассказов бабушки (Анны Ивановны Понафидиной, рожденной Вульф. – *Авт.*) и тетушек . . .

Пушкин был в Курово-Покровском. Он работал над седьмой главой «Евгения Онегина» в Цветной комнате, выходящей в сад. В ней четыре окна: три на западной стороне и одно на южной. Около среднего окна стоял стол. У него-то и находился поэт. Это было около полудня. Пушкин всегда писал в предобеденное время. Мой дедушка (П. И. Понафидин. –

Авт.) зашел к нему. Пушкин любил с ним беседовать и сказал шутливо: - Вот, Павел Иванович, не найду рифмы к этой фразе . . .»

Последний раз посетил Пушкин эти любимые им места, где ему так спокойно жилось и так хорошо работалось, в августе 1833 года.

«Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному».

Письмо это Пушкин отправил жене Наталье Николаевне из Павловского в Петербург 21 августа 1833 года. Из всех писем, написанных им отсюда, это, пожалуй, единственное грустное по тональности. Элегически звучит рассказ поэта о том, что здесь теперь все переменялось. «Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который попотчевал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая,

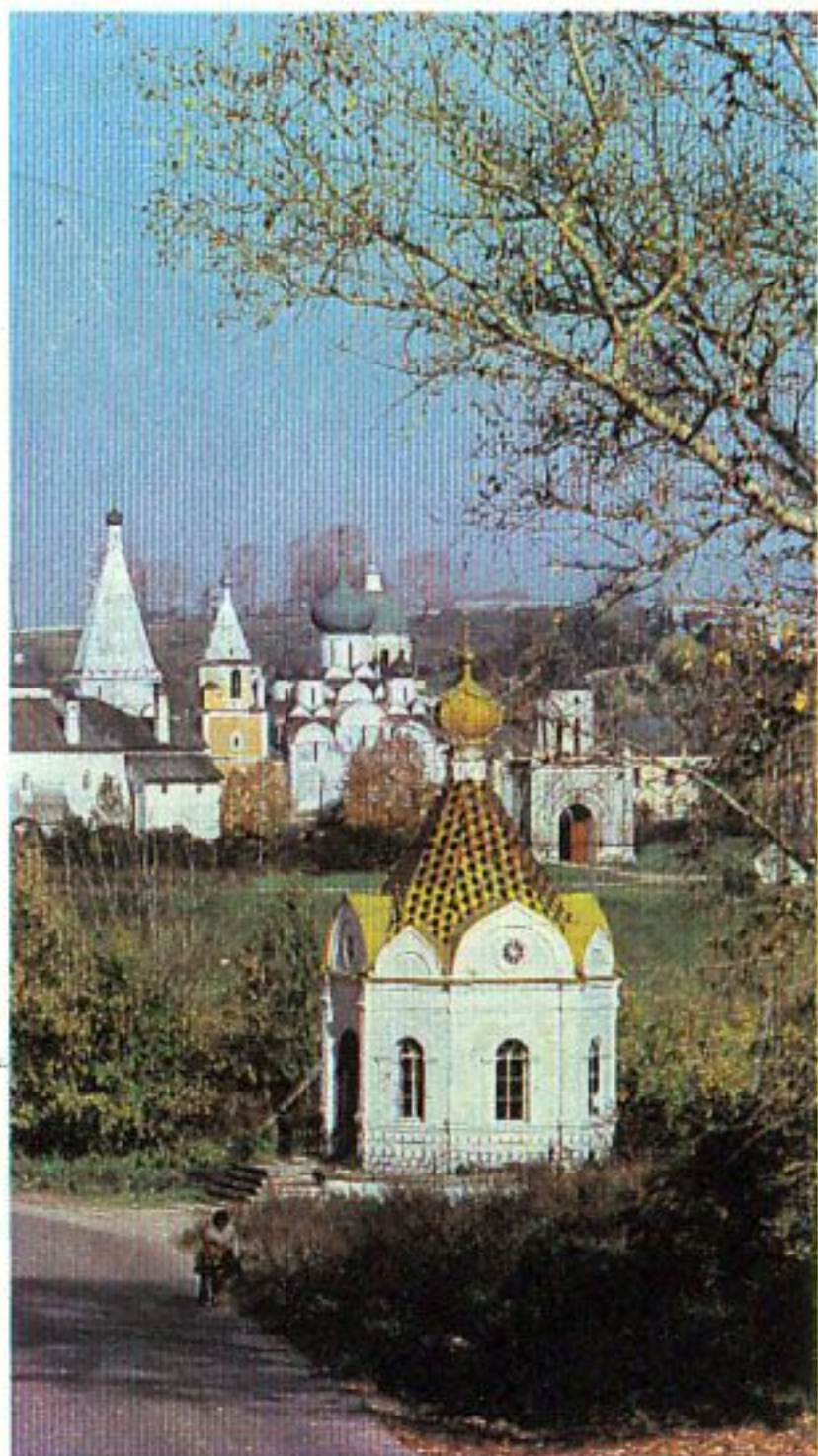
живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу . . .»

«Вельяшева, мною некогда воспетая» - это Катенька Вельяшева, дочь старицкого исправника Василия Ивановича Вельяшева, двоюродная сестра детей Прасковьи Александровны Алексея, Анны и Евпраксии Вульфов, Анны Керн, адресат стихотворения «Подъезжая под Ижоры». Пушкин познакомился с Вельяшевой осенью 1828 года во время своего первого пребывания в Старицком уезде, а потом встретился с нею в январе 1829 года, когда по приглашению П. А. Осиповой приезжал на святки в Старицу.

«В крещение приехал к нам в Старицу Пушкин . . . - записал в своем дневнике приятель Пушкина Алексей Николаевич Вульф. - Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катин В. - Катенька Вельяшева. - *Авт.*), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста осталась холодною: все старания были напрасны».

СТАРИЦА

Вид на Успенский монастырь
с противоположного берега Волги

Старица – конечный, если можно сказать так, пункт Пушкинского кольца. Это прекрасный древний город на Волге, очень небольшой по современным масштабам и очень значительный по той роли, которую он сыграл в истории Древней Руси. Старина в этом городе буквально во всем: и в его чарующем эпическом названии, и в как будто нарочно для этого города созданной топографии – Волга с классическими высоким и пологим берегами; омывающая одну из сторон высокого холма с городищем речка Верхняя Старица; остатки мощного земляного вала, окружавшего некогда древний кремль; отвесные склоны высокого холма, замкнутые глубокими рвами; великолепно разместившийся на пологом берегу Волги сверкающий на солнце белизною собора и храмов, прекрасно расположенный для обозрения Успенский монастырь; круто сбегаящие к Волге улочки с сохранившимися от XIX и даже XVIII веков, двухэтажными преимущественно, особнячками на белокаменных фундаментах . . .

В одном из таких домов в святочные и январские дни 1829 года гремел, как говорили некогда, бал, устроенный по случаю праздников для приехавших гостей и родственников местным исправником Вельяшевым. Играла полковая музыка, уланы кружились с барышнями, маменьки с горделивой тоскою и затаенными надеждами привычно обмахивались веерами, напряженно следя за своими любимцами, и среди веселой, шумливой толпы танцующих от

души отплясывали два приятеля – бывший дерптский студент, кумир местных красавиц Алексей Вульф и «первенствующий поэт русский» Александр Сергеевич Пушкин, приглашенный на праздники в Старицу матерью Вульфа. Оба они были отменные танцоры, оба не гнушались успехом у провинциальных красавиц, и оба, не вполне успешно впрочем, усердно ухаживали за молоденькой кузиной Вульфа – синеглазую Катенькой Вельяшевой.

«Заметила я тогда, – вспоминала присутствовавшая на бале Е. Е. Смирнова (Синицына), – что Пушкин с другим молодым человеком постоянно вертелись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у ней были глаза».

«Здесь я нашел две молодых красавицы, – записал в своем дневнике А. Н. Вульф об этом времени пребывания его с Пушкиным в Старице, – Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета».

Стихотворение, посвященное Е. В. Вельяшевой Пушкиным, необыкновенно изящное, шутливое и грустное вместе, как бы несет в себе это очарование юной провинциалки, называемой в письмах поэта Гретхен.

Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.

Прелестный портрет Катеньки, исключительно выразительный и индивидуальный, оставлен нам Пушкиным не только в стихах, но и в образах изобразительных. В рабочей творческой тетради поэта, которую он возил с собой в старицкие усадьбы, на листе с черновым письмом к Бенкендорфу, содержащим объяснения по поводу запрещения печататься помимо обычной цензуры, прямо поверх чернового текста письма Пушкин нарисовал тоненькую девичью фигурку в рост. В этом рисунке, работая в 1971 году над созданием экспозиции пушкинского музея в Бернове, художник Ю. Л. Керцелли узнал портрет Катеньки Вельяшевой с ее задорно вздернутым носиком, «хитрым взором», небрежно выбившимся из прически локоном, с ее «легкостью», «стройностью», очарованием юности, простоты и естественности. Опубликовавшая этот рисунок С. Т. Овчинникова справедливо определила его как самый ранний пушкинский портрет Вельяшевой (два других известных ранее изображения Вельяшевой опубликованы в книге Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина»). «... Вновь найденный рисунок предшествует во времени двум ее известным ранее изображениям, – пишет Овчинникова. – Это как бы первое впечатление поэта от Вельяшевой, первая попытка пере-

дать ее облик». И это первое впечатление, как часто бывает в жизни, оказалось наиболее ярким, и цельным, и точным. Глядя на эту милую тоненькую девочку, полную жизни, молодых, неистраченных сил, ожидания счастья, невольно вспоминаешь посвященную ей в письме Пушкина к Вульфу строку из написанного поэтом в Малинниках шуточного «отчета» приятелю «о делах наших и чужих»: «Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее».

В этом же письме, кстати, есть и «пункт» о Павловском: «В Павловском Фридерика Ивановна (жена П. И. Вульфа. – Авт.) страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

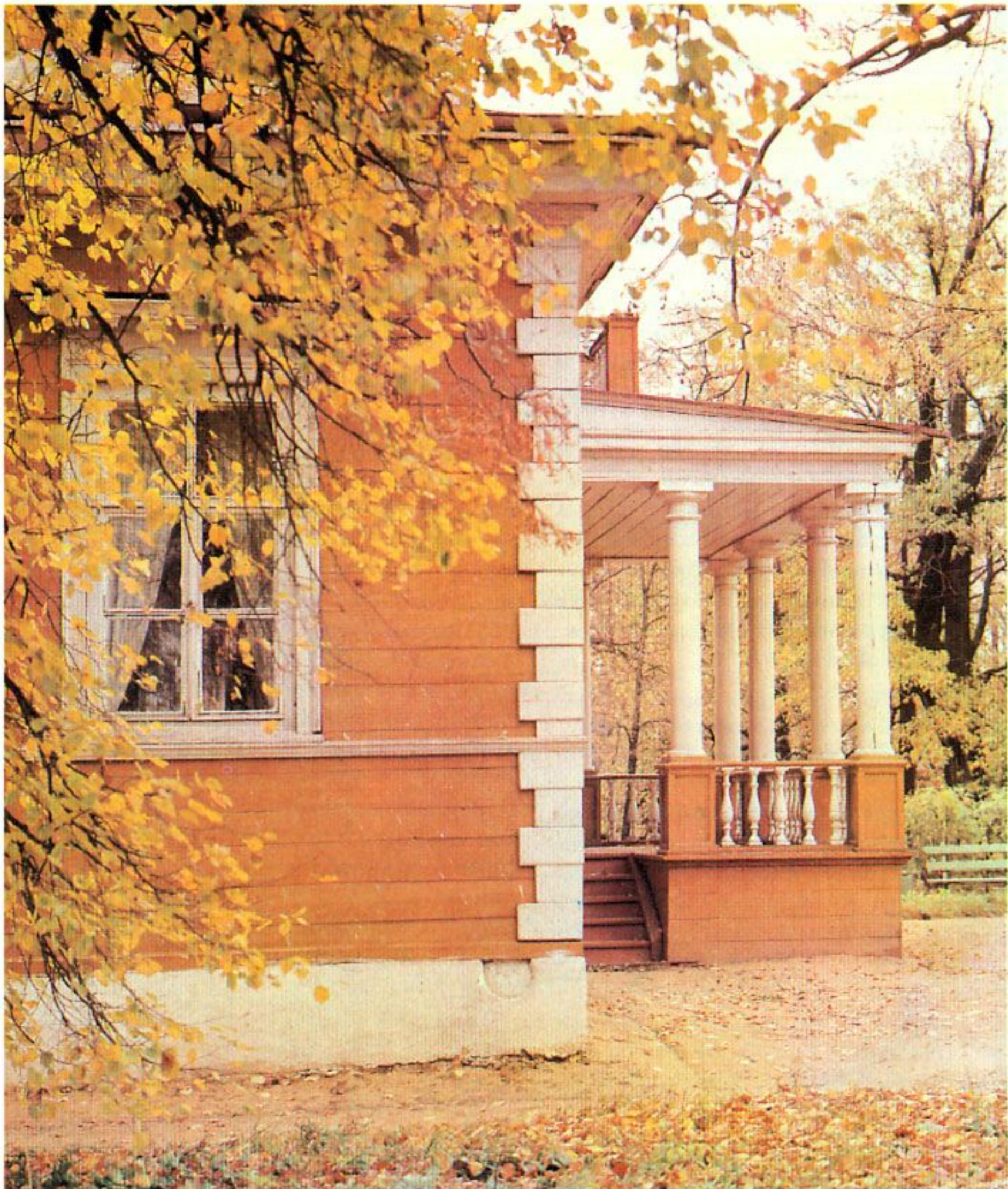
Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило...» В черновиках пушкинских рукописей времени посещения поэтом Тверского края мы находим портреты не одной лишь Катеньки Вельяшевой, но и других его тверских приятелей и приятельниц – Алексея Вульфа, его старшей сестры, Анны Вульф (в Ушаковском альбоме), безраздельно и глубоко всю свою жизнь любившей поэта, Анны Петровны Керн, изображенной на листе с начальной зачеркну-

тою строкою «Барышни-крестьянки», и знаменитый профиль ее на листе черновика протеста Пушкина против самовольной публикации его стихов М. Бестужевым-Рюминым в «Северной Звезде» (1829 год).

Не прошли, как видим, для поэта бесследно впечатления ни от прекрасных тверских пейзажей, ни от живых исторических памятников-городов с их старинною планировкой, реками, монастырями, от усадеб с природными парками, липовыми аллеями, неизменными преданиями и легендами, от людей, хорошо с ним знакомых прежде, и людей, не знакомых ему раньше вовсе, – всех тех, кто радушно, любовно и просто приглашал к себе как желанного гостя Александра Сергеевича Пушкина, и, конечно же, от сердечности, ласки друзей, тех, кто принял его под свой кров в лихую годину гонений и был счастлив принять всякий раз, как тому представлялась возможность. Впечатления эти жили отрадным воспоминанием в памяти Пушкина и полнокровно живут в его творчестве и сейчас своеобразными его «тверскими страницами».

Парадное крыльцо Дома-музея А. С. Пушкина в селе Большое Болдино

БОЛДИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

19 век
весь этот двор
мечта морей
проткнула змея
И саранга за
мной, паши
А ты, Вино, и
Промей мей
Минутная за
А! аварини
и твоя срод
и твоя пур
ом

Фрагмент
рукописи поэта

Письменный стол
в кабинете
А. С. Пушкина

НИЖЕГОРОДСКОЕ ИМЕНИЕ ПУШКИНЫХ

Среди многих памятных мест России, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, по-особому примечателен уголок земли в юго-восточной части бывшей Нижегородской губернии (ныне Горьковская область) – село Большое Болдино.

В творческой биографии поэта ему принадлежит роль не менее значительная, чем известному селу Михайловскому. Сюда, в родовую вотчину своих предков, поэт приезжал три раза. Его пребывание в Болдине было сравнительно непродолжительно – немногим более пяти месяцев в общей сложности. Но именно здесь Пушкиным созданы наиболее значительные произведения 1830-х годов. В этих местах поэт провел осень 1830 года, отмеченную небывалым взлетом творческого вдохновения. Удивительная плодотворность знаменитой Болдинской осени граничит с чудом. Это чудо продолжилось и осенью 1833 года, когда Пушкин посетил Болдино во второй раз. Лишь последний, самый кратковременный, проезд поэта – в 1834 году – не принес таких творческих итогов.

В последние годы Пушкин не раз возвращался к мысли поселиться в Болдине с семьей. Это дало бы ему желанную независимость и возможность трудиться в тишине и уединении.

С Болдином были связаны не только творческие устремления поэта. Его постоянно беспокоила дальнейшая судьба болдинской вотчины. Он надеялся и даже пытался взять управление имением в свои руки.

К началу XIX века когда-то крупное нижегородское владение Пушкиных оказалось раздробленным. История этих земель была связана с пушкинской фамилией в течение нескольких веков, с XVI столетия. По сохранившимся документам известно, что в 1585 году владельцем Болдина числился воевода Евстафий Михайлович Пушкин.

В 1619 году «за московское осадное сидение» – оборону Москвы от поляков – болдинскую землю получил Федор Федорович Пушкин. С тех пор Болдино передавалось по наследству из поколения в поколение. Постепенно расширились границы пушкинской вотчины. В 1740 году имение унаследовал от своего отца Лев Александрович Пушкин – дед поэта. Подполковник артиллерии, во время мятежа 1762 года он отказался присягнуть Екатерине II и был заточен в крепость. Освобожденный через два года дед, по словам А. С. Пушкина, «уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях». Неизвестно, обосновывался ли Л. А. Пушкин на достаточно продолжительный срок в Болдине, но он по-хозяйски относился к своему нижегородскому владению, заботился о его расширении.

Лев Александрович умер в 1790 году, после чего имение отошло его детям. В числе наследников был и отец поэта, Сергей Львович Пушкин. Ему, по разделу с братом Василием Львовичем, досталась юго-восточная половина Болдина, а позднее он стал владельцем и села Кистенева, также издавна входившего в родовую вотчину Пушкиных.

Сергей Львович никогда не жил в Болдине. Почти безнадзорно велось управление имением, доверенное крепостному Михаилу Калашникову. Барская усадьба в отсутствие хозяев приходила в запустение.

В это время и приезжал сюда поэт, останавливаясь в отцовском доме. Усадьба Сергея Львовича была расположена в центре села. Напротив дома высилась каменная церковь. Неподалеку находился пруд. От него вниз по отлогому холму тянулся Долгий порядок, называемый также Базарной улицей и застроенный низкими крестьянскими избами. Улица вела к Базарной площади. Село издавна славилось по округе большими базарами. Вблизи площади располагалась скромная усадьба Василия Львовича: «флигель для приезда господ» да несколько хозяйственных построек.

Василий Львович умер в августе 1830 года, после чего его имение, давно заложенное, было продано с аукциона. Пять лет спустя эта половина Болдина стала владением помещика С. В. Зыбина.

Часть села, принадлежавшая Сергею Львовичу Пушкину, в 1848 году, после его смерти, досталась Льву Сергеевичу Пушкину – младшему брату поэта. Официально в права наследства новый владелец вступил в 1849 году. В связи с этим он приезжал в Болдино, но жить здесь не остался.

Вскоре, через три года, Лев Сергеевич скончался. Его вдова, Елизавета Александровна, в течение четырнадцати лет числилась опекуницей имения.

В 1866 году болдинским помещиком стал законный наследник – двадцатилетний Анатолий Львович Пушкин, сын Льва Сергеевича. Он обосновался в усадьбе и жил здесь постоянно, как потом и его сын, Лев Анатольевич.

В 1911 году усадьба была продана государству. Начало новой эпохе в истории бывшей пушкинской усадьбы положило событие, происшедшее 11 апреля 1918 года. В этот день состоялся сход крестьян села Болдина, принявший следующее решение, записанное в протоколе:

«И на месте сим желательно увековечить память великого поэта А. С. Пушкина (а также равно день великой нашей революции), по обсуждению чего единогласно постановили: данную усадьбу, на ней постройки, сад и при ней полевою землю взять на предохранительный учет . . .»

В 1929 году постановлением Наркомпроса был объявлен заповедным болдинский усадебный парк. А в юбилейном, 1949 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина, в Болдине открылся музей. Экспозиция, посвященная жизни и творчеству поэта, занимала здание старой господской конторы. Позднее, в 1963 году, после реставрации бывшего барского дома здесь был создан новый литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина.

ПУШКИН В БОЛДИНЕ

Пушкин впервые приехал в Болдино, уже переступив порог тридцатилетия – переломную в его сознании возрастную черту. Этот период был для поэта временем сложных переживаний, душевной неустроенности. Многие тревожило его накануне осени 1830 года . . . Все более тяготил постоянный правительственный надзор. Еще в марте Пушкин писал шефу корпуса жандармов Бенкендорфу: «. . . Малейшие мои поступки вызывают подозрения и недоброжелательство . . . Я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать». В открытую травлю превращались журнальные нападки Булгарина. Литературные критики твердили об упадке таланта поэта. Не случайно в последней, болдинской, главе «Онегина», упомянув современные «альманахи и журналы», Пушкин с грустной иронией заметил:

... Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят...

Несмотря на шутливый тон этого замечания, недоброжелательные и откровенно враждебные отзывы о его творчестве, безусловно, действовали на поэта угнетающе.

Подавленного настроения, тревог не рассеивало ожидание грядущих перемен в личной судьбе.

Пушкин сделал предложение юной Наталье Гончаровой и после продолжительной отсрочки, наконец, получил ее согласие. Но отношения с семьей невесты были непрочны, ненадежны. Перед отъездом в Болдино, где он должен был оформить ввод во владение частью села Кистенева, выделенной ему перед женитьбой из отцовского имения, Пушкин рассорился с будущей тещей и уже не был уверен в том, что его хлопоты не напрасны.

Выезжая из Москвы, 31 августа, он писал П. А. Плетневу: «Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери – отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения . . . Осень подходит. Это любимое мое время – здоровье мое обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь. . .»

Путь до Болдина через Муром, Владимир, Арзамас занял около трех дней. 3 сентября поэт был в нижегородской деревне.

В первую же неделю, проведенную здесь, настроение Пушкина меняется. Сельская жизнь с ее неторопливым ритмом и свободой, любимая осень, целительное обаяние деревенской природы действуют на поэта благотворно. В письме тому же Плетневу он делится первыми впечатлениями о Болдине: «Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездь верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов».

Поэт испытывает подъем творческих сил, начинает работать с удивительной быстротой и плодотворностью. Одно за другим появляются произведения различных жанров, в стихах и прозе. Соз-

дается давно задуманное, завершается уже начатое, созревают новые замыслы . . . Почти ничто не отвлекает здесь Пушкина от сосредоточенного, вдохновенного труда.

К счастью, не особенно обременительны для поэта оказываются хлопоты, связанные с переходом в его владение двухсот кистеневских душ и с последующим ходатайством об их закладе. Иногда приходится бывать в Кистеневе. Два раза он должен был выехать в уездный город Сергач.

Вскоре дела улажены, но вернуться назад Пушкин не может. Еще при выезде из Москвы ему было известно, что с низовьев Волги на центральные районы России надвигается эпидемия холеры. Ею оказалась охвачена и Нижегородская губерния. Находясь в Болдине, поэт узнает, что границы губернии оцеплены, на дорогах установлены карантинные. Затем доходит известие, что холера добралась до Москвы. «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине . . . – пишет Пушкин 11 октября. – Мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами». Безвыходность положения приводит в отчаяние. Но мощный творческий порыв, охвативший поэта, заставляет его забыть обо всем. Пушкин продолжает работать с необычайной интенсивностью. События задерживают Пушкина в Болдине до самого конца ноября.

Вернувшись, он сообщал Плетневу: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал . . .» Постоянным, напряженным творческим трудом были заполнены все три месяца, проведенные в нижегородском имении.

Непостижимо богат мир образов болдинского творчества Пушкина, удивительно жанровое и тематическое многообразие созданных здесь произведений.

Болдинской осенью появились «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», написанные на сюжеты из русской действительности. Их героями стали провинциальные помещики и уездные барышни, армейские офицеры, ремесленники-торговцы, бедный чиновник четырнадцатого класса . . .

Повести эти были первыми завершенными произведениями Пушкина в прозе. На практике осуществились его требования к прозаиче-

ским жанрам, сформулированные ранее: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей». В Болдине Пушкин работал и над «Историей села Горюхина». Возникший из размышлений о положении и судьбе крепостного крестьянства замысел «Истории села Горюхина» развился под влиянием непосредственных болдинских впечатлений. Здесь поэт как никогда тесно соприкоснулся со стихией народной жизни, оказался в самой гуще ее. Он ежедневно наблюдал быт крепостной деревни, постоянно общался с крестьянами. Почти вплотную к усадьбе лепились их избы. Из окон дома был виден попов порядок; и, возможно, с натуры была написана безотрадная картина, запечатленная в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый»:

... На дворе живой собаки нет,
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждатель некогда! давно бы схоронил.

От тоскливых впечатлений действительности творческое воображение переносило поэта в иные времена и края – в старую Испанию, средневековую Францию, Англию XVII века . . . «Драматические сцены» – под таким заглавием объединил поначалу поэт цикл созданных здесь драм, названных затем «Маленькими трагедиями». При их «головокружительном лаконизме» поэт достиг тончайшего психологического раскрытия трагически напряженных человеческих страстей. Исключительны глубина и масштабность художественной идеи каждой из драм. Здесь ставятся проблемы эстетические, социальные, философские. «Маленькие трагедии» – это болдинские произведения Пушкина, замысел которых относится к более раннему творческому периоду. Еще в Михайловском, в 1826 году, были задуманы «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость». Очевидно, и начаты они задолго до приезда поэта в Болдино. Осенью 1830 года он продолжил и завершил работу над ними. И только четвертую из трагедий этого цикла – «Пир во время чумы» – Пушкин полностью написал здесь. Основой для нее пос-

лужил перевод одной из сцен драматической поэмы Д. Вильсона «Чумный город», которую поэт читал в Болдине. Вероятно, изображение мрачных картин охваченного чумой города не случайно привлекло внимание Пушкина, напомнив ему реальные бедствия, которые несла холерная эпидемия . . .

Запертый в нижегородской деревне, «как в острове», Пушкин, должно быть, испытывал острое чувство одиночества. Он остался наедине с собой, с миром своей памяти. Оживали образы прошлого, воскресало все, что казалось «могильным сумраком одето» . . . Болдинской осенью поэт создал «прощальный цикл» стихотворений, посвященных когда-то любимым женщинам.

С образом Амалии Ризнич связаны «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной». Е. К. Воронцовой адресовано «Прощанье»:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Грустью проникнуты строфы последней главы «Евгения Онегина», написанной в Болдине. Поэт возвращался мысленно ко времени начала работы над романом, думая о минувших годах, о пережитых утратах:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал . . .
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован,
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал . . .
О много, много рок отъял!

Болдинской осенью Пушкин прощался со своим многолетним трудом, с любимыми героями. Кроме созданной здесь заключительной «песни» стихотворного романа, поэт завершал в Болдине «Путешествие Онегина» – главу, вынесенную затем в приложение. Возможно, он работал и над десятой главой, посвященной политическим событиям начала века. Во всяком случае, рукопись была с ним.

19 октября Пушкин сжег написанное. Сохранилась лишь небольшая часть зашифрованного текста этой главы, прочитанная много десятилетий спустя:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...

Достаточно было прочитать первое четверостишие, где поэт давал убийственную сатирическую характеристику Александру I, чтобы «крамольный» смысл главы стал ясен. Пушкин не надеялся опубликовать эти строфы. Более того, он опасался хранить у себя рукопись и вынужден был ее уничтожить.

Последние главы «Евгения Онегина», «Маленькие трагедии», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «История села Горюхина», около тридцати стихотворений... Кроме того, осенью 1830 года в Болдине были написаны «Сказка о попе и о работнике его Балде», шутливая поэма «Домик в Коломне».

Творческие результаты трех месяцев, проведенных в Болдине, вероятно, удивляли самого поэта. Не случайно, стремясь снова обрести здесь вдохновение, Пушкин приезжает в нижегородское имение три года спустя, осенью 1833-го, завершая поездку по местам, связанным с событиями Пугачевского восстания.

В этот период поэт мог чувствовать себя спокойно и уверенно. Он снова состоял на службе, имея возможность работать в архивах. Это было особенно важно теперь, когда исторические темы занимали все большее место в его творческих планах. Давно не возникало конфликтов с цензурой; поэт не ощущал прежнего гнета «опеки» Бенкендорфа. Благополучно складывалась семейная жизнь. Существовали материальные неурядицы, но Пушкин надеялся поправить положение изданием «Истории Пугачева».

В спокойном состоянии духа, освеженный дорожными впечатлениями, приехал поэт в Болдино. Не случайно неполные шесть недель, проведенные здесь, оказались исключительно плодотворными.

Добравшись до места 1 октября, он через несколько дней приступил к переработке черновой рукописи своего исторического труда. «История Пугачева» была завершена в первых числах ноября.

Параллельно создавался «Медный всадник». Работа шла стремительно, хотя над поэмой, ставшей вершиной среди его произведений в этом жанре, Пушкин трудился с предельной напряженностью и взыскательностью к себе.

В это же время он пишет поэму «Анджело», повесть «Пиковая дама», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», делает переводы баллад А. Мицкевича.

Тогда же в Болдине создается «Осень» (отрывок) – произведение, проникнутое радостным ощущением полноты жизненных и творческих сил. В «Осени» нашли отражение и здешние картины октябрьской природы, и реальные эпизоды деревенской жизни Пушкина. Последние строфы отрывка посвящены описанию таинственного процесса «пробуждения поэзии», разрешающегося вдохновенно счастливыми минутами творчества:

...И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем –
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута – и стихи свободно потекут.

Так, осенью 1833 года Пушкин во второй раз пережил в Болдине пору могучего творческого подъема.

Но внешне эти недели были ничем не примечательны. Дни проходили, похожие один на другой. В письме Наталье Николаевне поэт так рассказывал о своей здешней жизни, о ежедневных занятиях: «Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов – читаю».

Вероятно, подчиняясь подобному однообразному ритму, протекала жизнь Пушкина и в следующую осень, когда он опять оказался в Бол-

Н. Н. Пушкина. Акв. А. Брюллова

дине. Но в этот раз ему уже не удалось «расписаться» здесь. Отвлекали другие заботы . . .

Поэт приехал в имение в середине сентября 1834 года и прожил здесь всего три недели. Последнее посещение Болдина было связано с хлопотами по делам отцовского имения, управление которым Пушкин временно принял на себя.

Он был рад снова оказаться здесь и надеялся, что, кроме хозяйственных дел, будет иметь время для литературных трудов, взял с собою черновики «Капитанской дочки». «Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение», – писал Пушкин жене. В следующем письме он жаловался: «Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю . . . Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет – так с богом и в путь».

В этот раз здесь была написана только «Сказка о золотом петушке». . . . Приходилось заниматься хозяйством, поправлять дела разорвавшегося имения: надо было заботиться о стареющих родителях и о будущем детей.

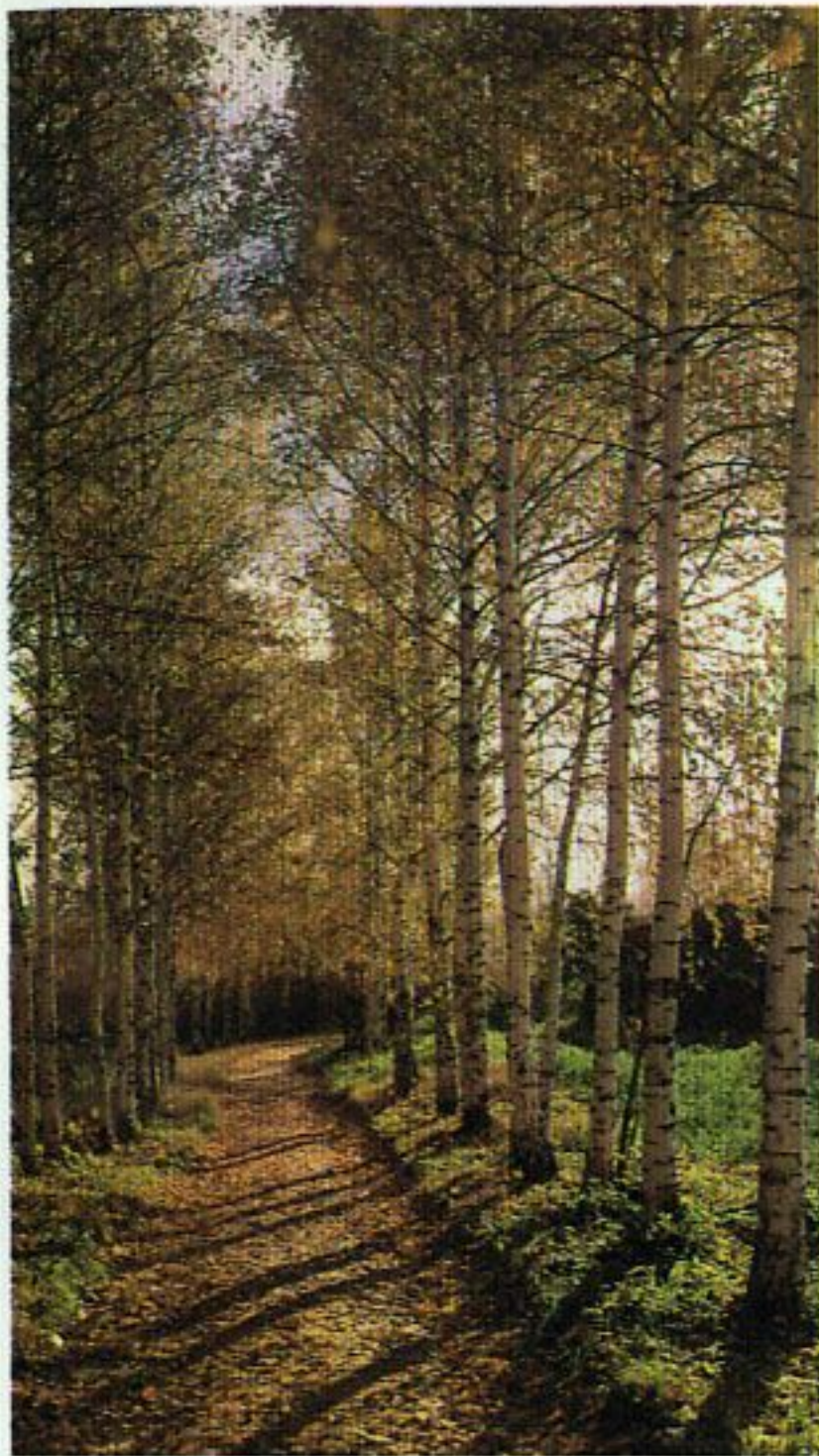
Материальное положение семьи все более беспокоило Пушкина. Долги росли. Столичная жизнь оказалась слишком дорога. Поэт пытался подать в отставку, чтобы уехать в деревню; но вызвал этим упреки в «неблагодарности» по отношению к царю. Отношения с Николаем I, с царским двором снова обострились, особенно после «пожалования» Пушкину придворного звания камер-юнкера, оскорбительного для его возраста.

Тогда в своем дневнике он записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове . . .»

Унизительность и зависимость нового положения угнетали поэта. Все чаще его охватывало ощущение безысходности, глубокой усталости. Не рассеяла этого состояния и поездка в Болдино. Он уже не смог обрести здесь «душевного спокойствия», необходимого для творчества . . .

МУЗЕЙ- ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В БОЛДИНЕ

Усадебный парк. Березовая аллея

В наши дни болдинская заповедная усадьба окружена улицами современного села. Большое Болдино выросло, неузнаваемо изменилось. Но в заповеднике все напоминает о прошедшей эпохе; атмосфера усадьбы помогает приблизиться к тем временам, когда здесь бывал поэт.

От ворот широкая дорожка ведет к *дому*. Он похож на многие сельские особняки первой половины прошлого века. Центральную часть здания, выкрашенного в коричнево-желтый цвет, завершает мезонин с фронтоном. К фасаду пристроена веранда с круглыми белыми колоннами.

Перед домом, возвышаясь над крышей мезонина, растет старая полуторавековая *лиственница*. Существует предание, что ее привез молоденьким саженцем с Урала и посадил здесь сам поэт осенью 1833 года. Вдоль забора, параллельно фасаду дома, сохранились редкие липы с неровными сучковатыми стволами – остатки аллеи, окаймлявшей когда-то усадьбу. Старые деревья и густой кустарник окружают *пруд*, расположенный рядом с домом. С берега на берег перекинут дугой деревянный мостик с перилами. За прудом начинается парк.

Должно быть, во времена приездов поэта многое выглядело здесь иначе. В 1840-е годы, еще при жизни Сергея Львовича Пушкина, и позднее, когда имение принадлежало брату поэта Льву Сергеевичу, а затем его потомкам, усадьба благоустраивалась, здание барского дома подвергалось переделкам. Вероятно, при Пушкине дом не имел мезонина и был проще.

ДОМ-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Обстановка двух комнат Дома-музея воссоздана в мемориально-бытовом плане.

Первая из них – **зальце** – центральное парадное помещение дома. Это просторная комната с двумя большими окнами и застекленной дверью, ведущей на веранду.

Убранство зальца типично для подобных комнат в деревенских помещичьих домах. При воссоздании интерьера учитывалась сохранившаяся опись имущества от 1849 года, где перечислена существовавшая тогда в болдинском доме мебель. А размещенный здесь гарнитур красного дерева – круглый стол, диван и кресла – принадлежал в прошлом болдинским знакомым поэта Виляновым.

Над диваном в центре стены висит большой портрет А. С. Пушкина – копия картины О. А. Кипренского. Подобный портрет, выполненный пастельными красками, на протяжении многих лет хранился здесь, в болдинском доме Пушкиных. В

семье Льва Сергеевича, которому он когда-то принадлежал, его считали авторским повторением.

В угловой, отдаленной от входных дверей, комнате музея воссоздана обстановка **рабочего кабинета поэта**.

Приезжая в Болдино, Пушкин, наверное, не занимал весь дом. Он был неприхотлив в быту. Возможно, при нем комната, в которой он устраивал себе рабочий кабинет, была единственным обжитым уголком. Она могла служить одновременно и спальней. Это было удобно: Пушкину нравилось работать лежа.

У стены за дверью стоит диван с деревянной спинкой. Между окнами – низкий книжный шкаф. В другом простенке – бюро красного дерева. Центральное место занимает письменный стол. Отодвинут на край стола высокий подсвечник, брошено рядом с чернильным прибором перо. Здесь же раскрытая книга – второй том «Истории русского народа» Н. Полевого.

На столе множество рукописей – стремительно исписанные листы с пометками: «Болдино», датами осени 1830 года . . .

1. Дом-музей А. С. Пушкина
2. Музей «Вотчинная контора»
3. Сохранившаяся часть церкви. XVIII в.
4. Лиственница, по преданию, посаженная А. С. Пушкиным
5. Верхний пруд
6. Нижний пруд
- 7–8. Два пруда, прилегающих к бывшей церковной площади

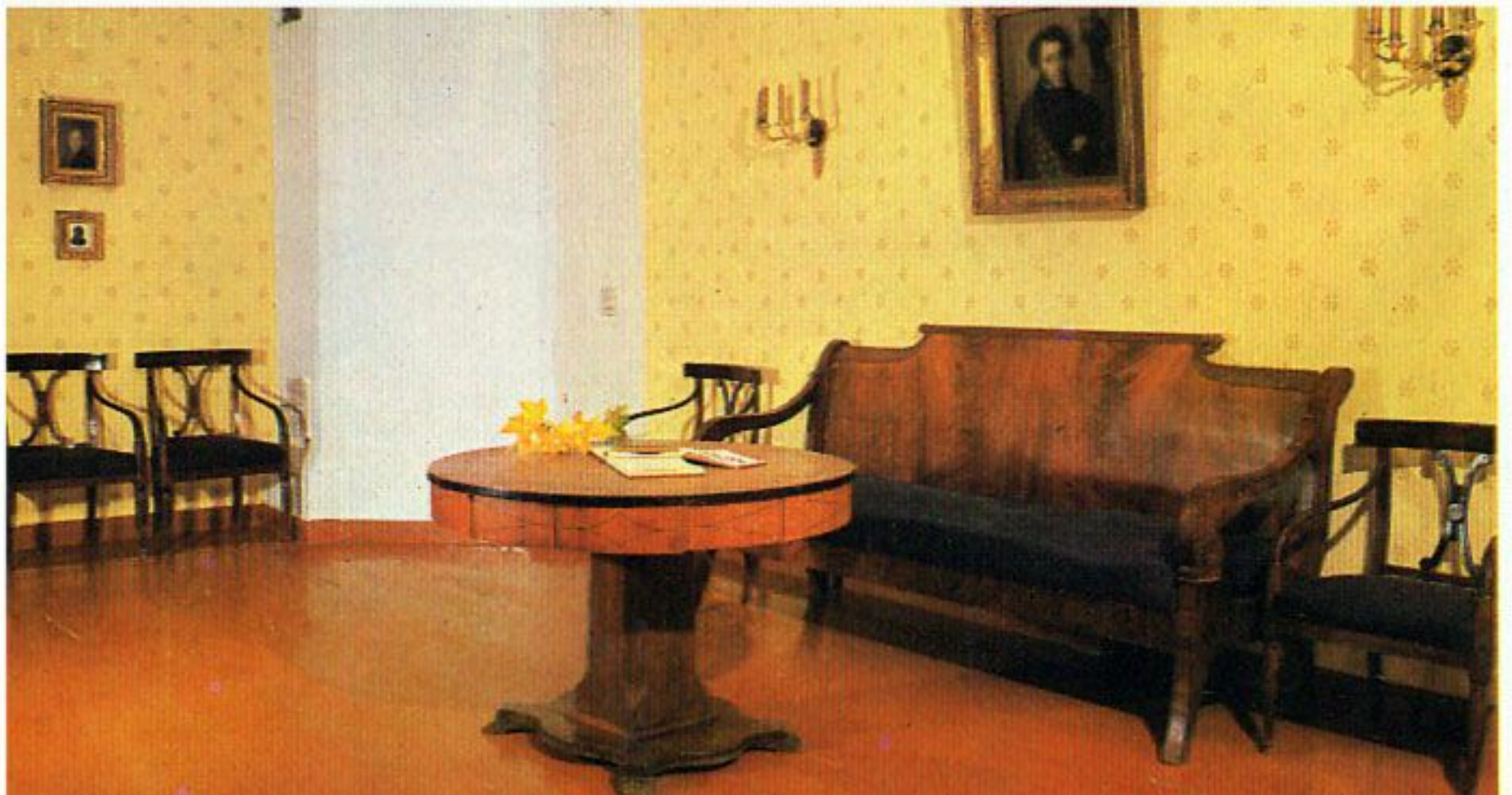
9. Липовая аллея
10. Березовая аллея
11. Смешанная аллея
12. Вишневая аллея
13. Дерновая скамья
- 14–15. Беседки
16. Старые деревья парка (200-летняя ива и два дуба)

БОЛДИНО

ВОТЧИННАЯ КОНТОРА

В свой последний приезд в 1834 году Пушкин останавливался не в барском доме, а в помещении *вотчинной конторы*. Об этом свидетельствовал, со слов старожилов, внучатый племянник поэта Лев Анатольевич. (Вероятно, дом, обветшавший и требующий срочного ремонта, к этому времени был мало пригоден для жилья. Известно, что в 1835 году ремонт был произведен.)

Вотчинная контора, бревенчатый домик с тесовой крышей, стоит на противоположном от дома берегу пруда, в углу усадебного парка. Ее называли также крепостной конторой и бурмистерской. Здесь велись дела по управлению имением, сюда приходили крестьяне с просьбами и жалобами, сюда же приносили положенный оброк.

В годы приездов поэта вотчинная контора находилась за пределами усадьбы, хотя и совсем неподалеку, – за старым, сохранившимся поныне прудом, примыкавшим к церковной площади. В 1860-е годы сруб конторы был перевезен на хутор Алексеевский, входивший в пушкинское имение, а в 1911 году снова возвращен в Болдино. На этот раз здание установили на территории усадьбы, на том месте, где оно в отреставрированном виде находится и в настоящее время. Планировка и размеры конторы оста-

лись прежними. Дом состоит из двух больших комнат, разделенных широкими сенями. С улицы сюда ведут два входа – черный и парадный.

В левой от парадного входа половине конторы воссоздана обстановка **жилой комнаты**. Так она могла выглядеть, когда ее занимал поэт. Бревенчатые стены, чистые некрашенные полы, небольшие оконца создают впечатление особого уюта простого деревенского жилья.

У глухой стены, занимая почти всю ее длину, стоит большой удобный диван. Рядом – раскрытый ломберный стол, который при необходимости мог использоваться вместо письменного. Один из оконных простенков занимает довольно изящное бюро. В углу напольные часы в высоком темном футляре. Придвинута к окну удобная для письма конторка. Вероятно, по случаю приезда Пушкина из господского дома была принесена сюда необходимая мебель.

... Большую часть времени Пушкин проводил или за чтением, или за счетами, хозяйственными документами, в беседах с управляющим. К этому времени старый управляющий был смещен за злоупотребления своим положением. На его место был назначен новый – И. М. Пеньковский, в последующие годы честно служивший Пушкиным. Рабочее место управляющего было в соседней комнате «крепостной» конторы. Туда часто приходилось заглядывать и Пушкину.

Обстановка **конторской комнаты** восстановлена. В ней все напоминает

Дом-музей А. С. Пушкина

Интерьер Дома-музея. Зальце

обычную крестьянскую избу – от бревенчатых стен до простых дубовых столов и стульев.

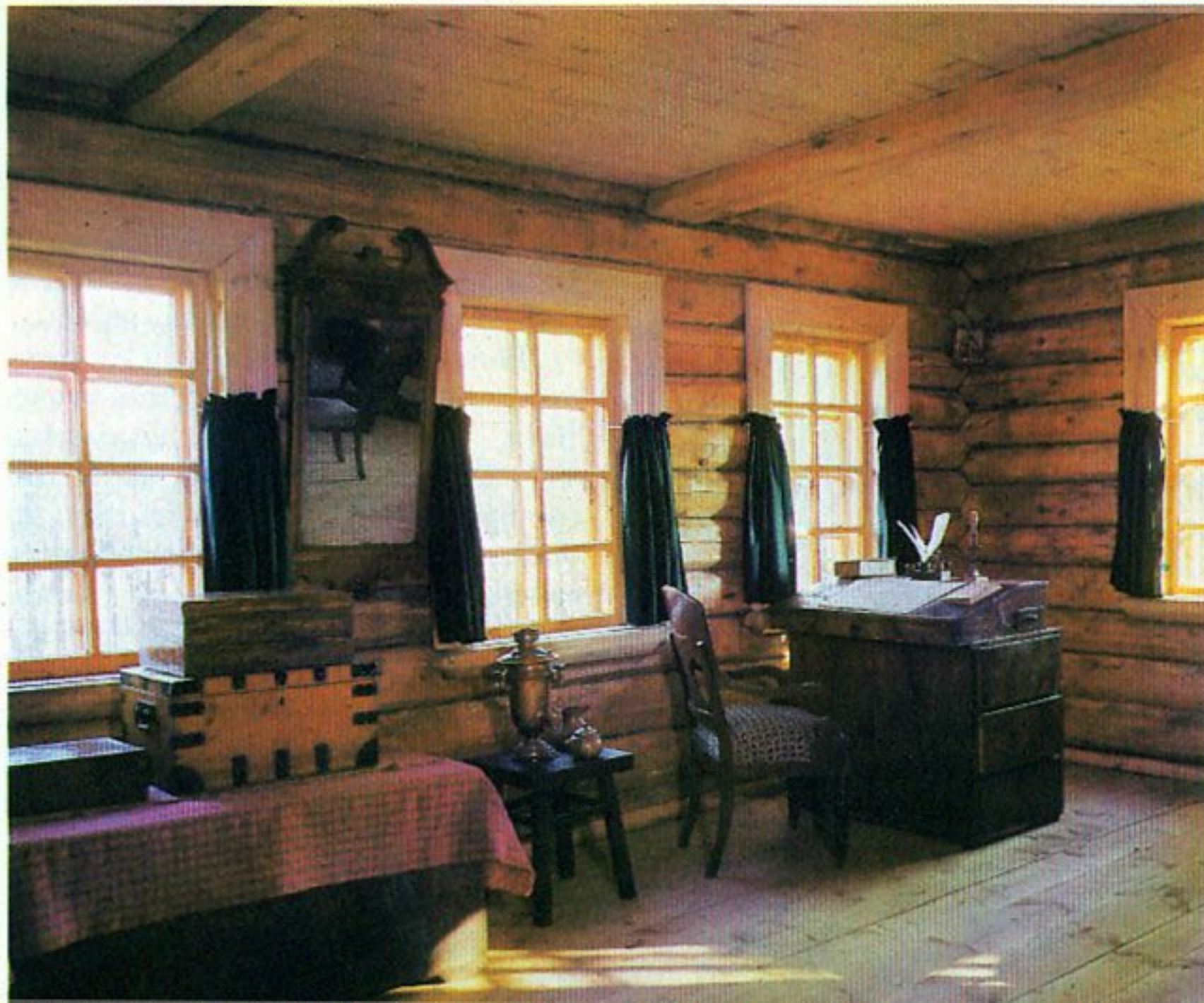
На столах медные чернильницы, очищенные гусиные перья, маленькие костяные счеты и множество сшитых тетрадей – документы из хозяйственного архива Пушкиных. Здесь работали болдинские писари, конторщики.

Напротив двери, в простенке между окнами, стоит бюро управляющего. На нем медный письменный прибор, по преданию, издавна находившийся в вотчинной конторе.

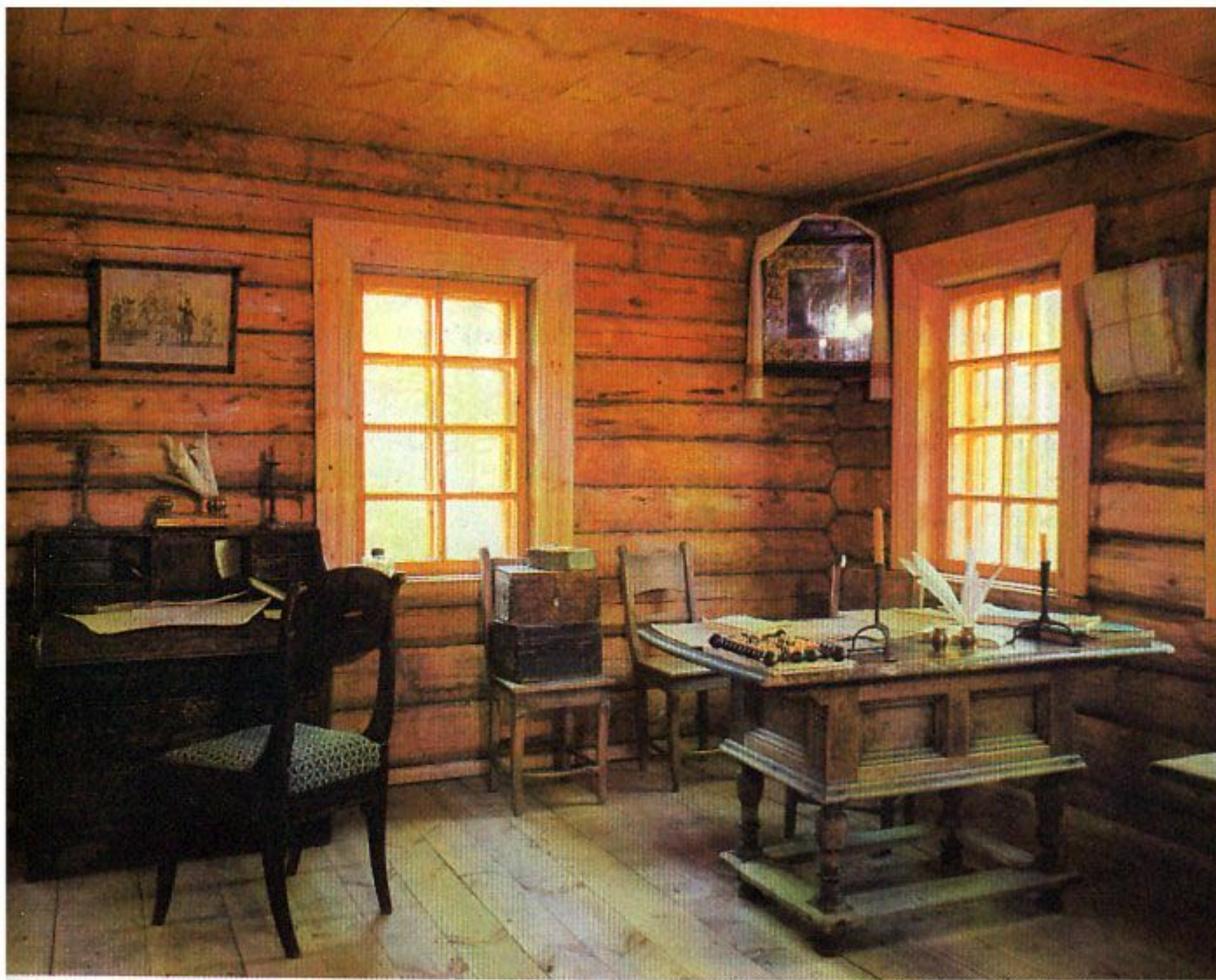
Здесь же среди других бумаг лежит доверенность, выданная поэтом новому управляющему, с перечислением его обязанностей. Пеньковский принимал управление имением в трудное время. Крестьяне были разорены, не выплачивали порой и третьей части оброчной суммы.

На одном из столов стоит сундучок – «копик», куда складывались собранные с крестьян деньги. В конторе принимали и натуральный оброк: поэтому тут имелись весы, безмены, деревянные мерки. Все это можно увидеть и сейчас.

Вотчинная контора. Комната, где останавливался поэт в свой последний приезд

Канторская комната

УСАДЕБНЫЙ ПАРК

... Дорожка от крыльца вотчинной канторы ведет вдоль забора по *липовой аллее*. Эти уже старые, поредевшие липы, как было установлено при исследовании парка, порослевые по своему происхождению: они поднялись на корнях старых деревьев. В пушкинское время липовая аллея тянулась по периметру усадьбы, обозначая ее границы. Парка, как такового, вероятно, тогда еще не было. Кое-где росли от-

дельные деревья – это могли быть вязы, ветлы, дубы.

Самое древнее из сохранившихся здесь деревьев – *двухсотлетняя ветла*. К ней можно свернуть с липовой аллеи. Она стоит на берегу *пруда*. Эту ветлу Пушкин видел уже большим деревом. А *два* стоящие поодаль *дуба* были тогда еще совсем молодыми. Сегодня им около ста шестидесяти лет.

Планировка парка сложилась, как предполагается, в середине прошлого века. Были посажены новые

аллеи. Прогулочные дорожки пролегали, следуя естественному рельефу местности. Композиционный центр парка образовали пруды.

При выходе на широкую плотину открывается один из красивейших видов на *верхний пруд*. Живописен изгиб линии его берега. В темной глади воды четко отражаются ивы, белые перила горбатого мостика, стоящий на берегу дом.

Ниже находится еще один пруд. Оба они составляют единую систему с третьим, расположенным перед усадьбой. Когда-то пруды были искусственно созданы на месте глубокого длинного оврага.

На берегу *нижнего пруда* стоит белая деревянная *беседка* с невысоким шпилем. Особенно живописно выглядит она с противоположного берега – на окруженном водой выступе, среди зарослей шиповника, рядом с высокой раскидистой ивой.

Местные жители называют ее «беседкой сказок». С ней связывают предание о том, что здесь поэт писал свои сказки.

От беседки прямая *аллея акаций* ведет дальше. Здесь границы парка раздвигаются. Спускается вниз извилистая *березовая аллея*. По склонам крутых и пологих холмов растут яблонево-березовые деревья.

В одном из дальних уголков усадьбы, там, где кончается парк, у подножия зеленого холма, находится *дерновая скамья*. Старожилы рассказывали, что сюда особенно часто приходил поэт, подолгу любовался болдинскими далями.

РОЩА «ЛУЧИННИК»

В южной стороне от села, недалеко от околицы, находится роща «Лучинник». С ее названием связано предание. «Однажды в вотчинную контору лесник привел лесокрада для разбора дела и наказания. Лесокраду грозила порка розгами. В конторе были мужики, и среди них сидел Александр Сергеевич. Увидя барина, лесокрад еще более испугался: беда, заporют до смерти.

Александр Сергеевич спросил, в чем дело. Лесник пояснил: в ближайшей роще срубил березу. Мужик божится со слезами, что срубил березу на лучины, освещать дом нечем, а купить березнику не на что. Александр Сергеевич отменил наказание, только сказал: «Подождите рубить. Роща молодая – настоящий лучинник, потом вам же на пользу послужит».

Так звучит этот рассказ, записанный со слов свидетелей тех времен Иваном Васильевичем Киреевым.

По обе стороны от дороги, ведущей к «Лучиннику», распахиваются открытые до горизонта дали. В чистоте и плавности линий окрестного ландшафта заключено особое обаяние простоты и объемлющего все вокруг покоя. Здесь открывается разгадка таинственной, благотворной силы, которая одаривала поэта мудрым, исцеляющим душу спокойствием в пору жизненных переломов, тревог и отчаяния . . .

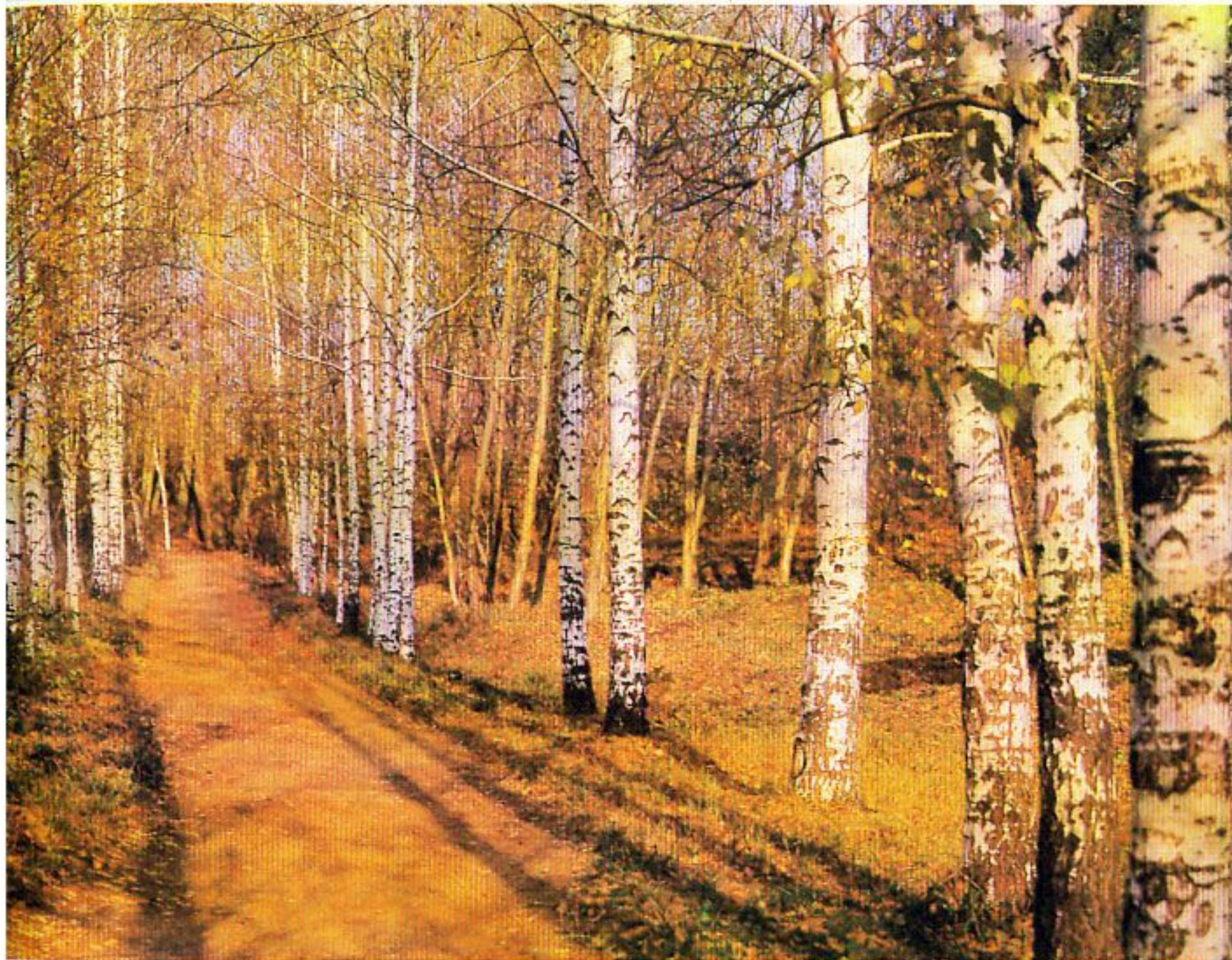
Роща раскинулась на пересеченном оврагами холме, среди полей и лугов. Особенно живописна она в раз-

нообразии и роскоши осенних красок. Здесь на память приходят строки пушкинской «Осени»:

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса –
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса...

Аллея в парке

Рощу окружают поляны, покрытые до поздней осени густой зеленой травой. С опушки крутая тропинка ведет вниз, к роднику, сохранившемуся с давних лет. Старики утверж-

дают, что был он еще при их дедах и прадедах, и, наверное, не раз отведал его ключевой воды сам поэт. Он часто бывал здесь и, по преданию, особенно любил один из уголков в глубине рощи, где среди деревьев и кустарника прячется заросший пруд.

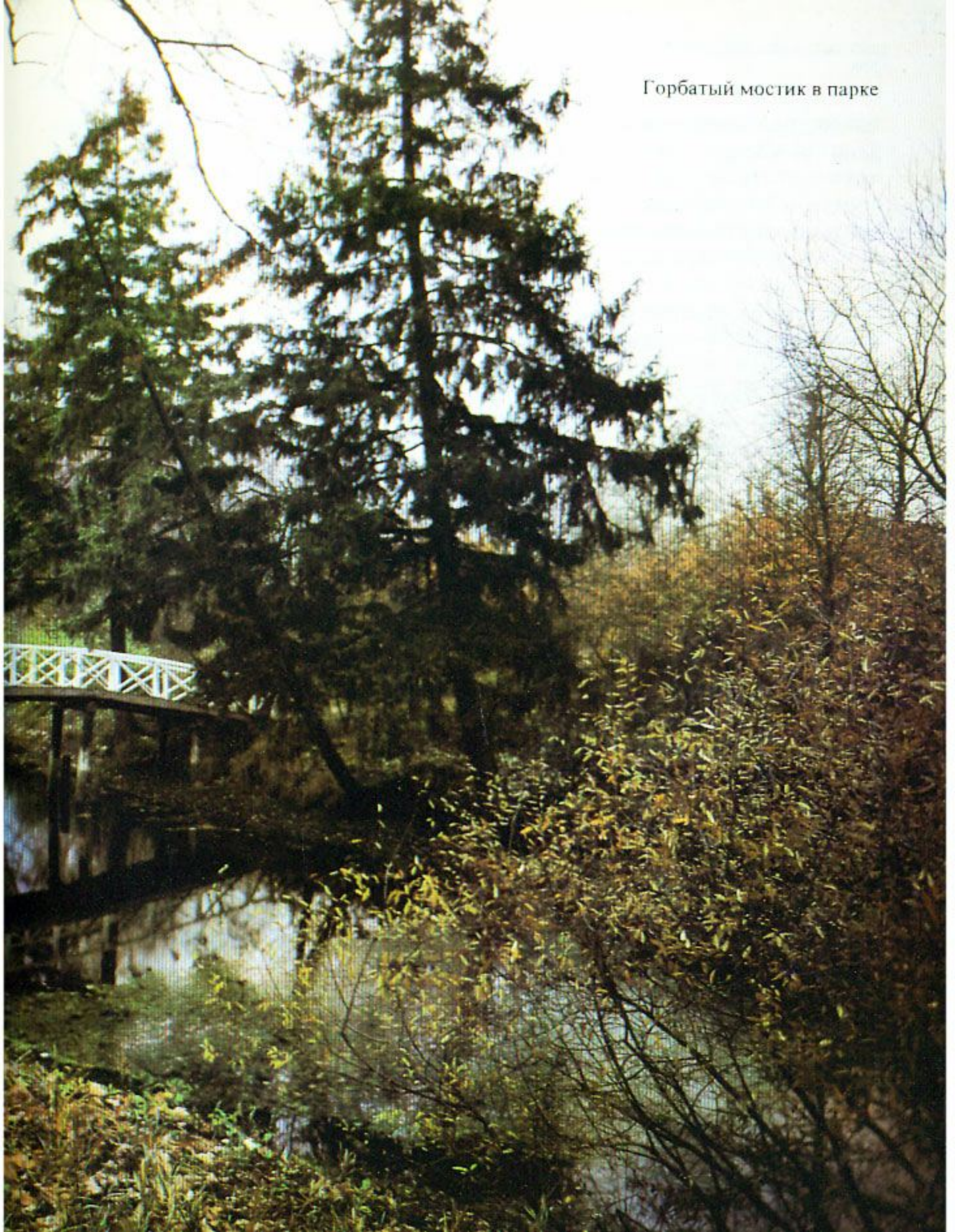
Перемешались в роще деревья разных пород и возрастов – дубы, ясени, клены. Одну из полян на опушке «Лучинника» охватывают полукругом березы. На этой поляне

Горбатый мостик в парке

заповедной ныне роши ежегодно в день рождения Пушкина собираются жители окрестных сел, приезжие из дальних мест, гости Всесоюзного пушкинского праздника поэзии. Звучат стихи, песни, музыка.

К востоку от роши «Лучинник» тянется дорога на деревню Львовка.

ЛЬВОВКА

Окрестные пейзажи радуют глаз особенной живописностью и разнообразием. Крутые и отлогие холмы перемежаются низинами, овражками. По ним вольно разбросаны рошицы, перелески, одиноко стоящие деревья, низкие шапки кустов ивняка.

Здесьние места тоже, вероятно, были знакомы поэту – он мог здесь проезжать во время прогулок.

Слева остается поселок Новопушкино (бывший хутор Пушкиных Алексеевский). Отсюда уже видна сама Львовка. Во времена приездов поэта деревни еще не было, но земли входили в состав пушкинского имения. Львовка была образована в 1837–1838 годах путем выселения из Болдина части крестьян. После смерти Сергея Львовича – ее первого владельца – деревня отошла в наследство от деда Александру Александровичу Пушкину – старшему сыну поэта. При нем, в 1850-е годы, был построен здесь барский дом. Александр Александрович не раз бывал во Львовке, и старожилы еще помнят его.

Деревня состоит из одной длинной

улицы. Небольшие деревянные домишки крыты тесом, соломой. Улицу пересекает система небольших прудов, образованных в длинной ложбине. По их берегам сохранились могучие старые дубы, древние ивы.

Замыкает улицу усадьба, принадлежавшая в прошлом сыну поэта. В настоящее время она отнесена к Пушкинскому заповеднику. Заключается реставрация бывшего барского дома. Двухэтажное здание с большим балконом и колоннами по фасаду отодвинуто несколько вглубь от въездных ворот. Вокруг него – группы высоких вековых сосен. Усадьба окружена с трех сторон аллеями из лип и берез. Особенно красива широкая липовая аллея. Частично сохранился и старый фруктовый сад.

В начале нынешнего века, при Александре Александровиче Пушкине, во Львовке появились церковь и церковно-приходская школа. По воспоминаниям старожилов, сын поэта оказал немалую помощь в их строительстве. Здание школы существует и сейчас. Деревянная церковь, обветшавшая от времени, уцелела лишь частично.

МАЛОЕ БОЛДИНО

При деде поэта Льве Александровиче Пушкине была образована в пяти километрах на юго-запад от Болдина новая деревня. Предание сохранило дату ее основания – 1776

год. Лев Александрович переселил сюда часть крестьянских семей из Болдина, чтобы утвердиться на границах имения (в течение десятилетий длилась вражда из-за пограничных земель с соседним мордовским селом Пермеевом). Деревню называли Новоуспенское, позднее за ней закрепилось название Малое Болдино.

Когда А. С. Пушкин бывал в здешних местах, эта деревня числилась владением его тетки Елизаветы Львовны Сонцевой, жившей в Москве. В Малом Болдине не было господской усадьбы. Селение было небольшим, состояло из одной улицы. Его старинная планировка сохранилась до наших дней.

Два порядка деревянных домиков, старая ветряная мельница на краю села – таким открывается Малое Болдино взгляду каждого, кто едет сегодня в заповедные пушкинские места.¹

КИСТЕНЕВО

Северо-восточнее Болдина, в восьми километрах от него, окруженное плоской равниной, расположено село Кистенево. Еще в конце XVI – начале XVII века оно числилось среди пушкинских владений. С 1717 года село стало имением прямых предков поэта – его прадеда, а затем деда. После смерти Льва Александровича

Пушкина владельцами были два его сына – Николай и Петр. Оба брата не имели детей. В 1825 году, по смерти Петра Львовича (Николай Львович умер значительно раньше), село вошло в состав имения Сергея Львовича Пушкина – отца поэта.

После жившего здесь постоянно владельца в Кистеневе остались дом со всем имуществом и различные хозяйственные постройки: две людские избы, баня, каретный сарай, конюшни.

Вероятно, все из наиболее ценного имущества было перевезено в Болдино. Среди обстановки дома, где жил, приезжая в отцовское имение, поэт, могли быть и вещи из кистеневской усадьбы: зеркала в позолоченных рамках, канапе, кресла...

В самом Кистеневе к 1830 году не существовало уже ни дома, ни многих построек, а оставались только «деревянных два флигеля для вотчинного правления». Часть села Кистенева, выделенная А. С. Пушкину в 1830 году, была единственным принадлежавшим ему имением. В связи с оформлением ввода во владение им он и приехал сюда в первый раз. И, как знать, если бы не этот повод, поэт, может быть, и не посетил Болдино, где родились произведения, без которых невозможно представить его творческое наследие.

Эта мысль заставляет по-особенному посмотреть на Кистенево – обычное, на первый взгляд ничем не примечательное село.

¹ Село это находится на туристском маршруте в Большое Болдино.

АПРАКСИНО

Неподалеку от Кистенева находится село Апраксино. В прошлом веке оно принадлежало помещикам Новосильцевым. Здесь располагалась барская усадьба – деревянный дом с антресолями, парк... До наших дней сохранились старые деревья, широкая липовая аллея.

В Апраксине Пушкин бывал не раз. Тогда здесь обитало большое семейство – вдова генеральша Наталья Алексеевна Новосильцева (урожденная Остафьева) и ее взрослые дети. По сохранившимся воспоминаниям, поэт очень любил хозяйку дома, «милую добрую старушку».

Сыновья Новосильцевой, Александр и Николай, являлись владельцами Апраксина, и, вероятно, их главной заботой было ведение хозяйства довольно крупного имения. Их сестры были еще молодыми барышнями. По-видимому, как многие девушки этого круга, они увлекались чтением. Были им знакомы и сочинения А. С. Пушкина.

Одна из сестер – Анастасия – вспоминала впоследствии, как однажды они беседовали с поэтом о судьбе героев «Евгения Онегина». «Я говорю ему: «Зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!» Варваре Петровне тогда было лет шестнадцать, собою была недурна. – «Ну а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?» – «Я бы только ранила Ленского в руку или плечо, и тогда

Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы ему рану, и они друг друга еще больше бы полюбили...» «А вы как бы кончили дуэль?» – обратился Пушкин ко мне. – «Я ранила бы Онегина; Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы и полюбил ее». – «Ну нет, он Татьяны не стоил», – ответил Пушкин».

Очевидно, в Апраксине познакомился поэт с братом Н. А. Новосильцевой – подпоручиком в отставке Дмитрием Алексеевичем Остафьевым. Для Пушкина он мог быть интересным собеседником и как бывший участник Отечественной войны 1812 года, и как человек образованный, проявляющий интерес к отечественной литературе.

Осенью 1830 года Остафьев приезжал к поэту в Болдино. В память об этой встрече в его альбоме остался пушкинский автограф – вписанные рукой поэта «Последние стихи» Державина.

Альбом сохранился до настоящего времени. Его копию можно увидеть в экспозиции музея в Болдине.

ЧЕРНОВСКОЕ

К северу от Болдина на расстоянии примерно двух десятков километров лежит большое старинное село Черновское. Удивительной красотой отличаются его окрестности. Здесь протекает, живописно извинаясь по долине, река Пьяна. В стороне тянется цепь высоких холмов. По ним и поодаль еще сохранились

остатки лесов, когда-то плотно окружавших село.

Черновское было знакомо поэту. Известно, что Пушкин навещал Наталью Ниловну Топорнину, владелицу части села. Принимали его, вероятно, и в доме родственников Топорниной Ермоловых, также живших в Черновском.

Следы усадьбы Ермоловых можно обнаружить и в настоящее время. На холме за речушкой Аист на месте бывшего господского сада сохранились фруктовые деревья, часть посадок из липы, березы, вяза, кусты сирени и шиповника.

* * *

Пушкинские места села Большое Болдино и его окрестностей привлекают сотни тысяч людей со всех концов нашей страны. Музей-заповедник расширяет свои границы и развивается.

В 1981 году Советом Министров РСФСР было принято постановление «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству Музея-заповедника А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области».

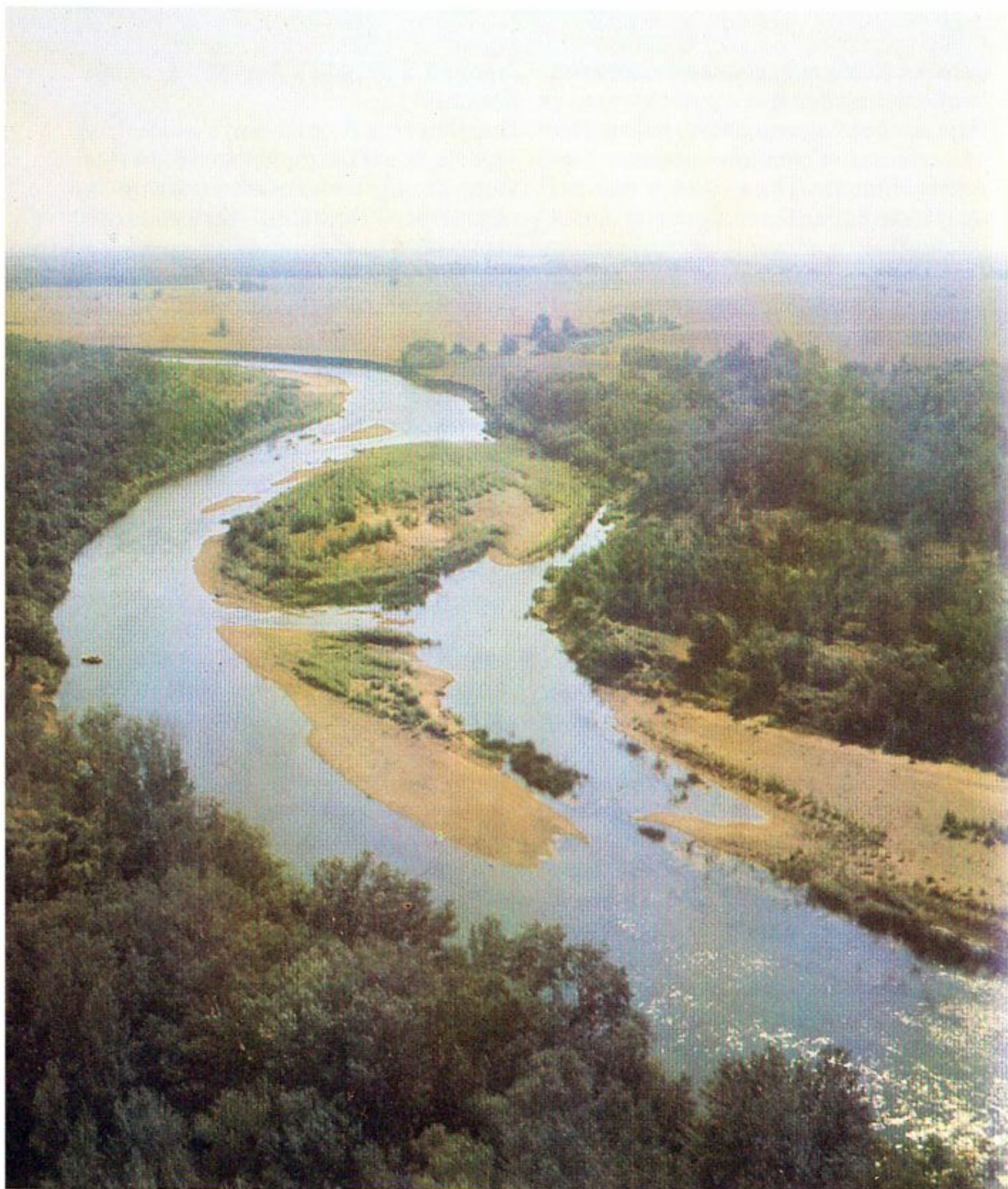
Постановлением намечены значительные восстановительные и реставрационные работы на заповедной территории. Решено, что здесь должна быть восстановлена каменная церковь в Болдине – архитектурный памятник конца XVIII века. Частично здание церкви сохранилось и передано заповеднику. Будут воссоздаваться и хозяйственные по-

стройки в бывшей барской усадьбе Болдина.

Планируется подготовить новые литературные и мемориально-бытовые экспозиции, посвященные жизни и творчеству Пушкина болдинского периода, а также истории древнего пушкинского рода.

Со временем в экскурсионный маршрут наряду с Музеем-усадьбой поэта в Болдине будут включены и расположенные в окрестностях места, связанные с его именем, – роща «Лучинник», села Львовка, Кистенево, Апраксино, Черновское.

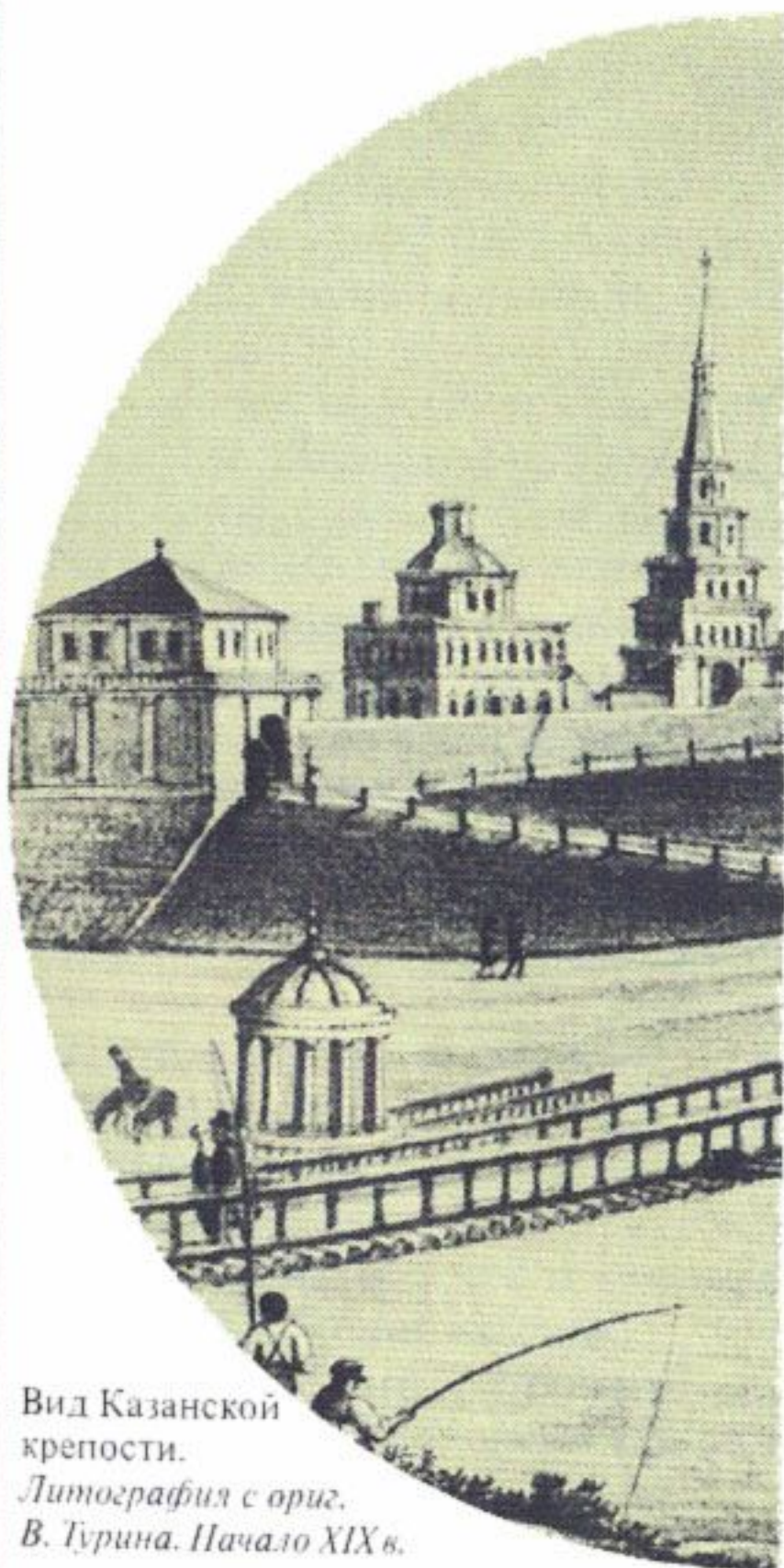

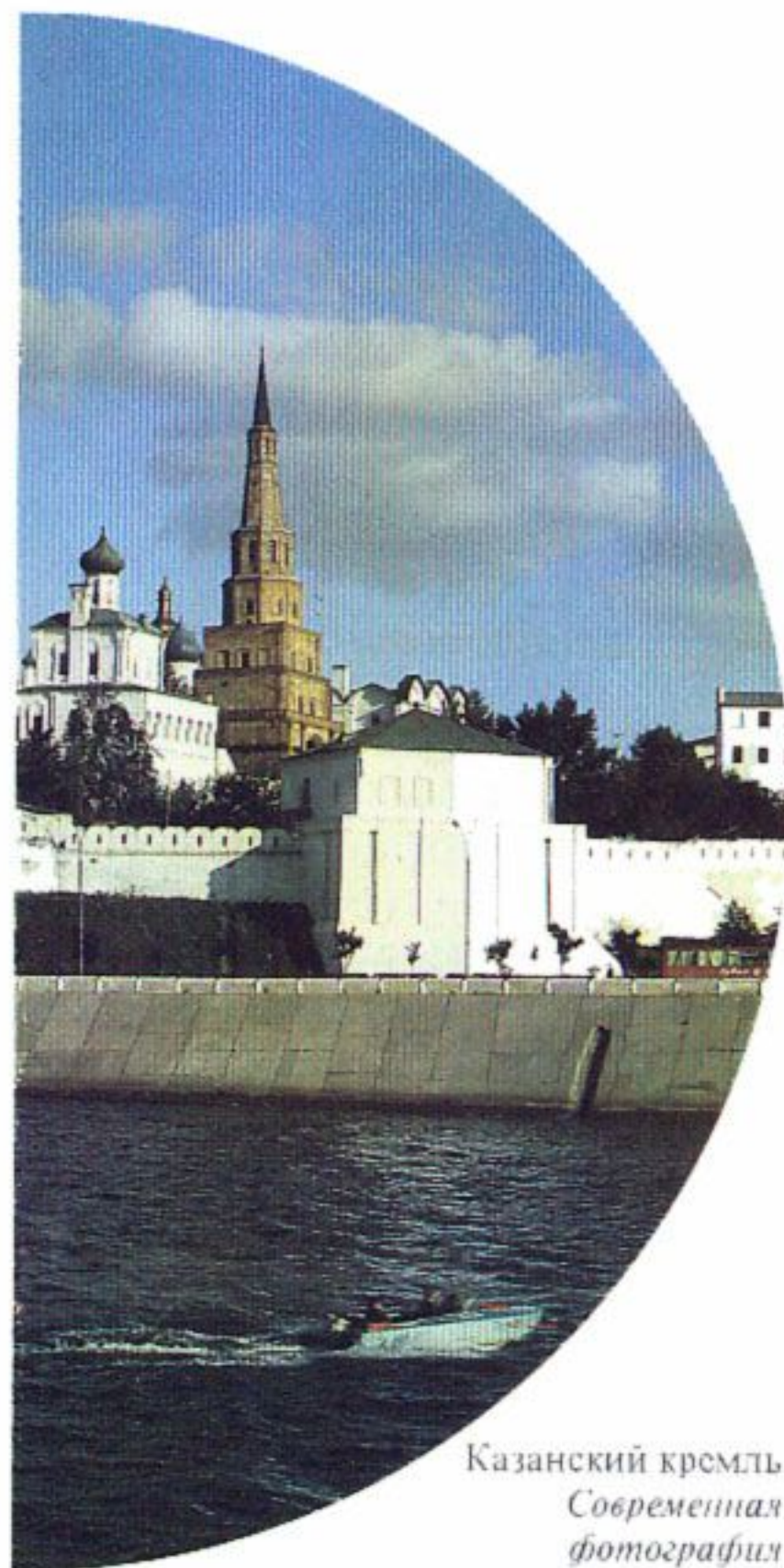
Река Урал

ПО ПУГАЧЕВСКИМ МЕСТАМ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Вид Казанской
крепости.
*Литография с ориг.
В. Турина. Начало XIX в.*

Казанский кремль
*Современная
фотография*

Путешествию по пугачевским местам Поволжья и Оренбургской губернии¹ Пушкин посвятил всего полтора месяца (с 17 августа по 1 октября 1833 года), но оно является одним из важнейших в его жизни. Самое дальнее и длительное путешествие поэта в 1830-е годы было связано с его работой над «Историей Пугачева» и романом «Капитанская дочка».

Поездке предшествовал огромный труд по собиранию и изучению материалов о крестьянской войне. За несколько месяцев 1833 года были прочитаны все известные сочинения о Пугачеве, рукописные источники, сборники документов. А в самом начале этой работы – в феврале 1833 года – Пушкин уже делился со своим другом П. В. Нащокиным планами путешествия к местам восстания и писал: «Путешествие нужно мне нравственно и физически».

В июле 1833 года, когда не только закончилась работа над доступными Пушкину архивными документами, но и была создана первая, так называемая «петербургская» редакция «Истории Пугачева», поэт обратился за разрешением отправиться в Казанскую и Оренбургскую губернии для изучения тамошних архивов.

Поэт просился в Поволжье и Оренбург, чтобы своими глазами увидеть те места, где 60 лет назад бушевала крестьянская война. Ему хотелось понять, как отложились в сознании ее очевидцев и участников события тех лет, услышать и записать легенды, предания и песни, в которых народная память сохранила и эти события, и образ крестьянского вождя. А рассказы современников Пугачева, отмеченные чертами «истины, неукрашенной и простодушной», представляли особую ценность и интерес – в них поэт стремился по-

---

¹ Восточная поездка А. С. Пушкина.

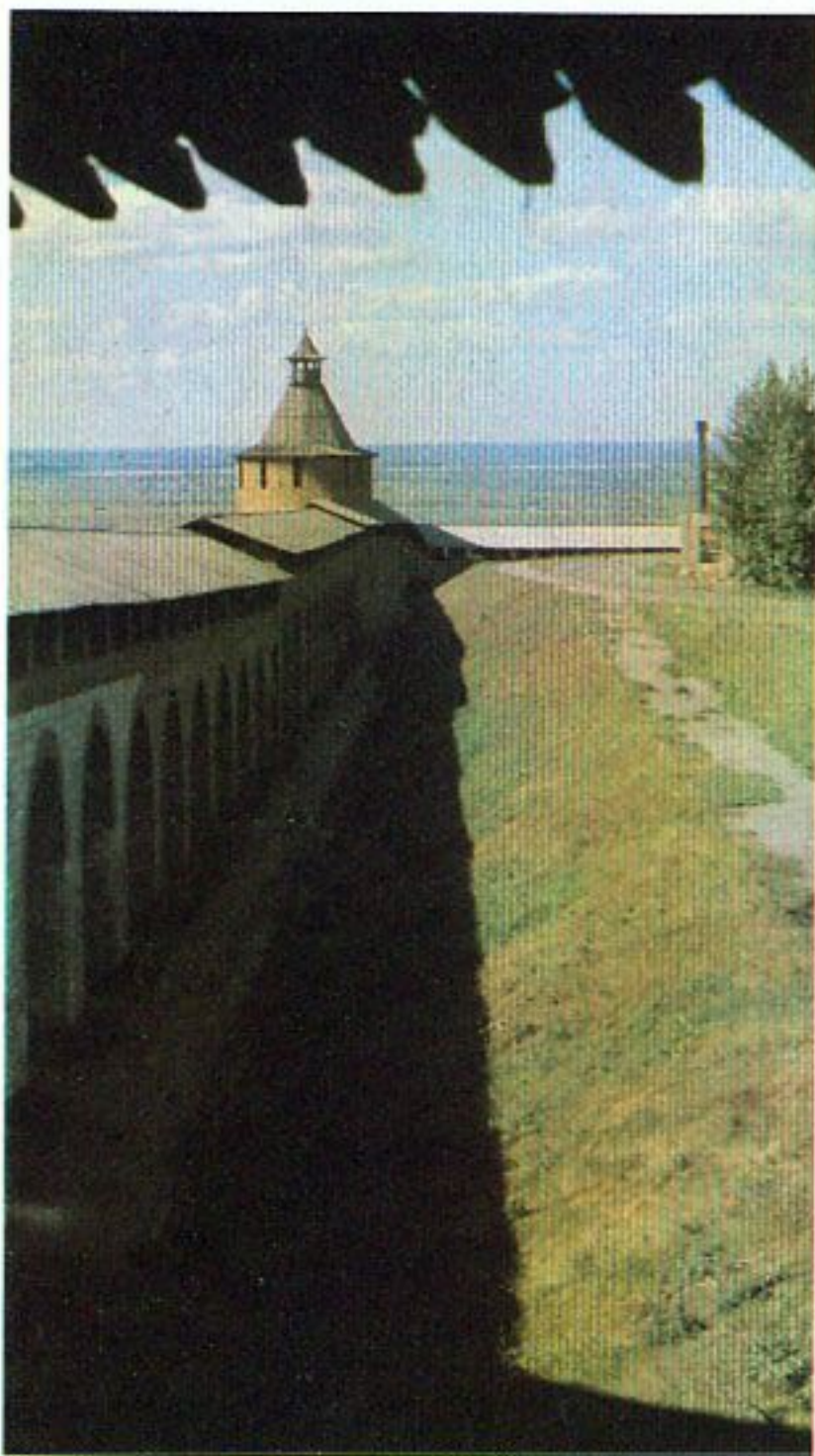
стигнуть мнение «другой стороны», противоположное и официальной точке зрения, и свидетельствам дворянских историков.

В августе разрешение на поездку было получено. Предстояло преодолеть огромные расстояния, проехать на почтовых всю европейскую Россию, побывать в Твери, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге и Уральске.

Утром 17 августа, в четверг, Пушкин выехал из Петербурга.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Одна из башен кремля в городе Горьком

В *Нижний Новгород*² Пушкин приехал утром 2 сентября и остановился в лучшей гостинице города (номерах Деулина), которая находилась прямо против Георгиевской башни кремля, на углу Верхневолжской набережной (ныне набережная Жданова) и Благовещенской, или Верхнебазарной, площади (ныне площадь Минина)³.

Утром же поэт был с визитом у нижегородского военного и гражданского губернатора М. П. Бутурлина (дом губернатора не сохранился; он находился на Большой Покровке, ныне улице Свердлова, на месте дома 17 – здание Горьковского областного суда; остался с тех времен дом напротив, № 18, – бывшее здание Дворянского собрания). Встречен поэт был приветливо и ласково, приглашен завтракать. Только через несколько недель, уже в Оренбурге, понял Пушкин причину такой встречи: нижегородский губернатор принял его за ревизора, прибывшего с «секретным предписанием» собирать «сведения о неисправностях», и поспешил поделиться своим подозрением с оренбургским губернатором, генералом В. А. Перовским. Письмо это пришло в Оренбург, когда поэт гостил у Перовского, и доставило ему несколько веселых минут. Не этот ли случай вызвал к жизни сюжет гоголевского «Ревизора»?

Пушкин попал в Нижний Новгород впервые и полтора дня посвятил знакомству с городом. Самый красивый

² Ныне – город Горький.

³ Здание это не сохранилось.

Вид на Нижний Новгород.
С акв. середины XIX в.

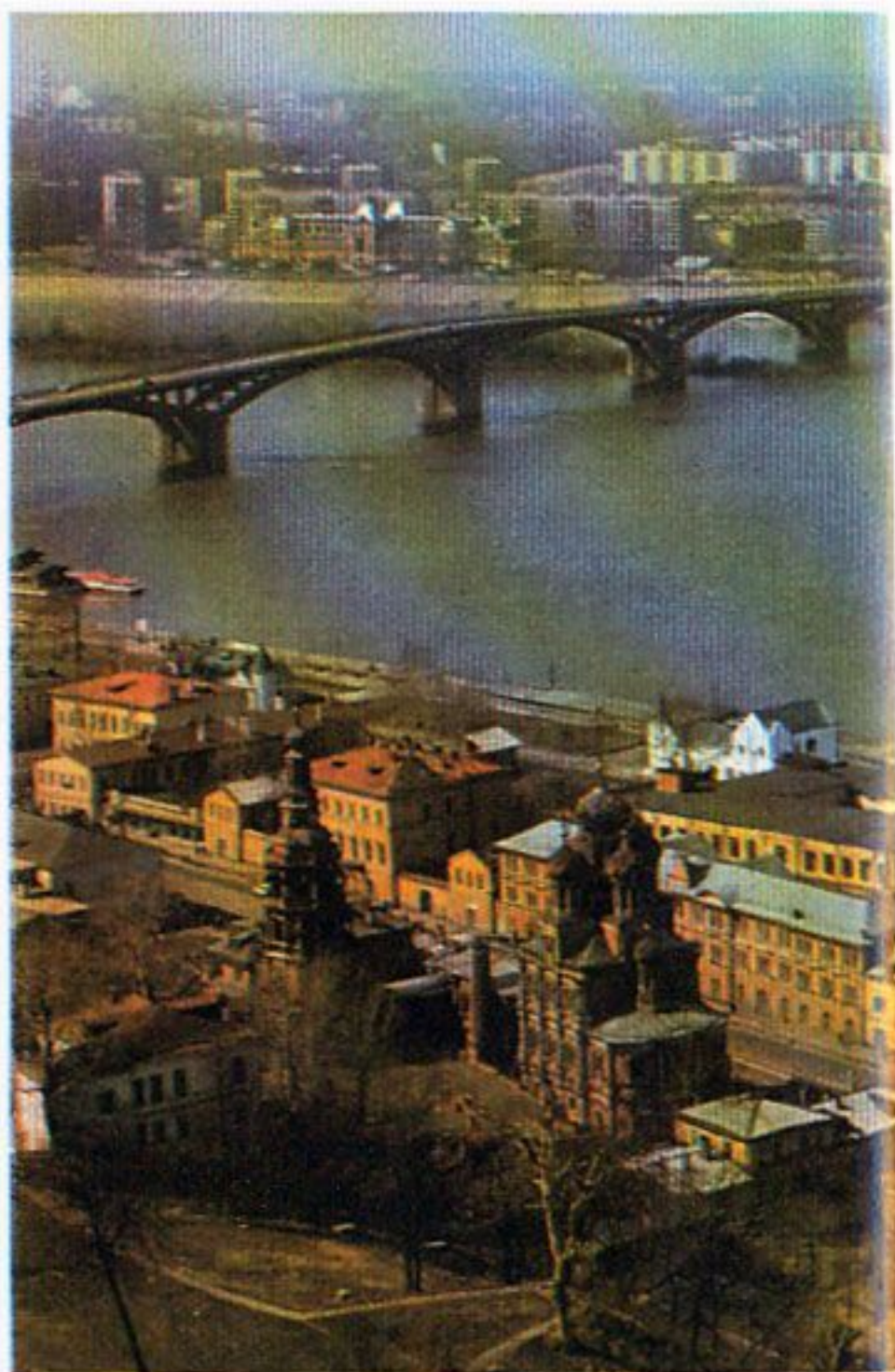
из приволжских городов, Нижний Новгород вошел в историю России именами Минина и Пожарского, а в начале прошлого века был знаменит как место самой большой в России ярмарки. Недаром поэт сообщает жене по приезде в город, что торо-

Памятник К. З. Минину и
Д. М. Пожарскому в кремле города
Горького. Архитектор А. Мельников

пится попасть на ярмарку, которая «свои последние штуки показывает». Ярмарка обосновалась в Нижнем (в Кунавинской слободе, на ме-

сте слияния Оки и Волги) в 1817 году после огромного пожара 1816 года, когда сгорела Макарьевская ярмарка. Это дало новый толчок развитию города. В письме Наталье Николаевне Пушкин отметил: «... Улицы, широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно». Не о каждом губернском городе можно было

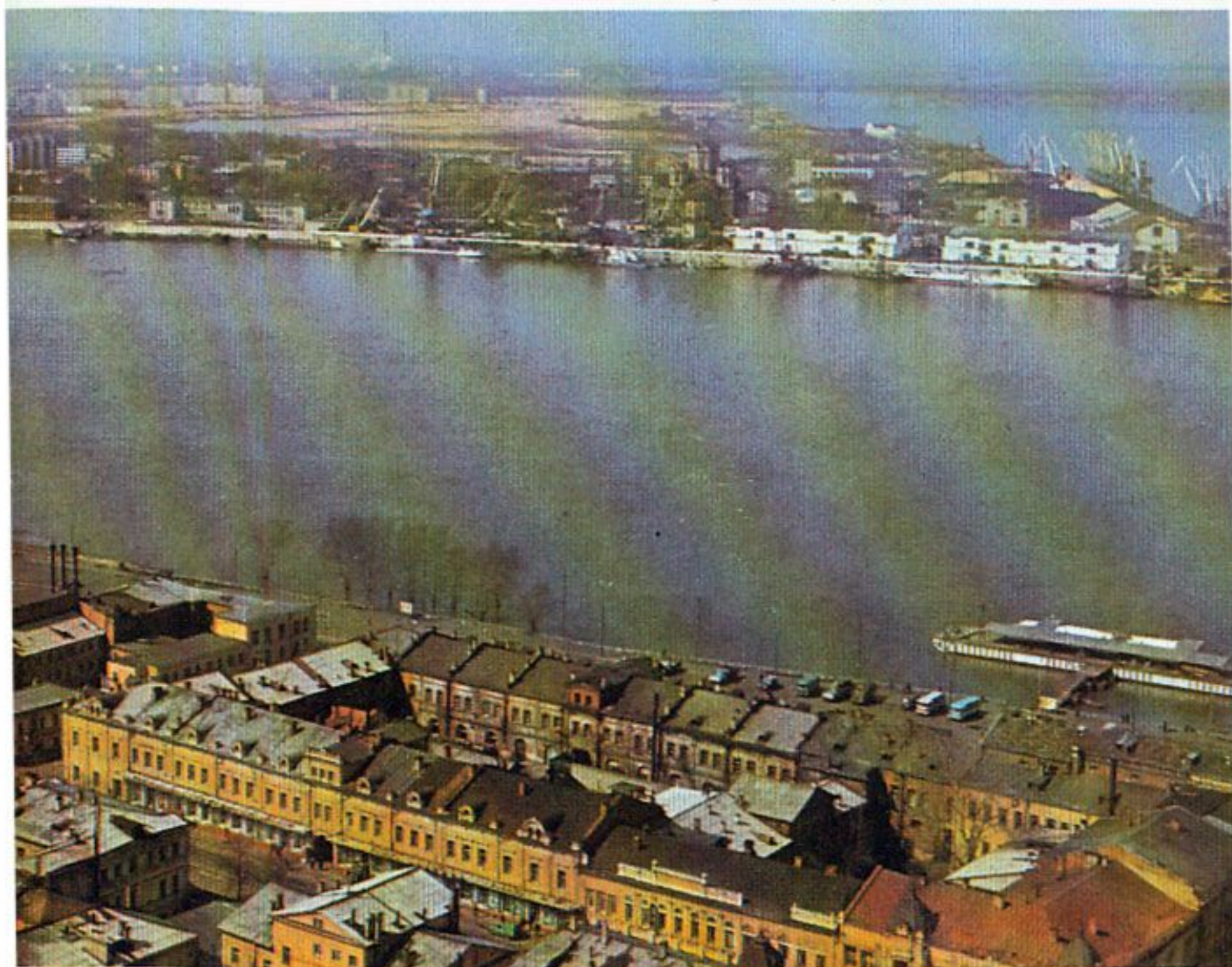
так сказать. Ярмарка собирала десятки тысяч людей. Дорога на ярмарку шла через кремль по Ивановскому спуску и по мосту

через Оку. С этого моста и с низкого берега Кунавинской слободы поэт мог оценить всю живописность расположения города, который большей своей частью находился на высоких берегах Оки и Волги. Современник Пушкина – писатель В. А. Соллогуб оставил в своей повести «Тарантас» описание города и

бе, и весь город наклоняется и тянется к приволжскому скату. С другой, луговой, стороны взор объемлет необозримое пространство, усеянное селами и орошенное могучими течениями Оки и Волги, которые смешивают свои разноцветные воды

Бывшая Кунавинская слобода у слияния Волги и Оки, где была знаменитая Нижегородская ярмарка

ярмарки: «С одной стороны на гористом берегу возвышается древний кремль, и чешуйчатые колокольни высоко обозначаются на голубом не-

у самого подножия города и, смешиваясь, образуют мыс, на котором кипит и бушует всему миру известная ярмарка . . .»

Рождественская (Строгановская) церковь. Начало XVIII в.

К приезду Пушкина ярмарка кончилась. «Я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда...» – писал он жене.

В тот же день Пушкин осматривал Нижегородский кремль. Это некогда грандиозное сооружение строил в начале XVI века флорентийский мастер Франческо. Кремль неоднократно перестраивался, последний раз – в 1788–1790 годах, и поэт уже не застал некоторых старинных башен и во-

рот. Вообще кремль как бы «осел» во время перестройки и лишился прежней своей грандиозности, потому что были сняты почти наполовину зубцы кремлевских стен и уменьшена высота башен. Пушкин видел его застроенным изнутри обывательскими домами, винными подвалами, многие здания пришли в ветхость (в 1834 году были разобраны старый архиерейский дом, собор Богоматери и другие сооружения). Но вид от кремля открывался самый величественный – заволжские и заокские дали в ясную погоду просматривались на многие километры.

Дважды побывал Пушкин в тот день на месте, памятном всем нижегородцам, – Ивановском спуске. Именно здесь, на Нижнем посаде, обратился к нижегородцам в 1611 году Кузьма Минин с призывом создать ополчение и двинуться на помощь Москве. По Ивановскому спуску выступило в поход ополчение под водительством Минина и Пожарского. Естественно предположить, что поэт осмотрел в кремле все, связанное с памятью о героях народного ополчения.

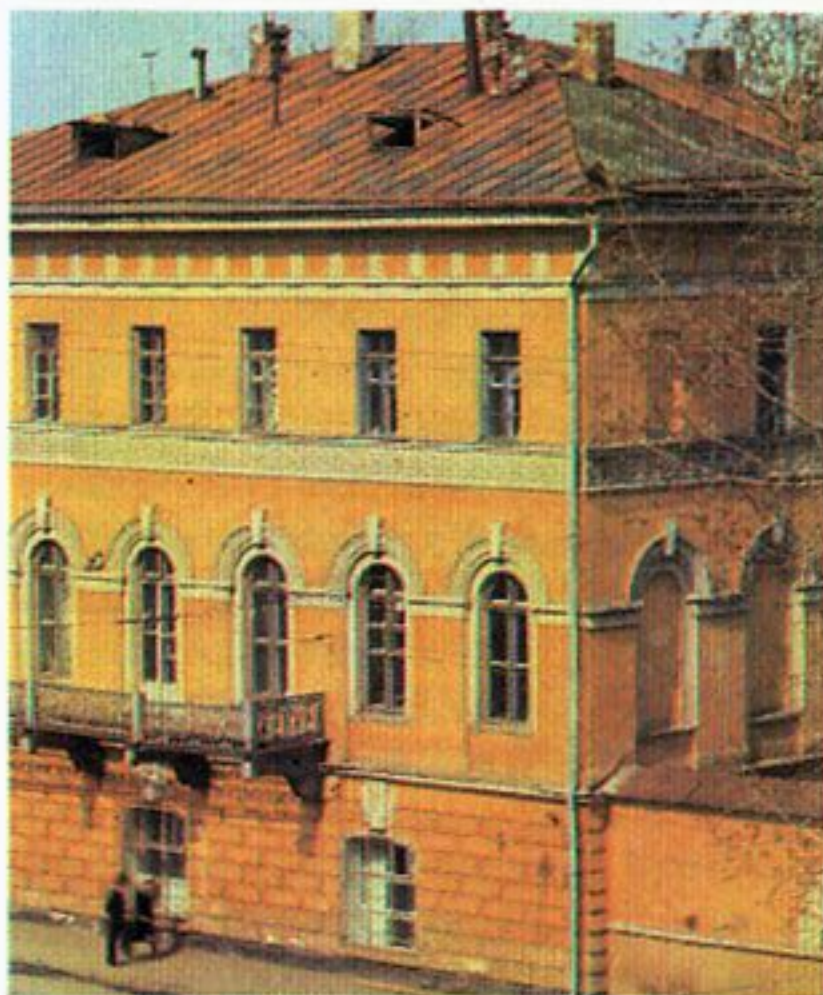
Это, прежде всего, памятник Минину и Пожарскому – высокий острокопечный обелиск из розового гранита на двойном пьедестале. По бокам обелиска, с северной и южной стороны, бронзовые барельефы Минина и Пожарского и надписи: «Гражданину Минину благодарное потомство 1826 г.», «Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 г.». Памятник установлен в 1826 году по проек-

ту архитектора А. И. Мельникова (взамен знаменитой скульптуры И. П. Мартоса, поставленной на Красной площади в Москве в 1817 году и предназначенной для Нижнего Новгорода).

В склепе Преображенского собора, заново отстраивавшегося на месте древнего собора того же названия, находилась и сохраняется в наши дни могила Кузьмы Минина. Над ней уложены в 1815 году три чугунные плиты с описанием деятельности и значения этого человека для Нижнего Новгорода. Собор был окончательно отстроен в 1834 году; можно думать, что Пушкин видел его стены уже возведенными, а вероятно, и все здание было готово и в 1834 году велись отделочные работы. На следующее утро, 3 сентября, до обеда у губернатора Пушкин продолжал знакомиться с городом. Он посетил дом купца Чатыгина, где дважды останавливался Петр I – в 1695 году во время Азовского похода и в 1722 году, когда проехал с Екатериной I по всей Волге. Это было одно из старейших купеческих зданий (Почаинская улица, 27а). На Верхнебазарной площади (сейчас площадь Минина), недалеко от гостиницы Деулина, стояли два красивых больших здания начала XIX века, которыми нижегородцы гордились, наверняка их показали поэту. В одном здании находилась духовная семинария, впоследствии, в 1848–1853 годах, в ней учился Н. А. Добролюбов (ныне здание сельскохозяйственного института),

в другом размещалась первая губернская мужская гимназия – одна из лучших в России (ныне пединститут). Проезжая не однажды по Рождественской улице (ныне улица Маяковского), поэт не мог не обратить вни-

Городская усадьба начала XIX в.
на улице Маяковского
(бывшая Рождественская)

мание на красавицу церковь. Это сохранившаяся до наших дней Рождественская, или Строгановская (по имени устроителей), церковь – одно из великолепнейших барочных зданий в России (возведена в 1719 году). За Строгановской церковью, на бывшем Суетинском съезде, находится дом купцов Строгановых – образец купеческого дома начала XVIII столетия. А неподалеку от церкви (на улице Маяковского, 45 и

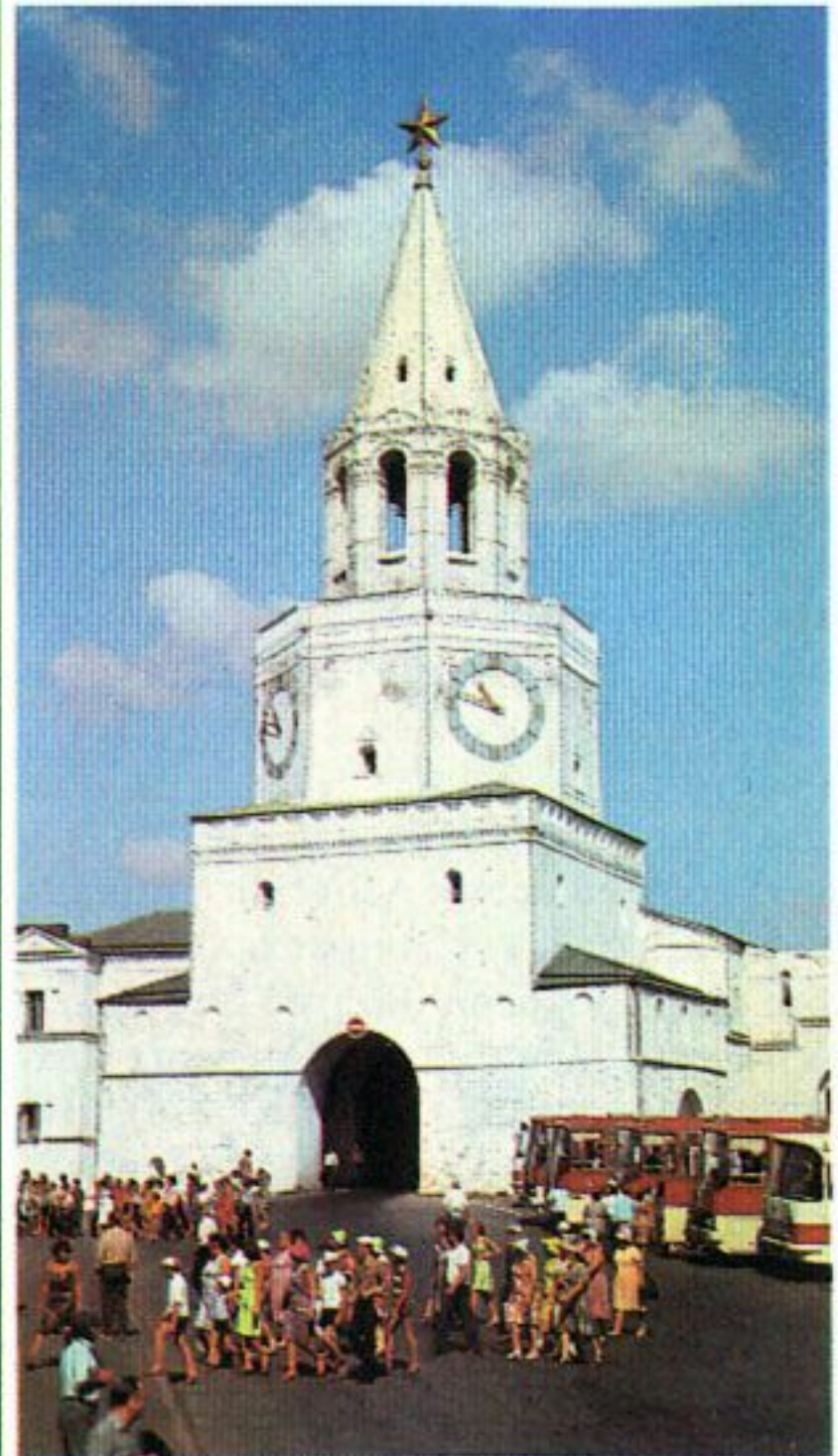
КАЗАНЬ

47) сохранились городские усадьбы начала XIX века, принадлежавшие в 1830-е годы Голицыным и Строгановым. Сейчас в этих домах – городские учреждения.

Днем 3 сентября Пушкин обедал у губернатора, был весел, оживлен, разговорчив. В доме собрались гости, и одна из них (Л. П. Никольская) оставила в воспоминаниях очень интересный портрет поэта: «В этот день у Бутурлиных обедал молодой человек; нас не познакомили, и я не знала, кто он. Я запомнила наружность этого гостя; по виду ему было более 30 лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы – вообще, неправильные черты. Но что у него было великолепного – это темно-серые с синеватым отливом глаза – большие, ясные. Нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а притом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся, блестели его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит; ах, сколько было ума и жизни в его искусственной речи! А какой он веселый, любезный – прелесть! Этот дурняшка мог нравиться . . .»

Пушкин пробыл в Нижнем Новгороде день с небольшим и 3 сентября после обеда отправился дальше. Теперь путь его лежал в Казань.

Спасская башня Казанского кремля

Казань мало напоминала купеческий Нижний. В 1830-е годы она причудливо соединяла в себе черты восточного и европейского города (ведь до середины XVI века здесь была столица Казанского ханства, а со времен Ивана Грозного, покорившего город, – один из оплотов Русского государства на востоке). В XIX веке Казань – университетский город, центр губернии, культурная столица огромного края. «Город так велик, – писал путешественник профессор Браун, – что по объему не уступит Вене, но так раскинут по холмам и долинам, что в самом городе есть площади, напоминающие степи».

Для Пушкина Казань и все прилегающие районы представляли огромный интерес: и город, и окрестности были ареной крестьянской войны. И уже по пути сюда поэт делал важные записи в книжке, которые вошли потом в «Историю Пугачева» (о генерале Каре, позорно бежавшем от своего корпуса при приближении Пугачева, о казни полковника Юрлова и другие). С Казанью была связана и судьба самого Емельяна Пугачева.

Сохранившиеся документы (письма, воспоминания, дорожные записи поэта) позволяют восстановить события тех дней и свидетельствуют о том, как много успел Пушкин за два дня пребывания в городе. Об этом он сообщает и в коротком письме жене, написанном перед отъездом в Симбирск: «Я в Казани с пятого и до

сих пор не имел время тебе написать слова . . . Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

Приехав поздно вечером 5 сентября, Пушкин остановился в гостинице Дворянского собрания в Петропавловском переулке (ныне улица Ш. С. Рахматуллина, где во дворе дома 6 сохранился длинный трехэтажный корпус гостиницы). Утром 6 сентября поэт перебрался в дом генерала Л. Н. Энгельгардта, находившийся на Грузинской улице (ныне улица К. Маркса; здание не сохранилось), и там неожиданно встретил Е. А. Баратынского, зятя генерала и своего давнего друга-поэта. Неизвестно, посетил ли Пушкин казанского военного губернатора С. С. Стрекалова, но во всех других городах он делал визиты губернаторам.

В середине дня поэт отправился в пригород Казани – Суконную слободу, названную так по имени основанной еще при Петре I суконной фабрики (она начиналась от конца Георгиевской улицы, ныне улица Свердлова). Здесь, в трактире Горлов кабак, он встретился с Василием Петровичем Бабиным, рабочим суконной фабрики. Бабин, видимо, со слов своих родителей, современников Пугачева, рассказал поэту о многих эпизодах осады города. О том, как рабочие-суконщики явно сочувствовали Пугачеву и без сопротивления уступили казанские предместья его

войскам, о штурме Казани пугачевцами, об обороне гарнизона, укрывшегося в кремле, об убийстве столетнего генерала Кудрявцева на паперти Богородицкой церкви. Пушкин записал рассказ Бабина и о лагере Пугачева на горе у Троицкой мельницы, о разгроме пугачевцев правительственными войсками, об отступлении самозванца к пригородным селам, о расправе победителей над пугачевцами. Этот рассказ был использован в седьмой главе «Истории Пугачева».

В Суконной слободе Пушкин осмотрел старое здание суконной фабрики на углу Георгиевской и Мостовой улиц (ныне угол улиц Свердлова и Луковского, дом 52; часть фабричных корпусов сохранилась), а также Шарную, или Третью, гору (ныне улица Калинина) и расположенное напротив немецкое (старое армянское) кладбище. Именно здесь установлены были пушки восставших, и отсюда началось их наступление на Казань.

Днем 6 сентября Пушкин познакомился, по свидетельству писателя П. И. Мельникова-Печерского (тогда вольнослушателя Казанского университета), с профессором истории, русской словесности, риторики и эстетики Г. С. Суровцевым. Подробности этого знакомства не известны, но свидетельство Мельникова-Печерского позволяет предположить, что Пушкин посетил Казанский университет. Главное здание его, возведенное в 1825 году по проекту архитектора П. Г. Пятницко-

го (ученика знаменитого А. Н. Воронихина), на нынешней улице Чернышевского было единственным из всего университетского городка выстроенным к тому времени. (Даже если предположение о посещении университета ошибочно, здание его Пушкину знакомо, потому что напротив находился дом купца-миллионера Л. Ф. Крупенникова, которого поэт посетил на следующий день.)

Остаток дня 6 сентября посвящен был обработке записи беседы с Бабиным, а вечер Пушкин провел с Баратынским, на следующее утро уезжавшим в имение Каймары.

7 сентября утром, провожая Баратынского, Пушкин встретился с профессором К. Ф. Фуксом, старожилом Казани, доктором, коллекционером и собирателем древностей, с которым быстро сблизился. «... Он одолжил меня очень – и я рад, что с ним познакомился», – писал поэт жене через несколько дней.

Быть может, по совету Фукса Пушкин отправился к Троицкой, или Савиновской, мельнице у деревни Троицкая Нокса (по Грузинской улице, Арскому полю, ныне поле Н. Ершова, и дальше по Сибирскому тракту). У этой мельницы на левом крутом берегу реки Казанки Пугачев расположился лагерь перед штурмом Казани 11 июля 1774 года. С высокого изрезанного оврагами берега Пушкину была видна вся Казань, с обветшавшими белыми стенами кремля, красноватой башней Сююмбеки, куполами церквей, минаретами

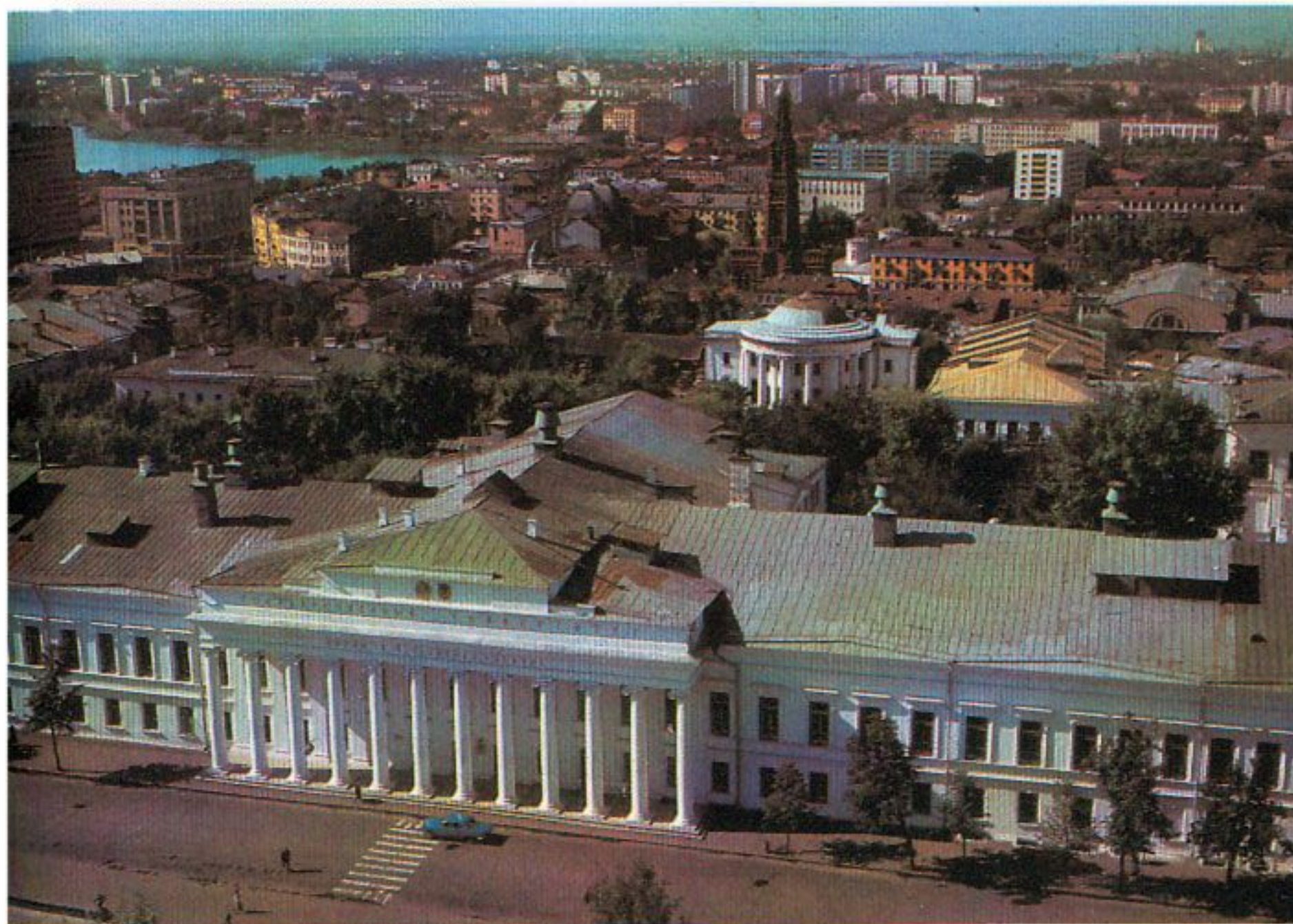

мечетей и зеленью садов. Стоя там, где располагался когда-то двадцатитысячный лагерь пугачевцев, Пушкин припоминал все драматические события осады и захвата города войсками Пугачева, а потом поражения и отступления их в последующие дни. Арское поле было ареной этих событий.

Утром 12 июля 1774 года многочисленные отряды пугачевцев потянулись к городу через Арское поле. После шестичасового боя Казань была взята. Лишь кремль, укрыв

немногочисленных защитников и немногих перепуганных жителей, устоял. Однако вечером того же дня Пугачев потерпел первое крупное поражение от подошедшего к городу отряда правительственных войск. Второе сражение на следующее утро заставило Пугачева отступить за реку Казанку, а через день – 15 июля (тоже на Арском поле) – армия повстанцев была разгромлена. Пугачев с небольшим отрядом, в четыреста – пятьсот человек, ушел вверх по Волге, преследуемый своим победите-

Здание Казанского университета

лем. «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием», – отметил Пушкин в восьмой главе «Истории Пугачева».

Неподалеку от мельницы, на самой круче берега Казанки, Пушкин, возможно, осмотрел один из старейших монастырей города – Успенский, или Зилантов, по имени горы, на которой он выстроен. Он заложен был в 1552 году по велению Ивана Грозного, стоявшего в этих же местах лагерем при осаде Казани. В грамотах монастырь назывался «русским кладбищем», потому что основан на месте погребения русских воинов. С вершины Зилантовой горы хорошо был виден и стоящий на берегу реки (Казанки), на братской могиле русских воинов, «Памятник убиенных при взятии Казани». Он представляет собой усеченную пирамиду с крестом, внутри помещалась церковь. (Ныне памятник со всех сторон окружен водой; он несколько раз был укреплен и реставрирован.) Памятник сооружен на пожертвования жителей города, по инициативе настоятеля Зилантова монастыря Гавриила (1820-е годы).

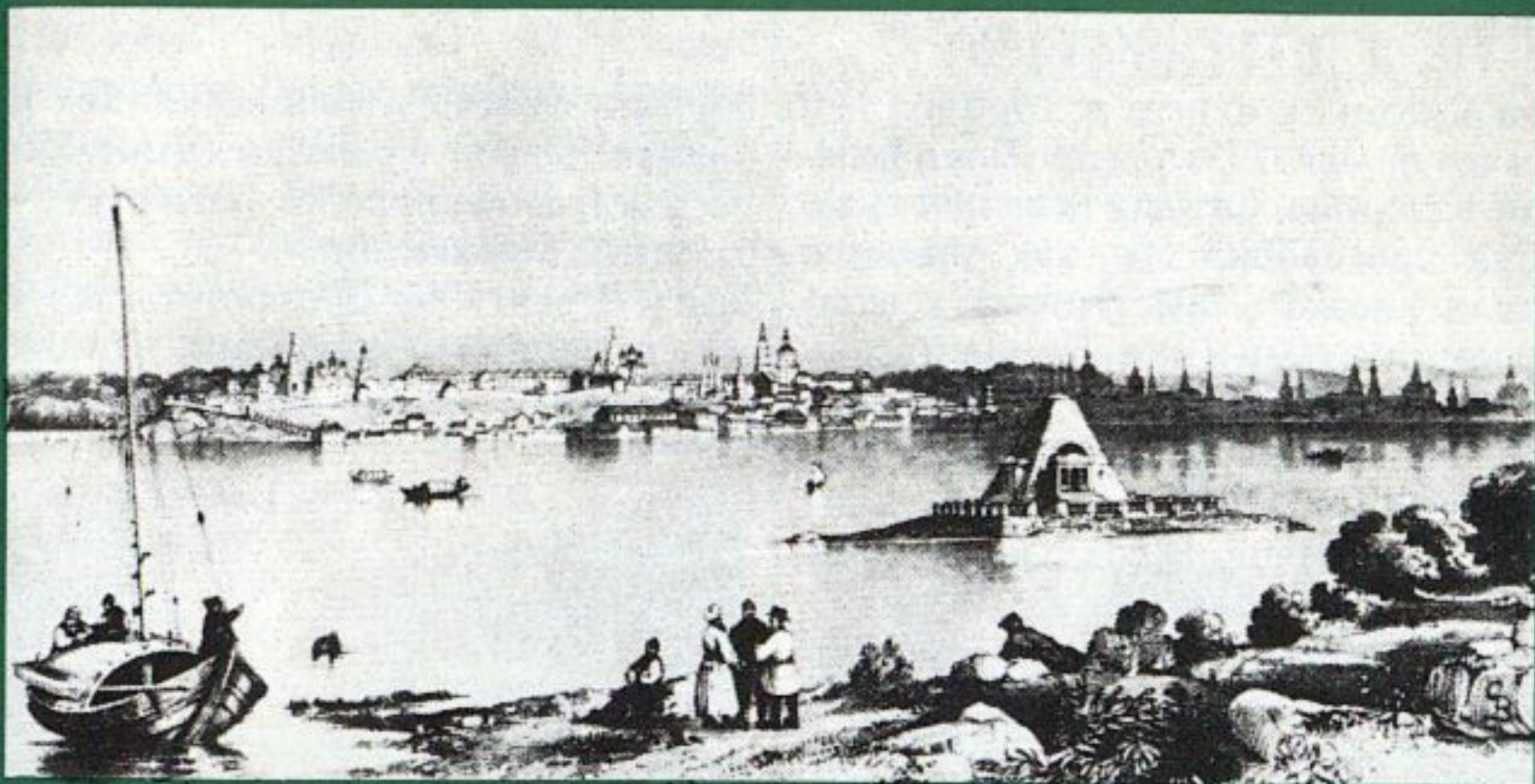
Объехав Арское поле, Пушкин возвратился в город и осмотрел его главную достопримечательность – Казанский кремль. Эта когда-то грозная и неприступная крепость была построена в середине XVI века псковскими мастерами (после взятия Казани Иваном Грозным). В 1830-е годы кремль утратил свое военное значение, его стены и башни, сильно пострадавшие во время осады горо-

да Пугачевым и ветхие от времени, еще не были восстановлены. (Работы по восстановлению кремля начались в конце 1830-х годов и предусматривали некоторую его реконструкцию. Пушкин видел кремль в его старинном, хотя и очень обветшалом виде.)

Поэт осмотрел Спасскую и Тайницкую башни; в Спасской башне располагалась церковь Нерукотворного образа Спасителя, башня и церковь были в очень запущенном состоянии после пожара 1815 года. Благовещенский собор, основанный Иваном Грозным в день его торжественного въезда в город 4 октября 1552 года, возведен был псковскими мастерами Постником Яковлевым и Иваном Ширяем и сохранил многие черты псковского архитектурного стиля. Как и сейчас, над всеми строениями возвышалась башня Сююмбеки – пятидесятивосьми метровое сооружение из красного камня, бывший минарет главной городской (Муралеевой) мечети, после присоединения Казанского ханства к России преобразованный в православную церковь Введения. С этой башней связано множество легенд. Сейчас она является эмблемой города.

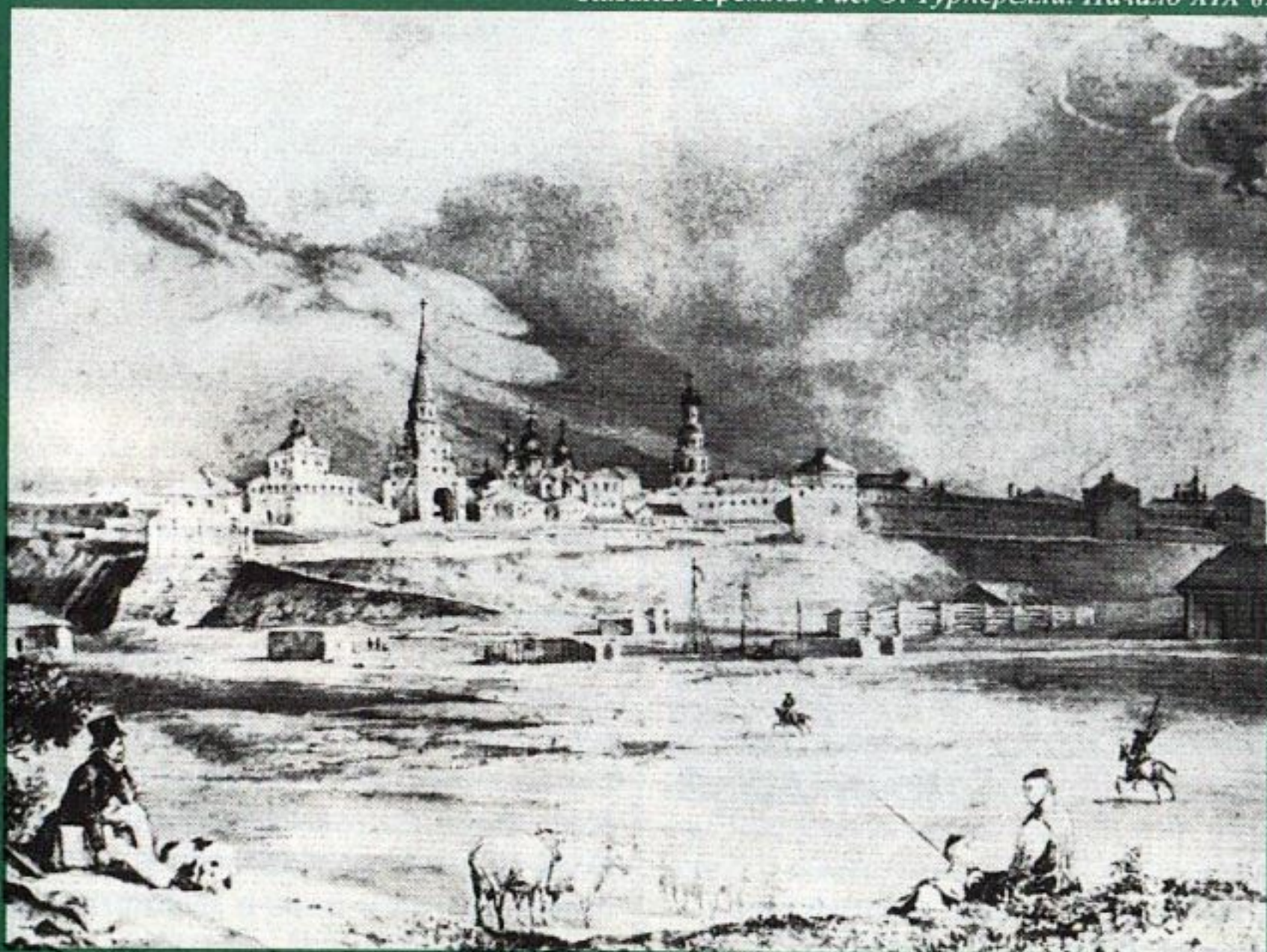
Среди кремлевских сооружений Пушкина, несомненно, привлекло здание губернской канцелярии (до наших дней не сохранилось). В подвалах его, в так называемой Черной тюрьме, некоторое время содержался Емельян Пугачев. Арестованный осенью 1772 года за подстрекательство яицких казаков к побегу

Вид на Казань и Казанский кремль во время разлива Волги. На первом плане - «Памятник убиенных при взятии Казани» в 1552 г. Гравюра начала XIX в.

Казань. Кремль. Рис. Э. Турнерелли. Начало XIX в.

на Кубань, а оттуда в Турцию, Пугачев до мая 1773 года пробыл в Казани в тюрьме, ожидая решения суда. Суд приговорил его, как опасного политического преступника, к наказанию плетьюми и пожизненной ссылке в город Пелым. Но 29 мая 1773 года Пугачев бежал и уже в августе под именем Петра III поднял восстание яицких казаков. В следующем году он подверг Казань осаде.

Кроме уже названных, в Казани остались многочисленные памятники начала прошлого столетия, которые так или иначе могли попасть в поле зрения Пушкина. Не сохранилось свидетельств, что поэт посетил дом купца Михляева, в котором останавливался в 1722 году император Петр I (улица М. Джалиля, 19; во дворе швейной фабрики), хотя показать его поэту вполне могли. Рядом с домом стоит Петропавловский собор, возведенный по заказу Михляева в честь посещения города Петром I. Храм создавали флорентийские и московские мастера; он выстроен в барочном стиле, богато украшен лепниной, отделан расписными изразцами, скульптурами.

В облике города трудно было не заметить татарских мечетей. Две из них – мечеть Марджани (по имени муллы, основавшего медресе) и Апа-наевская мечеть – сохранились до наших дней (улица Насыри, 17 и 29). Обе они воздвигнуты во второй половине XVIII века и по стилю близки к русской барочной архитектуре.

Видел Пушкин и постройки начала XIX века – Гостиный двор (сохра-

нился в очень измененном виде), и здание первой гимназии (ныне Казанский авиационный институт – улица К. Маркса, 10).

Днем 7 сентября Пушкин обедал у своего давнего знакомого, Эраста Петровича Перцова, друга Е. А. Ба-

Дом Фуков на улице Г. Камала

ратынского и супругов Фуков, литератора и публициста. Он писал, переводил, сотрудничал в казанских и столичных журналах. Дом его, где Пушкин провел несколько часов, находится на Профсоюзной улице, 23 (бывшая Малая Проломная).

От Перцова поэт по приглашению К. Ф. Фукова отправился к нему в гости. Дом Фуков сохранился в сильно перестроенном виде и находится на улице Галиасгара Камала, 58/5 (прежде угол Владимирской и Попе-

речно-Тихвинской улиц). Здесь Пушкина встретила Александра Андреевна Фукс – казанская поэтесса, писательница. За чаем профессор рассказывал все, что знал о взятии Казани пугачевцами, а потом вызвался свозить Пушкина к владельцу Троицкой мельницы, купцу Л. Ф. Крупенникову, когда-то побывавшему в плену у Пугачева. Почти полтора часа расспрашивал Пушкин миллионера об осаде города, пожаре, о Пугачеве, которого видел попавший в плен Крупенников, о главной ставке самозванца у мельницы. Однако запись рассказа Крупенникова в бумагах Пушкина не сохранилась.

Возвратившись к Фуксам, Пушкин долго беседовал с Александрой Андреевной (Карла Федоровича позвали к больному) о современной литературе, а когда возвратился Фукс и привез с собой Э. П. Перцова, беседа затянулась до часу ночи. Прощаясь, Пушкин (по свидетельству А. А. Фукс) сказал: «Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиной такого грустного прощания, но мы в Петербурге увидимся». Поэт оставил Фуксам свой петербургский адрес, впоследствии трижды писал Александре Андреевне, послал ей два экземпляра «Истории Пугачева».

Пушкин покинул Казань ранним утром 8 сентября. Пребывание в Казани, впечатления от города, записи рассказов казанских жителей очень пригодились в работе над «Историей Пугачева».

СИМБИРСК

Современный Ульяновск

Старый *Симбирск*⁴, построенный в середине XVII века на высоком волжском берегу, в пушкинские времена был небольшим тихим губернским городом. Пушкин прожил в нем почти пять дней, но восстановить последовательность событий его пребывания в городе можно лишь в самых общих чертах – так мало осталось документов. И сам город не сохранил почти никаких памятников периода пребывания там поэта: в 1842 и 1864 годах он перенес сильные пожары, и фактически история нынешнего Ульяновска, его улиц, площадей начинается с 1864 года, когда город едва ли не целиком отстраивался заново.

Противоречивы сведения о времени приезда Пушкина в город; исследователи называют две даты: 9 и 10 сентября. По-видимому, предпочтение нужно отдать второй: сам поэт в письме к Наталье Николаевне из Языкова от 12 сентября писал: «Третьего дня (то есть 10 сентября. – *Авт.*) прибыл я в Симбирск . . .»

Спорным является вопрос о том, где останавливался поэт. Разные авторы называют три равно возможных варианта: Пушкин жил либо в гостинице, либо в доме Н. М. Языкова, либо в доме губернатора А. М. Загряжского, дальнего родственника своей жены. До наших дней в городе сохранился из трех названных только дом Языковых (Советская улица, 16,

бывшая Спасская). Он почти не перестроен и принадлежит к лучшим образцам городской архитектуры начала XIX века. На фасаде дома мемориальная доска: «В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург останавливался великий народный поэт А. С. Пушкин».

Симбирск был привлекателен и интересен для Пушкина по многим причинам. Отсюда родом были многие его друзья – Н. М. Карамзин, братья Тургеневы, Н. М. Языков, И. И. Дмитриев. За два месяца до поездки поэт участвовал в подписке на сооружение памятника Н. М. Карамзину, предпринятой по инициативе симбирского дворянства. Этот памятник был установлен в городе только в 1846 году, а после пожара 1864 года была образована вокруг него Карамзинская площадь.

Город интересовал поэта своей историей, особенно его волновали события крестьянской войны под предводительством Пугачева. В отличие от Казани Симбирску не пришлось выдерживать осаду войск Пугачева. Он до города не дошел (правда, на столетие с небольшим раньше Симбирск подвергся осаде войск Степана Разина), но личная судьба вождя крестьянской войны с городом тесно связана. Впервые Пугачев оказался в Симбирске до восстания, в декабре 1772 года – его, закованного в ручные и ножные кандалы, как важного преступника, везли через Симбирск в Казань. Второй раз он очутился здесь через год и девять месяцев: в специально сделанной клетке под уси-

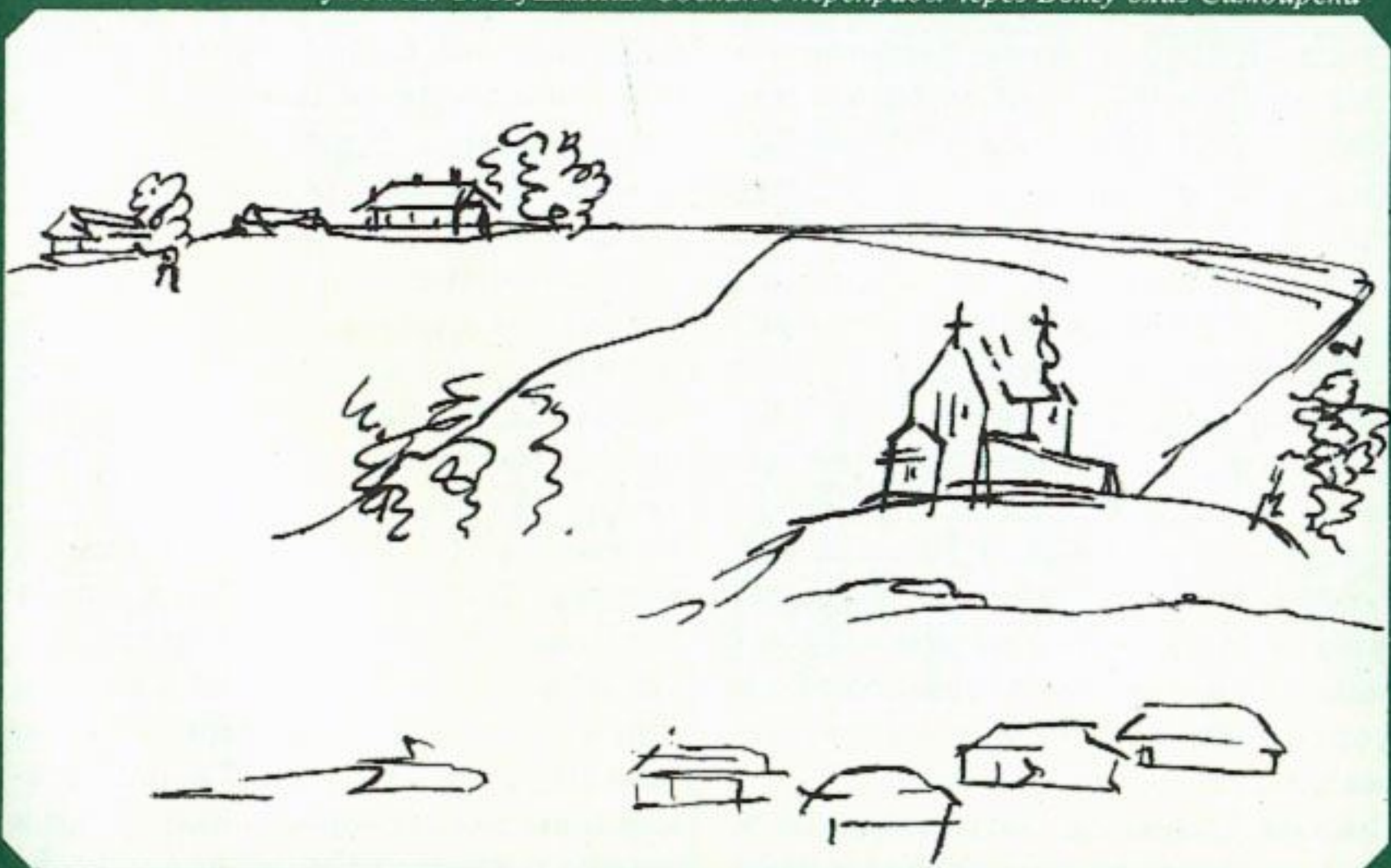
⁴ Ныне – город Ульяновск.

Симбирск. Гравюра конца XVIII в.

Рисунок А. С. Пушкина. Сделан с переправы через Волгу близ Симбирска

ленной охраной «опасного преступника» доставили в Симбирск вечером 1 октября 1774 года. По приказу графа П. И. Панина, главнокомандующего всеми войсками, сразу по прибытии в город Пугачева в клетке вывезли на главную площадь – показать жителям города для устрашения, а войскам – для «назидания». После этого Пугачева привезли на двор к графу Панину, где произошел знаменитый, описанный Пушкиным разговор его с самозванцем. А потом пленника заперли в подвале каменного дома на углу Спасской и Московской улиц (ныне угол Советской улицы и Северного проезда). Только 25 октября 1774 года Пугачев, по-прежнему закованный в кандалы, был отправлен в Москву.

Как и в Казани, в Симбирске Пушкин беседовал с местными жителями о крестьянской войне, записывал рассказы и воспоминания. Интересные сведения мог почерпнуть он в беседах с П. М. Языковым, братом поэта, геологом, этнографом и историком края, с поволжским писателем И. А. Второвым, который хорошо знал историю Поволжья и мог сообщить поэту много ценных сведений о стихийном распространении крестьянской войны в поволжских губерниях. Поэт навестил престарелого симбирского помещика Шувалова, который в молодости был фореитором у Пугачева и охотно рассказывал об этом времени.

Письма Пушкина, воспоминания и письма жителей города позволяют восстановить некоторые события

пребывания поэта в Симбирске. Едва прибыв в город, Пушкин отправился с визитом к гражданскому губернатору Симбирской губернии А. М. Загряжскому. Здесь его ожидало письмо от Натальи Николаевны, возможно, здесь он обедал и совершенно неожиданно здесь ему пришлось танцевать.

Одна из подруг дочери Загряжского Елизаветы (ставшей впоследствии женой Льва Сергеевича Пушкина) оставила воспоминания о приезде Пушкина в губернаторский дом: «Однажды осенью 1833 года во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин, мы все заволновались от ожидания увидеть его. И вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом, мне тогда он показался очень некрасивым . . . Через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами. Он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок . . .»

Утром 11 сентября Пушкин выехал в имение братьев Языковых, село Языково; был там к вечеру. (От усадьбы Языковых сохранились лишь двухсотлетний парк и пруд, дом сгорел в 1922 году. В парке установлены две мемориальные доски в память о приезде Пушкина в усадьбу 11 и 29 сентября 1833 года.) Здесь он

застал старшего из братьев, Петра Михайловича, с которым быстро познакомился, увидев в нем человека чрезвычайно замечательного. Поэта Николая Михайловича Языкова Пушкин так и не увидел в этот проезд. (На обратном пути из Оренбургской губернии поэт вновь заезжал в Языково. На сей раз он застал там всех трех братьев и гостил сутки.)

Возвратившись к вечеру 12 сентября в Симбирск, Пушкин обедал у губернатора. А в ночь выехал было из города в Оренбург, но возвратился. Еще полтора дня пробыл поэт в городе. Обедал у А. М. Языкова, был в гостях у П. И. Юрлова, навестил мать писателя и композитора В. Ф. Одоевского Е. А. Одоевскую, побывал у Шувалова, выслушал его рассказы о Пугачеве. Рисунок, сделанный Пушкиным в записной книжке, по-видимому, на переправе через Волгу, с надписью: «Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзинных» – позволяет предположить, что поэт побывал в Симбирске и у брата историка Василия Михайловича Карамзина.

Конечно же Пушкин осмотрел город. О том периоде напоминают дом Языковых (Советская улица, 16) и здание классической гимназии (угол Советской и Коммунистической улиц).

На рассвете 15 сентября поэт отправился в Оренбург.

ОРЕНБУРГ

Здание краеведческого музея

Утром 18 сентября, в понедельник, Пушкин приехал в *Оренбург*. Поэт остановился у военного губернатора графа В. А. Перовского, давнего своего петербургского знакомого. Перовский жил тогда на губернаторской даче – за городом, в версте от Сакмарских ворот. Дом сохранился в очень перестроенном виде, сейчас в нем находится Вторая городская больница; в 1937 году он отмечен мемориальной доской (проезд Коммунаров, 19). Здесь состоялась неожиданная и радостная встреча – В. И. Даль, литератор, знакомый по Петербургу, в тот же день возвратился из большой поездки по губернии и вызвался ознакомить Пушкина со всеми «пугачевскими» достопримечательностями города и окрестностей.

Сразу же началось знакомство с Оренбургом. А. Н. Плещеев впоследствии писал о городе: «В Оренбурге много особенностей, резкой чертой отличающих его от других городов России». Одной из отличительных черт города был необычайно пестрый социальный и национальный состав населения. Большую часть его составляли военные (ведь он был военным центром края) – офицеры, солдаты, казаки. Лишь небольшую часть жителей города представляли купцы, мещане, разночинцы; среди них – люди самых разных национальностей.

Построенный в середине XVIII века, Оренбург сохранил в 1833 году первоначальный свой вид многоугольной

крепости, обнесенной валом и рвом протяженностью более пяти верст (границы крепости проходили в районе современных улиц Бурзянцева, Володарского, Студенческой и набережной реки Урала). В Оренбург вели четверо ворот; остатки последних, Водных, сохраняются возле Дворца пионеров: Город был невелик. В. И. Даль писал, что с каждого перекрестка на все четыре стороны просматривался крепостной вал. В городе имелись две площади, обширный Гостиный двор (ныне самое старинное здание – между улицами Советской, Кирова, 9-го января и Пушкинской; его занимает шелкоткацкий комбинат). В Гостином дворе размещалось около ста пятидесяти лавок и амбаров, семь каменных церквей, в том числе лютеранская кирха, две мечети. В городе существовал водопровод, по которому вода из Урала двумя конными насосными машинами подавалась в центр, где на плац-парадной площади действовали водоразборный бассейн и фонтан. Улицы были пыльными и грязными; лишь одну – Водяную (ныне улица М. Горького) – замостили и одну – Губернскую (ныне улица Советская) – осветили фонарями.

Одной из достопримечательностей Оренбурга являлся Меновой двор – маленькая крепость в трех верстах от города на левом берегу Урала. Со стороны города в него вели Русские ворота, со стороны степи – Восточные; здесь осуществлялся обмен товарами с восточными куп-

Оренбург. Рис. А. Чернышева. 1830-е гг.

Рисунок А. С. Пушкина. Берег Урала недалеко от Нижнеозерной крепости

цами, размещалось около трехсот пятидесяти лавок и ста сорока амбаров.

Пушкин и Даль побывали вечером в Неплюевском военном училище (улица Ленина, 19; дом отмечен мемориальной доской) и посетили его директора инженер-капитана К. Д. Артюхова. Училище это служило своеобразным культурным центром. При нем работала типография, где печатались книги на русском и арабском языках. В 1832 году в училище открылось женское отделение для детей дворян и мещан.

Хозяин, К. Д. Артюхов, не только предложил гостям баню и развлекал их потом за чаем «охотничьими» рассказами, но и вызвался сопроводить на следующий день в поездке в Бердскую слободу – главную ставку Пугачева при осаде города.

Ночевал Пушкин на даче у Перовского.

19 сентября, быть может, один из самых удачных дней в пушкинской поездке. Вместе с Далем и Артюховым поэт отправился утром в Бердскую слободу, находившуюся в семи верстах от Оренбурга, на левом берегу реки Сакмарки (сейчас город распространился и на эту территорию). Во время осады Оренбурга слобода была центром повстанческой армии, пугачевцы называли ее Москвой. Отсюда Пугачев водил свои отряды на приступы, а его атаманов отправлялись в дальние походы – к Уфе и Самаре, Челябинску и Гурьеву, Казани и Кунгуру. Здесь действовала Военная коллегия,

отсюда рассылались манифесты и воззвания к простому народу.

В 1833 году еще сохранялась изба – «дворец» Пугачева, – стоявшая над рекой. Во времена восстания она принадлежала Константину Ситникову, при Пушкине – его сыну Карпу. Обыкновенная изба была обита изнутри золотой бумагой – «шумихой», отчего и называлась «золотой дворец». Пушкин, конечно, видел эту избу, быть может, даже говорил с ее хозяином. Описание «золотых палат» Пугачева появилось в главе «Мятежная слобода» в повести «Капитанская дочка»: «Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, – все было как в обыкновенной избе».

Ныне на окраине Оренбурга, на углу современных улиц Восстания (бывшей Большой) и Салавата Юлаева (бывшей Средней), рядом с тем местом, где стояла изба К. Ситникова, высится белокирпичная стена с мемориальной доской. На ней надпись: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 г. по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев». У подножия стены – пушка пугачевского времени.

Начальник Бердской слободы И. В. Гребенщиков собрал для Пушкина несколько старожилов, пом-

нивших Пугачева. Здесь же, в доме атамана, оказался его родственник, будущий оренбургский купец Н. А. Кайдалов, записавший свои впечатления о встрече с Пушкиным. Вот еще один портрет поэта, рисующий его в пору путешествия: «Он – среднего роста, смуглый, лицо кругловатое с небольшими бакенбардами; волосы черные, курчавые, недолгие; глаза живые, губы довольно толстые. Одет он был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа. На руках: левой на большом, а правой на указательном пальце по перстню. Ногти на пальцах длинные, лопатками. В фигуре его и в манерах было что-то чрезвычайно оригинальное». Тот же Кайдалов вспоминал, что «по входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку». Особенно долго («целое утро», по словам Даля) поэт беседовал с казачкой И. А. Бунтовой. «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я *une bonne fortune*⁵ – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год», – писал поэт жене. Она была родом из Нижнеозерной крепости, хорошо помнила Пугачева и рассказала о взятии крепости, о присяге ее жителей Пугачеву. Повела и о гибели

майора Харлова, о расстреле его жены, Елизаветы, и ее семилетнего брата (по доносу «ревнивых злодеев» – яицких казаков). Все это было использовано в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке».

Бунтова же рассказала о жизни Пугачева в Берде, где его «все любили»; здесь казаки самозванца «никого не обижали», проезжая по улицам, Пугачев всегда бросал народу медные деньги; о том, как после поражения 22 марта 1774 года Пугачев прискакал с казаками в Берду и приказал разбить бочки с вином, стоявшие у его «дворца», чтобы не было «пьянства и смятения». Бунтова же показала Пушкину «дворец Пугачева». Очень довольный, Пушкин дал на прощание старухе-казачке золотой червонец. (Даль вспоминал потом, что червонец этот «наделал большую суматоху» – бердские старики ездили в Оренбург доложить начальству, что приезжал чужой человек, подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом, заподозрили, что антихрист, «потому что вместо ногтей когти».) Возвратившись из Берды, Пушкин в сопровождении Даля осмотрел все «пугачевские» достопримечательности города, связанные с шестимесячной его осадой: казачий поселок Форштадт – восточное предместье города (теперь часть Красного посада в границах современных Красной площади, улиц Тимирязева, Степана Разина и берега Урала), захваченный повстанцами и сожженный. Видел он остатки земляного вала – старого укрепления напротив северо-восточ-

⁵ удачу (с франц.).

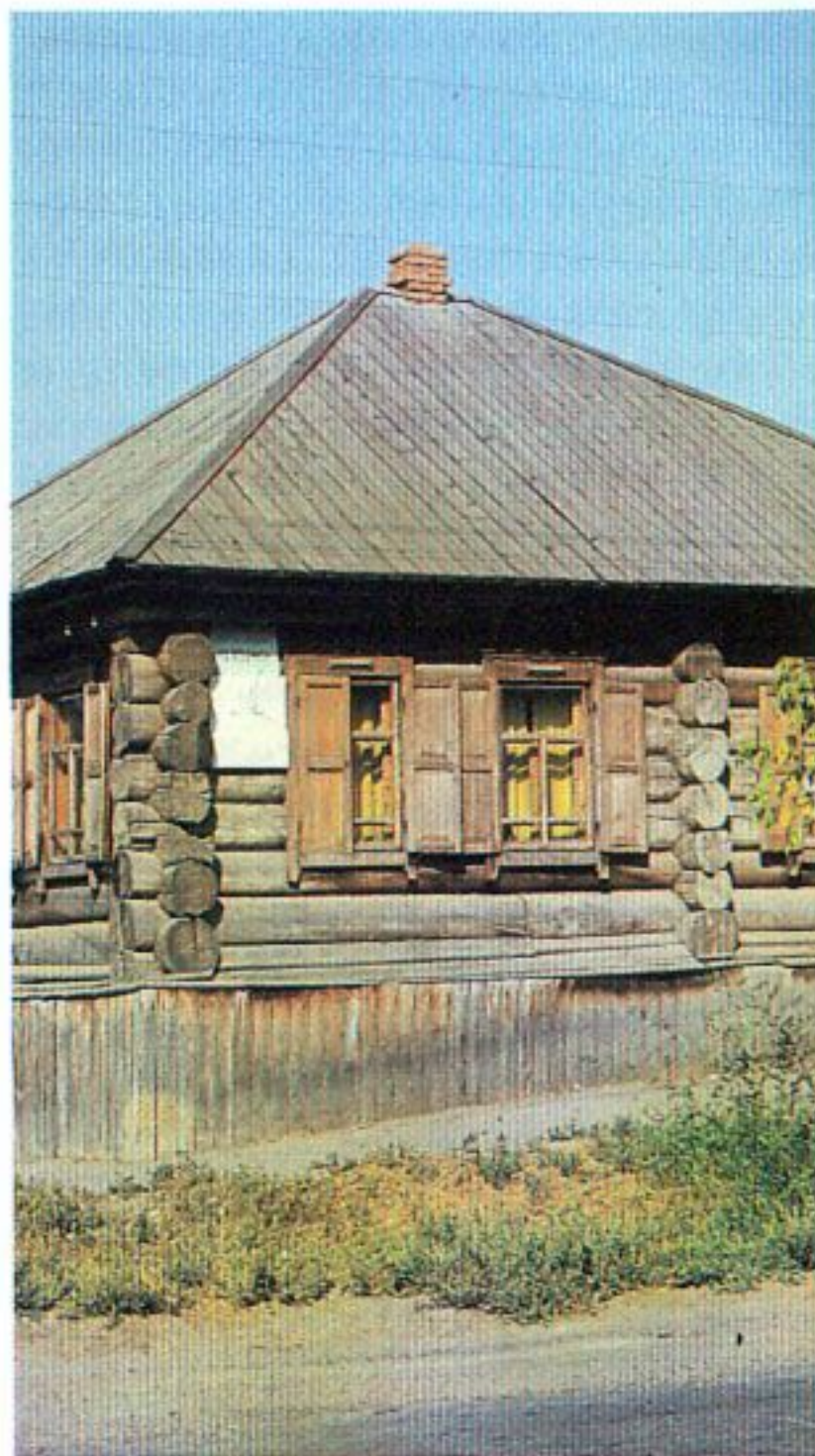

ной части крепости, между Орскими и Сакмарскими воротами. С набережной высокого берега Урала открывался вид на Зауральскую рощу, откуда пугачевцы по льду пытались штурмовать город, но неудачно – были отбиты, а Пугачев едва не попал в плен. В конце 1820-х годов в роще был разбит парк по типу английского, с мостиками и беседками; он служил местом прогулок. За рощей виднелся Меновой двор, а дальше – бесконечная степь.

Пушкин и Даль посетили Оренбургское приходское училище, находившееся рядом с Неплюевским военным училищем. Здесь Пушкин оживленно беседовал с учениками (один из них – будущий генерал И. В. Чернов – оставил воспоминания об этой встрече). Обедали у В. А. Перовского, а вечер поэт провел у Даля, засидевшись до поздней ночи. Ночевал он в городе у Перовского на Губернской улице (ныне Советская улица, 32).

Путешествие подходило к концу. В письме Наталье Николаевне, написанном накануне отъезда из Оренбурга, Пушкин назвал последнюю цель своей поездки: «... завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три – и отправляюсь в деревню...» Наступала осень, хотелось скорее писать: «А уж чувствую, что дурь (так поэт называл вдохновение. – *Авт.*) на меня находит – я и в коляске сочиняю...» Поэтому Пушкин торопился. Пробыв в Оренбурге почти два дня, утром 20 сентября он выехал в Уральск.

УРАЛЬСК

Уральск. Изба Кузнецовых
на Стременной улице. Реставрирована
в 1960-х гг.

Пушкин ехал в Уральск по правому берегу реки Урала вдоль Нижнеуральской линии бывших укреплений, через крепости Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозерную и Рассыпную (в память посещения поэтом Татищевой крепости в нынешнем селе Татищеве установлена мемориальная доска, а в сквере при средней школе – бюст А. С. Пушкина работы местного скульптора П. Г. Сурначева). Каждая из них в свое время была захвачена пугачевцами.

Знакомство с Татищевой и Нижнеозерной крепостями пригодилось Пушкину при работе над «Капитанской дочкой» – личные его впечатления отразились при описании этой стороны. Поэт поместил вымышленную Белогорскую крепость, куда приехал Петруша Гринев, примерно на месте Татищевой, а в названии ее, как считают многие исследователи, отразился ландшафт уральского берега неподалеку от Нижнеозерной крепости – меловая гора, образующая высокий, обрывистый берег. В бумагах Пушкина сохранился рисунок: скачущая тройка на фоне крутого берега реки со строениями на круче, который краеведы соотносят с ландшафтом Нижнеозерной крепости. Не случайным оказывается в описании Белогорской крепости и упоминание о ветряных мельницах – по рассказам старожилов, в прошлом они стояли рядом с Нижнеозерной. 21 сентября поздно вечером Пушкин приехал в Уральск, на родину ка-

зацкого мятежа 1772 года и крестьянской войны 1773–1775 годов. До 1775 года город входил в состав Оренбургской губернии и назывался Яицким городком. После того как движение Пугачева было подавлено, его переименовали «для предания всего случившегося вечному забвению и глубокому молчанию» (как отмечалось в указе Сената).

Основанный в начале XVII века, Уральск стоит при слиянии двух рек – Урала и Чагана. С трех сторон его окружала вода и только северной своей частью он уходил в степь, где был защищен тремя рвами с водой и валами – сразу за городом в одной версте и в семи верстах от него.

В XVIII веке Яицкий городок состоял из небольших деревянных построек, тесно примыкавших друг к другу, с крайне узкими улицами (из-за чего очень опасны были пожары). После пожара 1807 года город перестроили по новому плану, появились широкие прямые улицы, замостили камнем главную – Михайловскую улицу (ныне улица Советская). Уральск был многолюден – одних казаков до пятнадцати тысяч. Кроме того, здесь жили казахи, татары (существовала даже татарская слобода с мечетью).

Во времена Пушкина память о крестьянской войне была жива в городе. Поэт осмотрел достопримечательности и памятники, связанные с жизнью Пугачева и его деятельностью.

Почти все они располагались в южной, самой старой, части, назы-

вавшейся «курени» (отсюда город когда-то начинался). В «куренях» находился и центр яицкого казачьего войска – кремль с собором Михаила Архангела, возведенным в середине XVIII века. Храм этот, сам походивший на крепость, – толстые стены, окна-бойницы, земляной вал вокруг, – являлся центром небольшой крепости, выдержавшей многомесячную осаду пугачевцев. В 1883 году рядом с ним стояла деревянная колокольня, возведенная вместо взорванной пугачевцами каменной (развалины ее поэт тоже мог видеть). Сейчас рядом с собором – каменная колокольня, построенная в 1861 году.

Собор был святыней казачьего войска: все праздники и парады казаков проходили на площади перед ним, некогда здесь собирался казачий круг, упраздненный после подавления движения Пугачева властями. Только с постройкой собора Александра Невского (1860 год) утратилось для города значение собора Михаила Архангела, но парад в честь покровителя казачьего войска святого Михаила ежегодно 8 ноября происходил на старой соборной площади. Ныне в здании собора размещается филиал областного музея. В 1833 году вокруг собора Михаила Архангела еще угадывались очертания крепостных стен-валов, в середине соборной площади можно было видеть их остатки (с юга вал размыло Уралом, часто меняющим свое русло и подходившим в конце XVIII века очень близко к собору).

Кроме собора, стены крепости отгораживали от города здание войсковой канцелярии, гауптвахту, пороховые погреба. Пушкин осмотрел заброшенное и обветшавшее здание войсковой канцелярии, где в середине сентября 1774 года в «особливом покое» содержался пленный Пугачев. Здесь он давал свои первые показания на допросе у следователя С. И. Маврина.

Подъезжая к «куреням», Пушкин не мог не заметить обгоревшие стены Петропавловской крепости, где 1 февраля 1774 года Пугачев венчался с семнадцатилетней красавицей Устиньей Кузнецовой. Здание церкви погибло при пожаре 1821 года и к 1833 году еще не было восстановлено. (Эта церковь не сохранилась.)

Добротный деревянный дом, где жила Устинья Кузнецова с родителями, стоит и сейчас, он реставрирован и охраняется государством (Стремяная улица, 3). Неподалеку, на Кабанковой улице, находился каменный дом атамана Михаила Толкачева, где квартировал обычно Пугачев и где праздновалась свадьба с Кузнецовой. Он сейчас восстановлен, в нем размещается библиотека исторической книги, а в будущем намечено открыть музей Е. И. Пугачева.

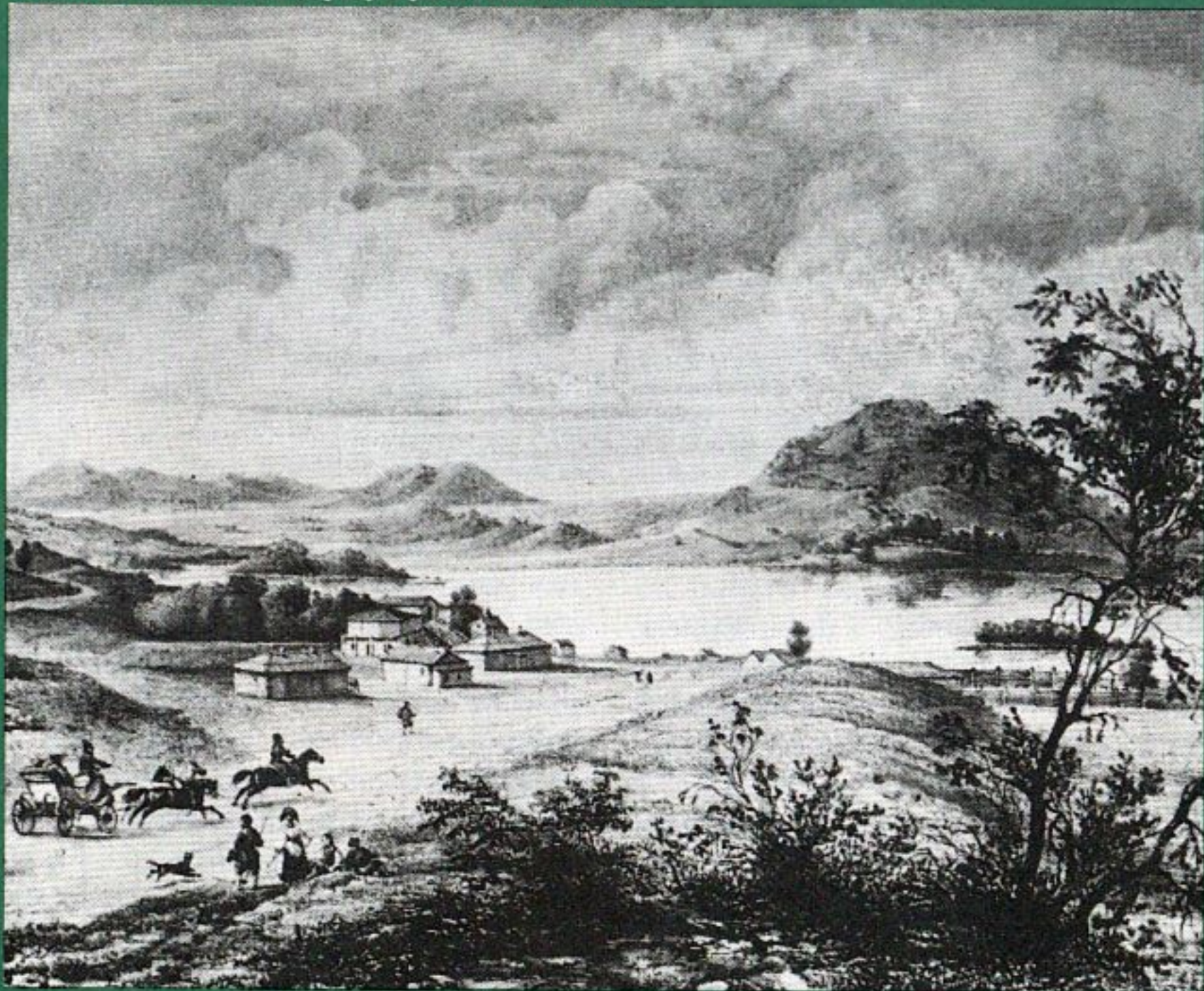
В письме Наталье Николаевне от 2 октября уже из Болдина Пушкин вспоминал об Уральске: «... Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду...»

Собор Михаила
Архангела в Куренях.
XVIII в.

Казачье селение на берегу Урала. *Начало XIX в.*

Недалеко от «курений» находилась Ханская роща – название бытует и по сей день. Его связывают с обычаем вести все переговоры казацких старшин с казахскими ханами именно в этой роще (рождение его относят к середине XVII века). По другой легенде, красивая роща на берегу Урала (Яика) названа этим именем потому, что в ней совершался обряд возведения в ханы правителя Внутренней орды Букея и его сына Джангира. Во всяком случае, Пушкин рощу видел, и название ее ему так или иначе объяснили провожатые.

И еще один дом в Уральске хранит память о посещении города Пушкиным – это дом наказных атаманов (Комиссаровская улица, 43), где поэт гостил у войскового атамана В. О. Покатилова. Двухэтажный каменный особняк, выстроенный в начале XIX века в классическом стиле, охраняется государством. На фасаде его – мемориальные доски в память пребывания А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко. Долгие годы в доме размещался городской Дом пионеров, а скоро будет открыт литературный музей. Гостеприимства В. О. Покатилова Пушкин не забыл – в 1835 году, посылая Перовскому четыре экземпляра «Истории пугачевского бунта»⁶, поэт один из них предназначал уральскому войсковому атаману.

Беседуя с уральскими казаками,

Пушкин услышал много рассказов о Пугачеве, о поднятом им восстании, наиболее для себя важные он отметил в своей записной книжке. Одной из самых значительных была встреча с сыном старого товарища Пугачева Дениса Пьянова, поэт назвал его в примечаниях к «Истории Пугачева» Дмитрием. Как недавно установил исследователь Р. В. Овчинников, этого человека звали Михаил Денисович Пьянов, и Пушкин разговаривал с ним, восьмидесятилетним стариком, в Уральске. Отец М. Д. Пьянова укрывал у себя Пугачева в начале зимы 1772 года, ему первому будущий вождь крестьянской войны поведал «тайну» своего «царского» происхождения, и с тех пор вся семья Пьяновых стала убежденно считать Пугачева Петром III. Пугачев любил эту семью, был посаженным отцом на свадьбе М. Пьянова в январе 1774 года. Там, на свадьбе, он сказал Пьянову слова, которые многое объяснили Пушкину в отношениях предводителя восстания и ближайшего его казацкого окружения: «Улица моя тесна» (поэт сослался на них и в «Истории Пугачева», заставил Пугачева в «Капитанской дочке» пожаловаться на свое положение Гриневу). Что же касается Михаила Пьянова, ему и шестьдесят лет спустя Пугачев казался государем. На вопрос поэта: «Расскажи мне . . . как Пугачев был у тебя посаженным отцом?» – последовало: «Он для тебя Пугачев, . . . а для меня он был великий государь Петр Федорович».

⁶ Книга была опубликована под этим заглавием в 1834 году.

В Уральске Пушкин услышал предание о Василии Плотникове – одном из первых сподвижников Пугачева, возмутителе яицких казаков. Здесь поэту рассказали, как заговорщики – яицкие казаки арестовали своего вождя 8 сентября 1774 года у степной

Сызранскому тракту, направился в Болдино. Часть пути проехал поэт той же дорогой, по которой везли пленного Пугачева, ставшего вскоре героем его «Истории Пугачева», а позднее – романа «Капитанская дочка».

Дом наказных атаманов Уральского казачьего войска, в котором останавливался А. С. Пушкин. *Конец XVIII – начало XIX в.*

реки Большой Узень, чтобы выдать его властям и тем спасти себя. Этот рассказ тоже занял свое место в «Истории Пугачева». Одним словом, поэт недаром был доволен пребыванием в Уральске: он узнал там многое для понимания положения Пугачева и его отношений с казацкой верхушкой.

23 сентября Пушкин выехал из Уральска и кратчайшей дорогой, по

Вспоминая в 1836 году поездку по пугачевским местам Поволжья и Оренбургского края, Пушкин очень точно определил, почему она была ему так необходима: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

К СВЕДЕНИЮ ТУРИСТОВ

ТУРИСТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И МАРШРУТЫ

Знакомство с пушкинскими местами Российской Федерации можно осуществить, воспользовавшись услугами туристско-экскурсионных организаций профсоюзов. Ежегодно туристские гостиницы и туристские базы, находящиеся в местах, связанных с именем А. С. Пушкина, организуют прием туристов по путевкам всесоюзных и местных туристских маршрутов, а бюро путешествий и экскурсий предлагают большой выбор экскурсий. По пушкинским местам проходят трассы следующих всесоюзных туристских маршрутов:

№ 1 «Москва» - продолжительностью 6 и 12 дней;

№ 10 «Ленинград - Москва» - продолжительностью 15 дней;

№ 156 «Рига - Сигулда - Пушкинский заповедник» - продолжительностью 21 день;

№ 166 «Пушкинский заповедник - Сигулда - Рига» - продолжительностью 21 день;

№ 162 «Рига - Пушкинский заповедник» - продолжительностью 20 дней;

№ 170 «Пушкинский заповедник - Рига» - продолжительностью 20 дней;

№ 195 «По древнерусским городам и Ленинграду» - продолжительностью 21 день;

№ 196 «По пушкинским местам» - продолжительностью 20 дней;

№ 197 «От Москвы до Новгорода» - продолжительностью 18 дней;

№ 198 «От Новгорода до Москвы» - продолжительностью 18 дней.

Путевки на указанные всесоюзные туристские маршруты направляются для реализации в профсоюзные организации предприятий, учреждений. Их можно также приобрести в советах по туризму и экскурсиям по месту жительства. Путевки на местные туристские маршруты, о которых речь пойдет ниже, реализуются советами по туризму и экскурсиям, организующими прием туристов по этим маршрутам.

Экскурсии по пушкинской тематике в городах Ленинграде, Пскове, Пушкинские Горы включены в план обслуживания только на специализированных туристских маршрутах. В остальных случаях они проводятся для желающих по специальной заявке за дополнительную плату.

В **Москве** имеется четыре туристских учреждения: туристские комплексы «Салют», «Измайлово», Центральный Дом туриста, туристская гостиница «Дружба», а также Московское городское бюро экскурсий. Прием туристов в туристских учреждениях осуществляется по путевкам всесоюзных и местных туристских маршрутов продолжительностью 3, 5, 6, 10, 12 дней. Московским городским бюро экскурсий в городе Москве и ее пригородах

организуются следующие экскурсии: «Детство А. С. Пушкина», «Жизнь и творчество А. С. Пушкина в Москве», «Пушкинские места (Захарово – Большие Вязёмы)», «А. С. Пушкин в Яропольце».

Адреса туристско-экскурсионных организаций Москвы:

Московский городской совет по туризму и экскурсиям:

101912, город Москва, Центр, Петроверигский переулок, 4.

Московский областной совет по туризму и экскурсиям: 107078, город Москва, Каланчевский тупик, 4/2.

Туристский комплекс «Измайлово»: 105037, город Москва, Измайловское шоссе, 69а.

Туристский комплекс «Салют»: 117571, город Москва, Ленинский проспект, 156.

Центральный Дом туриста: 117604, город Москва, Ленинский проспект, 146.

Туристская гостиница «Дружба»: 117415, город Москва, проспект Вернадского, 53.

Московское городское бюро экскурсий: 103031, город Москва, улица Жданова, 5.

В Ленинграде имеется четыре туристских учреждения: туристские гостиницы «Гавань», «Енисей», «Мир» и туристский комплекс «Приморский», работает Ленинградское городское бюро экскурсий. Туристские учреждения организуют прием туристов по десятидневным путевкам местного туристского маршрута «Ленинград».

Ленинградское городское бюро экскурсий предлагает следующие темы экскурсий, связанные с пребыванием в Петербурге и его пригородах А. С. Пушкина: «А. С. Пушкин в Петербурге», «Город Пушкин», «Пушкинские места Ленинградской области», «Литературные места города Пушкина», «А. С. Пушкин в Царском Селе», «Поэты пушкинской поры».

Адреса туристско-экскурсионных организаций Ленинграда:

Ленинградский областной совет по туризму и экскурсиям: 191011, город Ленинград, улица Ракова, 3.

Туристская гостиница «Гавань»: 199026, город Ленинград, В. О., Средний проезд, 86.

Туристская гостиница «Енисей»: 192104, город Ленинград, улица Артиллерийская, 1.

Туристская гостиница «Мир»: 196135, город Ленинград, улица Гастелло, 17.

Туристский комплекс «Приморский»: 197047, город Ленинград, Морской проспект, 45.

Ленинградское городское бюро экскурсий: 190000, город Ленинград, набережная Красного Флота, 56.

Познакомиться с пушкинскими местами **Псковской области** можно, остановившись на отдых на Псковской туристской базе, в Псковском кемпинге и на Пушкиногорской туристской базе. Прием в них туристов осуществляется по путевкам всесоюзных и перечисленных ниже местных туристских маршрутов:

«Пушкинский заповедник» – продолжительностью 12 дней;

«Алольский» – продолжительностью 12 дней;

«Пушкинский заповедник – Алоль» – продолжительностью 20 дней;

«Пушкинский заповедник» - продолжительностью 15 дней.

Псковское и Пушкиногорское бюро путешествий и экскурсий организуют следующие экскурсии: «А. С. Пушкин в Пскове», «Край вдохновения», «А. С. Пушкин в Михайловском», «А. С. Пушкин в Тригорском», обзорную экскурсию по музеям и паркам Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея-заповедника А. С. Пушкина, «Люблю сей темный сад», «Но там и я свой след оставил», «Святогорский монастырь», «Петровское», «Под сенью липовых аллей», «А. С. Пушкин в Псковском крае».

Адреса туристско-экскурсионных организаций Псковской области:

Псковский областной совет по туризму и экскурсиям: 180000, город Псков, Центр, кремль, 6.

Псковская туристская база: 180007, город Псков, Краснознаменная улица, 4.

Псковский туристский кемпинг: 180000, город Псков, поселок Кобытово.

Псковское бюро путешествий и экскурсий: 180000, город Псков, кремль, 6.

Пушкиногорская туристская база: 181370, Псковская область, город Пушкинские Горы.

Алольская туристская база: 182300, Псковская область, Пустошкинский район, п/о «Алоль».

Пушкинские места **Калининской области** представлены в темах экскурсий, организуемых Бологовским, Ржевским, Старицким, Торжокским и Калининским бюро путешествий и экскурсий. Ими разработаны и проводятся следующие экскурсии: «А. С. Пушкин и его современники в Твери», «Пушкин и Тверской край», «С Пушкиным по Старице», «Пушкинские места Верхневолжья», «Берег, милый для меня», «Пушкинские места села Бернова», «По пушкинскому следу».

В городе Калининe есть туристская гостиница «Турист», которая осуществляет прием туристов по путевкам всесоюзных и местных туристских маршрутов.

Адреса туристско-экскурсионных организаций Калининской области:

Калининский областной совет по туризму и экскурсиям: 170002, город Калинин, улица Коминтерна, 47/102.

Туристская гостиница «Турист»: 170002, город Калинин, улица Коминтерна, 47/102.

Бологовское бюро путешествий и экскурсий: 171060, Калининская область, город Бологое, улица Советская, 5.

Ржевское бюро путешествий и экскурсий: 172350, Калининская область, город Ржев, улица Садовая, 35.

Старицкое бюро путешествий и экскурсий: 171360, Калининская область, улица Володарского, 11.

Торжокское бюро путешествий и экскурсий: 182060, Калининская область, город Торжок, улица Торговые ряды, 3.

Калининское бюро путешествий и экскурсий: 170006, город Калинин, улица Урицкого, 15.

«В пушкинском Болдине» - так называется тема экскурсии, организуемой **Арзамасским и Саранским** бюро путешествий и экскурсий.

Адреса:

Арзамасское бюро путешествий и экскурсий: 607220, город Арзамас, улица Базарная, 1.

Саранское бюро путешествий и экскурсий: 430000, город Саранск, улица Пролетарская, 39.

Казанское бюро путешествий и экскурсий организует экскурсию «А. С. Пушкин в Казани».

Адрес: 420111, город Казань, улица К. Маркса, 48.

Ульяновское бюро путешествий и экскурсий проводит экскурсию «А. С. Пушкин в Симбирске».

Адрес: 432600, город Ульяновск, улица Льва Толстого, 32.

Оренбургское бюро путешествий и экскурсий организует экскурсию «Пушкинские и пугачевские места Оренбурга».

Адрес: 460000, город Оренбург, проспект Соляной, 22.

С именем А. С. Пушкина связаны экскурсии, которые организует **Уральское** бюро путешествий и экскурсий: «Литературные места города Уральска», «На поиски «Капитанской дочки». Можно познакомиться с ними и с городом Уральском, приобретя путевку в туристскую гостиницу «Саяхат» города Уральска.

Адреса: Туристская гостиница «Саяхат»: 417000, город Уральск, улица Т. Масина, 38.

Уральское бюро путешествий и экскурсий: 417000, город Уральск, Дом союзов.

МУЗЕИ А. С. ПУШКИНА

МОСКВА

Государственный музей А. С. Пушкина

Адрес: Кропоткинская улица, 12/2.
Проезд: станция метро «Кропоткинская».

ЛЕНИНГРАД

Пушкинский Дом

Адрес: набережная Макарова, 4.
Проезд: троллейбусы 1, 7, 9; автобусы 10, 45.
Мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина (Филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина)
Адрес: набережная реки Мойки, 12.
Проезд: станция метро «Невский проспект»; автобусы 2, 14, 26, 47.

ПРИГОРОДЫ ЛЕНИНГРАДА

Город Пушкин (Царское Село)

Электropоезда в город Пушкин отправляются с Витебского вокзала. В Пушкине от вокзала до Екатерининского дворца курсируют автобусы 371, 382 и маршрутные такси.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина

Адрес: Комсомольская улица, 7.

Мемориальный Музей-лицей
(Филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина)

Адрес: Комсомольская площадь, 2.

Музей-дача А. С. Пушкина (Филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина)

Адрес: Пушкинская улица, 2.

Приютино

Литературно-художественный музей «Приютино»

Электропоезда в Приютино отправляются с Финляндского вокзала до станции Бернгардовка. Далее автобусами 3 и 7.

Выра

Домик станционного смотрителя

Проехать к музею можно рейсовым автобусом на Рождествено с городской автобусной станции № 2 (Обводной канал, 36) или электропоездом с Варшавского вокзала до станции Сиверская, затем автобусом 500.

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Музей А. С. Пушкина в Торжке

Адрес: Торжок, улица Дзержинского, 71.

Проезд: междугородным автобусом Калинин – Торжок; электропоездом Калинин – Торжок.

Музей А. С. Пушкина в Берново

Адрес: Старицкий район, село Берново.

Проезд: автобусами Калинин – Берново, Старица – Берново, Торжок – Берново.

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина

Адрес: Псковская область, Пушкинские Горы

Проезд: автобусом из Пскова или от ст. Сущево Октябрьской железной дороги до Пушкинских Гор.

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино

Адрес: Горьковская область, село Большое Болдино.

Проезд: от Горького до Б. Болдина автобусом и самолетом.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Здесь жил Пушкин (Пушкинские места Советского Союза). – Л.: Лениздат, 1963.

Верховская Н. П. **Пушкинские места в Подмосковье**. – 2-е изд., доп. – М.: Моск. рабочий, 1962.

Волович Н. М. **Пушкинские места Москвы и Подмосковья**. – М.: Моск. рабочий, 1979.

Романюк С. **Пушкинская Москва**. – Наука и жизнь, 1979, № 7.

Бунатян Г. Г. **Город муз. Лит. памятные места г. Пушкина**. – Л.: Лениздат, 1975.

Домик станционного смотрителя, музей дорожного быта начала XIX века. Д. Выра (Ленингр. обл.). Альбом-путеводитель. – Л.: Лениздат, 1974.

Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И. **Пушкинские места Ленинграда**. – Л.: Лениздат, 1974.

Зажурило В. К., Чарная М. Г. **По пушкинским местам Ленинграда: Очерк-путеводитель.** - Л.: Лениздат, 1982.

Музеи и парки Пушкина: Путеводитель. - 6-е изд., испр. и доп. - Л.: Лениздат, 1980.

Памятные места Ленинградской области. - Л.: Лениздат, 1973.

Попова Н. И. **Музей-квартира Пушкина: Путеводитель.** - Л.: Лениздат, 1979.

Руденская М. П., Руденская С. Д. **Пушкинский лицей: Очерк-путеводитель.** - Л.: Лениздат, 1980.

Бозырев В. С. **Музей-заповедник А. С. Пушкина.** - Л.: Лениздат, 1979.

Гейченко С. С. **Пушкиногорье/Рис. пером А. С. Пушкина.** - М.: Мол. гвардия, 1981.

Гейченко С. С. **У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника/Вступит. статья М. Дудина. Рис. В. М. Звонцова.** - 4-е изд., доп. - Л.: Лениздат, 1981.

Савыгин А. М. **Пушкинские Горы.** - Л.: Лениздат, 1978.

Керцелли Л. **Тверской край в рисунках/Предисл. Ю. Нагибина.** - М.: Моск. рабочий, 1976.

Музей Верхневолжья: Путеводитель/Сост. М. Я. Майстровский. - М.: Моск. рабочий, 1981.

Музей Александра Сергеевича Пушкина в селе Бернове. Друзья и знакомые Пушкина. Каталог портретов. - Калинин: Кн. изд-во, 1973.

Пьянов А. **Берег, милый для меня. Пушкинские места Верхневолжья.** - М.: Моск. рабочий, 1974.

Пьянов А. **Мои осенние досуги: (Пушкин в Тверском крае).** - М.: Моск. рабочий, 1979.

Пьянов А. С., Ильин М. А. **Пушкинские места Верхневолжья.** - М.: Моск. рабочий, 1971.

Болдинские чтения. - Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979.

Гукасова А. Г. **Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина/Под ред. Г. Н. Поспелова.** - М.: Просвещение, 1973.

Левина Ю. И. **Пушкинское Болдино: Экскурс. очерк.** - 3-е изд., доп. - Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979.

Макагоненко Г. П. **Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы.** Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1974.

Овчинников Р. В. **Над «пугачевскими» страницами Пушкина.** - М.: Наука, 1981.

Рифей: Уральский литературно-краеведческий сб. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. Вып. 4. 1981.

Славенский Ю. Л. **Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал.** - Казань: Кн. изд-во, 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Апраксино 278
 Архангельское 77-78
 Белогорская крепость 307
 Бердская слобода (Берда) 304-305
 Берново 218, 238-241, 246-247
 Большие Вязёмы 74-76
 Большое Болдино 254-272
 Верхняя Старица, р. 248
 Волга 220, 248
 Воронич 201-202
 Выра 153
 Городище Воронич 201-202
 Горький (бывш. Нижний Новгород) 284-290
 Горьковская область 252-279
 Грузины 218, 235-237
 Жаленка, р. 217, 234, 237
 Захарово 74-75
 Казань 290-297
 Калинин (бывш. Тверь) 217, 220-224
 Калининская обл. (бывш. Тверская губ.) 214-251
 Кистенево 277
 Кунавинская слобода 286-287
 Курово-Покровское 246-247
 Ленинград (бывш. Петербург) 80-146
 Ленинградская область 146-153
 Лучинник (заповедная роща) 272-276
 Львовка 276
 Малинники 241-242, 246-247
 Малое Болдино 276-277
 Митино 231-234
 Михайловское 156-192, 212-213
 Москва 10-73
 Московская область 74-79
 Нижнеозерная крепость 307
 Нижний Новгород (см. Горький) 284-290
 Оренбург 301-306
 Остафьево 76-77
 Павловское 216-218, 242-247
 Петербург (см. Ленинград) 80-146
 Петровское 203-205
 Приютино (ст. Бернгардовка) 153
 Прутня 231-233
 Псковская область 154-213
 Пушкин (бывш. Царское Село, Детское Село) 147-153
 Пушкинские Горы (бывш. Святые Горы) 205-212
 Рассыпная крепость 307
 Савкина горка 192
 Савкино 192
 Сакмарка, р. 304
 Симбирск (см. Ульяновск) 297-301
 Старица 217, 248-251
 Татищева крепость 307
 Татищево 307
 Тверская губ. (см. Калининская обл.) 214-251
 Тверца, р. 217, 220, 225
 Тверь (см. Калинин) 217, 220-224
 Торжок 217, 224-230
 Тригорское 193-201
 Тьма, р. 217, 240, 242
 Ульяновск (бывш. Симбирск) 297-301
 Урал, р. 302, 306, 307
 Уральск (бывш. Яицкий городок) 306-311
 Черная Грязь 79
 Черновское 278-279
 Чернореченская крепость 307
 Языково 300-301
 Ярополец 78-79

¹ Упомянутые в книге города, поселки, деревни и другие места, где жил и бывал А. С. Пушкин.

RETRACING PUSHKIN'S FOOTSTEPS IN RUSSIA

This richly-illustrated book – “Pushkinskiye Mesta Rossii” (“Retracing Pushkin’s Footsteps in Russia”) – is a guide to places associated with the memory of Alexander Pushkin (1799–1837), Russia’s greatest poet, the father of modern Russian literature and of the Russian literary language.

The authors – staff members of Pushkin memorial museums and literary scholars – retrace the poet’s footsteps. Taking you to towns, villages and estates where he lived, places where he travelled and which he visited, where he wrote his unforgettable poetry and prose, they give you an idea of his life and times. They introduce you to literary, artistic and historical personalities of Russia of the late 18th and early 19th centuries.

Lines of Pushkin’s immortal verse and extracts from letters he wrote to his wife Natalia and to friends are quoted.

Reproduced in the volume are photographs from Pushkin museums, including some pictures that are little known, and colour photographs which show what some of the places associated with Pushkin are like today.

The guide contains the following chapters: “Moscow and the Moscow Country”; “St Petersburg (now Leningrad) and Its Suburbs”; “The Pskov Country” (the Pushkin Preserve in Mikhailovskoye); “The Upper Reaches of the Volga” (memorable places in the former Tver Gubernia); “Boldino” (the Pushkin Preserve in the village of Bolshoye Boldino); “Following in Pugachov’s Footsteps in the Volga Area and the Urals” (Pushkin’s trip to the Novgorod and Simbirsk Gubernias, Kazan and the Orenburg area); “Information for Tourists” (an account of tourist itineraries to places in Russia associated with Pushkin, including Pushkin memorial museums). A list of publications recommended for further reading on the subject is appended.

Written in a popular style, this book will attract a wide circle of readers, among them people abroad who take an interest in Russian literature.

Пушкинские места России: Путеводитель. – М.:
П 91 Профиздат, 1984. – 320 с.

3 р. 20 к.

Путеводитель знакомит с дорогами для каждого советского человека памятными местами жизни и творчества А. С. Пушкина в России, с туристскими и экскурсионными маршрутами по городам, районам и областям, где жил, бывал, создавал свои произведения великий русский поэт. В книге рассказывается о московском и петербургском периодах жизни А. С. Пушкина, о его пребывании в Псковском крае, Верхневолжье, на Болдинской земле, о поездке по пугачевским местам Поволжья и Урала.

Путеводитель иллюстрирован фотографиями, схемами маршрутов, рисунками А. С. Пушкина.

Для любителей туристских путешествий и массового читателя.

П $\frac{1905040100-421}{081(02)-84}$ 76-83

ББК 83.3Р1+83.3(2)лб
8Р1+8(069)

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Путеводитель

Зав. редакцией М. И. Корнилова. Редактор И. Н. Шеломова. Обложка художника В. И. Пантелеева. Макет художника В. К. Заваловской. Фото В. С. Бозырева, Ю. А. Кавера, Ю. А. Карминского, Л. Б. Круцко, Н. М. Маторина, В. И. Мишина, А. Л. Топуза и др. Подбор фотоиллюстраций Т. С. Кириной, С. Г. Михайлова. В книге использованы фотоматериалы Всесоюзного музея А. С. Пушкина и Государственного музея А. С. Пушкина. Худож. редактор С. Г. Михайлов. Техн. редактор В. Д. Шульдешова. Корректор З. А. Бетева. ИБ № 1344. Сдано в набор 25. 2. 83. Подп. в печать 7. 12. 83. А 14489. Формат 70 x 108¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Усл. кр.-отт. 84,52. Тираж 100 000 экз. Заказ 005368. Цена 3 р. 20 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство ВЦСПС Профиздат. 101000, Москва, ул. Кирова, 13. Общее изготовление: Интердрук полиграфическое главное предприятие г. Лейпциг ГДР. III/18/97.